

РОБЕРТ ГОВАРД

ХОЗЯИН СУДЬБЫ

ТОМ 8

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

РОБЕРТ ГОВАРД
ХОЗЯИН СУДЬБЫ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 8

РОБЕРТ
ГОВАРД

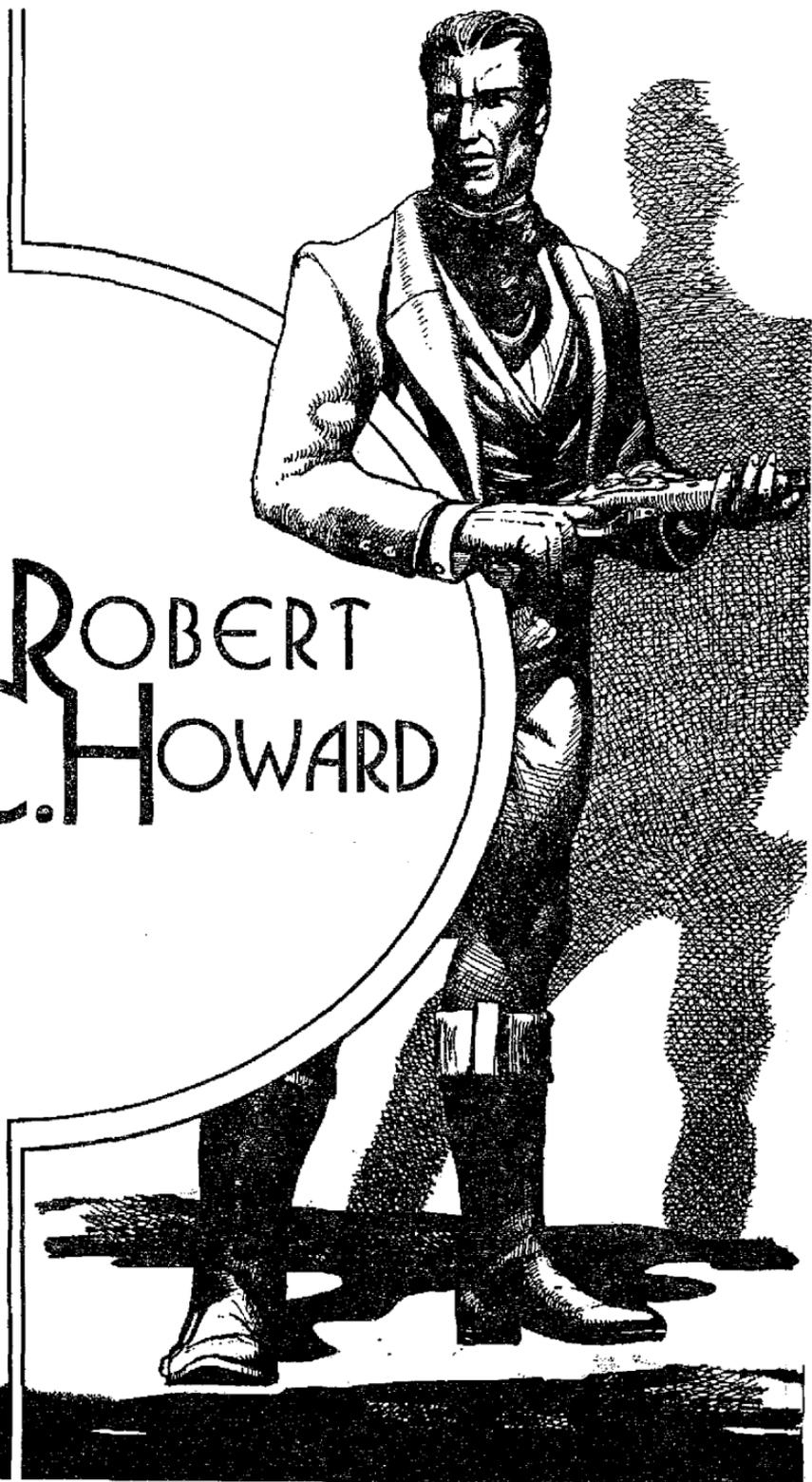

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В 8 ТОМАХ

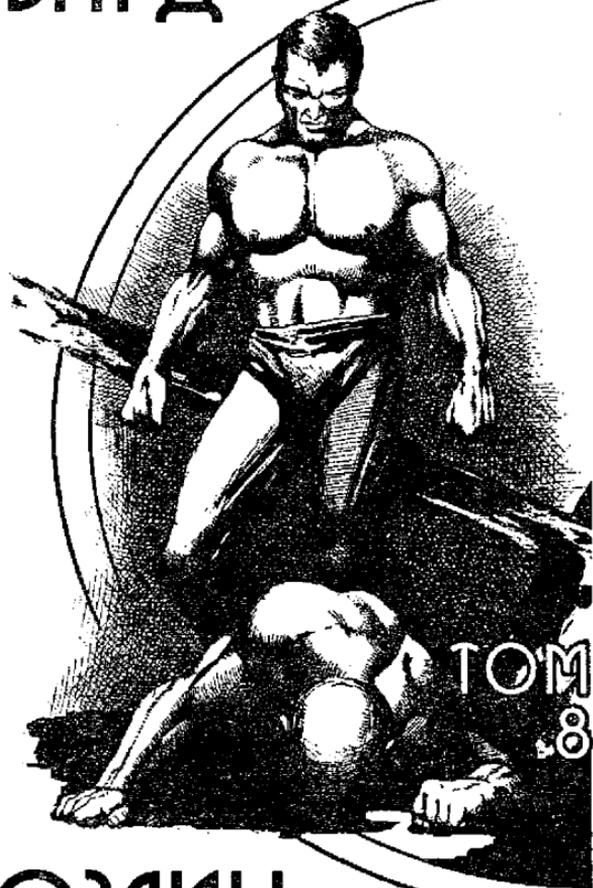

«ТЕРРА — КНИЖНЫЙ КЛУБ» МОСКВА
«СЕВЕРО-ЗАПАД» САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ROBERT
E. HOWARD

РОБЕРТ
ГОВАРД

ХОЗЯИН
СУДЬБЫ

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
Г57

Оформление художника
В. ДОМОГАЦКОЙ

Руководители проекта
И. ПЕТРУШКИН, А. ТИШИНИН

Составитель А. ЛИДИН

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Говард Р. И.

Г55 Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8: Хозяин судьбы: Рассказы / Пер. с англ. Сост. А. Лидина. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2004. — 432 с.

ISBN 5-275-01003-6 (т. 8)

ISBN 5-275-00830-9

Роберт Говард (1906—1936) — один из самых талантливых писателей-фантастов Соединенных Штатов Америки, чье творчество было очень ярким, а жизнь — очень короткой.

Рассказы, вошедшие в восьмой том, повествуют об отважных людях, которые могут противостоять надвигающемуся кошмару — победить китайского колдуна, властителя снов, остановить чернокожих магов, в дебрях Миссисипи поклоняющихся чудовищному зверю, открыть тайну ушедшего под землю племени...

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-275-01003-6 (т. 8)
ISBN 5-275-00830-9

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2004
© Издательство «Северо-Запад»,
перевод, 2004

ХОЗЯИН
СУДЬБЫ

ХОЗЯИН СУДЬБЫ

ГЛАВА 1

ЛИЦО В ТУМАНЕ

*Мы только призраки неясные в тени:
мелькнут — и миг исчезнут вновь они.*

Омар Хайям

Впервые ужас принял совершенно кошмарные очертания посреди самого расплывчатого из состояний — грез, внушенных гашишем.

Я отправился в путешествие вне времени и пространства, посещая неведомые страны, принадлежащие этому состоянию бытия, за миллионы миль от нашей земли и от привычной обстановки; и все же смутно осознал, как что-то безжалостно разрывает нависшую надо мной вуаль иллюзий и тянется за мной сквозь неизведанные пустоты, вторгаясь в мои видения.

Полностью я еще не очнулся от грез, но уже понял, что вижу и ощущаю нечто неприятное, находящееся вроде бы в границах сна, которым я наслаждался.

Тому, кто ни разу не испытал даримых гашишем радостей, мои объяснения могут показаться бессвязными и неправдоподобными. Но все-таки я ясно ощущал, как меня вырывают из тумана и в поле моего зрения вторглось это лицо.

Сначала мне привиделся только череп, потом я разглядел черты лица — не белого, а ужасающе желтого, и какая-то жуткая форма жизни угадывалась в нем. Глубоко в глазницах поблескивали глаза, а челюсти двигались, как будто существо говорило. Туловище было расплывчатым, словно не в фокусе, я различал только высокие узкие плечи, а еще руки, плывущие в тумане перед черепом, — они выглядели до ужаса живыми, у меня даже мурашки пошли по спине. Руки, точно у мумии, — длинные, тонкие и желтые, с узловатыми суставами и страшными кривыми когтями.

Затем, довершая смутный ужас, который быстро овладевал мною, раздался голос: представьте себе человека, который так долго был покойником, что весь его голосовой аппарат застоялся и утратил дар членораздельной людской речи.

Меня поразила именно эта мысль, и волосы у меня на затылке встали дыбом, когда я услышал:

— Силен, скотина, но может пригодиться. Проследи, чтобы он получал вволю гашиша.

Затем лицо начало таять в воздухе, но я уже понял — это говорят обо мне, и тут снова поднялся туман, чтобы сомкнуться вокруг меня. И все же в течение одного-единственного мгновения происшедшее стояло перед глазами с удивительной четкостью.

Я задержал дыхание — во всяком случае, попытался это сделать. Потому что за высокими плечами призрака ненадолго явилось другое лицо — так ясно, будто обладательница его внимательно посмотрела на меня. Полураскрытые алые губы, длинные темные ресницы, затеняющие живые глаза, сверкающее облако волос. Из-за плеча Кошмара смотрела на меня захватывающая дух Красота.

Лицо-Череп явилось мне в тот обычно ни с чем не пересекающийся отрезок времени, который лежит между погружением в наркотические грезы и обыденной реальностью. Я сидел, скрестив ноги, на циновке в Храме Грез Юн Шату и пытался собрать жалкие остатки разрушающегося разума, чтобы припомнить события и лица.

Это последнее видение настолько разительно не походило на любое из тех, какие у меня бывали прежде, что мой охладевающий интерес вновь проснулся и заинтересовался его происхождением. Когда я впервые баловался гашишем, я пытался найти физиологическую или физическую основу для дикого разгула иллюзий, свойственных подобным случаям, но в последнее время довольствовался тем, что просто наслаждался, не ища ни причины, ни следствия.

Откуда же безотчетное ощущение, будто в том видении промелькнуло что-то знакомое? Я обхватил руками пульсирующую голову и упорно искал разгадку. Оживший мертвец и девушка редкой красоты, которая смотрела из-за его плеча... И тут я все вспомнил.

Далеко-далеко позади, за туманами дней и ночей, которые окутывают поврежденную наркотиками память... Как-то раз у меня кончились деньги. Несмотря на это, я, как обычно, явился в отвратительное заведение Юн Шату, и меня вышвырнул оттуда громадный негр Хассим, как только выяснилось, что в кармане у меня пусто.

Вселенная вокруг меня с грохотом разваливалась на куски, нервы гудели, точно туго натянутые струны рояля,— так необходимо было мне удовлетворить свою потребность. Я присел в канаве и что-то невнятно лепетал, пока Хассим не вышел вразвалочку на улицу и не заставил меня умолкнуть сокрушительным ударом.

Через некоторое время, почти оглушенный, я поднялся и стоял пошатываясь, не замечая ничего, думая только о прохладной воде, которая журчала так близко от меня, — и тут легкая, точно прикосновение розы, рука дотронулась до моего плеча. В испуге я вздрогнул, обернулся — и застыл очарованный прекрасным видением. Темные ясные глаза с жалостью взглянули на меня, и маленькая рука за изодранный рукав повлекла меня к дверям Храма Грез. Я отшатнулся было, но низкий, мягкий и мелодичный голос убеждал идти, и, вопреки всякой логике полный доверия, я пошел за своей милой проводницей.

У дверей нас встретил Хассим, его жестокие кулаки поднялись, а на низком, точно у обезьяны, лбу прорезалась глубокая морщина. Но, когда я съезился в ожидании удара, негра остановила воздетая рука девушки и властная интонация ее голоса.

Я не разобрал ее слов, но смутно, будто в тумане, увидел, что Хассим получил от нее деньги. Она провела меня к кушетке, помогла лечь поудобнее и расправила подушки, словно я был египетским фараоном, а не оборванным и грязным выродком, живущим только ради дурмана. На мгновение я почувствовал на лбу прохладу ее тонкой руки, а потом девушка удалилась, и тут же пришел Юсеф Али и принес порошок, о котором отчаянным криком молила моя душа, — и вскоре я опять бродил по неизведанным и экзотическим странам, доступным только пленникам гашиша.

Ныне, сидя на циновке и вспоминая мертвую голову, я удивляюсь еще больше. С тех пор как юная незнакомка привела меня в притон, я приходил туда, когда хотел, даже не имея денег. Безусловно, кто-то расплачивался с Юн Шату за меня, и хотя подсознание говорило мне, что деньги дает та самая девушка, помраченный разум не мог полностью осознать этот факт и отказывался размышлять о причине. Что проку в размышлениях? Раз кто-то платит и мои грезы, так похожие на явь, продолжают, какая мне забота? Но

на этот раз я крепко задумался. Потому что девушка, которая тогда защитила меня от Хассима и помогла получить гашиш, была та самая красавица, которую я видел в грезе о мертвой голове.

Пускай я погряз в пороке и деградировал, ее обаяние поразило меня, точно нож пронзил самое мое сердце, и странным образом ожила память о тех днях, когда я был таким же человеком, как другие, а не угрюмым и покорным рабом дурмана. Ах, как они были далеки и туманны, мерцающие островки в дымке лет, и какое Огромное темное море пролегло между прошлым и настоящим!

Я посмотрел на свой изорванный рукав, на грязную, с неопрятными, точно кривые когти, ногтями руку, торчащую из обшлага, взглянул на густой дым, повисший в мерзком помещении, на низкие скамьи вдоль стен, где валялось отребье вроде меня — любители грез с пустыми глазами, потребители гашиша и опиума. Посмотрел на вертявого китайца, неслышно скользящего взад и вперед в комнатных туфлях, — он разносил трубки или горящие шарики очищенного опия, мерцающие, как светлячки. Посмотрел на Хассима, стоящего, сложив руки на груди, возле двери, словно огромная статуя из черного базальта.

И я содрогнулся и спрятал лицо в ладонях, потому что теперь, когда мое мужество возвращалось по капле, я понял, что это последнее и самое жестокое сновидение бесполезно: я уже пересек океан и никогда больше не вернусь по его водам, я навсегда отрезал себя от мира нормальных мужчин и женщин. Ничего более не оставалось, как погрузиться в это сновидение, как я уже проделывал много раз — быстро, в надежде вскоре достигнуть Последнего Океана, который лежит за пределами всех грез.

Таковы бывают эти миги прояснения, острой тоски, которые временами прорываются сквозь туман в сознании всех жертв наркотиков — необъяснимые и недостижимые...

Итак, я вернулся к своим бессмысленным грезам, к фантасмагории иллюзий; но время от времени, точно острое меча, вспарывающее туманную завесу, сквозь высокие горы, низкие долины и глубокие моря проникал блеск темных глаз и гладких волос, точно полубогатая музыка.

Вы спросите, каким образом я, Стивен Костиген, американец с разносторонними знаниями и не чуждый культуре, дошел до того, что валяюсь в грязном притоне лондонского Лаймхауза? Ответ прост: нет, никогда я не предавался изнуряющим оргиям и не искал новых ощущений на таинственном Востоке. Ответ заключается в одном коротком слове: Аргонн! Боже, что за бездны и высочайшие пики ужаса скрываются в этом словечке! Контужен разрывом снаряда, ранен осколками.

Бесчисленные дни и ночи, не имеющие конца, режущая адская красная пропасть над ничейной землей, где я лежал, простреленный и пронзенный штыком, и моя искромсанная плоть сочилась кровью. Тело мое исцелилось — не знаю уж, каким чудом, но мозг так и не пришел в порядок.

И скачущие языки пламени вместе с тенями, колышущимися в измученном сознании, заставляли меня опускаться все ниже и ниже по ступеням деградации, и я превращался в жалкое ничтожество, пока не оказался наконец в Храме Грез Юн Шату, где утопил свои алые видения в других снах... которые позволяют опускаться в самые глубокие ямы ада или подыматься на безымянные вершины, где звезды превращаются в блистающие алмазы.

Нет, мои видения не были животным бредом пьяницы. Я достигал недостижимого, стоял лицом к лицу с неизведанным и познавал неразгаданное в космическом покое. И был до известной степени доволен, пока отполированные до блеска волосы и алые губы не отшвырнули прочь мою вселенную грез и не заставили меня содрогаться над ее развалинами.

ХОЗЯИН СУДЬБЫ

*Тот, Кто тебя швырнул на это Поле,
Он знает все об этом! Знает! Знает!*

Омар Хайям

Чья-то рука грубо трягнула меня, когда я в истоме расставался со своими последними видениями.

— Тебя Хозяин требует! Поднимайся, свинья!

— Пошел он ко всем чертям, твой хозяин! — Хассима я ненавижу и боюсь

— Вставай, не то больше не получишь гашиша. — Эта угроза заставила меня содрогнуться и вскочить на ноги.

Я следовал за громадным негром по комнатам в задней части здания, где на полу валялись жалкие одурманенные люди; он едва не наступал на них.

— Свистать всех наверх! — рявкнул какой-то матрос на койке. — Всех наверх!

Хассим распахнул очередную дверь и жестом велел войти. Никогда прежде я не проходил через эту дверь, однако всегда полагал, что она ведет в личные покои самого Юн Шату. Но мебелировка этой комнаты состояла только из простой кровати, бронзового идола, перед которым курились благовония, и массивного стола.

Хассим бросил на меня злобный взгляд и ухватился за стол, как будто собирался сдвинуть его с места. Стол легко повернулся, и вместе с ним повернулась секция пола, и открылся потайной люк. Вниз, в темноту, вели ступени.

Хассим зажег свечу и властным жестом приказал мне спускаться. С равнодушной покорностью наркомана я так и поступил, а он двинулся следом, плотно закрыв за нами люк при помощи железного рычага. Мы спускались в полутьме по шатким ступеням, я насчитал их девять, а может десять. Затем мы очутились в узком коридоре.

Здесь Хассим снова пошел впереди, держа свечу в поднятой руке. Я с трудом различал стены этого пещерообразного тоннеля, но понял, что он неширок. Мерцающий свет показывал, что в коридоре нет никакой мебели, кроме ряда странных на вид сундуков, стоявших у стены. Я предположил, что в них хранят опиум и другие наркотики.

Непрерывно слышались какие-то шорохи и постукивание, как будто кругом двигались живые существа, а в тених то и дело посверкивали красные глазки, — в этом притоне кишмя кишели огромные крысы, которые, как известно, наводняют весь портовый район Лондона.

Внезапно мы приблизились к концу коридора, и перед нами из темноты снова возникли ступеньки. Хассим повел меня наверх, а там четыре раза стукнул в деревянный потолок. Открылась потайная дверь, на нас устремился поток неяркого света.

Хассим вытолкнул меня наверх, и вот я стою, помаргивая от изумления. Подобной обстановки я не видал даже в самых неистовых полетах фантазии. Я оказался в джунглях, кругом росли пальмы, в их ветвях извивались мириады совершенно живых на вид драконов. Когда мои глаза привыкли к свету, я понял, что не перенесся на другую планету, как мне показалось сперва. Искусственные деревья стояли в больших кадках, а драконы были изображены на тяжелых коврах, покрывающих стены.

Сама комната показалась невероятно громадной. Густой дым, желтоватый и, похожий на туман тропического леса, висел кругом и не давал разглядеть потолок. Присмотревшись, я понял, что дым идет от алтаря, расположенного слева от меня, у стены. Я невольно вздрогнул. Сквозь колыхания шафранового тумана на меня в упор смотрели два огромных сверкающих неживых глаза. С трудом угадывались туманные очертания чудовищного идола. Я в тревоге огляделся, заметил восточные диваны, кушетки и непонятную утварь, а затем мой взгляд перестал блуждать и остановился на деревянной ширме, находившейся прямо передо мной.

Я не мог проникнуть взором сквозь нее, но ощущал, как сквозь лакированное дерево мое сознание опаляют глаза, которые, казалось, вонзились мне в самую душу. От этой странной ширмы, украшенной непонятной резьбой и омерзительными рисунками, исходила загадочная злая аура.

Хассим склонился перед ширмой в глубоком поклоне, затем, не произнося ни слова, отступил и скрестил руки на груди, застыл подобно статуе.

Внезапно гнетущее молчание нарушил голос:

— Ты, превратившийся в свинью! Хотел бы снова стать человеком?

Я содрогнулся. Голос звучал не по-человечески холодно, более того, он как будто исходил от речевых органов, долгое время бездействовавших. Этот самый голос я слышал в своих видениях!

— Да, — ответил я, точно в трансе, — я хотел бы снова стать человеком.

Тут кругом воцарилось молчание, затем опять зазвучал нечеловеческий голос. Я услышал зловещий шепот, словно летучие мыши вылетали из пещеры.

— Я сделаю тебя человеком, потому что я друг всем сломленным и опустившимся. Я совершу это не за плату и не за благодарность. И я отмечу тебя особым знаком, дабы скрепить им, как печатью, мое обещание. Просунь руку через ширму,

Внимая этим странным и малопонятным словам, я стоял в недоумении. Когда же голос невидимого повелителя повторил требование, я шагнул вперед и просунул руку в щель, которая вдруг беззвучно образовалась в ширме. И почувствовал, как мое запястье словно железные клещи сдавили, и что-то холодное, в несколько раз холоднее льда, дотронулось до ладони. Тут же мою руку освободили, и я, выдернув ее из ширмы, увидел голубоватый рисунок возле основания большого пальца — нечто вроде скорпиона.

Снова зазвучал голос. Я не понимал этого языка, только слышал, что он изобилует шипящими. Хассим по-

чтительно шагнул вперед. Он потянулся к ширме, потом повернулся ко мне, держа в руках бокал, наполненный жидкостью янтарного цвета. С ироническим поклоном Хассим подал бокал мне. Я смотрел на сосуд, колеблясь.

— Пей, не бойся, — приказал невидимка. — Это всего лишь египетское вино, оно обладает свойством поддерживать жизнь.

Я поднял и осушил бокал. Вкус оказался довольно приятным; более того, когда я вернул сосуд Хассиму, мне показалось, что жизненная энергия и бодрость так и струятся по изнуренным венам.

— Оставайся в доме Юи Шату, — продолжал невидимка. — Здесь у тебя будут пища и кров, пока ты не наберешься сил, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Гашиш ты отныне получать не будешь, да он и не понадобится. Ступай!

Как во сне, я проделал за Хассимом обратный путь: через потайную дверь, вниз по ступенькам, по темному коридору и наверх, через другую дверь, назад в Храм Грез.

Когда мы вошли в зал, где лежали грезящие, я удивленно повернулся к негру.

— Хозяин? Хозяин чего? Жизни? — Хассим зло и язвительно расхохотался.

— Хозяин Судьбы!

ГЛАВА 3

ПАУК И МУХА

*Не отыскал ключа и к тем
дверям,
Вуаль туманно трепыхалась там.*

Омар Хайям

Я сидел на подушках Юи Шату и размышлял с непривычной ясностью рассудка. Вообще все мои ощущения обновились и казались странными. Как будто

я проснулся после чудовищно долгого сна, и, хотя мысли путались, чудилось, что с меня смели львиную долю налипшей паутины.

Я дотронулся до лба рукой и заметил, что она дрожит. Меня одолевала слабость, и каждое движение давалось с трудом, напоминал о себе голод. Нет, не наркотик мне был нужен, а самая обычная пища. Что же это я подавил в себе, пока находился в том таинственном помещении? И почему из самых убогих посетителей заведения Юн Шату «Хозяин» избрал именно меня и захотел вернуть к полноценной жизни?

И кто он такой, этот Хозяин? Было в этом слове что-то знакомое. Я тщетно напрягал память. Да, конечно, раньше, когда я в полудреме лежал на полу, это слово мрачно шептали то Юн Шату, то Хассим, то мавр Юсеф Али, и всегда вместе с этим словом звучали другие, которых я не понимал. Значит ли это, что Юн Шату вовсе не владелец Храма Грез? Я, как и другие наркоманы, считал, что старый китаец с увядшей физиономией безраздельно владеет этим грязным королевством, а Хассим и Юсеф Али — его слуги. А четверо юных китайцев, которые жгут опиум наряду с Юн Шату, и афганец Яр-хан, и гаитянин Сантьяго, и сикх-вероотступник Ганра Сингх — все они, как мы полагали, на жаловании у Юн Шату, служат ему за золото или под страхом расправы.

Потому что Юн Шату обладал большой властью в Китайском квартале Лондона, и я слышал, что его щупальца тянутся за далекие моря, в высшие сферы могущества и таинственных языков. Так не сидел ли за той лакированной ширмой Юн Шату? Нет: голос китаец я знал, кроме того, видел, как он слонялся перед входом в Храм как раз в ту минуту, когда я проходил через заднюю дверь.

Мне пришло в голову другое. Частенько, лежа в полуоцепенении поздно ночью или в часы серого рассвета, я замечал, как в Храм украдкой проскальзывают мужчины и женщины, которые, судя по их одежде

и манере держаться, не особенно вязались с этим значным местом. Высокие, атлетически сложенные мужчины в вечерних костюмах и надвинутых на самые брови шляпах, красивые дамы в шелках и мехах, прикрывающие лица вуалями, — никогда они не входили парами, всегда поодиночке, и, стараясь спрятать лицо, спешили к двери задней комнаты, а через некоторое время показывались снова, иной раз пробыв в Храме целые часы. Я знал, что иногда и высокопоставленные персоны не прочь побаловаться наркотиками, а потому несколько не удивлялся. Я принимал этих посетителей за людей из высшего общества, ставших жертвами пагубных желаний; наверно, в глубине здания для таких лиц предназначалась особая комната. Но, подумав, я удивился: ведь иногда такие гости проводили в Храме считанные минуты, неужели они действительно приходили ради опиума? Может, они тоже пробирались тем странным коридором, а потом беседовали с Сидящим-за-Ширмой?

Затем мне пришло в голову: а может, эти богачи посещают крупного специалиста, чтобы с его помощью излечиться от порока? Но ведь странно было бы, если бы такой специалист расположился в настоящем гнезде наркомании.

Не менее странно, что владелец этого заведения, по всей видимости, относился к нему весьма почтительно.

От этих мыслей у меня разболелась голова, я оставил их и крикнул, чтобы мне дали поесть. С удивительной быстротой явился Юсеф Али с целым подносом еды. Более того, уходя, он поклонился мне и оставил раздумывать о странной перемене моего положения в Храме Грез.

Я ел и размышлял, чего же хочет от меня Сидящий-за-Ширмой. Ни на мгновение я не допускал, что он был откровенен насчет своих мотивов; жизнь среди низов общества убедила меня, что никто из здешних обитателей не склонен к филантропии. А та таинственная ком-

ната все-таки принадлежит миру низменному, при всей ее необычности. И где же она расположена? Далеко ли я прошел по тому коридору? Я пожал плечами: а может, это все были только сны под воздействием гашиша? Я поднес к глазам ладонь. Скорпион все еще был на ней.

— Свистать всех наверх! — рявкнул матрос на койке. — Всех наверх!

Я воздержусь от подробного рассказа о том, как прошли следующие несколько дней, чтобы не докучать тем счастливицам, кто не побывал в страшном рабстве у наркотика. Я ждал, когда же страстное желание снова одолеет меня, ждал с безнадежной уверенностью. Весь день, всю ночь, еще один день — и тогда наконец расщипившийся разум осознал настоящее чудо. Вопреки научным теориям и фактам, вопреки здравому смыслу, жажда наркотика оставила меня внезапно и полностью, точно дурной сон! Сначала я просто не верил собственным ощущениям, рассудил, что все еще нахожусь в состоянии наркотического бреда. Но это была правда. С того момента, как я осушил бокал в таинственной комнате, я не испытывал ни малейшего желания получить вещество, которое сделалось для меня источником жизни.

Я догадался: тут кроется что-то сатанинское, определенно противоречащее всем законам природы. Если то жуткое создание, Сидящий-за-Ширмой, открыл средство против ужасной власти гашиша, какие еще чудовищные тайны ему известны и каково его невообразимое могущество? В мое сознание змеей вползало предположение, что тут кроется некое зло.

Я по-прежнему ночевал в доме Юн Шату на койке или на разложенных на полу подушках, ел и пил вволю и помаленьку становился нормальным человеком; окружающая обстановка уже вызывала отвращение, а бедняги, корчащиеся во сне, неприятным образом напоминали, кем недавно был я сам.

И вот однажды, когда никто за мной не наблюдал, я встал, вышел на улицу и прогулялся по набережной

порта. В легкие проникал морской воздух, я ощущал его непривычную свежесть, хотя он и был наполнен дымом и нечистотами. Во мне поднималась волна энергии, и я вновь почувствовал былые силы. Меня опять интересовал портовый гул, а когда я увидел судно, разгружаемое возле пристани, эта картина прямо-таки потрясла меня. Вскоре я оказался среди сильных и грубых грузчиков, пытался поднимать и нести какие-то тяжести. Хотя пот так и струился по лицу, а руки и ноги дрожали, я бурно радовался тому, что наконец-то снова в состоянии работать и зарабатывать, как ни черна и презираема эта работа.

В тот вечер я вернулся к дверям заведения Юн Шату невероятно усталый, но крайне довольный собой — сильный мужчина, потрудившийся на совесть. На пороге меня встретил Хассим.

— Ты где шляешься? — спросил он неприветливо.

— В доках, — бросил я.

— Нечего тебе в доках вкалывать, — проворчал негр. — У Хозяина есть для тебя работа.

И опять я спустился по неосвещенным ступенькам в подземный коридор. На этот раз я был в трезвом уме и определил, что весь этот путь не длиннее тридцати — сорока футов. Снова я очутился перед лакированной ширмой и снова услышал нечеловеческий голос ожившего мертвеца.

— Я могу дать тебе работу, — произнес он. Я тотчас согласился. Пускай этот голос наводил на меня жуть, я был многим обязан его обладателю.

— Ладно. Возьми.

Я вздрогнул, но тут прозвучал резкий приказ, а Хассим выступил вперед, протянул руку за ширму и взял то, что предлагали мне. Пачку фотографий и бумаг.

— Изучи как следует, — приказал Сидящий-за-Ширмой, — и узнай, что только сможешь, о человеке на фотографиях. Юн Шату даст тебе денег, купи одежду моряка. Можешь занять любую комнату в передней

части Храма. Через два дня Хассим опять приведет тебя ко мне. Ступай!

Последнее, что я увидел перед тем, как потайная дверь хлопнула надо мной, это глаза идола, мигающие в вечном дыму. В них светилась насмешка.

Комнаты передней части Храма Грез сдавались внаем — для маскировки истинного предназначения этого здания, якобы портовой гостиницы-пансиона. Не однажды в заведение Юн Шату наведывалась полиция, но так и не нашла никаких веских улик против него.

Итак, я поселился в одной из комнат и приступил к изучению выданных мне материалов.

На всех снимках был изображен один и тот же дородный человек, телосложением и чертами лица похожий на меня. Но он носил густую бороду и был блондином, тогда как я темноволос. В бумагах я нашел его имя — майор Фэрлан Морли, уполномоченный по особо важным делам в Натале и Трансваале. Мне ничего не сказали ни должность, ни имя, и я задумался, какая может быть связь между уполномоченным по африканским странам и пригоном наркоманов в порту на берегу Темзы.

Документы содержали обширные сведения, очевидно, взятые из достоверных источников. Все они имели отношение к деятельности майора Морли, а в других бумагах подробно освещалась личная жизнь этого джентльмена.

Многое из исчерпывающего описания внешности и привычек этого человека показалось мне весьма малозначительным. Я никак не мог понять, в чем же цель Сидящего-за-Ширмой и каким образом он завладел документами столь интимного свойства.

Нет, я не мог найти ответа на этот вопрос, но вознамерился отдать все силы выполнению задания. Я понимал, что в большом долгу и должен быть благодарен человеку, который требовал этого от меня. Конечно, я расплачусь с ним, если смогу.

В это время еще ничто не предвещало мне западни.

ЧЕЛОВЕК НА КУШЕТКЕ

*И прислал тебя сюда на рассвете
Со Смертью шутить?*

Киплинг

Через два дня, когда я сидел в комнате для курения опиума, меня поманил Хассим. Я приблизился к нему упругой походкой, уверенный, что вполне разобрался в бумагах Морли. Я стал другим человеком, быстрота мышления и готовность к действию удивляли меня самого, а ипой раз казались неестественными. Хассим бросил на меня тяжелый взгляд исподлобья и, как всегда, дал знак следовать за ним. Мы вошли в комнату, он затворил дверь и потянулся к столу, но тот сдвинулся сам по себе, и чей-то силуэт загородил весь люк. Оттуда выбрался Ганра Сингх и направился к двери, ведущей в комнату для курения опиума. На пороге он остановился и подождал, пока мы спустимся, и опустил крышку люка.

И снова я очутился среди колеблющегося дыма, и снова внимал нечеловеческому голосу.

— Считаешь ли ты, что знаешь о майоре Морли достаточно и сможешь ли успешно сыграть его роль?

Вздвогнув от неожиданности, я ответил:

— Конечно, если не встречу кого-нибудь из его близких знакомых.

— Об этом позабочусь я. Слушай меня внимательно. Завтра ты сядешь на первый же пароход, ведущий в Кале. Там будет ждать мой агент, он представится, как только ты сойдешь на пристань, и даст дальнейшие инструкции. Поедешь вторым классом и будешь избегать разговоров с незнакомцами. Документы возьмешь с собой. Агент поможет тебе загримироваться, и в Кале начнется твоя жизнь под чужим именем. Все. Ступай.

Я отправился назад, мое удивление возрастало. Очевидно, все это имело какой-то смысл, но мне казалось совершеннейшим вздором. Когда мы снова очутились в

помещении для курения опиума, Хассим велел мне сесть на подушки и ждать его возвращения. Я попытался его расспросить, но он выругался и объявил, что идет в город, как приказано, купить билет на пароход. Он ушел, а я присел и оперся на стену. И задумался. Вдруг мне показалось, будто на меня устремлен пристальный взор. Я поспешно поднял голову, но никто вроде бы на меня не смотрел. В душевной комнате курился дым, как всегда, Юсеф Али с китайцем бесцумно скользили взад и вперед, обслуживали дремлющих клиентов.

Внезапно отворилась дверь, и из соседнего помещения вывалился громадный человек. В заднюю комнату Юн Шату были вхожи не только аристократы. Этот субъект представлял собой как раз одно из исключений. Я частенько замечал, как он входил и исчезал за той дверью: высокий, поджарый, одетый в немыслимое рванье, лицо полностью закутано. Это хорошо, что он прячет лицо, подумал я, тряпки наверняка скрывают ужасное зрелище. Без сомнения, это был прокаженный, ухитрившийся скрыться от стражей общественного порядка; время от времени его видели в населенных отбросами общества кварталах Ист-Энда; он был загадкой даже для самых презренных нищих, ютящихся в Лаймхаузе.

Внезапно благодаря своей сверхчувствительности я уловил молниеносное движение где-то рядом. Прокаженный затворил за собой дверь. Взор мой инстинктивно перебрался к кушетке, где лежал мужчина, который еще раньше вызвал у меня подозрения. Я готов был поклясться, что его холодные глаза цвета стали угрожающе сверкнули, прежде чем зажмуриться. Одним прыжком я подскочил к кушетке и наклонился над распростертым на ней человеком. Что-то в его лице показалось мне неестественным — под нарочитой бледностью скрывался оттенок здорового загара.

— Юн Шату! — закричал я. — В доме шпион!

И тут события развернулись с ошеломляющей быстротой. Мужчина одним тигриным движением вскочил с кушетки и выпрямился, и в руке у него блеснул

пистолет. Я готов был схватиться с ним, но мускулистая рука отшвырнула меня в сторону, и резкий, решительный голос перекрыл обычный для этой комнаты гул:

— Эй, ты! Стой! Стой!

Пистолет в руке незнакомца повернулся к прокаженному, который прыжками устремился к выходу!

Все тотчас пришло в движение: Юн Шату пронзительно затараторил по-китайски, а четверо юных китайцев вместе с Юсефом Али бестолково засновали вокруг, в руках у них сверкнули ножи.

Все это я видел с противоестественной четкостью, даже когда разглядывал лицо незнакомца. Я заметил, что прокаженный, убегая, нисколько не хромал, а глаза незнакомца сузились до размера булавочных головок, палец застыл на спусковом крючке, выражение лица выдавало цель — убить. Прокаженный уже почти достиг входной двери, но смерть неизбежно остановила бы его.

И тут я бросился вперед, и мой правый кулак врезался в подбородок незнакомца. Убийца рухнул, будто угодил под паровой молот, пистолет разрядился в воздух.

И в тот же миг, в ослепительной вспышке прозрения, какая иной раз осеняет каждого, я понял, что прокаженный — не кто иной, как Сидящий-за-Ширмой!

Я склонился над упавшим. Хоть он и не потерял сознания, но был в ту минуту беспомощен, как новорожденный. Снова и снова он пытался встать, но я опять мощным ударом опрокинул его на пол, схватил за фальшивую бороду и оторвал ее. И увидел сухощавое бронзовокожее лицо с волевыми чертами, которых не смог изменить даже слой грязи и грима.

Над ним склонился Юсеф Али, не выпуская из рук кинжала; в щелочках глаз я прочитал смертный приговор неудавшемуся убийце. Темнокожая мускулистая рука поднялась, но я поймал ее за запястье.

— Не спеши, черт черномазый! Ты что затеял?

— Это же Джон Гордон! — прошипел он. — Самый главный враг Хозяина! Он должен умереть! Пусты, будь ты проклят!

Джон Гордон! Почему-то это имя было мне знакомо, однако я не прослеживал связи с лондонской полицией. Должно быть, не по указке фараонов он появился в притоне Юн Шату. Как бы то ни было, в одном я был твердо уверен.

— Нет, ты его не убьешь! Ни за что! Вставай! — Последнее слово я адресовал Гордону, который с моей помощью не без труда поднялся на ноги. Очевидно, у него кружилась голова.

— Таким ударом быка можно свалить! — удивился я. — Даже не подозревал, что во мне столько силы.

Лжепрокаженный уже исчез. Юн Шату неподвижно, словно идол, глядел на меня, пряча руки в широких рукавах, а Юсеф Али отступил, злобно бормоча и водя большим пальцем по острию кинжала. Я вывел Гордона из комнаты для курения опиума и повлек дальше, через бар вполне невинного вида, который располагался между этим помещением и выходом на улицу.

Когда мы вышли из здания, я сказал:

— Понятия не имею, кто вы такой и что тут делаете, но вы сами видите, что вам тут не рады. Послушайтесь доброго совета, держитесь подалеже отсюда.

Единственным ответом был изучающий взгляд, а затем он круто повернулся и не совсем уверенной походкой двинулся прочь.

ГЛАВА 5

ДЕВУШКА ИЗ ГРЕЗ

*Ночь, верша свои дела,
эти гебри повернула
Из туманной Фулы.*

Эдгар По

В коридоре раздались легкие шаги. Дверная ручка осторожно и медленно повернулась, дверь моей комнаты отворилась. Затаив дыхание, я вскочил и выпрямил-

ся. Алые полураскрытые губы, глаза, точно невиданные темные моря, каскад блестящих волос — в грязном дверном проеме, точно картина в раме, девушка моих грез! Она вошла, грациозно повернулась и затворила за собой дверь. Я шагнул вперед, мои руки потянулись ей навстречу, но замерли, потому что она прижала палец к губам.

— Нельзя говорить громко, — шепнула она. — Он не запрещал мне приходиться, но...

У нее был мягкий и мелодичный голос с легким иностранным акцентом, который я нашел восхитительным. Что касается самой девушки, каждая ее интонация, каждое движение говорило о благоухающем Востоке. Она была его воплощением. Черные, как ночь, волосы ниспадали до самых ног, обутых в домашние туфельки на высоком каблуке, с заостренными носами; она являла собой высший идеал азиатской красоты, и впечатление это скорее усиливалось оттого, что она носила английские юбку и блузку.

— Как вы прекрасны! — произнес я ошеломленно. — Кто вы?

— Зулейка. — Она застенчиво улыбнулась. — Я... я рада, что понравилась вам. И что вы больше не в рабстве у гашиша.

Странно — такое крошечное существо, а заставляет мое сердце неистово подпрыгивать!

— Зулейка, всем этим я обязан вам, — произнес я сипло. — Если бы я не мечтал о вас каждую минуту с тех пор, как вы подняли меня из канавы, не хватило бы сил избавиться от моего проклятия.

Она мило покраснела, ее пальцы нервно переплелись.

— Завтра вы покидаете Англию? — неожиданно спросила она.

— Да. Хассим еще не вернулся с моим билетом... — Я впервые заколебался, вспомнив приказание молчать.

— Да, я знаю, знаю! — поспешно прошептала Зулейка, и ее зрачки расширились. — А Джон Гордон был здесь! И он вас видел!

— Да!

Изящным движением она приблизилась ко мне.

— Вы должны изображать одного человека! Послушайте, когда вы это будете проделывать, нельзя допустить, чтобы вас увидел Гордон! Он вас узнает, даже заgrimированного! Он ужасный человек.

— Не понимаю.— Я был совершенно сбит с толку.— Каким образом Хозяин помог мне преодолеть привычку к гашишу? Кто такой этот Гордон и зачем он сюда приходил? Почему Хозяин прикидывается прокаженным? Кто он на самом деле? И больше всего меня интересует, зачем я должен изображать человека, которого никогда не видел и даже никогда не слышал о нем?

— Я не могу... Не смею вам сказать! — прошептала она, бледнея.— Я...

Где-то в доме слабо ударили в китайский гонг. Девушка вздрогнула, точно напуганная газель.

— Я должна идти! Он меня вызывает! Она распахнула дверь, рванулась было туда, но задержалась на мгновение, чтобы, как электрическим током, пронзить меня страстным восклицанием:

— О, будьте осторожны! Будьте благоразумны, сагиб!

И исчезла.

ГЛАВА 6

СИДЯЩИЙ-ЗА-ШИРМОЙ

*Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?*

Блейк¹

Несколько минут после того, как исчезла моя прекрасная таинственная посетительница, я сидел, погрузившись в раздумья. Я понимал, что наконец-то на-

¹ «Тигр», перевод С.Маршака (прим. перев.)

ткнулся на разгадку, по крайней мере частичную. Я пришел к следующему заключению: Юн Шату, якобы хозяин притона, на самом деле просто агент или прислужник какой-то организации или частного лица, чья работа заключается отнюдь не только в снабжении наркотиками посетителей Храма Грез.

Этот человек или эти люди нуждаются в помощниках среди всех классов общества, иными словами, я связался с торговцами наркотиками, с бандой гигантского масштаба. Гордон, стало быть, расследует это дело, само по себе его присутствие показывало, что оно вовсе неординарное. Ведь, как я понял, он занимает высокое положение в английском правительстве, хоть и неизвестно, какое именно.

Опиум — это, конечно, скверно, но я должен выполнить свои обязательства перед Хозяином. Я ступил на скользкую дорожку, и мои представления о морали размылись, и мысль о том, что я принимаю участие в гнусном преступлении, даже не приходила в голову. Я и в самом деле ожесточился. Более того, сам долг благодарности тысячекратно увеличивали воспоминания о девушке. Я обязан Хозяину тем, что способен стоять на ногах и смотреть в ее ясные глаза, как подобает мужчине. Так что, если он нуждается в услугах торговца контрабандными наркотиками, он их получит. Как пить дать, мне поручено изображать высокопоставленного правительственного чиновника, из тех, кого не принято обыскивать на таможне. Наверное, моя задача — привезти в Англию редкий источник грез.

К тому времени, когда я выходил из своей комнаты, эти мысли уже оставили меня, но в голове зародились другие более увлекательные предположения: что держит эту девушку здесь, в притоне зла? Кто она, эта роза на мусорной свалке?

Я спустился в бар, и тут явился Хассим, его брови сошлись в грозной гримасе, и мне показалось, что на физиономии написан страх. В руке он держал сложенную газету.

— Я тебе велел ждать там, где курят опиум,— рявкнул он.

— Тебя так долго не было, что я вернулся к себе в комнату. Билет принес?

В ответ он только выругался и отпихнул меня с дороги. Стоя в дверях комнаты для курения опиума, я увидел, как он прошел в ее заднюю часть. Я все не двигался, мое удивление возрастало. Потому что, когда Хассим протискивался мимо меня, я успел заметить на первой странице газеты заголовок, на который он положил черный палец, желая, видимо, отметить эту колонку особо важных новостей.

И с чрезвычайным проворством действия и осознания, которое было присуще мне в те дни, в это краткое мгновение я успел прочитать:

«Уполномоченный по особо важным делам черной Африки найден мертвым! Вчера в трюме полусгнившего парохода в Бордо было обнаружено тело майора Фэрлана Морли...»

Больше я не успел прочесть ничего, но хватило этой единственной новости, чтобы задуматься! Дело приобретало нехороший оборот. И все же...

Прошел еще день. В ответ на мои расспросы Хассим проворчал, что планы изменились и мне не придется ехать во Францию. А поздно вечером он явился и велел снова сопровождать его в таинственную комнату.

Я стоял перед лакированной ширмой, от желтого дыма щипало в ноздрях, на коврах извивались изображения драконов, а густые пальмы на заднем плане приобрели угрожающий вид.

— Наши планы изменились,— сообщил голос из-за ширмы.— Ты не поедешь во Францию, как было договорено. Но для тебя есть другая работа. Возможно, она тебе больше подойдет, и ты сможешь принести нам пользу, а то я, признаться, несколько разочаровался в тебе. Ты плохо соображаешь. Позавчера ты вмешался не в свое дело, и если это повторится, я буду очень недоволен.

Я ничего не ответил, но во мне зашевелилось негодование.

— Даже после того как один из моих самых верных слуг пытался тебя предостеречь, — в невыразительном голосе не прозвучало никаких эмоций, разве что он чуточку поднялся, — даже после этого ты настояла на освобождении моего самого заклятого врага. В будущем тебе надо быть предусмотрительнее.

— Я спас вам жизнь! — зло напомнил я.

— И единственно по этой причине я не замечаю твоей оплошности. В этот раз.

Во мне медленно поднялась волна ярости:

— Ах, в этот раз! Так используйте же эту встречу получше, потому что, уверяю вас, второго раза не будет. Конечно, я у вас в громадном долгу и вряд ли могу надеяться на расплату, но это еще не делает меня вашим рабом. Я спас вам жизнь, долг почти оплачен, так что давайте поступим по-мужски. Ступайте своим путем, а я пойду своим.

Мне ответил жуткий тихий смех, похожий на змеиное шипение.

— Дурак! Ты не рассчитаешься со мной до конца жизни! Говоришь, ты мне не раб? А я говорю — раб, такой же раб, как черный Хассим, вон он, стоит у тебя за спиной, такой же раб, как моя Зулейка — девица, которая околдовала тебя своей красотой!

От этих слов горячая волна крови ударила мне в голову, слепая ярость на секунду затмила сознание. Все мои мысли и чувства на протяжении этих дней казались обостренными, и теперь ярость превосходила самый сильный гнев, какой я когда-либо испытывал.

— Гнусная чертовщина! — завопил я. — Дьявол, кто ты такой и чем меня держишь? Я должен тебя увидеть — или умереть!

Хассим бросился на меня, но я его отшвырнул, одним прыжком достиг ширмы и опрокинул ее ударом неистовой силы. И тут же с криком отступил, руки мои повисли плетью. Передо мной стояло высокое тощее

существо, нелепо выряженное в шелковое, достающее до пола одеяние с парчовой отделкой.

Из рукавов этого наряда торчали руки, при виде которых я испытал липкий ползучий страх, наполнивший все мое существо, — длинные хищные руки с тонкими костлявыми пальцами и кривыми когтями; кожа напоминала желто-бурый пергамент, будто она принадлежала давно умершему.

Боже, а лицо! На голом черепе не осталось, кажется, и следа живой плоти, только желто-бурая кожа туго обтягивала его, и на ней как бы отпечаталась каждая деталь жуткой головы мертвеца. Лоб был высоким и даже аристократическим, но расстояние между висками — до странного узким, а под выступающими карнизом бровями поблескивали громадные глаза, похожие на озера желтого огня. Нос был очень узкий, с высокой переносицей, а рот — бесцветная дыра между тонкими жесткими губами. Длинная костлявая шея поддерживала всю эту уродливую конструкцию и завершала сходство с демоном-рептилией из средневекового ада.

Я лицом к лицу оказался с человеком из моего сна!

ГЛАВА 7

ЧЕРНАЯ МУДРОСТЬ

Под впечатлением ужасного зрелища я отбросил всякую мысль о бунте. Кровь застыла в жилах, я стоял, не в силах пошевелиться. Я слышал у себя за спиной зловещий хохот Хассима. Глаза в мертвой голове бросали дьявольские отблески в мою сторону, а я бледнел под натиском сосредоточенной в них сатанинской ярости.

Затем это кошмарное существо расхохоталось.

— Мистер Костиген, я вам оказываю громадную честь: даже среди моих собственных слуг очень немногие видели мое лицо и не отправились на тот свет. Я считаю, что живой вы принесете мне больше пользы, чем мертвый.

Совершенно обессиленный, я молчал. Трудно было поверить, что передо мной живое существо.

Сидящий-за-Ширмой напоминал мумию. И все-таки губы его шевелились, когда он говорил, а в глазах светился чудовищный разум.

— Выполнишь мой приказ — В голосе прозвучали властные нотки. — Ты, конечно, знаешь сэра Холдрета Френтона или хотя бы слышал о нем?

— Да.

В Европе и Америке каждый культурный человек знаком с книгами о путешествиях сэра Холдрета Френтона, писателя и война.

— Сегодня ночью отправишься в поместье сэра Холдрета...

— И?

— И убьешь его!

Подо мной подкосились ноги — в самом буквальном смысле. Невероятный, несообразный приказ! Да, я опустился очень низко, до контрабандной торговли опиумом, но добровольно убить человека, которого никогда не видел, человека, известного добрыми делами!

Это слишком чудовищно, даже в голове не укладывается.

— Ты не отказываешься? — Насмешливый тон был отвратителен, точно змеиное шипение.

— Отказываюсь?! — воскликнула, обретая наконец дар речи. — Отказываюсь?! Ах ты, воплощенный дьявол! Конечно же, я отказываюсь. А ты...

Его холодная уверенность заставила меня осечься, кровь застыла у меня в жилах, а вокруг нависло многозначительное молчание.

— Ну и дурак же ты! — проговорил он спокойно. — Знаешь, как я разорвал цепь, приковавшую тебя к гашишу? Ровно через четыре минуты ты это поймешь и проклянешь тот день, когда родился! Неужели тебя не удивляет твоя сообразительность, физическая подвижность и гибкость тела? А ведь человек, столько лет злоупотреблявший наркотиком, должен быть мед-

лительным и вялым. Помнишь, как ты свалил с ног Джона Гордона? Ты что же, совсем не удивился силе своего удара? А легкость, с которой ты запомнил сведения о майоре Морли, — неужели она тебя не поразила? Дурак этакий, ты же связан со мной сталью, кровью и огнем! Я сохранил тебе жизнь, я исцелил тебя — это только моя заслуга. Вместе с вином тебе ежедневно давали жизненный эликсир. Без него ты не выжил бы и не сохранил разум. А рецепт эликсира знаю я, один я на всем белом свете!

Он глянул на часы необычной формы, стоявшие на столе у его локтя.

— На этот раз я велел Юл Шату не давать тебе эликсира, я предвидел твой бунт. Час приближается... ага, он бьет!

Он еще что-то говорил, но я не слышал. Я ничего не видел, ничего не чувствовал в обычном смысле этих слов. Я корчился у его ног, вскрикивая и нечленораздельно лопоча; меня сжигало адское пламя, какое не снилось ни одному человеку.

Теперь-то я понял! Просто он давал мне наркотик, настолько сильный, что в нем тонула моя потребность в гашише. Теперь-то я мог объяснить мои сверхъестественные способности: я находился под воздействием стимулятора, в котором соединялись все силы ада. Это нечто вроде героина, но жертва не замечает его воздействия. Что это за снадобье, я не имел никакого понятия, да и сомневался, известно ли оно кому-нибудь, кроме этого адского создания, которое наблюдало за мной с упрямой радостью. Но это вещество действует на мозг, вызывая во всех органах нужду в нем. И вот ужасная жажда наркотика разрывает на части мою душу!

Никогда, ни в самые страшные моменты после контузии, ни во время зависимости от гашиша, не испытывал я подобного. Я весь горел, меня сжигали тысячи адских костров, и одновременно я испытывал холодное прикосновение льда — нет, это было холоднее любого льда! В сто раз холоднее. Я проваливался в бездны не-

человеческих страданий и поднимался на высочайшие утесы мук; миллионы воющих дьяволов с криками окружали меня и наносили удары. Косточка за косточкой, вена за веной, клетка за клеткой, мое тело как будто распадалось и витало среди кровавых атомов где-то за пределами атмосферы — и каждая отдельная клетка была единой цельной системой мятущихся, кричащих нервов. И они собирались в далеких пустотах и вновь соединялись, чтобы претерпеть еще худшие пытки.

В багровом тумане я слышал собственный голос; я кричал, повторяя единственную монотонную ноту. А затем мои выпученные от боли глаза увидели золотой бокал, я схватил его жадной, неуклюжей, точно клешня, рукой, и он вплыл в пределы моего зрения — бокал, наполненный янтарной жидкостью.

Со звериным криком я впился в него обеими руками, смутно сознавая, что металлическая ножка гнется под нажимом моих пальцев, и поднес к губам. Я осушил его в несколько стремительных глотков, залпив себе всю грудь.

* * *

И вот он, Сидящий-за-Ширмой, с брезгливой и высокомерной ухмылкой смотрел на меня, а я, совершенно обессиленный, лоя ртом воздух, опустился на кушетку. Он взял кубок и внимательно рассмотрел изуродованную моими пальцами золотую ножку.

— Сверхчеловеческая сила, — заключил он совершенно бесстрастно. — Сомневаюсь, что сам Хассим на такое способен. Значит, теперь ты готов выполнить мое поручение?

Будучи не в состоянии сказать ни слова, я кивнул.

Дьявольская энергия эликсира уже струилась по моим венам, возвращая ушедшую было из меня силу. Интересно, подумал я, долго ли живет человек, которого, как меня, постоянно подогревают и искусственно перестраивают?

— Тебе дадут маскировочный костюм, и ты отправишься в поместье Френтона один. Никто не подозревает злого умысла против сэра Холдрета, и тебе будет относительно легко проникнуть в его дом. Костюм совершенно уникальный, ты его не надевай, пока не окажешься у самого имения. Затем проберешься в комнату сэра Холдрета и убьешь его. Сломаешь ему шею голыми руками, что крайне существенно...

Сидящий-за-Ширмой нудно бубнил, небрежно, как само собою разумеющееся, отдавая жуткие приказания. У меня на лбу выступил холодный пот.

— После этого уйдешь из поместья, но позаботься оставить побольше отпечатков пальцев. Поблизости, в безопасном месте, тебя будет ждать автомобиль. Вернувшись сюда, ты первым делом снимешь костюм. Если вдруг возникнут осложнения, у меня найдутся люди, которые поклянутся, что ты всю ночь провел в Храме Грез и ни разу не покидал его. Но смотри, чтобы тебя не заметили. Ступай же, будь осторожен и сделай дело, а иначе, тебе известно, что будет!

Я не вернулся в зал для курения опиума, вместо этого меня повели извилистыми коридорами, увешанными тяжелыми коврами, в комнатку, где стояла только восточная кушетка. Хассим дал мне понять, что я должен оставаться там до позднего вечера, и ушел. Дверь он затворил, но я не пытался проверить, заперта ли она. Сидящий-за-Ширмой сковал меня куда более прочными кандалами, чем какие-то замки или засовы.

Сидя на кушетке в этой причудливой комнатке, которая оказалась бы уместной в женской половине индийского дома, я обдумывал факты, как они мне представлялись, и мысленно разыгрывал сражение. Во мне еще осталось кое-что от мужчины — больше, чем догадывался этот дьявол; а к ним добавлялись безысходное отчаяние и безнадежность. Я упорно искал выход из поистине тупиковой ситуации.

Внезапно дверь тихо отворилась. Интуиция подсказала мне, кого следует ожидать, и я не разочаровал-

ся. Передо мной блистательным видением стояла Зулейка, и это видение дразнило меня, усугубляя отчаяние, и вместе с тем вызывало беспричинную радость.

Она принесла поднос с ужином. Поставила его рядом со мной, потом села на кушетку, и громадные глаза посмотрели мне прямо в лицо. Она казалась цветком в змеином логове, и ее прекрасный взгляд проникал в самую глубину моего сердца.

— Стивен!

Я весь затрепетал, ведь она впервые произнесла мое имя.

В глазах внезапно блеснули слезы, она положила маленькую ладонь на мою. Я схватил эту руку грубыми пальцами.

— Ты получил задание, которого боишься, оно ненавистно тебе? — неуверенно прошептала она.

— Да. — Я чуть не засмеялся в ответ. — Но я их все-таки надую! Зулейка, скажи, что все это значит?

Она испуганно огляделась.

— Всего я не знаю, — робко произнесла девушка. — Ты попал в эту беду исключительно по моей вине, но я... я надеялась, Стивен, я много месяцев наблюдала за тобой, всякий раз, когда ты приходил к Юн Шату. Ты меня не замечал, но я-то тебя сразу заметила, и я видела в тебе... нет, не сломленного, отупевшего наркомана, хоть ты и носил грязные лохмотья; нет, я угадала в тебе израненную душу. И я тебя жалела от всего сердца. А потом, в тот день, когда Хассим с тобой так скверно обошелся...

Опять потекли слезы.

— Я не могла этого вынести, я понимала, как ты страдаешь без гашиша. Вот и заплатила Юн Шату, а после пошла к Хозяину. Я... я... О, ты имеешь право меня ненавидеть! — вскрикнула она.

— Нет, нет, никогда!

— Я внушила ему, что ты можешь пригодиться, и умолила распорядиться, чтоб Юн Шату давал тебе гашиш. Хозяин уже и сам заметил тебя, ведь он на все

смотрит, как собственник, весь мир для него — только невольничий рынок. Вот он и приказал Юн Шату оделять тебя наркотиком, а теперь... ах, уж лучше бы ты оставался там, где был раньше, друг мой!

— Нет! Нет! — воскликнул я. — Зато я испытал исцеление, пусть оно и было поддельным. Я стал для тебя мужчиной, а это стоит всего остального!

Должно быть, в моем взгляде отразилось все, что я чувствовал к ней, потому что она опустила глаза и покраснела. Не спрашивайте меня, как приходит к человеку любовь, но я полюбил эту таинственную точную девушку в ту минуту, когда впервые ее увидел. Интуиция подсказывала, что она отвечает на мои чувства. Когда я это осознал, избранный мною путь сделался еще более мрачным и гибельным; но поскольку истинная любовь призвана сделать мужчину сильнее, я решился окончательно.

— Зулейка, — проговорил я, — время летит, а мне еще нужно кое-что узнать. Скажи, кто ты такая и почему живешь в этом ужасном логове?

— Мне известно только, что я Зулейка. По крови и рождению — черкешенка, совсем маленькой меня захватили в плен турки во время набега и поместили в гарем в Стамбуле. Я была еще слишком молода для замужества, и вскоре мой хозяин подарил меня ему.

— Кто же он, этот человек с голым черепом?

— Катулос из Египта, это все, что мне известно, мой господин.

— Египтянин? Тогда что же он делает в Лондоне и зачем все эти тайны?

Нервным движением она сплела пальцы.

— Стивен, пожалуйста, говори тише: всегда и всюду кто-нибудь подслушивает. Не знаю я, кто такой Хозяин, зачем он здесь и для чего все это проделывает. Клянусь Аллахом! Знала бы — обязательно сказала бы тебе. Иногда сюда приходят знатные на вид люди, в комнату, где их принимает Хозяин — это не та комната, где ты виделся с ним, — и я обязана танцевать перед

гостями, а потом слегка с ними флиртовать. А потом — повторять ему, что они говорили мне. Не важно, по-турецки ли они говорят, по-египетски, или на языке варварских стран, или по-французски, или по-английски. Хозяин выучил меня французскому и английскому, и еще много чему. Он величайший чародей мира, он владеет всей древней магией и вообще всем не свете.

— Зулейка, — обратился я к ней, — скоро моя песенка будет спета, но разреши тебя отсюда вытащить. Пойдем со мной, и я клянусь, ты освободишься от этого дьявола! Я вызволю тебя отсюда!

Она содрогнулась и закрыла лицо руками.

— Нет, нет, не могу!

— Зулейка, — произнес я нежно, — чем он тебя удерживает, дитя? Тоже наркотиком?

— Нет, нет! — всхлипнула она. — Не знаю... не знаю... Но я не могу... Я никогда не смогу от него освободиться!

В полном недоумении я просидел еще несколько секунд, потом решил спросить:

— Зулейка, а где мы сейчас находимся?

— Это здание — пустой склад на задворках Храма Грез.

— Я так и думал. А что хранится в сундуках в туннеле?

— Не знаю.

Неожиданно она тихонько заплакала.

— Ты тоже раб, как и я... Ты, такой сильный и добрый... О, Стивен, я этого не вынесу! — Я улыбнулся.

— Слушай внимательно, Зулейка. Я тебе расскажу, как намерен одурачить Катулоса. — Она опасливо оглянулась на дверь.

— Только говори тихо. Я буду лежать в твоих объятиях, ты меня ласкай и шепчи.

Она скользнула ко мне, и тут, на кушетке в форме дракона, я впервые познал сладость стройного тела Зулейки, прикорнувшей у меня в руках, мягкость щеки Зулейки, прижатой к моей груди. Ее благоухание ще-

котало мне ноздри. Ее волосы, глаза — все помчалось в неистовом вихре; и тогда, спрятав губы в шелковистых волосах, я скороговоркой зашептал:

— Первым делом я предупрежу сэра Холдрета Френтона, а потом найду Джона Гордона и расскажу ему правду об этом притоне. Я приведу сюда полицию, а ты внимательно следи за происходящим и прячься от Катулоса, пока мы не вернемся и не убьем его, а может, скрутим. И тогда ты получишь Свободу.

— Но как же ты? — Выдохнула она. — Тебе ведь нужен эликсир, и только он...

— У меня есть способ одолеть Катулоса, малышка, — ответил я.

Она побледнела, страх за меня и женская интуиция помогли ей прийти к правильному выводу.

— Ты погубишь себя!

Как ни тяжело было следить за ее чувствами, я все же ощутил мучительную радость. Эта девушка переживала за меня, сострадала мне! Ее руки сомкнулись вокруг моей шеи.

— Не надо, Стивен! — взмолилась она. — Ведь лучше жить, даже...

— Нет, только не такой ценой. Лучше выйти из игры чистым, пока во мне еще осталось мужество.

Зулейка на мгновение задержала на моем лице полный страсти взгляд, затем неожиданно прижала свои губы к моим, а потом вскочила и бросилась вон.

До чего же неисповедимы бывают пути любви! Жизнь столкнула нас друг с другом, точно два корабля, севшие на мель возле берегов.

Хотя ни слова любви не сорвалось с наших уст, каждый из нас познал сердце другого, несмотря на грязь и лохмотья, несмотря на обличье рабов, и с самого начала мы любили друг друга с теми естественностью и чистотой, какие даны людям еще в Начале Времен.

Я словно заново родился — и тут же встал на порог смерти. Ведь я проклят, и, как только выполню свою задачу, снова испытаю нечеловеческие муки. А любовь,

жизнь, красота и страдание — все унесет пушечная пуля, которая неизбежно разорвет на куски мой гниющий мозг. Лучше умереть незапятнанным, чем...

Снова отворилась дверь, вошел Юсеф Али.

— Пора идти, — коротко напомнил он. — Вставай и следуй за мной.

Я, разумеется, не имел ни малейшего представления о времени. В комнате, где я находился, не было ни одного окна — я не сумел найти даже крошечного отверстия, позволявшего выглянуть наружу. С потолка свисали люстры со свечами — единственный источник света. Когда я поднялся, юный стройный мавр искоса окинул меня злобным взглядом.

— Это только между мною и тобой, — прошипел он. — Мы слуги одного господина, но то, что я скажу, касается только нас двоих. Держись подальше от Зулейки! Хозяин обещал ее мне, когда настанут Дни Империи.

Я сощурил глаза и посмотрел в красивое мрачное лицо этого уроженца Востока, и такая ненависть поднялась во мне — не передать словами. У меня непроизвольно разжались и сжались пальцы, и мавр, заметив это движение, отступил, сунул руку за кушак.

— Не сейчас... сначала мы должны выполнить свою работу... Может быть, позже, — вымолвил он и тут же добавил с ледяной ненавистью: — Свинья! Ты не человек, ты обезьяна! Как только станешь не нужен Хозяину, получишь кинжал прямо в сердце!

Я расхохотался.

— Так поспеши, змея пустыни, иначе я сломаю тебе хребет голыми руками!

ГЛАВА 8

ТЕМНЫЙ ДОМ

Я шел за Юсефом Али по извилистым коридорам, вниз по ступенькам, — в комнате с идолом Катулоса не оказалось, и по туннелю; потом через комнаты Храма

Грез, и очутился на улице, где в легкой туманной дымке тускло мерцали уличные фонари. На середине улицы стоял автомобиль с занавесками на окнах.

— Это для тебя,— объяснил подошедший к нам Хассим.— Поезжай не спеша, будто просто катаешься. И не вздумай шутки шутить! За домом могут наблюдать. Шофер знает, что делать.

Тут они с Юсефом Али ушли в бар, а я успел сделать один шаг к краю тротуара, и тут услышал голос, заставивший мое сердце подскочить.

— Стивен!

Белая рука манила меня в сумрак дверного проема.

— Зулейка!

Она схватила меня за руку, что-то скользнуло в мою ладонь, я с трудом разглядел небольшую золотую фляжку.

— Спрячь, живей! — нетерпеливо зашептала Зулейка.— После не возвращайся, убеги и спрячься! Фляжка полна эликсира, а я попробую достать еще. Ты должен придумать, как связаться со мной.

— Где же ты его взяла? — Я был потрясен.

— У Хозяина украла! А теперь мне надо идти, пока он меня не хватился.

Она исчезла за дверью. Я стоял в нерешительности. Конечно, идя на воровство, она рисковала жизнью, и меня разрывал на части страх при мысли о том, что способен сделать с ней Катулос, если узнает о ее преступлении. Но если я сейчас вернусь в таинственный дом, это неизбежно вызовет подозрения. Вероятно, я успею выполнить свой план и вернуться сюда до того, как Сидящий-за-Ширмой узнает о предательстве служанки.

Рассудив таким образом, я пошел по мостовой к ожидающей машине. Шофером был негр, я никогда прежде не видел этого тощего мужчину среднего роста. Я пригляделся к нему — похоже, он ничего не заметил и не заподозрил. Если даже и разглядел, как я шагнул назад, в темя, все равно не мог узнать девушку и понять, что происходит.

Шофер только кивнул, когда я взгромоздился на заднее сиденье, и мгновение спустя мы неслись по безлюдным туманным улицам. У меня за спиной оказался узел, я понял, что это и есть упомянутый египтянином «маскировочный костюм».

Невозможно описать ощущения, испытанные мною, когда я мчался сквозь ту дождливую, туманную ночь. Казалось, будто я уже умер, и пустые мрачные улицы обернулись дорогами смерти, по которым моему призраку суждено скитаться веки вечные. В моем сердце соседствовали мучительная радость и безысходное отчаяние приговоренного. Нет, сама смерть не казалась мне отталкивающей, ведь жертва наркотика слишком много раз умирает, — но тяжело уходить именно тогда, когда в твою погубленную жизнь вошла любовь. И ведь я еще молод!

У меня на губах мелькнула саркастическая усмешка: ведь те, кто умер рядом со мной на ничейной земле, тоже были молоды. Я закатал рукав и сжал кулак, напряг бицепс. Ни унции жира, большинство мышц давным-давно исчезло, но крупные бицепсы все еще грозно выступали выпуклыми железными шарами. Сам-то я знал, что моя сила лишь показная, а на самом деле я только изношенная внешняя оболочка человека. Не гори во мне искусственное пламя эликсира, меня бы могла свалить с ног хрупкая девчонка.

Машина остановилась под деревьями. Мы находились в окрестностях поместья, полночь давно миновала. На фоне далеких огней ночного Лондона выделялся темный силуэт большого дома.

— Я подожду здесь, — сказал негр. — Ни с дороги, ни из дома машину не видно.

Я зажег спичку, держа ее так, чтобы свет невозможно было заметить за пределами машины, и развернул «маскировочный костюм». С большим трудом я удержался от хохота. Неповрежденная шкура гориллы! Зажав узел под мышкой, я поплелся к стене, окружающей имение во французском стиле. Всего не-

сколько шагов — и деревья, где спрятался негр с машиной, превратились в темное пятно. Вряд ли шофер мог меня видеть, но на всякий случай я двинулся не к высоким железным воротам, а к глухому участку.

Ни в одном окне не горел свет. Я знал, что сэр Холдред холостяк, и был убежден, что все слуги давным-давно легли спать. Я легко перелез через стену и крадучись прошел по темной лужайке к черному ходу, все еще неся отвратительный «маскировочный костюм» под мышкой. Как я и ожидал, дверь оказалась закрыта, а я не хотел никого будить раньше времени. Обеими руками я ухватился за круглую дверную ручку и налег на нее с нечеловеческой силой. Ручка повернулась, щелкнул замок — скорее это напоминало пушечный выстрел. Еще секунда — и я внутри. Разумеется, я не забыл затворить за собой дверь.

В темноте я успел сделать только шаг в предполагаемом направлении лестницы и сразу остановился, потому что мне на лицо упал луч света. Рядом с фонарем блеснуло дуло пистолета. В тени качнулось узкое лицо.

— Ни с места! Руки вверх! — Я поднял руки. Однажды я уже слышал этот голос и тотчас его узнал: Джон Гордон!

— Сколько с тобой людей? — прозвучало резко и властно.

— Я один. Отведите меня в комнату, откуда свет не проникает наружу, и я вам расскажу кое-что интересное.

Он помолчал и жестом приказал следовать за ним в соседнюю комнату. Оттуда он вывел меня на лестницу, отворил дверь на площадке и зажег свет.

Окна в этой комнате были плотно зашторены. Пока мы шли, Гордон держал меня под прицелом; он и теперь не опустил пистолет. Гордон был худощав, но жилист и выше меня ростом, правда, не такой плотный. Одет он был в штатский костюм. Его серые глаза блестели, как сталь; черты лица были волевыми. Что-то в этом человеке мне нравилось. Я заметил синяк на

его челюсти в том месте, куда приложился мой кулак при нашей последней встрече.

— Не могу поверить, — сказал он насмешливо, — будто подобные неуклюжесть и непредусмотрительность — настоящие. Несомненно, у вас есть свои причины заманить меня в столь поздний час в удаленную комнату, но сэра Холдрета надежно охраняют даже сейчас. Не шевелитесь.

Пистолетное дуло уперлось мне в грудь. Гордон провел рукой по моему телу в поисках оружия и явно удивился, когда ничего не обнаружил.

— И все же, — тихо проговорил он, словно рассуждая вслух, — человек, способный голыми руками выломать железный замок, вряд ли нуждается в оружии.

— Вы тратите драгоценное время, — перебил я. — Мне поручено убить сэра Холдрета Френтона...

— Кем поручено? — вопрос прозвучал, словно выстрел, направленный мне в лицо.

— Человеком, который иногда прикидывается прокаженным.

Гордон кивнул, в его серых глазах мелькнула искорка.

— Значит, мои подозрения оправдались.

— Без сомнения. Выслушайте меня внимательно. Вы хотите убить или арестовать этого человека?

Гордон мрачно расхохотался.

— Ответ того, кто носит на ладони знак скорпиона, не может оказаться для вас неожиданным.

— Тогда выслушайте мои объяснения, и глядишь, ваше желание сбудется.

Он подозрительно сощурил глаза.

— Значит, вот в чем смысл вашего дерзкого появления здесь, вот почему вы не оказали сопротивления, — медленно проговорил он. — Выходит, наркотик, от которого так расширились ваши зрачки, настолько въелся в мозг, что вы вообразили, будто сможете заманить меня в ловушку?

Я сжал ладонями виски. Мы теряем драгоценное время. Как же убедить этого человека в моей честности?

— Послушайте, меня зовут Стивен Костиген, я американец. Был завсегдатаем притона Юн Шату и потреблял гашиш, как вы уже догадались, но теперь завишу от более сильного наркотика. При помощи этого наркотика лжепрокаженный — тот, кого Юн Шату и его друзья называют Хозяином — приобрел надомной власть и отправил меня сюда, чтобы убить сэра Холдред, а зачем, одному только Богу известно. Но я получил небольшую передышку, завладев небольшим количеством этого вещества. Без него мне не выжить, а Хозяина я ненавижу и боюсь. Выслушайте меня, и клянусь всем на свете, праведным и неправедным, что тот, кто притворяется прокаженным, попадет в ваши руки еще до восхода солнца!

Могу похвастать, что произвел впечатление на Гордона, хотя он и сопротивлялся этому.

— Говорите! — приказал он. — Живей! — И все-таки я чувствовал его недоверие. Неужели все мои старания — вотще?

— Если не хотите действовать со мной заодно, — с трудом вымолвил я, — отпустите, и я сам найду способ добраться до Хозяина и убить его. Мои часы сочтены, а ведь месть должна свершиться.

— Излагайте свой план, и короче, — велел Гордон.

— План достаточно прост. Я вернусь к Хозяину и доложу, что выполнил приказ. Вы с вашими людьми следуйте за мной по пятам и, пока я буду заговаривать Хозяину зубы, окружите дом. А потом, по сигналу, ворветесь и убьете его, или схватите.

Гордон нахмурился.

— Где этот дом?

— Складское помещение сразу за притоном Юн Шату. Внутри — настоящий восточный дворец.

— Складское помещение? — не поверил Гордон. — Что за чушь? Я сам сначала так и подумал, но внима-

тельно осмотрел его снаружи. Окна прочно зарешечены и давно покрылись паутиной. Двери крепко заколочены гвоздями, на них старые нетронутые печати. Склады давным-давно заброшены.

— Там подземный ход, — пояснил я. — Он прямоком соединяет Храм Грез со складом.

— Но я изучил проход между зданиями, — удивился Гордон. — Двери склада, выходящие на эту дорожку, забиты еще прежними владельцами. Совершенно ясно, что никакого потайного выхода из Храма Грез не существует.

— Здания соединяются туннелем, а в него ведет дверь из комнаты рядом с курительной. Этот подземный ход заканчивается на складе, в комнате с идолом.

— Я побывал в комнате рядом с курительной и никакой двери там не нашел.

— Это люк. Помните громоздкий стол посреди комнаты? Если его повернуть, в полу появится отверстие. Так вот вам мой план: я возвращаюсь в Храм Грез и встречаюсь с Хозяином в комнате с идолом. Ваши люди заранее незаметно оцепят склад, другая группа расположится на соседней улице, перед фасадом Храма Грез. Притон Юн Шату, как вам известно, обращен фасадом к набережной, а склад — в другую сторону и примыкает к узкому переулку, идущему параллельно реке. Пусть люди, дежурящие на улице, по сигналу ворвутся в склад с фасада и бегут вперед, а вторая группа ринется через Храм Грез. Они должны добежать до комнаты за курительной и открыть потайной люк, как я объяснил. И пусть немилосердно стреляют в каждого, кто встанет на пути. Насколько мне известно, другого выхода из логова Хозяина нет, так что он и его слуги будут вынуждены спасаться через туннель. И попадут в ловушку.

Гордон раздумывал, а я, затаив дыхание, вглядывался в его лицо.

— Возможно, тут какой-то подвох, — произнес он, — или попытка отвлечь меня от охраны сэра Холд-

реда, но... По натуре я игрок,— неохотно признался он.— Попробую прислушаться к тому, что вы, американцы, называете интуицией. Но только господь Бог вам поможет, если лжете.

Я вскочил и выпрямился.

— Слава Богу! А теперь помогите нацепить этот наряд, потому что именно в нем я должен вернуться к машине.

Глаза Гордона превратились в узкие щелочки, когда я вытащил маскарадную шкуру гориллы.

— Несомненно, это стиль Хозяина! Вам, разумеется, велели оставить отпечатки пальцев, вернее, этих чудовищных перчаток?

— Да, хотя не понимаю, для чего.

— Кажется, я понимаю. Хозяин славится тем, что никогда не оставляет настоящих следов своих преступлений... Так вот, сегодня вечером из соседнего зоопарка сбежала крупная человекообразная обезьяна. Посмотрите только на эту шкуру, и сразу поймете, в чем тут фокус. В смерти сэра Холлдредра мы бы обвинили ни в чем не повинного примата.

У меня будто глаза открылись, и я содрогнулся.

— Уже два часа ночи,— напомнил Гордон.— Учтем время, которое вам понадобится на возвращение в Лаймхауз, и мне — на сбор моих людей у Храма Грез. Обещаю, что к половине пятого дом будет в плотном кольце. Дайте мне фору — подождите здесь, пока я не выйду из этого дома, и тогда я прибуду на место одновременно с вами.

— Идет! — Я порывисто схватил его руку.— Там, вне всякого сомнения, окажется девушка по имени Зулейка. Учтите, она никоим образом не связана с дурными делами Хозяина, она всего лишь жертва обстоятельств, такая же, как и я. Обойдитесь с ней по-хорошему.

— Будет сделано. А какого сигнала мне ждать?

— Сигнала? Как я его подам, по-вашему? Сомневаюсь, что самый громкий шум в доме будет слышен на улице. Пусть ваши люди ждут, когда пробьет пять.

Я повернулся, чтобы идти.

— Вас ждет человек с машиной, я правильно понял? А вдруг он что-то заподозрит?

— У меня есть верный способ развеять его подозрения, — мрачно ответил я. — В крайнем случае, вернусь в Храм Грез один.

ГЛАВА 9

ЧЕТЫРЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

*Сомневаясь, лелея мечты,
Что смертные прежде не смели иметь*

Дверь тихонько хлопнула за мной, громоздкий темный дом выделялся теперь еще резче, чем раньше. Ссутулившись, я пересек мокрую лужайку бегом, выходя, вероятно, гротескно до жути. Не сомневаюсь: если бы кто-то сейчас меня увидел, он бы сразу поверил, что это не человек, а гигантская обезьяна. Ну и выдумщик этот Хозяин!

Я вскарабкался на стену, прыгнул с другой стороны и побежал сквозь тьму и туман к купе деревьев, скрывающей машину.

Негр откинулся на спинку переднего сиденья. Я делал вид, что пытаюсь отдышаться, и всевозможными способами изображал злодея, который минуту назад хладнокровно пустил кому-то кровь и удачно сбегал с места преступления.

— Ты ничего не слышал? Ни звука? — с подозрением прошипел я, хватая его за руку.

— Никакого шума, только легкий скрип, когда вы входили, — ответил шофер. — Вы хорошо справились. Окажись тут прохожий, он бы ничего не заметил.

— А ты все время сидел в машине? — поинтересовался я.

Он ответил утвердительно, но я на всякий случай схватил его за лодыжку и пощупал подошву его ботин-

ка: она была абсолютно сухая, как и край штанины. Это меня устраивало, и я взгромоздился на заднее сиденье. Если бы он сделал по земле хоть шаг, мокрые ботинки и брюки выдали бы его.

Я приказал ему не заводить мотор, пока не освобожусь от обезьяньей шкуры, а потом мы помчались в ночи.

Меня мучили сомнения.

С какой стати Гордон должен верить незнакомому человеку, да вдобавок еще и бывшему слуге Хозяина?

Не логичней ли отнести мой рассказ к бреду безумного наркомана? Или считать его ложью, выдуманной с целью запутать и одурачить его?

Но если он мне не поверил — почему отпустил?

В моих силах было только положиться на него. Во всяком случае, что бы ни сделал Гордон, даже если предпочтет бездействовать, это вряд ли теперь как-то повлияет на мою судьбу. Ничего не изменится и в том случае, если Зулейка добудет эликсир, способный продлить мои дни.

Я задумался о ней. Громче, чем жажда мести Катулосу, во мне заговорила надежда. Гордону, возможно, удастся спасти мою возлюбленную от когтей дьявола. Во всяком случае, мрачно думал я, если Гордон предаст, у меня останутся мои руки, и если они дотянутся до горла чудовища...

Я вспомнил о Юсефе Али, о его странных словах. Странными они мне показались только сейчас. «Хозяин обещал ее мне, когда настанут Дни Империи...»

Дни Империи — что это может означать?

Наконец машина притормозила перед темным и притихшим Храмом Грез. Поездка казалась бесконечной. Выходя из автомобиля, я посмотрел на приборную доску. Сердце так и подпрыгнуло: на часах четыре тридцать четыре. Если зрение не обманывало, при свете уличного фонаря на противоположной стороне улицы двигались неясные тени. В такое время ночи это могло означать только одно из двух: или слуги Хозяина наблюдают за моим возвращением, или Гордон держит слово.

Негр уехал, а я открыл дверь, прошел через опустевший бар в курительную. На койках и на полу валялось множество грезящих; ведь здесь не знают смены дня и ночи. В густом дыму едва мерцали лампы, а тишина, подобно туману, нависла надо всем.

ГЛАВА 10

ПРОБИЛО ПЯТЬ

*Он видел гигантские смерти пути
И воплощения судьбы.*

Честертон

Двое молодых китайцев сидели на корточках среди чадающих огней, они не мигая уставились на меня, когда я двинулся к двери задней комнаты между лежащими телами. Впервые я шел по коридору в одиночестве и слова гадал, что же спрятано в странной формы сундуках, подпирающих стены.

Я негромко постучал четыре раза в потолок и через мгновение стоял в комнате с идолом. И вскрикнул от удивления, но вовсе не Катулос, сидящий по другую сторону стола, вовсе не его ужасная внешность были причинами этого восклицания. Кроме стола, стула, на котором восседало существо с костяным лицом, да еще алтаря, где в этот раз не курились благовония, комната была абсолютно пуста! Вместо роскошных ковров, которые я привык здесь видеть, — неопрятные стены давно заброшенного складского помещения. Пальмы, идол, лакированная ширма — все исчезло.

— Мистер Костиген? Вы, без сомнения, удивлены.

Омертвелый голос Хозяина ударил мне в голову, оборвав мысли. Его змеиные глаза сверкали ненавистью. Длинные желтые пальцы с силой переплетались на поверхности стола.

— Ты, конечно, принимаешь меня за доверчивого дурачка! — выкрикнул он. — Уж не вообразил ли,

что я не додумался никого послать, чтобы за тобой проследили? Ну и дурак же ты! За тобой неотступно следовал Юсеф Али!

Секунду я простоял неподвижно: оцепенел от этих слов. Но как только их смысл дошел до меня, я с ревом бросился вперед. И в ту же секунду, прежде чем мои пальцы успели сомкнуться на горле усмехающегося кошмарного существа, со всех сторон на меня кинулись люди. Я повернулся. Из круга надвигающихся на меня лиц ненависть четко выделила одно — Юсефа Али. Я со всей силы врезал ему в висок. Он упал, но Хассим тут же дал мне подсечку под колени, а китаец накинул мне на плечи сеть, которой ловят людей. Я пытался выпрямиться, разрывая крепкие веревки, точно обыкновенные тесемки, но тут дубинка Ганра Сингха свалила меня, ошеломленного и залитого кровью, на пол.

Сильные руки схватили меня и связали; веревки жестоко вонзились в плоть. Страхивая обморочный туман, я обнаружил, что лежу на алтаре. Катулос, прикрывшись маской, склонился надо мной, точно высоченная башня из слоновой кости. Позади полукругом выстроились Ганра Сингх, Яр-хан, Юн Шату и другие завсегдатаи Храма Грез. А то, что я увидел позади всех, пронзило меня в самое сердце: Зулейка съежилась в дверном проеме, ее лицо побелело, как простыня, а руки прижались к щекам. Сказать, что она была в ужасе — значит, ничего не сказать.

— Я тебе совсем не доверял, — прошипел Катулос, — вот и отправил Юсефа Али следить за каждым твоим шагом. Он добрался до рощицы раньше твоей машины, прокрался в усадьбу и услышал весьма интересный разговор. Он ведь, как кошка, вскарабкался по стене и притаился на подоконнике! Потом твой шофер нарочно задержался, чтобы дать Юсефу Али вдоволь времени на обратный путь. Я-то решил в любом случае переменить жилище. Мебель уже в пути. Как только мы разделаемся с предателем, то есть с тобой, мы тоже отбудем и оставим здесь небольшой сюрприз для

твоего друга Гордона. Когда он притащится сюда? В пять тридцать?

Сердце у меня подскочило: значит, есть надежда! Юсеф Али что-то перепугал, и Катулос задержался здесь по ошибке, считая себя в безопасности. Но ведь лондонские полицейские уже оцепили дом! Обернувшись, я заметил, как Зулейка вышла через дверь.

Я смотрел на Катулоса во все глаза, но в смысла его слов не вникал. До пяти оставалось совсем немного; если бы он еще чуть-чуть потянул время... И тут я обмер, потому что по команде египтянина Ли Кунг, высоченный парень с бледным, как у мертвеца, лицом, выступил из полукруга молчаливых людей и достал из рукава длинный тонкий кинжал. Я поглядел на часы, стоящие на столе, и душа провалилась в пятки. Оставалось еще десять минут до пяти. Моя гибель не так уж много значила — в душе я успел себя похоронить, — но я видел внутренним взором, как Катулос со своими разбойниками спасаются бегством, пока полиция ждет, когда пробьет пять.

Катулос вдруг умолк на полуслове и прислушался. Наверно, его предупредила об опасности сверхъестественная интуиция. Визгливой скороговоркой он отдал команду Ли Кунгу, и китаец прыгнул вперед, нацелив кинжал мне в грудь.

И тут, казалось, застыло само время. Высоко надо мной зависло острие длинного кинжала; неожиданно громко и чисто прозвучала трель полицейского свистка, и тотчас началась невообразимая свалка у фасадной стены дома!

Катулос прыгнул к потайному люку, шипя, точно разъяренный кот, его прихвостни бросились за ним. Ли Кунг последовал за остальными, но Катулос, обернувшись, что-то ему приказал. Китаец поспешно вернулся к алтарю, где лежал я. На его лице появилась отчаянная решимость, он поднял кинжал.

Весь этот шум утонул в душераздирающем крике, и я, изогнувшись, чтобы избежать удара, успел уви-

деть, как Катулос тащит прочь Зулейку. И тогда, совершенно обезумев, я соскользнул с алтаря — как раз в ту минуту, когда кинжал Ли Кунга, проехав по моей груди, вонзился в темную поверхность и завибрировал.

Упав у самой стены, я не мог разглядеть, что происходило в комнате, но казалось, издали доносились жуткие нечеловеческие крики. Потом Ли Кунг высвободил кинжал и тигром вскочил на край алтаря. Одновременно в дверях грянул пистолетный выстрел. Китаец круто повернулся, кинжал выпал из его пальцев, а сам он грохнулся на пол.

В комнату вбежал Гордон — из той самой двери, где всего несколько секунд тому назад стояла Зулейка. Пистолет в его руке дымился. За ним ворвались трое мужчин в штатском с волевыми лицами. Гордон разрезал мои путы и рывком поставил меня на ноги.

— Быстрее! Куда они подевались? — Я отыскал люк и, потратив еще несколько секунд, нащупал рычаг. Детективы с пистолетами в руках окружили меня, они нервно поглядывали вниз, на неосвещенные ступеньки. Из крошечной темноты не доносилось ни звука.

— Просто мистика! — проворчал Гордон. — Вероятно, Хозяин и его слуги сбежали — ведь сейчас их явно здесь нет! Лири и его люди должны задержать их в туннеле или в задней комнате Юн Шату. Пора бы им объявиться.

— Осторожно, сэр! — вдруг воскликнул один из детективов, и Гордон, ойкнув, пришиб стволом пистолета громадную змею, беззвучно выползавшую по лестнице из тьмы.

— Поглядим, что там творится, — предложил он, выпрямляясь.

Но я не дал ему даже поставить ногу на верхнюю ступеньку. У меня мороз пошел по коже, когда я сообщил, отчего в туннеле такая тишина, почему до сих пор не пришли детективы, пробиравшиеся сюда с того конца коридора, что за крики я слышал несколько минут назад, лежа на алтаре. Рассмотрев как следует

рычаг, который отпирал люк, я нашел рядом другой, поменьше. Теперь я догадывался, что находилось в тех таинственных сундуках.

— Гордон, — прохрипел я, — у вас есть электрический фонарик?

Один из детективов подал фонарь.

— Направьте-ка свет в туннель. Но, если дорожите жизнью, не ставьте ногу на ступеньку.

Луч света разорвал тени, бесстрашно открыв картину, которую я до конца своих дней буду вспоминать с содроганием. На полу подземного коридора, между сундуками, раскрытыми настезь, лежали двое агентов самой лучшей секретной службы Великобритании. Их конечности были сведены судорогой, лица жутко искажены, а вокруг, извиваясь, ползали десятки мерзких рептилий.

* * *

Холодный серый рассвет крадучись проползал над рекой, а мы стояли в опустевшем баре Храма Грез. Гордон расспрашивал двоих полисменов, карауливших возле здания, когда их товарищи обследовали подземный ход.

— Как только мы услышали свисток, Лири и Мэркен кинулись в бар, а оттуда — в курительную, а мы согласно приказу ждали здесь, перед дверью бара. Оттуда сразу, шатаясь, выскочило несколько оборванных наркоманов, и мы их взяли. Но никто другой из здания не выходил, и мы не получили распоряжений от Лири и Мэркена, так что просто остались ждать здесь, сэр.

— Вы не видели негра-великана или китайца Юн Шату?

— Нет, сэр. Позднее прибыл патруль, и мы оценили здание, но не видели никого.

Гордон пожал плечами. Еще несколько немудреных вопросов убедили его в том, что полиция захватила действительно безобидных наркоманов, и он приказал их отпустить.

— Точно никто больше не выходил?

— Да, сэр... То есть минутку. Какой-то старик-нищий весьма жалкого вида, слепой и в грязных лохмотьях, его вела девушка, тоже оборванка. Мы его остановили, но решили не задерживать. Не может такой жалкий слепец внушать подозрения.

— Ах, не может? — взорвался Гордон. — Куда же он пошел?

— Девушка повела его по улице к следующему кварталу, а там остановилась какая-то машина, они в нее сели и уехали, сэр.

— О глупости лондонских полицейских уже давно по всему миру рассказывают анекдоты, — с горечью произнес Гордон. — Разумеется, вам и в голову не пришло, что нищий старик из Лаймхауза никак не может разъезжать в собственной машине.

Полицейский открыл было рот, чтобы возразить, но Гордон отмахнулся и повернулся ко мне.

— Мистер Костиген, давайте вернемся ко мне и уточним некоторые обстоятельства.

ГЛАВА 11

ЧЕРНАЯ ИМПЕРИЯ

*О, колья глинные в крови,
Несчастных женщин крики!
Придет ли, как для англичан,
День славный и великий?*

Манди

Гордон зажег спичку, но рассеянно дал ей погаснуть и выпасть из руки. Турецкая сигарета так и осталась незажженной у него между пальцами.

— Это самое логичное из возможных заключений, — проговорил он. — Слабое звено нашей цепи — нехватка людей. Но, проклятье, никто не способен в два часа ночи собрать целую армию и привести ее в боевую готовность, даже с помощью Скотланд-Ярда.

Я отправился в Лаймхауз и отдал приказ, чтобы за мной немедленно последовали несколько полицейских патрулей и окружили дом. Но они прибыли слишком поздно и не помешали слугам Хозяина выскочить из двери черного хода и в окна, а Хозяин, конечно, замешкался, чтобы переодеться и загримироваться. В этом наряде его и увидели полицейские. Он ловок и смел, а потому очень опасен, да тут еще Финнеган с Хансеном затеяли считать ворон. Девушка, которая его вела...

— Конечно, Зулейка.

Я выговорил это имя с показным безразличием. Снова гадая, что так привязало ее к египетскому чародею.

— Вы обязаны ей жизнью, — оборвал меня Гордон, зажигая другую спичку. — Мы стояли в тени перед складом, ждали, когда пробьет пять, и, разумеется, понятия не имели о том, что происходит в доме. И тут в одном из зарешеченных окон появляется девушка и именем Бога умоляет нас вмешаться, мол, убивают человека. Вот мы и ворвались. Однако ее уже не было в здании.

— Разумеется, она вернулась в комнату, — пробормотал я, — и ее заставили сопровождать Хозяина. Благодарение Богу, он не заподозрил ее в предательстве.

— Я ведь не знаю, — задумчиво сказал Гордон, бросая обгорелую спичку, — догадалась ли она, кто мы такие на самом деле, или просто ею двигало отчаяние. Как бы то ни было, свидетели показывают, что, услышав свисток, Лири с Мэркеном кинулись в заведение Юн Шату с парадного входа в тот самый момент, когда я с тремя людьми атаковал склад спереди. И, поскольку мы потратили несколько секунд на взлом двери, логично предположить, что они обнаружили потайной люк и вошли в подземный коридор еще до того, как мы проникли в здание склада. Хозяин же, заранее зная наши намерения, давно подготовил сюрприз... Я содрогнулся.

— ...Хозяин с помощью рычага открыл сундуки, — продолжал Гордон. — Лежа на алтаре, вы слышали предсмертные крики Лири и Мэркена. Затем Хозяин оста-

вил китайца, чтобы тот прикончил вас, а сам вместе с остальными спустился в подземный коридор, и, каким-то чудом пройдя невредимыми мимо змей, они поднялись в заведение Юн Шату, а оттуда удрали.

— Но это совершенно невозможно. Почему змей их не тронули?

Гордон наконец-то зажег сигарету и немного подымил, прежде чем ответить.

— Вероятно, рептилиям было не до них — они вымещали зло на умирающих. Или... У меня была возможность получить бесспорные доказательства власти Хозяина над теплокровными и пресмыкающимися, даже на самые низшие и опасные виды. Как он со своими слугами пробрался целым и невредимым мимо этих чешуйчатых дьяволов, пока остается одной из многих неразрешенных загадок.

Я нетерпеливо поерзал на стуле. Эти слова напомнили мне, для чего я приехал в аккуратную, но эксцентрично обставленную квартиру Гордона.

— Вы не объяснили, кто он такой и какова его цель.

— Могу только сказать: он известен под кличкой, которой его зовете вы, — Хозяин. Я никогда не видел его истинного лица. Я также не знаю ни его настоящего имени, ни национальности.

— Тут я могу хотя бы кое-что прояснить, — перебил я. — Я видел его без маски и слышал имя, которым его называют рабы.

У Гордона сверкнули глаза, он подался вперед.

— Его зовут Катулос, и он якобы египтянин.

— Катулос! — повторил Гордон. — Говорите, он якобы египтянин? У вас есть какие-то причины сомневаться в этом?

— Возможно, он и правда из Египта, — медленно выговорил я, — но он чем-то отличается от любого человеческого существа, которое я когда-либо видел или надеюсь увидеть. Возможно, некоторая странность объясняется его почтенным возрастом, но есть и определенные видовые расхождения. Моих познаний в

антропологии достаточно, чтобы утверждать: он с самого рождения обладает чертами, которые считались бы отклонениями от нормы у любого другого человека. Но для Катулоса они абсолютно закономерны. Допускаю, это звучит парадоксально, но вам бы самому посмотреть на него — вы бы тогда убедились в ужасной нечеловеческой сущности этого создания.

Гордон сидел молча — воплощенное внимание, а я торопливо перечислял приметы египтянина. Его черты неизгладимо отпечатались в моей памяти.

Когда я закончил, Гордон кивнул.

— Как я уже сказал, я видел Катулоса только под личиной нищего, или прокаженного, или еще кого-нибудь в этом роде, и он всегда был с ног до головы закутан в самые невообразимые лохмотья. И все-таки на меня тоже производила сильное впечатление его необычайность, чуждость. В других людях вы ничего подобного не найдете.

Гордон побарабанил пальцами по колену, — я уже понял, он всегда так делает, глубоко задумавшись.

— Вы спросили меня о целях этого существа, — не спеша начал он. — Расскажу все, что знаю сам.

Я занимаю исключительно важный пост в британском правительстве, возглавляю некую комиссию по особым поручениям — эта служба создана по моей личной инициативе. В войну я сотрудничал с «Секрет Сервис» и убедился в необходимости подобного отдела, как и моей способности им руководить.

Года полтора тому назад меня послали в Южную Африку выяснить причины беспорядков, растущих среди туземцев со времен Первой мировой войны. В последние годы эти волнения приняли поистине угрожающие размеры. Тут я впервые напал на след этого человека, Катулоса. Африка превратилась в кипящий котел от Марокко до Кейптауна. Окольными путями я выяснил, что здесь вспомнили старую клятву: все негры и мусульмане должны объединиться и сбросить белых людей в море. Этот заговор возник давным-давно, но мятежни-

ков много раз громили, и уцелевшие прятались. Однако теперь я почувствовал за этой таинственной завесой гигантский интеллект, чудовищный гений, достаточно мощную силу, чтобы воскресить союз и осуществить старый план. Я опирался только на уклончивые намеки и случайно оброненные фразы, но сумел пройти по следу через всю Центральную Африку, до самого Египта. И там наконец отыскал доказательство тому, что такой человек действительно существует. Люди шептались мне о каком-то живом мертвце, о человеке с костяным лицом. Я выяснил, что этот субъект — верховный жрец таинственного культа Скорпионов в Северной Африке. Называли его по-разному: то Человек с Костяным Лицом, то Хозяин, то Скорпион.

Официально получая сведения у чиновников и пользуясь утечкой информации государственных спецслужб, я наконец добрался до Александрии, где впервые его увидел в туземном квартале, в притоне — Катулос был замаскирован под прокаженного. Я отчетливо слышал, как туземцы обращались к нему «Могущественный Скорпион». Тогда ему удалось от меня скрыться, оборвав все следы.

Я ничего не смог предпринять, пока до меня не дошли слухи о странных происшествиях в Лондоне. И я вернулся в Англию, чтобы расследовать утечку информации в военном ведомстве.

Как я и предполагал, Скорпион опередил меня. Этот человек, чье образование и тонкий интеллект превосходили все, с чем мне приходилось сталкиваться, оказался всего-навсего вождем и подстрекателем распространившегося по всему миру заговора. Правда, таких масштабов планета еще не знала. Короче говоря, он ведет войну против белой расы, намереваясь одолеть ее господство!

Его цель — создание черной империи, причем он сам будет императором всего мира! Для этого он объединил в чудовищном союзе черных, коричневых и желтых.

— Теперь я понимаю, что подразумевал Юсеф Али, когда говорил: «в Дни Империи», — пробормотал я.

— Вот именно! — Гордон в волнении стукнул по колену кулаком. — Власть Катулоса безгранична и непредсказуема. Щупальца этого спрута проникли во все очаги цивилизации, во все дальние уголки мира. Главное его оружие — наркотики. Он наводнил Европу и, разумеется, Америку опиумом и гашишем, и, несмотря на все наши усилия, до сих пор не обнаружены границы, через которые поступает эта мерзость. С ее помощью он соблазняет и поработачивает мужчин и женщин. Вы мне рассказали о людях аристократической внешности, которых видели в притоне Юн Шату. Несомненно, это наркоманы: ведь этот порок, как я уже сказал, тайно угнездился в высших классах общества. Многие жертвы наркотиков занимают высокие должности и расплачиваются с Катулосом государственными тайнами, а также покрывают его преступления.

О, наобум он не работает! Прежде, чем обрушить на нас черный шквал, он как следует подготовится. Если добьется своего, белые правительства будут ослаблены коррупцией, а самые сильные представители нашей расы погибнут. Он овладеет всеми нашими военными секретами. Когда начнется война, цветные нанесут нам удар в спину. И удар этот будет тем страшнее, что цветные переняли у белых всю военную науку. Под началом такого гения, как Катулос, владея лучшим оружием белых, эта армия будет практически непобедимой.

В Западную Африку устремился могучий поток оружия и боеприпасов, и он не иссякнет, пока я не раскрою его источник. Я обнаружил вполне респектабельную шотландскую фирму, которая контрабандой доставляла это оружие туземцам, и даже более того: управляющий фирмой оказался наркоманом. Этого было достаточно: я понял, что тут не обошлось без Катулоса. Управляющего арестовали, и он покончил с собой в тюремной камере — и это лишь одно из многих щупальцев, с которыми мне пришлось иметь дело.

А вот вам история майора Фэрлана Морли. Он выполнял не менее важную миссию, чем моя, в Трансва-

але, послал в Лондон кучу секретных документов. Все это поступило несколько недель назад и легло в банковский сейф. В сопроводительном письме содержалась инструкция: документы ни в коем случае нельзя отдавать никому, кроме самого майора, когда он явится за ними лично, или в случае его смерти их могу получить я.

Как только мне стало известно, что он приплыл на пароходе из Африки, я отправил доверенных людей в Бордо, где он намеревался совершить первую высадку в Европе. Им не удалось спасти жизнь майора, но они нашли его тело в трюме отслужившего свой срок и выброшенного морем на берег корабля. Сначала мы всячески пытались держать обстоятельства этого дела в секрете, но они все же просочились в прессу.

— Начинаю понимать, почему я должен был изображать этого несчастного майора, — вставил я.

— Именно так. Если приклеить накладную бороду и перекрасить волосы, вам оставалось бы явиться в банк, обратиться к банкиру, который знал майора Морли ровно настолько, чтобы его обманула ваша внешность, и документы попали бы в руки Хозяина.

Могу только догадываться о содержании этих бумаг, потому что события развивались слишком быстро, и я, получив приказ, никак не смог до них добраться. Но думаю, в них содержатся сведения о людях, прочно связанных с Катулосом. Как он узнал об этих документах и о сопроводительном письме, представления не имею, но повторю, Лондон кишит его шпионами.

Ища ответа к загадке, я часто наведывался в Лаймхауз, переодевшись и загримировавшись, — однажды вы сами меня увидели в образе наркомана. Я сделался завсегдатаем Храма Грез и даже ухитрился побывать в задней комнате, так как подозревал, что где-то на задворках происходят таинственные события. Когда я не нашел выхода наружу, это сбило меня с толку, а времени на поиски люка не осталось, потому что явился этот проклятый негр Хассим и вышвырнул меня. К счастью, он не подозревал, кто я на самом деле. Я заметил

прокаженного, очень часто приходящего к Юн Шату, и в конце концов догадался, что этот мнимый калека — сам Скорпион.

В ту ночь, когда вы заметили меня в курительной, я пришел туда без определенного плана. Увидев, что Катулос уходит, я решил встать с койки и последовать за ним, но вы все испортили. — Гордон потер подбородок и невесело усмехнулся.

— В Оксфорде я был чемпионом бокса среди любителей, — заметил он, — но сам Том Крибб не устоял бы под тем ударом.

— Сожалею, хотя мало о чем мне приходится так сожалеть.

— Нет нужды. Ведь я обязан вам жизнью. Вы сбили меня с ног, но я не настолько потерял сознание, чтобы не соображать. Я сразу понял: этот шоколадный дьявол Юсеф Али не успокоится, пока не проткнет мне сердце.

— Но как вы оказались в доме сэра Холдред Френтона? И почему не привели полицейских в вертеп Юн Шату?

— А я знал: Катулоса так или иначе предупредят, и мы останемся с носом. А у сэра Холдред я оказался в ту ночь потому, что после его возвращения из Конго решил охранять его по ночам. Я опасался покушения на его жизнь. Из его собственных уст я услышал о подготовке им мирного договора с тайными обществами туземцев Западной Африки.

Он начал над ним работать, исходя из своих открытий, сделанных во время путешествия. Сэр Холдред намекал, что после подписания договора он собирается сделать несколько сенсационных сообщений. Поскольку Катулос готов уничтожить любого, кто способен поднять против него западный мир, понятно, что сэр Холдред был обречен. В самом деле, на него дважды покушались, еще пока он продвигался вдоль африканского берега. Вот я и направил к нему верных людей, они даже сейчас на посту. Бродя по неосвященному дому, я услышал шум — это проникали вы. Я

предупредил охранников и спустился на первый этаж. Пока мы с вами беседовали, сэр Холдред сидел в темном кабинете, а вокруг него стояли агенты Скотланд-Ярда с пистолетами наготове. И конечно, мы обязаны их бдительности: именно благодаря ей Юсефу Али не удалось раскрыть ваши планы. Что-то в вашем поведении, вопреки логике, убедило меня, — сказал Гордон задумчиво. — Сознаюсь, были у меня сомнения, когда я ждал в потемках перед складом.

Гордон вдруг поднялся, прошел в угол комнаты и достал из сейфа тонкий конверт.

— Катулос почти всегда меня опережал, — добавил он, — но и я не бездействовал. Я внимательно наблюдал за завсегдатаями притона Юн Шату и составил, хотя и неполный, список подручных египтянина с указаниями примет каждого. Ваш рассказ позволил мне дополнить этот перечень. Насколько нам известно, сторонники Катулоса есть во всем мире, и возможно, здесь, в Лондоне, их сотни. Но в этот список попало, как я считаю, его ближайшее окружение. Он сам проговорился, что некоторые приближенные даже видели его без маски.

Мы склонились над списком, содержащим следующие имена: «Юн Шату, гонконгский китаец, подозревается в контрабанде наркотиков, содержатель Храма Грез, проживает в Лаймхаузе в течение семи лет. Хассим, бывший вождь в Сенегале — разыскивается во Французском Конго за убийство. Сантьяго, негр — сбежал с Гаити, подозревается в жестоких культовых ритуалах с приношением человеческих жертв, африканец, о деятельности в последние годы ничего не известно. Юсеф Али, мавр, марокканский работорговец — во время войны был немецким шпионом, подстрекатель восстания феллахов на Верхнем Ниле. Ганра Сингх, уроженец Лахора в Индии — сикх, контрабандой ввозил оружие в Афганистан, принимал активное участие в восстаниях в Лахоре и Дели, подозревается в нескольких непредумышленных убийствах, опасен. Стивен Костиген, американец, после

войны живет в Англии, потребляет гашиш, обладает невероятной силой. Ли Кунг, из Северного Китая, промышляет торговлей опиумом».

Три имени были выделены жирной чертой: мое, Ли Кунга и Юсефа Али. К моему имени больше ничего не добавлено, а насчет Ли Кунга Гордон торопливым вихляющим почерком дописал: «Застрелен Джоном Гордоном во время облавы в заведении Юн Шату». А после имени Юсефа Али я прочел: «Убит Стивенем Костигеном при облаве в заведении Юн Шату».

Я невесело рассмеялся. Будет когда-нибудь создана черная империя или нет, но Юсефу Али не суждено заключить Зулейку в свои объятия.

— Уж не знаю, — задумчиво произнес Гордон, возвращая список в конверт, — чем Катулос объединит и подчинит черных и желтых, — но ему удалось сломать закоренелых врагов цивилизации. Под его знаменами собрались и индусы, и мусульмане, и язычники. А там, на Востоке, где действуют гигантские силы, это объединение совершается в чудовищном масштабе.

Гордон глянул на часы:

— Уже почти десять. Располагайтесь здесь как дома, а я съезжу в Скотланд-Ярд, узнаю, что интересного нашли на новой квартире Катулоса. Думаю, что из нашей паутины ему уже не выскользнуть. Обещаю вам: мы выследим шайку, самое большее, за неделю.

ГЛАВА 12

ШРАМ ОТ КРИВОЙ САБЛИ

*Сытный мир проторенной дорогой тут
Кружится, а тощие волки жгут.*

Манги

Я сидел один в квартире Джона Гордона и безрадостно посмеивался. Несмотря на стимулятор-эликсир, напряжение бессонной ночи, вкупе с предыдущими

тяжкими испытаниями, давали о себе знать. Воображение рисовало необычную карусель — с неописуемой быстротой мелькали лица Гордона, Катулоса, Зулейки. Сведения, предоставленные мне Гордоном, смешались в один клубок, невозможно было отделить факты один от другого.

И сквозь все эти затуманенные лица и мельтешащие факты проступала одна-единственная мысль: я должен найти новое логово египтянина и вырвать Зулейку из его рук — если она еще жива.

Неделя, сказал Гордон. Я опять рассмеялся. Через неделю я уже буду не в состоянии помочь кому бы то ни было. Фляжки эликсира мне хватит, самое большее, на четыре дня. Четыре дня, чтобы прочесать все крысиные норы Лаймхауза и Чайна-Тауна, чтобы разыскать в лабиринтах Ист-Энда убежище Катулоса.

Мне не терпелось начать поиски, но организм взбунтовался. Пошатываясь, я добрался до дивана, упал и моментально заснул.

— Проснитесь, мистер Костиген! — Я сел, щурясь и изо всех сил протирая глаза. Надо мной стоял Гордон с совершенно измученным лицом.

— Дьявольский план удался. Скорпион ужалил еще раз.

Я вскочил, спросонья только отчасти осмыслив эти слова. Гордон помог мне натянуть пиджак, нахлобучил мне на голову шляпу. Потом я почувствовал его уверенную руку. Он вывел меня из комнаты, и мы спустились по лестнице. Уличные фонари горели вовсю. Сколько я проспал?

— Закономерное убийство! — Слова моего спутника едва доходили до меня. — Он должен был известить меня тотчас по прибытии.

Мы очутились на краю тротуара, Гордон подозвал такси и назвал адрес отеля в деловом районе.

— Не понимаю... — сонно начал я.

— Барон Роков, — пояснил Гордон; мы уже мчались с бешеной скоростью. — Русский журналист и

политик, связанный с военным ведомством. Вчера он пернул из Монголии — очевидно, сбежал. Он, конечно, узнал что-то важное насчет пробуждения Востока. С нами Роков не успел связаться, и я даже не подозревал, что он в Англии.

— И как вы узнали?..

— Барона нашли в его номере. Труп самым ужасным образом изрублен.

В респектабельном и удобном отеле — последнем пристанище злосчастного барона — царил переполох. Гостиницу уже наводнили полицейские. Администрация пыталась успокоить гостей, но те каким-то образом узнали об ужасном происшествии, и многие спешили съехать, тем более, что полиция намеревалась провести расследование по всей форме.

Номер барона на верхнем этаже описывать не возьмусь. Даже на войне я не видел подобного хаоса. Мертвеца обнаружила горничная с полчаса назад, и с тех пор здесь никто ничего не трогал. Столы и стулья в беспорядке валялись на полу, мебель, пол и стены были залиты кровью. На середине комнаты лежал рослый мускулистый мужчина, и выглядел он поистине жутко. Ему разможили череп до самых бровей, под мышкой зияла глубокая рана, виднелись сломанные ребра; левая рука превратилась в кусок кровавого мяса. На бороде лицом застыло выражение неопишуемого ужаса.

— Наверняка тут поработали тяжелым кривым клинком, — сделал вывод Гордон. — Что-то вроде сабли. И удар нанесен с невероятной силой. Посмотрите-ка сюда: промахнувшись, убийца рассек подколотник толщиной несколько дюймов. А вот эту спинку тяжелого стула перерубили, точно лист фанеры. Определенно, это сабля.

— Кривая сабля, — задумчиво подтвердил я. — Неужели вы не узнаете почерк мясника из центральной Азии? Здесь побывал Яр-хан.

— Афганец! Он, несомненно, пробрался по крышам и спустился на подоконник по перевязанной уз-

лами веревке. Около половины второго горничная проходила по коридору и услышала страшный шум в номере у барона — грохот падающих стульев и короткий вопль, который тут же сменился хрипом. А еще звучали тяжелые приглушенные удары, подобные издаст мясницкий топор при разделке туши. Затем вдруг наступила тишина. Горничная позвала управляющего, и они хотели войти в номер, но дверь оказалась заперта. Они звали барона по имени, а, не получив ответа, отомкнули дверь запасным ключом. В номере они нашли только труп. Окно было распахнуто. Это странным образом отличается от обычных преступлений Катулоса. Слишком грубая работа. Египтянин почти всегда заботится о том, чтобы смерть его жертв выглядела естественной. Ничего не понимаю.

— Ну, результат тот же самый, — возразил я. — В номере не оставили прямых улик, изобличающих убийцу.

— Верно. — Гордон нахмурился. — Мы знаем, кто это сделал, но доказательств никаких, даже отпечатков пальцев нет. Если даже мы разыщем и арестуем афганца, то ровным счетом ничего не добьемся. Найдутся десятки прохвостов, которые подтвердят его алиби. Барон вернулся только вчера. Катулос, вероятно, до сегодняшнего вечера не знал о его приезде. Он понял, что Роков завтра же свяжется со мной и поделится тем, что ему удалось узнать в Северной Азии. Египтянин решил бить наверняка. Так как у него не хватило времени на более хитроумный план, он послал в отель афганца с саблей. Тут мы ничего не можем сделать, по крайней мере, пока не найдем убежище Скорпиона; а уж то, что барон узнал в Монголии, навсегда останется для нас тайной. В одном можно не сомневаться: это связано с заговором Катулоса.

Мы снова спустились по лестнице вместе с Хансеном, детективом из Скотланд-Ярда. Оказавшись на улице, Гордон предложил нам пойти пешком к нему домой, и я порадовался возможности впустить свежий ночной

воздух в темные лабиринты моего мозга и смести обрывки мрачных мыслей, подобно клочьям паутины.

На пустынной улице Гордон крепко выругался.

— Но ведь мы просто блуждаем в потемках! Здесь, в столице цивилизованного государства, заклятый враг цивилизации совершает гнусные преступления и ходит на свободе. Получается, что мы — малые дети, плутающие в ночном лесу, где рыщут волки-людоеды. Настоящего дьявола из ада мы пытаемся победить оружием закона. Его истинной сущности мы по-прежнему не знаем, и об истинных размерах его честолюбия можем только догадываться! Ни разу нам не удалось арестовать хотя бы одного из ближайших помощников египтянина, а те немногие простофили — слепые орудия его воли, которых мы задерживали, таинственно покидали этот мир, не успев ничего рассказать. Чем же все-таки околдовал Катулос людей самых разных верований и национальностей? Допустим, в Лондоне его окружают отщепенцы, наркоманы, но ведь его щупальца оплели весь Восток. Несомненно, он владеет таинственной силой. Удалось же ему отправить на верную смерть китайца Ли Кунга и заставить мусульманина Яр-хана пройти по крышам Лондона и совершить страшное преступление. И эта сила держит в невидимых оковах рабства черкешенку Зулейку.

Конечно, нам известно, — продолжал Гордон после недолгих раздумий, — что на Востоке есть тайные общества, стоящие выше каких бы то ни было государственных соображений и догматов веры. В Африке и Азии имеются культуры, чье происхождение уходит в далекое прошлое, к Офиру и гибели Атлантиды. Этот человек, должно быть, обладает властью над этими обществами или хотя бы над некоторыми из них. Но ведь я не знаю ни одного восточного народа, за исключением евреев, который остальные восточные племена презирал бы так, как египтян. И все-таки мы имеем дело с человеком, выдающим себя за египтянина, — и этот человек держит в своих руках жизни и судьбы и

ортодоксальных мусульман, и индусов, и синтоитов, и дьяволопоклонников. Уму непостижимо! Слыхали вы когда-нибудь, — он вдруг резко повернулся ко мне, — упоминания океана в связи с Катулосом?

— Никогда.

— В Северной Африке есть поверье, о нем говорят только шепотом. Очень древняя легенда о том, что великий вождь всех цветных народов в один прекрасный день выйдет из моря! И как-то я слышал от одного бербера слова «Сын Океана». Он говорил о Скорпионе!

— Но так обычно в племени берберов выражают уважение, разве вы этого не знаете?

— Знаю. И все-таки иной раз удивляюсь.

* * *

— Как поздно открыта эта лавка! — удивился Гордон.

На Лондон опустился туман, а на тихой улочке мерцали огоньки в красноватой дымке, столь характерной для теперешних атмосферных условий. Наши шаги отдавались мрачным эхом. Даже в самом центре великой столицы всегда можно забрести в местечко на вид безлюдное и забытое. Такова и эта улица. Мы не видели ни одного полисмена.

Лавка, которая привлекла внимание Гордона, находилась как раз перед нами, на той же стороне улицы, где мы шли. Вывеска над дверью отсутствовала, виднелась только эмблема, что-то вроде дракона. Из отворенной двери и с витрин струился свет. Поскольку дверь вела не в кафе или гостиницу, мы от нечего делать заинтересовались, чем тут торгуют в столь поздний час. При обычных обстоятельствах никто из нас не обратил бы внимания на такую странность, но нервы у нас были на пределе, и все, выбивающееся из ординарного порядка вещей, не могло не вызывать подозрения. И тут произошло нечто, явно нарушившее обыденность.

Очень высокий и худой мужчина, сутулясь, неожиданно выскочил из-за угла как раз перед нашим носом. Я успел бросить на него один-единственный взгляд. Худоба производила сильное впечатление, одет он был в измятый поношенный костюм, шелковая шляпа с высокой тульей опущена до самых бровей, а лицо скрыто шарфом. Он быстро повернулся и вошел в лавку. Холодный ветер прошелестел по улице, сгоняя туман в отдельные прозрачные клочки, но мурашки, пробежавшие у меня по коже, были вызваны не ветром.

— Гордон! — Я старался говорить потише. — Или у меня распоясалось воображение, или в этот дом только что вошел сам Катулос?

У Гордона сверкнули глаза. Мы как раз поравнялись с лавкой, и он, перейдя на бег, ринулся в дверь, а мы с детективом постарались не отстать от него ни на дюйм.

Нашим взорам предстал весьма фантастический ассортимент товаров. На стенах висела уйма древнего оружия, а на полу громоздились любопытнейшие предметы. Майорийские идолы подпирали плечами китайских кумиров, сваленные в кучи средневековые доспехи темнели среди множества ковров и шалей времен Римской империи. Лавка оказалась антикварной. Но мы не увидели в ней того, кто вызвал наш интерес.

Из задней части лавчонки вышел старик в причудливом наряде: парчовый халат, красная феска и турецкие домашние туфли. Он походил на левантийца.

— Что-нибудь желаете, благородные господа?

— Я вижу, вы открыты допоздна, — заметил Гордон, рыща взглядом в поисках тайного убежища.

— Да, сэр. Среди моих покупателей множество чудаков — преподавателей и студентов. Они ведут довольно беспорядочный образ жизни. А с проходящих ночью судов мне часто доставляют интересный товар. Я торгую всю ночь, сэр.

— Мы просто зашли посмотреть. — Гордон повернулся и тихо приказал Хансену: — Иди к задней двери и задержи любого, кто попытается выйти черным ходом.

Хансен кивнул и, стараясь не привлекать к себе внимания, двинулся в указанном направлении. Мы отлично видели заднюю дверь, хотя помещение загромождали антикварная мебель и тусклые ковры, выставленные на обозрение. Мы так быстро последовали за Скорпионом — если это действительно был он, — что он едва ли успел пройти через весь магазин и выскользнуть незамеченным. Мы не спускали глаз с черного хода с тех пор, как переступили порог.

Мы с Гордоном неспешно бродили между всевозможными редкостями и с самым невинным видом обсуждали некоторые из них, хоть я понятия не имел об их цене. Левантиец, скрестив ноги, уселся на мавританский коврик в середине помещения и, по всей видимости, проявлял к нам лишь вежливый интерес.

Через некоторое время Гордон прошептал мне: — Больше не имеет смысла притворяться. Во все места, где легко мог бы спрятаться Скорпион, мы заглянули. Лучше я представляюсь, и мы как следует обыщем все здание.

Пока он говорил, у парадного входа затормозил грузовик, и в лавку вошли два здоровенных негра. Левантиец явно поджидал их. Взмахом руки он указал на заднюю часть лавки, и они жестами дали знать, что поняли его.

Вертикально у задней стены стоял длинный ящик, вроде футляра для мумии. Мы с Гордоном внимательно наблюдали, как негры подошли к ящику, перевернули горизонтально и осторожно понесли к двери.

— Стойте! — Гордон шагнул вперед и властно поднял руку. — Я представитель Скотланд-Ярда и уполномочен делать все, что сочту необходимым. Поставьте-ка мумию и ничего не выносите из лавки, пока мы ее не обыщем.

Негры беспрекословно подчинились, а мой друг повернулся к левантийцу. Тот внешне ничуть не встревожился и даже, казалось, не заинтересовался. Знай себе сидел и покуривал трубку.

— Меня интересует высокий мужчина, который вошел сюда за секунду до нас. Кто он и куда подевался?

— До вас никто не входил, сэр. А если и вошел случайно, так я стояла у задней двери и не заметил. Вы, конечно, вольны обыскать мою лавку, сэр.

Мы так и сделали, соединив искусство агента «Сикрет Сервис» и обитателя преступного мира. Хансен твердо стоял на своем посту, а оба негра застыли возле ящика с мумией. Левантиец сидел, точно сфинкс, на коврике, попыхивая трубкой. От всего этого веяло нереальностью.

Наконец мы в полном недоумении вернулись к ящику с мумией. Он был достаточно велик, чтобы спрятать даже такого рослого человека, как Катулос. Ящик оказался незапечатанным, и Гордон без труда поднял крышку. Нашим глазам престало нечто бесформенное, обмотанное полусгнившими тряпками. Гордон раздвинул их, приоткрыв руку со сморщенной темной кожей, и невольно вздрогнул, как будто коснулся ядовитого гада. Затем снял с ближайшей полки металлического идола и постучал им по усохшей груди и по руке. Раздался глухой звук, как от ударов о дерево.

Гордон пожал плечами.

— Мертв, по меньшей мере, две тысячи лет. Наверно, не стоит портить такую ценную мумию ради того, чтобы доказать это.

Он снова закрыл ящик.

— Надеюсь, я ничего не повредил.

Последнюю реплику Гордон адресовал левантийцу, а тот ответил лишь вежливым жестом. Тут негры опять подняли ящик и понесли к грузовику, и через секунду мумия, машина и грузчики исчезли в тумане.

Гордон все еще заглядывал во все углы, а я застыл посреди лавки. Казалось, будто сквозь все повязки, закрывающие лицо мумии, меня обожгли ненавидящим взглядом громадные глаза. Эти глаза, похожие на два желтых огня, проникли мне в самую душу, заставили оцепенеть. Сначала я объяснил это игрой отравленного

наркотиками воображения, но, когда ящик пронесли через дверь, я понял, что мумия человека, мертвого уже Бог знает сколько веков, безмолвно смеется над нами.

ГЛАВА 13

МЕРТВЕЦ ИЗ МОРЯ

Гордон свирепо пыхал дымом турецкой сигареты и ненавидяще смотрел на сидевшего напротив него Хансена.

— Полагаю, мы должны «отпраздновать» еще одну неудачу. Камонос, этот левантиец, очевидно, человек египтянина, и совершенно ясно, что во всех стенах и полах его лавочки полно тайных лазеек, которые и чародея поставили бы в тупик.

Хансен что-то буркнул в ответ, а я промолчал. Стой минуты, как мы вернулись на квартиру Гордона, меня не покидало ощущение слабости и заторможенности, но причина крылась не только в моем состоянии в последние дни. Мой организм был полон эликсира, но мозг работал до странности замедленно, тяжело было воспринимать и осознать окружающее, дьявольский наркотик уже не стимулировал мои умственные способности.

Это состояние покидало меня медленно, точно туман, поднимающийся с поверхности озера; казалось, я постепенно выхожу из долгого и неестественно глубокого сна.

Я услышал снова слова Гордона:

— Многие я отдал бы, чтобы узнать, является ли Камонос рабом Катулоса, и еще — удалось ли Скорпиону сбежать каким-то обычным путем.

— Камонос — его слуга, это точно. — Я осознал, что медленно выговариваю эти слова, как бы ощупью находя каждое из них. — Когда мы выходили, я заметил, как он бросил взгляд на изображение скорпиона у меня на ладони. Он сразу сощурился, а когда мы по-

кинули лавку, ухитрился подойти ко мне вплотную и поспешно шепнуть: «Сохо, сорок восемь».

Гордон резко выпрямился, точно спица, которую согнули и тут же отпустили:

— Ах, вот как?! — рявкнул он. — Что же вы мне сразу не сказали?

— Не знаю.

Мой друг внимательно посмотрел на меня.

— Я заметил всю дорогу из этой лавки вы производили впечатление одурманенного, — сказал он. — Я приписал это гашишу. Но нет. Несомненно, Катулос — искусный ученик Месмера, чем и объясняется его власть над пресмыкающимися, и я начинаю верить, что здесь и кроется истинный источник его господства над людьми. Только что в этой лавке Хозяин ослабил вашу бдительность и частично овладел сознанием. Из какого тайного убежища он послал мысленные волны, распатавшие ваш мозг, я не знаю, но уверен: Катулос скрывался в лавке.

— Да, в ящике для мумии.

— В ящике для мумии! — воскликнул Гордон. — Но это немыслимо! Мумия заполняла весь ящик, даже такое тощее существо, как Хозяин, не могло бы там поместиться!

Я пожал плечами, будучи не в состоянии оспорить эту истину, но и не сомневаясь в справедливости своего заявления.

— Камонос, — продолжал Гордон, — несомненно, не входит в ближайшее окружение Хозяина и не знал о вашей «измене». Он увидел знак скорпиона и принял вас за шпиона Хозяина. Все это может оказаться ловушкой, но мне сдается, он был искренен, — возможно, по указанному им адресу и скрывается новое логово.

Я подозревал, что Гордон прав.

— Вчера я спечатал архив Морли, — продолжал Гордон. — Пока вы спали, я просмотрел те бумаги. Большинство из них подтверждают уже известное мне — насчет волнений среди туземцев. Повторяется вывод, что за всем этим должен стоять один гениаль-

ный разум невероятного масштаба. Но я обнаружил в записях одно обстоятельство, которое меня сильно заинтересовало. Думаю, оно заинтересует и вас.

Гордон достал из сейфа листы, исписанные сжатым аккуратным почерком несчастного майора, и приглушенным голосом (сквозь монотонность все-таки пробивалось волнение) прочитал кошмарный рассказ:

«Я считаю, надо написать об этом происшествии, а дальнейшее покажет, насколько все это важно. В Александрии, где я провел несколько недель, пытаюсь вновь выйти на след человека, именующего себя Скорпионом, мой друг Ахмедшах познакомил меня с известным профессором-египтологом Эзрой Шулером из Нью-Йорка. Он подтвердил заявление, сделанное различными специалистами, относительно легенды «о человеке из океана». Источник этого мифа, переходящего из поколения в поколение, кроется в тумане древних времен. Вкратце его можно изложить так: в один прекрасный день из моря выйдет человек и принесет народу Египта победу над всеми остальными. Эта легенда распространена по всему континенту, и темнокожие племена считают, что она говорит о приходе императора вселенной. Профессор Шулер убежден, что миф как-то связан с погибшей Атлантидой, которая, по его мнению, была расположена между Африкой и южноамериканским континентом, и ее обитателям подчинялись предки египтян. Слишком долго было бы описывать тут ход его рассуждений, и они слишком туманны. Вам достаточно знать, что он поведал мне странную, даже фантастическую историю. Его близкий друг фон Лорфмон, ученый из Германии, ныне покойный, несколько лет назад поплыл к берегам Сенегала с целью поисков и изучения редких форм морской жизни. Для этого он нанял небольшое торговое судно с командой из мавров, греков и негров.

Несколько дней берег был вне видимости, и вдруг они увидели за бортом какой-то предмет. Это оказался ящик, или футляр для мумии, но самого необычного вида. Профессор Шулер перечислил мне отличия этого

ящика от классического египетского. С его слов — преимущественно технических терминов — у меня сложилось впечатление, что это был диковинной формы ящик с резьбой по всей поверхности — но не клинописью и не иероглифами. Водонепроницаемый и воздухо непроницаемый ящик был покрыт толстым слоем лака, и фон Лорфмон долго не мог его открыть. Тем не менее он справился, даже не повредив футляра, в котором обнаружил в высшей степени необычную мумию. Шулер утверждал, что прежде не видел ничего подобного.

При осмотре выяснилось, что находящийся в футляре предмет не подвергался обычной мумификации. Все части тела были неповрежденными, но туловище съезжилось и затвердело до прочности дерева. Ткани, обернутые вокруг мумии, рассыпались в прах, едва подверглись воздействию внешнего воздуха.

Громадное впечатление произвела на фон Лорфмона реакция команды. Греки проявили к находке средний интерес, но мавры, а пуще того негры на какое-то время просто обезумели! Когда ящик поднимали на борт, они все распростерлись на палубе и затянули молитвенное песнопение. Пришлось применить силу, чтобы удалить их из каюты, куда поместили мумию. Между ними и греками несколько раз возникали драки, и фон Лорфмон счел за лучшее поспешить в ближайший порт. Капитан приписал волнения обычному суеверию моряков, но фон Лорфмону казалось, что за беспорядками стоит более существенная причина, нежели покойник на борту.

Они причалили в Лагосе, и в ту же ночь фон Лорфмон был убит в своей каюте, а мумию вместе с футляром похитили. Все мавры и негры сбежали с корабля. Дело приняло самый злоеущий оборот. По словам Шулера, немедленно среди туземцев возникли волнения, они широко распространились и приняли осязаемые формы. Шулер связывает их со старой легендой.

Смерть фон Лорфмона — сплошная загадка. Он распорядился перенести мумию в свою каюту и, опасаясь фанатично настроенной команды, тщательно

запер и забаррикадировал дверь и иллюминаторы. Капитан, человек вполне надежный, утверждает, что абсолютно невозможно было войти в каюту снаружи. Все следы ясно показывают: каюту отперли изнутри. Ученого закололи кинжалом из его же собственной коллекции. Кинжал остался в груди.

Как я уже упомянул, африканский котел закипел. Шулер полагает, что туземцы сочли древнее пророчество исполнившимся. Эта мумия и была «человеком из моря».

По мнению Шулера, выловленный из моря предмет — наследие атлантов, а человек в ящике — уроженец погибшего континента. Он не берется объяснить, каким образом ящик всплыл из морских пучин через столько веков после исчезновения Атлантиды. Эту мумию, по его искреннему убеждению, возвели в божеский сан где-то в населенных призраками джунглях Африки, и, вдохновленные мертвецом, черные воины готовят всеобщую резню. Он также верит, что непосредственная причина угрожающей миру смуты — деятельность какого-то хитрого мусульманина».

Гордон закончил чтение и посмотрел на меня.

— Судя по этому рассказу, мумия предопределила весьма многое, — заметил он. — Немецкий ученый сделал несколько ее фотографий, и странно, что их не украли вместе с ней. Увидев эти снимки, Морли убедился: он на пороге какого-то чудовищного открытия. Дневник отражает его внутреннее состояние. День ото дня в нем все больше тумана и путаницы, все это граничит с сумасшествием. Что же так расстроило его? Не подверг ли Кагулос его гипнотическим чарам?

— Эти фотографии... — начал я.

— Попали в руки Шулера, и он дал одну из них майору Морли. Я нашел ее среди рукописей.

Гордон вручил мне снимок. Я взгляделся в фотографию, потом вскочил и налил себе бокал вина.

— Нет, это не мертвый идол из шаманской хижинны, — потрясенно заключил я. — Это чудовище, наделен-

ное жуткой формой жизни, оно скитается по всему миру в поисках жертв. Майор Морли видел Хозяина — вот почему у него помрачился рассудок. Гордон, я готов поклясться чем угодно, что на фотографии лицо Катулоса!

Гордон, не разжимая губ, глядел на меня.

— Почерк Хозяина. — Я засмеялся, охваченный мрачным весельем. Гордон, этот англичанин со стальными нервами, наверное впервые в жизни был абсолютно растерян.

Гордон облизал губы и проговорил почти неузнаваемым голосом:

— Господи! Ведь если вы правы, в мире не осталось ничего устойчивого. Человечество ступило на край бездны необъяснимых, безмянных ужасов. Если находка фон Лорфмона — действительно Скорпион, каким-то странным способом вернувшийся к жизни, то разве способен его одолеть простой смертный?

— Мумия в лавке Камоноса... — начал я.

— Да, конечно, человек, чьи мышцы окостенели за тысячелетия, не кто иной, как Катулос! У него как раз хватило времени сбросить лохмотья, закутаться в полотно и шагнуть в футляр прежде, чем мы вошли. Вы ведь помните, тот ящик стоял у самой стены и его загоразживал большой бирманский идол, не позволяя нам как следует его разглядеть. Господи Боже, Костиген, с каким доисторическим кошмаром мы столкнулись?!

— Я слышал об индийских факирах, они могут вести образ жизни, ничем не отличающийся от смерти, — припомнил я. — Почему бы не допустить, что Катулос, талантливое порождение Востока, привел себя в такое состояние, а его сторонники опустили футляр в океан, зная, что когда-нибудь он обязательно будет найден.

Гордон отрицательно покачал головой.

— Нет, я видел факиров, которые умели имитировать смерть до такой степени, чтобы превращаться в мумию. В своих записях Морли рассказал, что к находке фон Лорфмона прилипло много водорослей, обитающих только на самом дне океана. Да и породу дерева

фон Лорфмон затруднился назвать, хотя он один из крупнейших знатоков флоры. И в его заметках снова и снова подчеркивается необычайный возраст находки. По его мнению, невозможно установить, сколько лет этой мумии, но он уверен, что она пролежала в бездне морской не тысячи, а миллионы лет!

Мы должны смотреть фактам в лицо. Вы определенно убеждены, что на фотографии Катулос, а подделка тут почти невозможна. Исходя из этого, можно с уверенностью утверждать: Скорпион никогда не умирал, просто многие века тому назад его поместили в футляр для мумии, и все это время в нем каким-то образом поддерживалась жизнь. А возможно, он умер, а после его воскресили! Если рассматривать любое из этих предположений в холодном свете здравого смысла, оно кажется абсолютно невероятным. Неужели мы оба сошли с ума?

— Попробовали бы вы когда-нибудь гашиш, — мрачно ответил я. — Поверили бы во что угодно. Посмотрели бы хоть разок в жуткие глаза чародея Катулоса, глаза рептилии, — перестали бы сомневаться, что он одновременно и жив, и мертв.

Гордон выглянул в окно, его волевое лицо казалось совершенно изможденным в сером рассвете.

— В любом случае, — заключил он, — до восхода солнца я намерен тщательно обыскать два места: антикварную лавку Камоноса и дом на Сохо.

ГЛАВА 14

ХВАТКА СКОРПИОНА

*Но гордых башен страшен вид:
С них исполинья смерть глядит.*

Эдгар По

Хансен улегся на кровать и задремал, а я знай себе мерил шагами комнату. Прошел еще один день, и уличные фонари опять замерцали в тумане. Странно дей-

ствовали на меня их огни. Они представлялись твердыми волнами энергии, бьющимися в мою голову, проникающими внутрь. Они скручивали туман в удивительные фигуры. Как много ужасающих сцен пришлось осветить этим огням рампы в театре, который зовется лондонскими улицами! Я прижал ладони к пульсирующим вискам, пытаюсь вызволить мысли из хаотических лабиринтов.

Я весь день не видел Гордона. Пытаюсь разгадать загадку «Сохо, сорок восемь», он в первых лучах рассвета ушел организовывать обыск в этом доме, а меня оставил здесь под охраной Хансена. Гордон опасался покушения на мою жизнь, кроме того, он считал, что мне лучше не рыскать по знакомым притонам: это может насторожить наших врагов.

Хансен храпел. Я сел и начал разглядывать турецкие домашние туфли у себя на ногах. Зулейка тоже носила турецкие туфельки — как часто она появлялась в моих беспокойных снах, скрашивая своими чарами самые прозаические вещи! Она улыбалась мне в тумане, глаза светились ярче фонарей, призрачные шаги эхом отдавались в отравленных клетках моего мозга.

Эти шажки выбивали бесконечную дробь, привлекающая мое внимание и завладевая им, и вот уже кажется, будто их эхо сливается со звуками в коридоре за дверью. Я застыл, весь обратился в слух. Внезапно в дверь постучали, и я вздрогнул.

Хансен не проснулся. Я быстро пересек комнату и настежь распахнул дверь. Коридор наполняли причудливо кружащиеся клочки тумана, и за ними, точно за серебряной завесой, я увидел ее. Зулейка стояла передо мной, это ее волосы блестели, ее алые губы полураскрылись, и ее громадные темные глаза смотрели на меня.

Я молчал, словно язык проглотил, а она поспешно оглядела коридор, шагнула в комнату и затворила дверь.

— Гордон! — прошептала она взволнованно. — Твой друг! Он во власти Скорпиона!

Хансен проснулся и вытаращил глаза от изумления. Зулейка не обращала на него внимания.

— И еще, Стивен! — воскликнула она, и слезы выступили на глазах. — Я изо всех сил старалась достать еще немного эликсира, но ничего не вышло!

— Неважно. — Я наконец обрел дар речи. — Расскажи, что с Гордоном.

— Он вернулся в лавку Камоноса один, а Хассим и Ганра Сингх схватили его и доставили в дом Хозяина. Сегодня вечером у Скорпиона соберется целая толпа, чтобы принести Гордона в жертву!

— В жертву?! — У меня в жилах застыла кровь. — Неужели нет пределов этой мерзости? Зулейка, скорей говори, где дом Хозяина!

— Сохо, сорок восемь. Ты должен сообщить в полицию, но самому тебе идти нельзя.

Хансен вскочил, готовый действовать, но я повернулся к нему. Теперь я соображал совершенно трезво, или мне так казалось. Трезво и неестественно быстро.

— Подождите! — бросил я Хансену и снова повернулся к Зулейке. — На который час назначено жертвоприношение?

— Это случится, когда луна поднимется в зенит.

— То есть всего за несколько часов до рассвета. Еще есть шанс спасти его. Но, если окружить дом и напасть, они убьют Гордона прежде, чем мы до них доберемся. И одному Богу известно, какие дьявольские козни ожидают всякого, кто туда приблизится.

— Не знаю, — вдруг воскликнула Зулейка. — Я должна возвратиться, не то Хозяин меня убьет.

Как только она произнесла эти слова, мной овладела жгучая ярость.

— Никого твой Хозяин не убьет! — заорал я, высоко поднимая кулаки. — Он умрет еще до того, как порозовеет небо! Клянусь всем праведным и неправедным!

Хансен непонимающе уставился на меня, а Зулейка даже отшатнулась, когда я к ней приблизился. В моем изнуренном наркотиками мозгу внезапно вспыхнул свет истины.

Я знал, что Катулос — гипнотизер и полностью раскрыл секрет власти над сознанием и душами других людей. И я понял, наконец, причину его страшного господства над этой девушкой. Гипноз! Как змея зачаровывает и привлекает птицу, так и Хозяин держит при себе Зулейку с помощью невидимых оков.

И только одно могло разрушить эту власть: гипнотическая сила другого человека, более мощная, чем влияние Катулоса. Я положил руки на изящные девичьи плечи, повернул Зулейку к себе.

— Зулейка, — твердо произнес я, — здесь ты в безопасности. Больше не придется возвращаться к Катулосу. Ты свободна.

Но еще прежде, чем я начал внушать, я уже понял: ничего не выйдет. В ее глазах жил необъяснимый страх, и она забилась в моих объятиях.

— Стивен, ну, пожалуйста, отпусти меня! — взмолилась она. — Я должна... Должна...

Я подтащил ее к кровати и попросил у Хансена наручники. Он с нескрываемым удивлением достал их, я приковал тонкое запястье Зулейки к спинке кровати. Девушка плакала, но не сопротивлялась, ее прозрачные глаза взирали на меня с мольбой.

Я страдал, навязывая ей свою волю, но иного выхода не видел.

— Зулейка, — нежно пояснил я, — ты теперь моя пленница. Скорпион не сможет тебя обвинить в измене, ты ведь не в состоянии отсюда уйти. И прежде, чем взойдет солнце, ты полностью освободишься от его чар.

Не допускающим возражения тоном я обратился к Хансену:

— Оставайтесь здесь и не отходите от двери, пока я не вернусь. Ни в коем случае не впускайте сюда незнакомых людей. И поручаю вам эту девушку. Не отпускайте ее, как бы она вас ни уговаривала. Если ни я, ни Гордон не вернемся завтра к десяти утра, отвезите ее по этому адресу. Когда-то я дружил с живущей там

семьей, она позаботится о бездомной девушке. Я отправляюсь в Скотланд-Ярд.

— Ах, Стивен, — рыдая, сказала Зулейка, — неужели ты решил пойти в берлогу Хозяина? Ты погибнешь! Пошли туда полицию, а сам не ходи!

Я обнял девушку, ощутил прикосновение ее губ, а затем бросился вон.

Туман хватал меня призрачными пальцами, холодными, точно у мертвеца. Я мчался по улице. Определенных планов у меня не было, но кое-какие идеи возникли. Я остановился, заметив полицейского, неторопливо ходящего взад-вперед на посту. Поманил его, нацарапал записку, вырвал из блокнота листок и вручил ему.

— Срочно передайте в Скотланд-Ярд. Речь идет о жизни и смерти, и это касается Джона Гордона.

Услышав это имя, полицейский отдал рукой в перчатке честь и повернулся кругом, а я побежал дальше. В записке я сообщал, что Гордон захвачен преступниками по адресу Сохо, сорок восемь, и необходимо немедленно спешить к нему на выручку.

Дальнейшие мои действия определялись просто. Я знал, что при первых же признаках прибытия полиции судьба Гордона будет решена. Значит, мне необходимо любым способом пробраться к нему и защитить или освободить до появления полисменов.

Минуты растянулись в вечность, но наконец передо мной появился высокий мрачный силуэт дома номер сорок восемь. В такой поздний час лишь немногие осмеливались выйти на улицу в густой туман и морось. Я остановился перед непривлекательным зданием. Света в окнах не видно, ни внизу, ни наверху. Но пора скорпиона зачастую кажется покинутой — до той минуты, пока тебя не настигает ядовитое жало.

Я стоял перед зданием, и вдруг меня осенила отчаянная мысль. Так или иначе, к рассвету драма закончится. Сегодня ночью наступила кульминация, переломный момент моей жизни. Сегодня ночью я стал крепчайшим звеном в цепи невероятных событий.

Уже завтра не будет иметь никакого значения, останусь ли я жив или умру.

Я вытащил из кармана флажку с эликсиром. Хватит еще на два дня, если экономить. Еще два дня жизни! Но сейчас мне необходим стимулятор, как никогда прежде: ведь передо мной задача поистине непосильная для смертного. Если выпить все без остатка... Уж на всю ночь определено хватит. А у меня между тем дрожат ноги, в памяти провалы, то и дело начинаются приступы слабости. Я поднял и осушил флажку одним глотком.

Сначала мне почудилось, что пришла смерть. Никогда еще я не принимал такой дозы эликсира.

Небо и земля пошли крутом, казалось, я взлетаю среди миллиона вибрирующих осколков, на которые разорвался стальной шар-глобус. Подобно адскому огню, эликсир пробежал по моим кровеносным сосудам, и я сделался гигантом! суперменом! чудовищем!

Я повернулся и шагнул к грозному дверному проему. Определенного плана у меня не было, да я и не испытывал в нем нужды. Подобно тому, как пьяный блаженно ступает навстречу опасности, я шагнул в нору Скорпиона, надменно сознавая собственное превосходство, ощущая действие стимулятора и твердо веря, что для меня не существует преград.

Я стукнул четыре раза — по этому старому сигналу нас, рабов, допускали в комнату с идолом в заведении Юн Шату. В створке двери отворилось окошечко, на меня настороженно глянули раскосые глаза. Они слегка расширились, когда их владелец узнал меня, затем сузились, полыхнули злобой.

— Эй ты, дурень! — рявкнул я. — Что, знака не видишь? — Я поднес к окошку ладонь. — Не узнаешь? Отвори, черт бы тебя побрал!

Наверное, успеху содействовала сама отчаянность этой проделки. Конечно, теперь уже все рабы Скорпиона знали об измене Стивена Костигена, о том, что на нем клеймо смерти. И сам факт, что я пришел сюда, торопя судьбу, смутил часового.

Дверь отворилась. Человек, который меня впустил, высокий и тощий китаец, запер за мной дверь, и я увидел, что мы стоим в вестибюле, освещенном тусклой лампочкой; на улицу свет не пробивался по той причине, что окна были занавешены тяжелыми шторами. Китаец озадаченно глядел на меня. Я смотрел на него. И тут в его взгляде мелькнуло подозрение, рука нырнула за пазуху. Но еще мгновение, и я свалил и оседдал его, и его тонкая шея хрустнула, точно гнилой сук, в моей хватке.

Я опустил труп на толстый ковер и прислушался. Ничто не нарушало тишину. Крадучись, я шагнул вперед, пальцы мои согнулись, словно когти. Без шума я проник в комнату. Она была меблирована в восточном стиле: повсюду кушетки, циновки и богатые, с золотом, ковры, но никаких признаков жизни. Я миновал эту комнату и прошел в следующую. С люстр лился мягкий свет, а восточные циновки скрадывали мои шаги, казалось, я двигаюсь в зачарованном замке.

Каждую секунду я ждал нападения молчаливых убийц—из-за дверей, из-за портьер или из-за ширм с извивающимися драконами. Повсюду царило молчание. Я осматривал комнату за комнатой и наконец остановился перед лестницей. Вездесущие свечи разливали неровный свет, но большинство ступенек тонуло в сумраке. Что ожидает меня наверху?

Но страх и эликсир друг с другом несочетаемы, и я двинулся по лестнице так же смело, как только что входил в это убежище кошмара. Верхние комнаты мало чем отличались от нижних, в особенности сходство увеличивалось благодаря отсутствию малейших признаков человеческой жизни. Я искал чердак, но не нашел ни люка, ни двери, ведущей туда. Я решил найти вход в подвал и вернулся, но снова ничего не достиг. И тут я осознал невероятную истину: кроме меня самого и мертвеца, который лежит, так готескно распростертый в вестибюле, в этом доме нет людей. Ни живых, ни мертвых.

Это не укладывалось в голову. Если бы в комнатах отсутствовала мебель, я, естественно, пришел бы к

ыводу, что Катулос скрылся, но мне не встречалось никаких следов поспешного бегства. Невероятно, немислимо. Я стоял в обширной полутемной библиотеке и раздумывал. Нет, номером я не ошибся. Даже если бы в вестибюле не лежал изуродованный труп, молчаливо свидетельствующий о несомненном присутствии Хозяина, все в этих комнатах напоминало о нем. Здесь стояли те самые искусственные пальмы, лакированная ширма, висели ковры, был даже идол, хотя теперь перед ним не курился фимиам. Вдоль стен тянулись длинные полки с книгами в уникальных дорогих переплетах, при кратком осмотре я обнаружил, что они написаны на самых разных языках и касаются самых разных тем.

Вспомнив потайные коридоры в Храме Грез, я осмотрел тяжелый стол красного дерева в центре комнаты. Никакого результата. И тут во мне вспыхнула ярость — слепая, первобытная. Я схватил со стола какую-то статуэтку и швырнул ее в пристенный стеллаж с книгами. Она с грохотом разбилась; прячась за стеллажом бандиты, этот шум, несомненно, выманил бы их. Но эффект моего необдуманного поступка оказался куда более впечатляющим.

Статуэтка угодила в край стеллажа, и сейчас же он бесшумно повернулся, открывая узкий проход! Как и за другой потайной дверью, в другом доме, ряд ступенек шел вниз. Прежде я содрогнулся бы при мысли, что надо спускаться, — ужасы того туннеля были еще свежи в моей памяти. Но, вдохновленный эликсиром, я устремился вперед без малейшего колебания.

Поскольку в доме никого нет, люди должны быть где-то в туннеле или в каком-то помещении, куда ведет меня этот ход. Я шагнул на верхнюю ступеньку, не прикасаясь к стеллажу, чтобы полиция могла обнаружить ход и последовать за мной. Хотя я почему-то предчувствовал, что мне придется продвигаться в одиночку от старта и до мрачного финиша.

Когда я уже порядком спустился, лестница перешла в ровный горизонтальный коридор футов двадца-

ти в ширину — весьма примечательное обстоятельство. Потолок для такой ширины казался довольно низким, с него свисали небольшие лампы причудливой формы, давали неяркий свет. Крадучись, но быстро я прошел по коридору. На ходу я отмечал, как все тут добротнo сработано. Пол в крупную клетку, стены, сложенные из громадных блоков серого камня. Этот коридор появился явно не в нашу эпоху; рабы Катулоса не смогли бы проделать такой туннель. Тут кроется средневековая тайна, подумал я, и вообще, кто знает, какие катакомбы скрываются под Лондоном, чьи секреты величественнее и темнее, чем вавилонские или римские?

Я все шел и шел, все глубже опускаясь в подземелье. Воздух был тяжел и влажен, из каменных потолка и стен сочилась холодная вода. Время от времени я видел ответвления туннеля, ведущие куда-то в темноту, но твердо решил не сворачивать с главного коридора.

Меня охватило чудовищное нетерпение. Я шел, казалось, уже целые часы, но все еще не увидел ничего, кроме сырых стен, клетчатого пола и тусклых лампочек. Ни зловещих сундуков, ни чего-нибудь в этом роде.

И когда я уже был готов разразиться дикими ругательствами, передо мной из густой тени выступила еще одна лестница.

ГЛАВА 15

ТЕМНАЯ ЯРОСТЬ

*Волк, загнан, смотрит на флажки
С недобрым блеском глаз
И думает: «Хлопот я вам
Еще как следуеt загам,
Или умру сейчас!»*

Подобно волку, томимому жаждой крови, я помчался вверх по ступенькам. Когда поднялся футов на двадцать, передо мной оказалось нечто вроде лестничной площадки, а с нее начинался новый коридор, очень по-

хожий на тот, по которому я только что пробирался. И мелькнула мысль, что весь подземный Лондон усеян подобными ходами, расположенными один над другими.

Несколькими футами выше площадки лестница заканчивалась дверью, и здесь я заколебался: должен ли я испытать судьбу или стучать не следует? И хотя я стоял неподвижно, дверь вдруг начала отворяться. Я отступил назад и изо всех сил вжался в стену. Дверь широко распахнулась, из нее вышел мавр. Я успел только мельком заглянуть в комнату, но мои неестественно обострившиеся чувства подсказали, что она пуста.

Не давая мавру опомниться, я нанес ему смертельный удар в челюсть. Он покатился по ступенькам и застыл на площадке бесформенной грудой, только руки и ноги нелепо торчали в разные стороны.

Моя левая рука вцепилась в дверь, прежде чем она начала затворяться, и через секунду я уже стоял в комнате. Я быстро прошел через нее в следующую. Дальше располагались покои, обставленные так, что по сравнению с ними дом на Сохо мог показаться скромным и неприятным. Варварское, ужасающее, нечестивое — эти слова передают только слабое представление об убранстве, явившемся моему взору. Среди украшений — если можно их так назвать — преобладали черепа, отдельные кости и целые скелеты. Мумии, выгашенные из футляров, и страшные змеи висели на стенах. Между этими зловещими предметами были развешаны африканские щиты из кожи и бамбука, поперек них укреплены ассегаи и дикарские кинжалы. То там, то тут попадались черные идолы непристойного и жуткого облика.

Среди этих атрибутов стояли вазы и ширмы, лежали ковры и циновки, висели ткани тонкой восточной выделки, создавая эффект несообразной эклектики.

Я прошел через две или три комнаты, не встретив ни одного человеческого существа, и тут наткнулся на лестницу, ведущую вверх. Преодолею несколько маршей и увидел люк в потолке. Интересно, неужели я все еще в подземелье? Первые-то лестницы определенно вели в

какой-то дом. Я осторожно поднял крышку люка. В глаза ударил звездный свет, я с трудом подтянулся на руках и выбрался наружу. И остановился. Во все четыре стороны расстилалась широкая плоская крыша, а за ее краями повсюду сверкали лондонские огни. Я понятия не имел, что это за здание, но оно было очень высокое! Это я мог сказать точно, потому что находился много выше огней. И тут я заметил, что я не один.

Прямо над тенью козырька, проходившего по всему краю крыши, возник громадный силуэт, загородил мне свет звезд. Холодно блеснула пара глаз, в звездном сиянии кривой серебряной полоской сверкнула сабля. Передо мной бесшумно вырос Яр-хан, афганец-убийца.

Меня охватил дикий, свирепый восторг. Наконец-то я начну расплачиваться с Катулосом и его шайкой! Наркотик жег мои кровеносные сосуды и посылал волны нечеловеческой мощи и черной ярости по всему телу.

Яр-хан был настоящим великаном, куда выше и плотнее меня. В руке он держал саблю, и в тот самый миг, как я его увидел, мне стало понятно, что он наглогался привычного наркотика — героина.

Когда я подскочил к нему, он легко вскинул тяжелую саблю, но прежде, чем успел ударить, я зажал запястье руки, в которой он сжимал оружие, железным захватом и свободной рукой нанес сокрушительный удар в солнечное сплетение.

Я почти забыл подробности того сражения над спящим городом, которое могли видеть только звезды. Помню, как царапала мне кожу жесткая борода, как горящие от наркотика глаза посылали неистовое пламя. Помню вкус горячей крови у себя на губах, помню, как бушевали во мне нечеловеческая сила и ярость.

Господи, если бы кто-нибудь мог посмотреть на эту темную крышу, где два гибких, точно леопарды, наркомана пытались разорвать друг друга на куски! Какое потрясающее зрелище открылось бы его глазам!

Помню, как треснула и сломалась его рука, точно гнилой сук, и как кривая сабля выпала из обессилен-

ших пальцев. Теперь, когда сломанная рука стала ему только помехой, конец был предопределен, а мне еще один небывалый прилив сил помог загнать Яр-хана на карниз. С минуту мы сражались там, потом я оторвал его от себя и столкнул, и один-единственный крик вырвался у него, пока он летел вниз, во тьму.

Я выпрямился и поднял руки к звездам, возвышаясь жуткой статуей торжества первобытной силы и жестокости. По груди струилась кровь из длинных царапин, оставленных ногтями афганца на моих лице и шее.

Потом я повернулся. Неужели никто не слышал шума этой схватки? Мой взгляд устремился к крышке люка, но слабый шум заставил меня повернуться назад, и тут я впервые заметил нечто вроде башенки над крышей. Никакого окна, зато я увидел дверь. В тот же миг она отворилась, и под звездный свет вылез могучий великан. Хассим!

Он ступил на крышу и хлопнул дверью. Спина его сторбилась, шея выгнулась, он смотрел то в одном, то в другом направлении. Одним яростным ударом я вышиб из него дух. Потом склонился над негром, ожидая, не очнется ли он. Но тут далеко в небе, у линии горизонта, мелькнул слабый красный отсвет. Восходит луна!

Какого черта, где же Гордон? Я стоял в нерешительности, пока до меня не донесся непонятный звук, напоминающий змеиное шипение.

Я прошел, ориентируясь на звук, по крыше и наклонился над карнизом. Кошмарное, невероятное зрелище предстало моим глазам.

Футов на двадцать ниже крыши, на которой я стоял, шла другая, — явно на примыкающем здании. Обе крыши были одинакового размера. С одной стороны нижнюю замыкала стена, с остальных трех сторон вместо карниза возвышался парапет в несколько футов высотой.

Нижнюю крышу заполняло громадное количество народа: люди стояли, сидели на корточках, а некоторые полулежали; все без исключения были негры! Именно приглушенные голоса этих сотен негров я и услышал.

Почти в самом центре крыши поднималось футов на десять нечто вроде теокалли, сооружения, которое встречается в Мексике и на котором ацтекские жрецы приносили человеческие жертвы. Теокалли на этой крыше было совершенно такой же, только уменьшенной жертвенной пирамидой. Плоская его вершина представляла собой искусно выточенный алтарь, а рядом возвышался силуэт худого смутлого человека, и даже ужасная маска, скрывающая часть лица, не могла изменить его до неузнаваемости: я видел перед собой Сантьяго, шамана с острова Гаити. А на алтаре лежал Джон Гордон, голый по пояс, связанный по рукам и ногам, но в полном сознании.

Я снова удалился от края крыши, ломая руки в отчаянии. Чтобы справиться с такой оравой религиозных фанатиков, недостаточно даже стимуляции эликсиром. И тут какой-то звук заставил меня оглянуться: это Хассим из последних сил пытался встать па колени. Я подскочил к нему в два прыжка и без всякой жалости снова оглушил. И заметил предмет, свисавший с его пояса. Я наклонился и посмотрел как следует. Это оказалась маска, точно такая же, как на Сантьяго. Тут мой мозг живо заработал и создал дерзкий до бредового план, который, однако, начиненной наркотиком голове не показался отчаянным, ни дерзким, ни бредовым. Я тихо подошел к башенке, отворил дверь и заглянул. И не увидел никого, кто мог бы поднять тревогу, зато заметил висящее на крюке длинное шелковое одеяние. Наркоманам везет! Я схватил балахон и выскочил из башенки. Хассим не подавал признаков жизни, но я на всякий случай врезал еще в челюсть, схватил его маску и заторопился к карнизу.

Снизу доносилось гортанное пение — нестройное, варварское, кровожадное. Негры — и мужчины и женщины — покачивались в диком ритме своего зловещего пения. Сантьяго стоял у теокалли, точно статуя черного базальта, глядя на восток, с высоко поднятым кинжалом, — дикое и кошмарное зрелище. Он

был обнажен, если не считать широкого шелкового пояса и нечеловеческой маски на лице. Луна высунула алый краешек из-за восточного горизонта, легкий ветерок поигрывал большими черными перьями, кивающими вместе с маской жреца. Голоса идолопоклонников звучали все тише, пока пение не превратилось в торжественный суровый шепот.

Я поспешно натянул маску и балахон и приготовился прыгнуть. Я был абсолютно уверен, что окажусь на нижней крыше невредимым, столько сил придавало мне безумие, — но, выйдя на карниз, обнаружил там стальную лесенку. По всей вероятности, Хассим, один из жрецов, намеревался сойти именно этим путем. Я устремился по лесенке, не теряя времени, так как понимал: если я не вмешаюсь, в ту же секунду, когда луна достигнет высшей точки своего пути, кинжал безжалостно пронзит грудь Гордона.

Поплотнее запахнув балахон, чтобы скрыть белую кожу, я ступил на нижнюю крышу и пробрался сквозь ряды черных идолопоклонников. Я поднимался по ступеням теокалли, пока не оказался возле алтаря с темно-красными пятнами. Гордон лежал на спине, открытые глаза выражали бесстрашие и непоколебимость.

Глаза Сантьяго сверкнули в мою сторону сквозь прорези в маске, но я не прочел в них подозрения, пока не выступил вперед и не выхватил кинжал из его руки. Он слишком удивился, чтобы сопротивляться, а толпа чернокожих внезапно затихла. Сантьяго, конечно, заметил мою белокожую руку, но был настолько потрясен, что потерял дар речи. Двигаясь со всей возможной быстротой, я перерезал путы Гордона и помог ему подняться. Затем Сантьяго с пронзительным криком бросился на меня, но тут же, все еще крича, кубарем полетел вниз с теокалли, а в груди его по самую рукоятку утонул его же собственный кинжал. Точно черные пантеры в лунном свете, идолопоклонники кинулись на нас с ревом и визгом, перескакивая ступени теокалли. Заблестели ножи, засверкали белки глаз.

Я сорвал с себя маску и балахон и ответил на изумленное восклицание Гордона неистовым хохотом.

Сначала я надеялся, что маскировка поможет мне благополучно вывести друга и спастись самому, но теперь я был рад умереть на месте рядом с Гордоном.

Гордон отодрал от алтаря какое-то громоздкое украшение и замахнулся им, когда нападающие приблизились. С минуту мы удерживали их на расстоянии, затем они черной волной нахлынули на нас.

Это была моя Валгалла! Ножи кололи меня, дубинки колотили, но я только смеялся и работал кулаками, точно молотом, разбивая плоть и кости. Я видел, как поднимается и опускается грубое оружие Гордона, при этом каждый раз валился с ног человек. Черепа трещали, кровь брызгала во все стороны, и темная ярость бушевала во мне. Кошмарные физиономии сливались в одно кружащееся кольцо, я падал на колени, опять поднимался, и черные лица отступали перед моими ударами. Мне почудился в бескрайнем багровом тумане знакомый отвратительный голос. Он звал все громче, он командовал!

Гордона оттеснили от меня, но, судя по воплям, схватка продолжалась. В небе металась звезда, адское возбуждение не покидало меня, и я наслаждался приливами ярости, пока не рухнул в еще более темную бездну.

ГЛАВА 16

ДРЕВНИЙ УЖАС

*Как бог, что в триумфе убил себя рьяном,
На жертвах своих распростерся, кровав,
На алтаре своем собственном странном
Смерть мертва.*

Э.Ч. Суинберн

Я снова медленно возвращался к жизни. Меня окружал туман, а в тумане виднелся череп.

Я лежал в стальной клетке, точно пойманный волк, и прутья ее, как я понимал, были слишком крепки даже

для моей сверхчеловеческой силы. Кажется, клетка находилась в стенной нише, и я смотрел из нее в очень белую комнату. Комната располагалась в подzemелье, потому что пол, стены и потолок были сложены из громадных одинаковых глыб. По стенам висели полки с таинственными приборами, очевидно, научного предназначения; точно такие же полки громоздились на большом столе в центре комнаты. У стола сидел Катулос.

Чародей был одет в желтую, как змеиная кожа, накидку, его жуткие руки и голова гораздо больше напоминали змеиные, чем прежде. Он повернул в мою сторону голову с громадными желтыми глазами, похожими на живые огни, пергаментные губы шевельнулись, вероятно, изображая улыбку.

Я вскочил, выпрямился и, изрыгая проклятия, схватился за прутья.

— Где Гордон?! Будь ты проклят! Где Гордон?!

Катулос взял со стола пробирку, перелил ее содержимое в другой сосуд.

— А-а, мой друг пробуждается, — произнес обычный голос воскресшего мертвеца. Потом египтянин спрятал кисти рук в длинные рукава и поглядел на меня. — Я тут о тебе размышляю, — сказал он внятно. — Я создал чудовище Франкенштейна. Я сделал из тебя сверхчеловека, способного выполнять мои желания, а ты ступил на путь измены. Ты разрушаешь мою организацию еще почище, чем Гордон. Ты убил несколько моих ценных слуг и вмешался в мои планы. Но сегодня конец твоим козням. Твоему другу удалось убежать, но его преследуют в катакомбах, ему ни за что не спастись. А ты, — продолжал Катулос с искренним интересом ученого, — чрезвычайно любопытный субъект. Должно быть, твои мозги устроены иначе, чем у любого другого человека, когда-либо жившего на свете. Я их изучу и добавлю к своей коллекции. Каким образом человек, крайне нуждающийся в эликсире, продержался без него целых два дня — я совершенно не способен этого понять.

Сердце у меня так и подпрыгнуло. Маленькая Зулейка провела этого хитреца, он явно не знает, что она стащила целую фляжку живительного вещества.

— Последней порции, которую ты от меня получил,— продолжал Катулос, хватило бы часов на восемь. Повторяю, это ставит меня в тупик. У тебя есть какие-нибудь предположения?

Я молча щелкнул зубами. Он вздохнул.

— Вот, с варварами всегда так. Правильно говорит пословица: «Пошутить с раненым тигром и пригрей на груди змею, прежде чем тебе захочется развивать разум невежественного варвара».

Некоторое время Катулос молча раздумывал. Я с тревогой наблюдал и заметил в нем смутную и странную перемену: длинные пальцы, торчащие из обшлагов, барабанили по столу, а в голосе прорывалось плохо скрываемое волнение.

— А ведь ты мог бы стать монархом при новом режиме,— огорошил он меня.— Да, при новом, но невероятно старом!

Сухой каркающий смех заставил меня содрогнуться.

Катулос склонил голову, будто прислушиваясь. Откуда-то издали доносился гул гортанных голосов. Его губы растянулись в улыбке.

— Мои черные дети,— пробормотал он.— Это они рвут в клочья моего врага Гордона в туннеле. Вот они, мистер Костиген, мои истинные слуги, и это им в назидание я положил сегодня ночью Гордона на жертвенный алтарь. Я бы предпочел использовать его в качестве морской свинки для подтверждения некоторых моих теорий, но ведь нужно развлекать детей. Позже, с моей помощью, они перерастут детские суеверия и откажутся от idiotских обычаев, но пока их следует держать на мягком поводке.

Ну, и как вам понравились мои подземные коридоры, мистер Костиген? — неожиданно спросил он.— Вы о них подумали... что именно? Не сомневайтесь, что

их создали белые дикари в средние века? Фу! Нет, эти тупицы много старше вашего мира! Они возникли при могущественных королях и царственных особах столько веков тому назад, что ваша голова даже не вместит такого числа. В то время на месте вашей захудалой деревушки Лондона возвышались башни императорского дворца. Все следы той древней столицы рассыпались в прах и исчезли, но эти коридоры... о-о, они проложены не простыми людьми, ха-ха! Из многих тысяч людишек, ежедневно кишачих над ними, никто не подозревает об их существовании, кроме меня и моих слуг, да и они знают далеко не все. Зулейка, например, о них не знает, потому что в последнее время я сомневаюсь в ее верности и в скором времени, безусловно, устрою показательную казнь.

Услышав эти слова, я изо всех сил бросился на прутья клетки, алая волна гнева и ненависти ослепила меня. Я схватился за стальные прутья и расшатывал их, пока вены на лбу не вздулись, а мускулы рук и плечей не затрещали. И от моей нечеловеческой ярости прутья согнулись, правда, совсем чуть-чуть. Наконец силы мои утекли, и я уселся, дрожа от изнеможения. Катулос непрерывно наблюдал за мной.

— Решетка крепкая,— констатировал он, и что-то похожее на облегчение прорвалось в его голосе.— Откровенно говоря, я предпочитаю находиться по эту сторону. Ведь ты — настоящая человекообразная обезьяна.

Катулос расхохотался.

— Но почему ты решил восстать против меня? — пронзительно воскликнул он.— Зачем вызывать меня на бой, ведь я — сам Катулос, я был великим чародеем еще в дни старой империи. А сейчас я непобедим! Волшебник и ученый среди невежественных дикарей! Ха-ха!

Я содрогнулся, и внезапно меня осенило. Катулос и сам наркоман. Какое адское зелье обладает достаточной силой, чтобы поддерживать в Хозяине жизнь и энергию, я не знал, да и не желал знать. Из всех невероятных

тайн, которыми он обладал, я, хорошо изучив негодея, счел эту самой сверхъестественной и ужасной.

— Ты, жалкое ничтожество! — выкрикнул он, и лицо его исказилось. — Знаешь, кто я такой? Катулос из Египта! А-а! Меня знали в прежние деньки. Годы и столетия я царствовал в туманных приморских странах, пока море не поднялось и не затопило землю. Я умер, но не так, как умирают люди: мы владели магическим искусством вечной жизни! Я хорошенько напился и уснул. Долго я спал в своем лакированном саркофаге! Моя плоть сморщилась и затвердела, кровь высохла в сосудах. Я уподобился мертвецу. Но во мне все еще тлела искра жизни, я спал, но предчувствовал пробуждение. Большие города рассыпались в прах. Море поглотило землю. Высоченные храмы и стройные пиилы сгнули под зелеными волнами. Все это я видел и понимал, как человек видит и понимает сны. Катулос из Египта? Чушь! Нет уж — Катулос из Атлантиды!

Я невольно вскрикнул. Все это звучало слишком страшно.

— Да, я чародей, волшебник! И все долгие века тьмы, когда народы тщетно пытались выйти из варварства без мудрых хозяев, жила легенда о днях империи, когда представитель Старой Расы поднимется со дна морского. Да, поднимется и приведет к победе черный народ, который в былые годы подчинялся нам. Все эти цветные и желтые... почему я связался с ними? Чернокожие были когда-то рабами нашего народа, а теперь я стал их богом. Они меня слушаются. Желтые и цветные — просто дурни, я превращаю их в свои орудия, но настанет день, когда мои чернокожие воины пойдут против них и перебьют всех до последнего, по одному моему слову. А вы, белые варвары, чьи предки — обезьяны, всегда воевали с моим племенем и со мной — ваша судьба решится скоро! И когда я сяду на всселенский трон, останутся в живых только те белые, которые захотят стать рабами!

И вот он пришел, день, когда сбылось пророчество и мой саркофаг выплыл из гробницы, где он лежал еще с тех времен, когда Атлантида господствовала над миром. Так вот, наконец-то морские приливы подняли мой гроб на поверхность и сорвали с него водоросли, которые скрывают древние храмы и минареты. И он поплыл мимо стройных сапфировых и золотых башен, чтобы подняться на поверхность зеленых волн морских.

И тут-то появился белый дурень, выполнивший повеление судьбы, о чем он и не подозревал. Его матросы, истинные верующие, поняли, что время пришло. Мне в ноздри проник воздух, и я очнулся от долгого-долгого сна. Я ожил и, поднявшись среди ночи, убил глупца, который выловил меня из океана. А его люди присягнули мне на верность и увезли меня в Африку, где я прожил некоторое время, выучил языки и обычаи нового мира и набрался сил.

Мудрость вашего мрачного мира! Ха-ха! Я проник в тайны старого времени глубже, чем любой ученый! Я знаю все, что известно сегодня людям, и эти знания по сравнению с теми, которые я пронес сквозь столетия, — песчинка рядом с горой! Знал бы ты хоть крупицу этой мудрости! Благодаря ей я вынес тебя из ада, чтобы швырнуть в другой, еще более ужасный. Олух! Ведь я способен вытащить тебя и из этой преисподней! Да, вот что может стряхнуть те цепи, которыми я тебя сковал!

Катулос схватил со стола золотой флакон и потряс им. Мой взгляд впился в этот флакон, — так человек, умирая от жажды в пустыне, пожирает глазами далекие миражи. Катулос спокойно глядел на меня.казалось, его покинуло неестественное возбуждение. Когда он заговорил опять, это была бесстрастная, взвешенная речь ученого.

— Это и в самом деле будет стоящий эксперимент — освободить тебя от привычки к эликсиру и посмотреть, изменится ли разрушенное наркотиком тело. Девять из десяти жертв в подобных случаях умирают — но ты у нас такой богатырь...

Катулос глубоко вздохнул и поставил флакон.

— Человек мечтаний противостоит человеку судьбы. Мое время мне не принадлежит, не то я выбрал бы участь затворника этой лаборатории, ставил бы здесь различные эксперименты. Но теперь, как в дни древней империи, когда монархи просили моего совета, я должен трудиться на благо всей расы. О, мне нужно работать, сеять семена славы, чтобы не наступили дни, когда море сделает всех подданных империи мертвецами.

Я вздрогнул. Катулос опять неистово расхохотался. Его пальцы снова принялись выстукивать барабанную дробь на спинке стула, лицо озарилось неестественным светом.

— Под зелеными волнами лежат они, древние господа и хозяева, в лакированных саркофагах, и люди считают их мертвыми, но они всего лишь спят. Спят долгие столетия, как часы с будильником, — чтобы однажды проснуться! Древние мудрецы, они предвидели день, когда море поглотит сушу, и давно к этому приготовились. Они решили снова подняться в грядущие времена варварства. Так произошло со мной. Они лежат и видят сны, древние чародеи и суровые монархи, умершие, как умирают люди, потому что Атлантиду затопило море. Их тоже залила вода, пока они спали, но они всплывут!

Я проснулся самым первым из них. Слава достанется мне! Я искал древние города на берегах, которые не скрылись под водой. Но они исчезли, их нет давным-давно. Варварские племена смели их с лица земли тысячелетия назад, а чудесный материк затопили зеленые воды. На месте некоторых городов и стран пролегли бесплодные пустыни. А вместо других, как, например, здесь, поднялись молодые варварские города.

Неожиданно Катулос умолк. Его глаза внимательно всматривались в темное отверстие, за которым лежал подземный коридор. Вероятно, чудовищная интуиция предостерегала его о приближении неясной

опасности, но думаю, он никак не подозревал, насколько драматично прервется наш диалог.

Пока Катулос вглядывался, в дверном проеме возник человек — взъерошенный, ободранный и окровавленный. Джон Гордон! Катулос с криком вскочил, а Гордон, едва дыша от изнеможения, поднял пистолет и выстрелил в упор. Катулос покачнулся, прижав руки к груди, затем, судорожно пытаясь что-то нащупать, отступил к стене и упал рядом с ней. На этом месте как раз оказалась дверь, и Катулос из последних сил пополз к ней, Гордон перелетел через всю комнату одним свирепым прыжком, но наткнулся только на гладкую каменную поверхность, которая не поддавалась никаким его усилиям.

Гордон резко повернулся и, шатаясь, словно пьяный, подбежал к столу, где валялась оброненная Хозяином связка ключей.

— Флакон! — заорал я. — Возьмите этот флакон! И он положил сосуд себе в карман.

Позади, в коридоре, которым прошел Гордон, раздавался слабый гомон, быстро перерастающий в дикий шум, точно выла стая волков. Несколько драгоценных секунд ушло на выбор нужного ключа, затем дверца клетки распахнулась, и я выскочил. Ну и зрелище представляли собой мы оба! Исклестанные, все в синяках и порезах, одежда клочьями. Из моих ран от резких телодвижений снова потекла кровь, а руки совершенно онемели, и я догадался, что повреждены суставы. Что до Гордона, то он был в крови с головы до пят.

Мы устремились по коридору в сторону, противоположную той, откуда доносился угрожающий шум: я понял, что это со всех ног нас преследуют слуги Хозяина. Я не имел ни малейшего представления о том, куда мы направлялись. Сверхчеловеческая энергия исчерпалась, одна лишь сила воли удерживала меня на ногах. Мы свернули в другой коридор, но не сделали и двадцати шагов, как я оглянулся и увидел первого из черных дьяволов.

Из последних сил мы чуточку увеличили скорость. Но негры уже увидели нас, и раздался яростный вой, очень быстро перешедший в зловещее молчание, так как все силы они вкладывали в попытку догнать нас. Впереди, совсем близко, мы неясно увидели в сумраке ступени. Если бы до них добежать... Но тут мы заметили еще кое-что.

С потолка между нами и лестницей свисал странный крупный предмет, что-то вроде опускной решетки. В тот же миг, когда мы ее заметили, она пришла в движение.

— Сейчас опустится, — прохрипел Гордон. Его залитое кровью лицо выглядело гротесковой маской.

Всего какие-нибудь десять футов отделяли нас от чернокожих преследователей, но громадная решетка, набирая скорость, скрипя ржавым, давно не использовавшимся механизмом, двигалась вниз. Последний рывок, кошмарное усилие, от которого едва не разорвались наши сердца... Свет померк в моих глазах, но Гордон вцепился в меня и протаскил под решеткой, и она опустилась за нами!

С минуту мы лежали на месте, не обращая внимания на орду, которая бесновалась по другую сторону решетки. Мы проскочили поистине на волосок от гибели — прутья решетки пригвоздили к полу наши лохмотья.

Чернокожие пытались достать нас кинжалами, но не могли дотянуться. Какое счастье, думал я, что лежу здесь, пусть даже теперь умру от потери сил. Но Гордон уже поднялся на ноги и потащил меня за собой.

— Надо отсюда выбираться... — прохрипел он, — предупредить... Скотланд-Ярд... катакомбы в центре Лондона... взрывчатка... оружие, боеприпасы...

Мы с трудом вскарабкались по ступенькам, и я, кажется, услышал, как где-то впереди скрежещет металл о металл. Неожиданно лестница вывела нас на площадку, с другой стороны высилась глухая стена. Гордон ударил в эту стену, и тут же отворилась потай-

ная дверь. В помещение падал свет через зарешеченное оконце. Люди в мундирах лондонской полиции усердно шили решетку; даже приветствуя нас, они не отрывались от работы. И вскоре появилось отверстие, через которое мы благополучно выползли наружу.

— Вы ранены, сэр? — один из полисменов протянул Гордону руку.

Мой товарищ оттолкнул его.

— Нельзя терять ни минуты! Выбираемся отсюда, и как можно быстрее!

Тут я заметил, что мы находимся в подвале. Мы поспешили вверх по лестнице и вышли в ранний рассвет, восток уже окрасился алым. Я поднял голову и увидел высокое обшарпанное здание, оно было значительно выше соседних домов. Я инстинктивно почувствовал, что именно на его крыше накануне ночью разыгралась дикая драма.

— Несколько месяцев назад это здание арендовал какой-то таинственный китаец. — Гордон поймал мой взгляд. — Сначала тут были конторы, но квартал обветшал, и это здание долгое время простояло незанятым. Новый арендатор достроил несколько этажей, но, судя по всему, не нашел им применения. Некоторое время назад я тут все осмотрел.

Мы шли по тротуару, и Гордон говорил в своей обычной резкой, торопливой манере. Я слушал в полуха — как в трансе. Мои силы быстро убывали, и я знал, что могу упасть в любую минуту.

— Соседи рассказывали о странных звуках и необычных зрелищах. Владелец подвала, только что нами покинутого, слышал непонятный шум за подвальной стеной и вызвал полицию. А в это время я носился по этим распроклятым коридорам, точно затравленная крыса, и слышал, как полиция барабанит в стену. Я нашел потайную дверь, но за ней оказалась решетка. Именно в тот момент, когда я объяснял ошеломленным полисменам, что им следует найти ножовку по металлу, чертовы негры, от которых мне удалось ненадолго

ускользнуть, появились, и я был вынужден хлопнуть дверью и снова припустить по коридору. По чистой случайности я нашел вас, и по чистой случайности не сбился с дороги и снова вышел к этой двери. Теперь нужно добраться до Скотланд-Ярда. Если повезет, мы сумеем захватить целую банду головорезов. Я не убежден, что прикончил Катулоса и что его вообще можно убить оружием простых смертных. Но, насколько мне известно, вся шайка-лейка сейчас в подземных коридорах и...

И тут содрогнулся весь мир! Казалось, оглушительный рев разорвал небосвод в клочья. Дома зашатались и с грохотом обратились в руины; могучий столб дыма и пламени вырвался из-под земли, громадная масса осколков и обломков, как на крыльях, устремилась к небу. Все заволокло черной завесой дыма, пыли и падающих деревьев, гром не унимался, он исходил из самого центра земли, как будто падали все на свете стены и потолки. И среди этого адского шума я простерся ниц и потерял сознание.

* * *

Нет нужды подробно описывать кошмарные детали того лондонского утра. Всем известно о взрыве огромной силы, который снес с лица земли десятую часть великого города, погубив множество людей, а еще больше лишив крова. Следовало как-то объяснить такую грандиозную катастрофу; посему история покинутого здания стала достоянием гласности, и по столице поползла уйма самых невероятных слухов. Наконец, дабы прекратить кривотолки, власти придумали неофициальную версию, будто дом служил тайной крепостью и местом встреч банде международных анархистов, и они хранили в подвале мощную взрывчатку. Предположительно, они сами ее и взорвали. В этой истории была доля истины, но угроза, таившаяся в том здании, далеко превосходила возможности анархистов.

Обо всем этом я узнал не скоро. Дело в том, что Гордон, когда я упал в беспамятстве, решил, что мне крайне нужен гашиш. С помощью ошеломленного полисмена он доставил меня к себе домой, а потом вернулся к месту взрыва. У себя в квартире он нашел Хансена и Зулейку все еще прикованную к кровати. Гордон снял наручники и поручил девушке ухаживать за мной. На него самого навалилась куча других дел, так как Лондон превратился в развороченный муравейник.

Придя, наконец, в себя, я посмотрел в Зулейкины глаза-звезды и молча улыбнулся. Она, припав к моей груди, гладила меня по голове и покрывала лицо поцелуями.

— Стивен! — Она все плакала, и ее горячие слезы орошали мне лицо.

У меня не было даже сил, чтобы обнять ее, но все-таки я справился с этой задачей. Мы лежали в полной тишине, нарушаемой только тяжелыми вздохами и рыданиями.

— Зулейка, я люблю тебя, — прошептал я.

— И я тебя люблю, Стивен. — Она всхлипнула. — О, как тяжело теперь расставаться! — но я умру вместе с тобой, Стивен, я не смогу жить без тебя!

— Дорогое мое дитя, — удивился Джон Гордон, который как раз вошел в комнату. — Костиген вовсе не собирается умирать. Мы дадим ему гашиша, чтобы поддержать некоторое время, а когда окрепнет, постепенно избавим от этой привычки.

— Вы не понимаете, сагиб, Стивену нужен вовсе не гашиш, а вещество, которое может дать только Хозяин. Но Хозяин мертв или сбежал, и Стивен обречен.

Гордон бросил на меня неуверенный взгляд. Выглядел он ужасно — краше в гроб кладут.

— Она права, Гордон, — вяло подтвердил я. — Я умираю. Катулос избавил меня от тяги к гашишу, он давал мне наркотик, который называется эликсиром. Только благодаря ему я и жил. Зулейка украла у него немного снадобья, но сегодня ночью я выпил остаток.

Я не ощущал жажды, я вообще не чувствовал ни морального, ни физического дискомфорта. Мой организм быстро засыпал, я уже прошел ту стадию, когда нехватка эликсира могла разорвать меня на куски. Мною владели только небывалая апатия и сонливость. Я знал, что умру, как только закрою глаза.

— Странный наркотик, этот эликсир,— с трудом произнес я.— Он возбуждает и вместе с тем затормаживает. А потом... жгучее желание выпить еще дозу... и это желание убивает.

— Проклятие! — в отчаянии воскликнул Гордон.— Костиген, вы долго так не выдержите! Скажите, что в сосуде, который я взял со стола египтянина?

— Хозяин поклялся, что эта жидкость освободит меня от проклятия,— вспомнил я.— Но, возможно, это тоже яд. Я и забыл о флаконе. Дайте-ка его сюда. Если я обречен, какая разница, от чего я умру?

— Да, пожалуйста! — Зулейка подскочила к Гордону с протянутой рукой.

Гордон вынул из кармана флакон, Зулейка вернулась ко мне и встала на колени, поднесла сосуд к моим губам, шепча на своем языке что-то ласковое и утешающее.

Я осушил флакон, но не почувствовал никакого интереса к происходящему. Слишком мало жизни во мне осталось, я почти ничего не замечал, не возьмусь даже вспомнить, какова была жидкость на вкус. Помню только, как почувствовал, будто во мне затлеял живительный огонек и медленно двинулся по кровеносным сосудам. Последнее, что я запомнил — это как Зулейка склонилась надо мной, глядя огромными глазами. Ее маленькая рука нырнула за пазуху. Я вспомнил ее клятву покончить с собой, ели я умру, и попытался обезоружить девушку, хотел сказать Гордону, чтобы он отобрал кинжал. Но ни слова, ни жесты мне не давались, и я утонул в море темноты.

Затем — провал в памяти. Период абсолютного безмыслия и беспомытства. Говорят, часами я лежал,

точно покойник, а Зулейка не покидала меня ни на секунду и боролась, как тигрица, когда ее заставляли отдохнуть.

Я унес ее образ в суровую страну пустоты, и эти милые глаза были первым, что я увидел, когда ко мне начало возвращаться сознание. Я был немощен, будто тяжелая болезнь изводила меня долгие месяцы. Но я жил, и мой организм не требовал искусственной стимуляции. Я улыбнулся моей любимой и, едва шевеля языком, произнес:

— Оставь кинжал в покое, моя маленькая Зулейка. Я собираюсь жить.

Она вскрикнула и, заливаясь смехом и слезами, упала на колени. Женщины — загадочные существа, поистине сотканные из сильных эмоций.

Вошел Гордон и пожал руку, которую я был не в силах приподнять.

— Теперь ваше исцеление можно смело доверить обычному врачу. Впервые с тех пор, как мы познакомились, у вас глаза совершенно нормального человека, пережившего сильное потрясение и нуждающегося в длительном отдыхе. Господи, дружище! Ведь вы через такое прошли, начиная с наркотиков!

— Расскажите все с начала, — попросил я. — Что с Катулосом? Погиб при взрыве?

— Не знаю, — мрачно ответил Гордон. — Но все катакомбы полностью разрушены. Я видел, как моя последняя пуля — последняя пуля в револьвере, отброшенном у одного из преследователей — вошла в Хозяина, но не знаю, может ли Скорпион умереть от свинца. Сам ли он ценой своей жизни взорвал многие тонны взрывчатки, которой были завалены коридоры, или пегры сделали это непреднамеренно — этого мы никогда не узнаем.

Бог мой, Костиген, видели вы когда-нибудь такие катакомбы? Остается лишь гадать, на сколько миль в каждом направлении тянулись эти коридоры. До сих пор агенты Скотланд-Ярда прочесывают подземные

линии метро и подвалы в поисках потайных дверей. Все известные выходы, как тот, через который мы прошли, и на Сохо, сорок восемь, завалены обломками стен. Конторское здание превратилось в мелкий щебень.

— А как полицейские, которые прибыли на Сохо, сорок восемь?

— Дверь в библиотечной стене оказалась на запоре. Они нашли убитого вами китайца, но обыск дома ничего не дал. И слава Богу, иначе во время взрыва они бы наверняка погибли вместе с сотнями негров.

— Там, наверное, собрались все негры Лондона.

— Пожалуй. Большинство из них в душе идолопоклонники, а могущество Хозяина было невероятным. Они-то погибли, но что с ним? Разлетелся ли на мелкие кусочки или раздавлен обломками стѐн и потолка?

— Я полагаю, организовать поиски в подземных развалинах невозможно?

— Увы. Когда рухнули стены, потолок тоннеля не выдержал, и коридоры завалило землей и обломками камней. А на поверхности земли дома превратились в руины. Что произошло в этих ужасных коридорах — навсегда останется тайной.

Мой рассказ приближается к концу. Следующие месяцы прошли без ярких впечатлений, если не считать райского блаженства супружеской жизни, но вас бы утомил рассказ о нем.

Однажды мы с Гордоном вернулись к разговору о таинственной деятельности Хозяина.

— С того дня, — сказал Гордон, — в мире воцарилось спокойствие. Африка утихла, и Восток погрузился в свой обычный древний сон. Ответ может быть только один. Погиб Катулос или нет, но его власть уничтожена в то утро, когда вокруг него все обрушилось.

— Гордон, каков же ответ на самый главный вопрос?

Мой друг пожал плечами.

— Я уже верю, что человечество вечно блуждает по берегу океана, о котором оно ничего не знает. Расы и племена жили и исчезли, прежде чем мы поднялись на могилах первобытных народов, и похоже, другие народы будут жить на земле, когда исчезнем мы. Ученые давно придерживаются теории, что цивилизация Атлантиды была выше современной. Сам Катулос — доказательство того, что наши хваленые культура и знания не идут ни в какое сравнение с ужасным наследием атлантов.

Только его эксперименты с вами поставили в тупик весь научный мир. Никто из ученых не возьмется объяснить, как он снял зависимость от гашиша, заменив его более сильным наркотиком, а потом создав другое вещество, которое полностью ликвидировало воздействие предыдущих.

— Я должен благодарить его за две вещи, — сказал я не спеша. — За то, что я снова стал мужчиной, и за Зулейку. Катулос мертв, насколько может умереть живое существо. Но как насчет остальных — «древних хозяев», которые все еще спят на дне морском? — Гордон пожал плечами.

— Как я уже сказал, человечество бродит по краю невообразимой бездны. Сейчас целая флотилия канонерских лодок непрерывно патрулирует в океане, имея приказ немедленно уничтожить любой необычный на вид ящик, который появится за бортом. И, если мое слово хоть что-нибудь значит для английского правительства и наций всего мира, патрули будут ходить по морям до судного дня, пока не опустится занавес истории современных рас.

— Иногда Хозяева снятся мне по ночам, — признался я, — спят в лакированных саркофагах, облепленных водорослями, в зеленой пучине, где зловещие шпили и башни поднимаются из темной бездны.

— Мы встретились лицом к лицу с древним ужасом, — торжественно произнес Гордон, — со страхом, слишком темным и таинственным, чтобы его мог ос-

мыслить человеческий мозг. Нам повезло, но впредь счастье может отвернуться от человеческих сынов. Впредь надо быть настороже. Вселенная сотворена не для одних людей, жизнь проходит странные фразы, и первый инстинкт у разных биологических видов — уничтожать друг друга. Несомненно, мы казались Хозяину такими же жуткими, как и он — нам. Мы только дотронулись до сундука с накопленными природой тайнами, и я содрогаюсь, думая о том, какие еще сюрпризы хранятся в этом сундуке.

— Это верно, — сказал я, радуясь пробуждению моей страдавшей души, — но люди будут достойно преодолевать препятствия по мере их появления, как они делали испокон веков. Зато я теперь полностью понимаю ценность жизни и любви, и все дьяволы, вместе взятые, не отнимут у меня этого сокровища.

Гордон улыбнулся.

— Быть посему, дружище. Теперь самое лучшее — забыть все недавние страхи, потому что впереди — свет и счастье.

ПОВЕЛИТЕЛЬ МЕРТВЫХ

Нападение было внезапным, как бросок кобры из засады. Только что Стив Харрисон спокойно шагнул по темному переулку — и вдруг ему пришлось схватиться не на жизнь, а на смерть с каким-то рычащим, орущим неведомым чудовищем, налетевшим на него, словно коршун. Он явно дрался с человеком, хотя в первые мгновения усомнился даже в этом. Нападавший действовал с какой-то исступленной яростью, позвериному, поражая своими приемами даже видавшего виды Харрисона, привычного к лютым дракам, которые нередки в мире подонков.

Детектив почувствовал, как зубы неизвестного разрывают его плоть, и отчаянно взвыл от боли. Но у того был еще и нож, которым он полосовал его куртку и рубашу, покрывая тело кровоточащими бороздами, и не мог по-настоящему пырнуть его только потому, что по счастливой случайности Харрисону удалось схватить бандита за кисть и хоть как-то сдерживать движения его натренированной, мускулистой руки. Было темно, как в преисподней. В кромешном мраке нападавший казался Харрисону всего лишь расплывчатым сгустком мгли, пятном, чуть более черным, чем

окружавшая его со всех сторон непролазная тьма. Мышцы врага под его судорожно стиснутыми пальцами были напряжены, как рояльная струна, а его собственная хватка грозила вот-вот ослабнуть, и это приводило Харрисона в отчаяние.

Атлетически сложенный, Харрисон редко сталкивался с людьми, способными соперничать с его хваткой. Это же исчадие тьмы не только не уступало, но и превосходило его в ловкости, проворстве и какой-то первобытной выносливости, с которой давно расстались люди, живущие в цивилизованном обществе.

Кусаясь и лягая друг друга ногами, они катались в грязи переулка, и хотя невидимый враг утробно ухал всякий раз, когда кулак Харрисона кувалдой влеплялся в его тело, не чувствовалось ни малейших признаков того, что он начинает уставать. Его запястье казалось стальным многожильным тросом, грозившим в любое мгновение вырваться из обхвативших его пальцев Харрисона. Чувствуя, как все его тело покрывается мурашками от ужаса перед холодной сталью, детектив стиснул это запястье уже обеими руками, пытаясь заставить врага бросить нож. Кровожадный вопль был ответом на эту тщетную попытку, и голос, ранее бормотавший что-то на непонятном языке, просвистел прямо в ухо полицейскому по-английски: «Собака! Ты подохнешь в этой грязи, как я сгинул в песках! Ты бросил мое тело на растерзание стервятникам! А твою сожрут крысы, которыми кишит эта дыра! Так-то!»

Словно сотканный из мрака, большой палец противника норовил впиться Харрисону в глаз, и он всей своей тяжестью откинулся назад, нанеся при этом врагу чудовищный удар согнутым коленом. Незвестный, у которого перехватило дыхание, отлетел в сторону, визжа, как ошпаренная кошка. Харрисон не сумел удержать равновесие и, пошатнувшись, ударился о какую-то стену. С воплями и проклятиями противник вновь накинулся на него, стараясь подмять под себя. Харрисон услышал, как мимо просвистело лезвие,

клянувшее по кирпичной кладке где-то прямо у него за спиной, и наугад саданул кулаком в темноту, вложив в это движение все свои силы. Чувствуя, что удар достиг цели и враг, как подкошенный, со всего маху шмякнулся в грязь, Стив с трудом удержался от такого же стремительного падения. Прежде он никогда не пасовал перед противником, когда приходилось драться один на один, но теперь он впервые отступил от этого правила и, преодолевая боль и усталость, быстро побежал к началу переулка.

Его дыхание было тяжелым и частым, под ногами то и дело хлюпали какие-то помой или грохотали пустые консервные жестянки. На мгновение ему почудилось, что в спину ему вонзается нож. «Хоган!» — истошно заорал он. Позади слышался быстрый топот бегущих ног, означавший приближение гибели.

Пулей вылетев из переулка, он со всего маху наскочил на полицейского Хогана, который, услышав его отчаянный зов, помчался на подмогу напернику. У Хогана перехватило дыхание, и они вдвоем повалились на тротуар.

Харрисон не стал тратить времени на то, чтобы подняться на ноги. Выхватив «кольт» Хогана из кобуры, он выстрелил в тень, которая на мгновение мелькнула на фоне черного провала переулка.

Поднявшись, с еще дымящимся револьвером в руке, он направился к темному зеву между домами. В его стигийском угрюмом мраке царило полное безмолвие.

— Дай фонарь, — попросил он, и Хоган, поднимаясь и поддерживая солидный живот, исполнил его просьбу. Луч белого света скользнул по покрывающей переулочек грязи. Тела не было видно.

— Смылся, — сердито буркнул Харрисон.

— Кто? — довольно кисло поинтересовался Хоган. — Что хоть случилось-то? Сперва орешь, как чумовой: «Хоган!» — а затем бодаешь меня, словно бык матадора. Как...

— Заткнись, и давай-ка осмотрим этот переулок, — грубо оборвал его Харрисон. — Я вовсе не собирался врезаться в тебя. Что-то меня подбросило...

— Вот и я об этом. — Полицейский рассматривал напарника в тусклом свете далекого уличного фонаря. Куртка Харрисона свисала с него рваными лохмотьями, рубашка была изрезана в клочья, а через прорехи видно было, как тяжело вздымается и опускается широкая волосатая грудь. Пот градом катил по шее, смешиваясь с кровью из глубоких порезов, покрывавших плечи, руки и грудь. Волосы Харрисона были перепачканы грязью, а одежда казалась пропитанной ею насквозь.

— Наверное, целая банда налетела, — предположил Хоган.

— Один человек, — сказал Харрисон, — человек или горилла, только говорящая. Ты идешь?

— Нет. Кто бы там ни был, его уже след простыл. Посвети фонариком. Видишь? В переулке ни души. Так они и будут ждать, когда мы их сцапаем за хвост. Займись лучше собой. Говорил я тебе, нечего срезать углы по темным закоулкам. Слишком многие имеют на тебя зуб.

— Пойду к Ричарду Брешу, — сказал Харрисон. — Он приведет меня в порядок. Пошли вдвоем?

— Ладно, но лучше бы ты позволил мне...

— Только не это! — возопил Харрисон, испытывая муки не только от ран, но и от уязвленного тщеславия. — Кстати, Хоган, ни слова об этом, понял? Я хочу разобраться сам. Дело тут непростое.

— Да уж, непростое, если какой-то тип так отделал Железного Харрисона, — ехидно ввернул Хоган, заставив Харрисона отчаянно выругаться про себя.

Дом Ричарда Брента стоял в непосредственной близости от участка Хогана, эдакий последний оплот респектабельности на фоне всеобщего запустения, грозившего захлестнуть всю округу, но совершенно не интересующего поглощенного своими исследованиями Брента.

Брент сидел в своем изобилующем всевозможной экзотикой кабинете и рылся в таинственных фолиантах, то есть занимался делом, которое одновременно являлось и его профессией, и любимым занятием. Обладавший характерной внешностью человека науки, он резко отличался от своих гостей. Но за лечение он принялся без излишней суеты, призвав себе на помощь познания, приобретенные во время не полностью пройденного курса медицины.

Удостоверившись, что раны Харрисона немногим серьезнее обыкновенных царапин, Хоган откланялся, и теперь широкоплечий Харрисон сидел напротив хозяина дома, держа в своей могучей руке бокал виски.

Ростом Стив Харрисон был выше среднего, но казался ниже за счет очень широких плеч и мощной грудной клетки. Его могучие руки казались излишне длинными, а голова всегда была угрожающе наклонена вперед. Низкий широкий лоб, над которым росли жесткие черные волосы, предполагал в Харрисоне скорее человека действия, нежели мыслителя, но холодные голубые глаза выдавали неожиданно глубокий интеллект.

— «Как я сгинул в песках», — повторил он. — Вот что он сказал. Шизик какой-то, иначе какого черта...

Брент покачал головой, обводя рассеянным взором стены, словно спрашивая ответа у декорировавшего их старинного и современного оружия.

— Ты понимал язык, на котором он сперва говорил?

— Ни единого слова. Единственное могу сказать — это не был ни английский, ни китайский. А сам тип был весь, как стальная пружина, и гибкий, как китовый ус. И драться с ним было все равно, что со стаей диких кошек. Теперь я без пушки не хожу. Никак не думал, что она может понадобиться, последнее время все было так спокойно. Всегда считал, что со своими кулачищами сумею разобраться хоть с целой компанией обычных людей. Но этот черт — не из их числа, он хуже дикого зверя.

Полицейский с шумом отхлебнул виски, отер рот тыльной стороной ладони и подался вперед, поближе к Бренту. В его холодных глазах бегали странные огоньки.

— Я бы не решился высказать это предположение никому, кроме тебя, — произнес он с непонятым колебанием в голосе. — Может, ты решишь, что у меня крыша поехала, но за свою жизнь мне пришлось послать кое-кого на тот свет. Как ты думаешь... китайцы же верят во всяких там вампиров, оживших мертвецов... он ведь болтал что-то о том, что его убили, а я — его убийца... Тебе не кажется, что...

— Глулости! — воскликнул Брент, недоверчиво улыбаясь. — Мертвец — он и есть мертвец. Покойники не оживают.

— Я тоже всегда так считал, — пробормотал Харрисон. — Только что он имел в виду, говоря, будто я бросил его на растерзание стервятникам?

— Я тебе объясню! — раздался резкий и беспощадный, как острие ножа, голос, прервавший их беседу.

Харрисон и Брент обернулись на звук, и Брент едва усидел на своем кресле. В противоположном конце комнаты находилось окно, приоткрытое для того, чтобы впустить в дом ночную прохладу. Возле него стоял высокий, мускулистый человек в плохо сидевшем на нем костюме, который, однако, не мог скрыть ни опасную гибкость его конечностей, ни ширину плеч. Дешевая одежда совсем не гармонировала со злобным выражением его ястребиного лица, пламенным взором его темных глаз. Харрисон шумно слотнул слюну при виде ожесточения и ярости, которыми горел взор незнакомца.

— В темноте ты от меня ушел, — пробормотал этот человек, по-кошачьи упругими шагами приближаясь к Харрисону. В руке у него сверкало ужасное кривое лезвие. — Болван! Думал, я от тебя отстану? Здесь светло, и больше тебе от меня не уйти.

— Кто ты такой, черт бы тебя побрал? — рявкнул Харрисон, инстинктивно готовясь к обороне.

— Надо же, память отшибло! — прозвучало в ответ. — Забыл Амира Амина Иззедина, убитого тобой тридцать лет назад в Долине стервятников! Но я-то все помню! Только вся правда открылась мне через много лет позора и долгих странствований. Я обрел ее в клубах Дыма Шайтана! Ты вселился в другую телесную оболочку, Ахмед-паша, грязный ты бедуинский пес, но от меня тебе не уйти. Клянусь Золотым Тельцом!

С кошачьим воплем он метнулся вперед, сжимая кинжал в занесенной для удара руке. Харрисон отскочил в сторону, проявив при этом поразительную для человека его комплекции быстроту, и сорвал со стены древнее копьё. Исторгнув из груди некое подобие боевого клича, он ринулся на врага, выставив перед собой копьё, словно винтовку с примкнутым штыком. Амир Амин неуловимым, гибким, как у дикого зверя, движением отклонился от нацеленного на него острия и оказался прямо перед Харрисоном. Тот слишком поздно понял свою оплошность — удар не достиг цели, и теперь полицейский летел прямо на лезвие убийственного кинжала. Но молниеносно пульсирующая мысль намного опережала движения тела, продолжавшего нестись навстречу смерти. И тут нога Амира Амина поехала на частично покрывавшем пол паласе. Наконец-то копьё вспорол его грязную куртку, полоснул вдоль ребер, и из открывшейся раны бурным потоком хлынула кровь. Потеряв равновесие, он все же постарался наотмашь полоснуть кинжалом своего врага. В этот миг Харрисон налетел на него своим могучим телом, и от сильнейшего толчка при ударе оба повалились на пол.

Амир Амин вскочил первым, но у него уже не было ножа. Пока он дико озирался в поисках своего оружия, Brent, не привыкший к сценам насилия и в начале драки ошешивший на несколько секунд, пришел в себя. Ученый сорвал со стены дробовик, и лицо его выражало мрачную решимость. Видя, что он прицеливает-

ся, Амир Амин вскрикнул и бесстрашно выпрыгнул в ближайшее окно. Звук бьющегося стекла смешался с раскатом ружейного выстрела. Бросившись к окну и отчаянно моргая в клубах едкого порохового дыма, Brent увидел, как по темной лужайке перед домом стрелой чиркнула тень и скрылась за деревьями. Он обернулся к Харрисону, который поднимался с пола, изрыгая витиеватые проклятия.

— Два раза за один вечер, многовато будет, черт его побери! Знать бы хоть, что он за птица. Никогда прежде его не видел!

— Он — друг! — промолвил Brent. — Его говор... упоминание о золотом тельце, ястребиное лицо... Уверен, он — друг.

— Какой такой друг, мать его? — раздраженно рявкнул Харрисон. С него съехали все марлевые повязки, и царапины на теле опять начали кровоточить.

— Они живут в сирийских горах, — пояснил Brent, — воинственное, не ведающее жалости племя...

— Это точно, — хмыкнул Харрисон. — Меня еще ни разу так не отделявали. Этот черт чуть меня не зарезал. По крайней мере, хоть знаешь, что он живой человек. А вот мне, чтобы тоже остаться живым, придется, кажется, поостеречься. Если у тебя найдется комната, где можно запереть окна и двери, я бы заночевал у тебя. Завтра у меня встреча с Уун Саном.

* * *

Посетители нечасто заглядывали в скромный антикварный магазинчик на грязной Ривер-стрит. Нечасто проходили они в спрятанный за занавесом таинственный дверной проем, чтобы полюбоваться скрывавшейся внутри роскошью: бархатными с золотым шитьем драпировками, диванами с шелковыми подушками, чашками из расписного фарфора на казавшихся игрушечными столиках из лакированного черного дерева; все это богатство было залито светом электри-

ческих лампочек, вставленных в позолоченные светильники.

Широкоплечий Стив Харрисон явно не вписывался в подобную экзотическую обстановку; низенький, аккуратненький, одетый в облегающий костюм из черного шелка, Уун Сан, напротив, казалось, был создан специально для нее.

Китаец учтиво улыбался, но под этой улыбочивой маской скрывался лед неприязни.

— Итак... — вежливо произнес он, приглашая собеседника продолжать разговор.

— Мне требуется ваша помощь, — без обиняков заявил Харрисон. Он не умел разводить дипломатию, вести разведку булавочными уколами тонкой рапиры и предпочитал сразу брать быка за рога: сказал — как молотом припечатал.

— Мне известно, что вы знаете всех азиатов, живущих в нашем городе. Я описал вам, как выглядит этот тип. Брент утверждает, будто он друз. Не может быть, чтобы вы его не встречали. Такой человек всегда бросается в глаза. Это вам не какое-нибудь крысиное отродье с помойки Ривер-стрит. Настоящий волчара.

— Совершенно верно, — негромко откликнулся Уун Сан. — Нет смысла скрывать, что я знаю этого молодчика. Его зовут Али ибн-Сулейман.

— Он называл себя как-то иначе, — нахмурился Харрисон.

— Вполне вероятно. Но для своих он — Али ибн-Сулейман. Как сказал ваш приятель, он действительно друз. Его племя живет в пещерных городах сирийских гор, в том числе и в окрестностях горы Джебель-Друз.

— Они мусульмане? Арабы? — поинтересовался Харрисон.

— Нет. Видите ли, это племя существует само по себе. Они поклоняются отлитому из золота тельцу, верят в переселение душ и отправляют языческие ритуалы, вызывающие осуждение среди мусульман. Их пытались прибрать к рукам турки, теперь это пробу-

ют сделать французы, но по-настоящему еще никто не сумел принудить их к повиновению.

— Верю, — буркнул Харрисон. — Только почему он называл меня Ахмед-пашой? За кого он меня принял? Уун Сан беспомощно развел руками.

— Ну, ладно, — со вздохом сказал полицейский. — По крайней мере, я не хочу, чтобы меня прирезали в каком-нибудь закоулке. Мне нужно, чтобы вы помогли мне встретиться с ним. Может, он скажет хоть что-нибудь дельное, когда я его сцапаю. Может, удастся отбить у него желание расправиться со мной. Он больше похож на одержимого, чем на преступника. В любом случае хочу разобраться, в чем тут дело.

— Как мне это устроить? — тихо отозвался Уун Сан, скреживая руки на пухленьком животике. Глаза китайца злобно поблескивали из-под полуприкрытых век. — Я мог бы продолжить и спросить, с какой стати я должен что-то устраивать для вас?

— Переселившись сюда, вы никогда не переступали рамки закона, — сказал Харрисон. — Мне известно, что антикварный магазин — только прикрытие, он не приносит доходов. Я знаю и то, что вы ни в чем плохом не замешаны. Сюда вы перебрались, получив свою долю, я бы сказал, весьма солидную, в некоем деле, а как она вам досталась, — меня не касается. Кстати, Уун Сан, — Харрисон придвинулся к китайцу и перешел на шепот: — Помните ли вы молодого метиса Жозефа Ла Тура? Я первым обнаружил его труп в тот вечер, когда его убили в игорном притоне Осман-паши. При нем была записная книжка, и я ее приберег. Уун Сан, в ней было и ваше имя!

В воздухе повисла напряженная тишина. Ни один мускул не дрогнул на гладком желтом лице, но в угольной черноте глаз китайца забегали красноватые искорки.

— По всей видимости, Ла Тур собирался донести на вас, — продолжал Харрисон. — Он собрал много интересных фактов. Читая его записи, я выяснил, что

вы не всегда носили ваше нынешнее имя. Да и откуда у вас взялись деньги, я тоже догадываюсь.

Красноватые искорки в глазах Уун Сана погасли; казалось, его взор застыл, а желтизна кожи сменилась серо-зеленым оттенком.

— Вы хорошо замели следы, Уун Сан, — тихо, но внушительно сказал детектив. — Однако какая это подлость — надуть своих ближних и ударить со всеми деньгами. Если они когда-нибудь доберутся до вас, то быть вам сожрашным крысами. Не знаю, может, мне действительно нужно написать мандарину кантона...

— Замолчите! — голос китайца изменился до неузнаваемости. — Замолчите, во имя Будды! Я сделаю все, о чем вы просите. Я пользуюсь доверием этого друга и легко смогу все устроить. Сейчас только начинает смеркаться. Приходите в полночь в переулок, который китайцы с Ривер-стрит называют Переулком Тишины. Понимаете, о чем я говорю? Так вот. Спрячьтесь в углубление между каменными стенами в конце переулка, и вскоре мимо вас пройдет ни о чем не подозревающий Али ибн-Сулейман.

— На сей раз возьму с собой пушку, — ухмыльнулся Харрисон. — Устройте это для меня, и я забуду о записках Ла Тура. Но смотрите, без фокусов, не то...

— Моя жизнь — в ваших руках, — отозвался Уун Сан. — Как я могу вас обмануть?

Харрисон недоверчиво хмыкнул, но молча поднялся и вышел через скрытую портьерами дверь на улицу. Уун Сан с загадочным выражением лица наблюдал, как широкоплечий полицейский решительно прокладывал себе путь в толпе низеньких, суетливых выходцев с Востока, мужчин и женщин, заполнявших Ривер-стрит в этот час; затем запер магазин изнутри и юркнул за драпировки, закрывавшие проход в нарядную заднюю комнату. Открывшаяся перед ним картина заставила его остановиться, как вкопанного.

Сизоватые змейки дыма извивались над обитым шелком диваном, а на нем удобно устроилась молодая

женщина. На ней была дорогая модная одежда, но стройное, гибкое тело, смуглая кожа, черные, как смоль, волосы, пухлые алые губы и сверкающий взор выдавали ее экзотическое происхождение. Алый рот незваной госты сложился в зловещую усмешку, но поблескивание глаз выдавало присущее ей чувство юмора, пусть даже едкого, равно как и живость ее взгляда указывала на наигранность внешнего безразличия, выраженного неподвижно застывшей в руке сигаретой.

— Джозн! — От нахлынувших подозрений глаза китайца превратились в узкие щелочки. — Как ты сюда вошла?

— Через коридор и дверь, выходящую в переулок за домом. Она была заперта, но я давно научилась обращаться с любимыми замками...

— Но зачем же ты...

— Увидела, как к тебе заглянул бравый полицейский. Я уже некоторое время слежу за ним, хотя он об этом и не догадывается. — На мгновение глаза девушки вспыхнули еще ярче.

— Ты подслушивала под дверь? — властным тоном спросил Уун Сан. Лицо его стало пепельно-серым.

— Я такими вещами не занимаюсь. Да мне и подслушивать не нужно. Догадываюсь, что его сюда привело и в каком деле ты обещал ему помочь.

— Не понимаю, о чем ты, — отозвался Уун Сан, тайком испуская вздох облегчения.

— Врешь! — Девушка выпрямилась. Ее нервные пальцы мяли сигарету, а лицо на мгновение передернуло судорога. Затем она снова взяла себя в руки. Ее холодная решимость была страшнее клокочущей ярости. — Уун Сан, — хладнокровно продолжала она, извлекая из складок одежды черный пистолет с коротким стволом, — я с легкостью и наслаждением прикончила бы тебя на месте, но в этом нет необходимости. Мы должны остаться друзьями. Видишь, я прячу эту игрушку, но не искушай меня, приятель. Не пытайся

выставить меня за дверь или применить насилие. Давай-ка садись и бери сигарету. Обсудим все спокойно.

— Не знаю, что ты собираешься обсуждать, — сказал Уун Сан, опускаясь на диван и механически принимая протянутую ему сигарету, словно загнипнотизированный магнетическим блеском ее черных глаз — и сознанием того, что она прячет при себе пистолет. При всей своей восточной невозмутимости он не мог отрицать, что боится этой юной пантеры, — боится больше, чем Харрисона. — Детектив заходил просто перекинуться словцом, — сказал он. — У меня много друзей в полиции. Если бы меня убили, то они бы сделали все, чтобы поймать и вздернуть на виселице виновного.

— А кто говорит об убийстве? — возразила Джон, чиркая спичкой по острому окрашенному хной ноготку и поднося маленький огонек к сигарете Уун Сана. Когда он прикуривал, их лица почти соприкоснулись, и китаец отпрянул, напуганный странным блеском ее темных очей. Он нервно пыхнул сигаретой, глубоко втягивая в себя табачный дым.

— Я всегда был твоим другом, — заявил он. — Не стоило тебе приходить, угрожая мне пистолетом. Я не последний человек на Ривер-стрит. Возможно, твое положение не так прочно, как тебе кажется. Может статься, придет время, когда тебе понадобятся такие друзья, как я...

Внезапно он осознал, что девушка не только не отвечает ему, но даже не обращает внимания на его слова. Сигарета продолжала куриться у нее в пальцах, а сквозь струйки дыма его прожигали глаза хищника, наметившего себе жертву. Он судорожно выдернул сигарету изо рта и поднес к носу.

— Дьяволица! — Его голос звенел настоящим страхом. Отбросив окурок, он вскочил на ноги, которые вдруг отказались повиноваться ему. Пальцы его продолжали тянуться к девушке, словно хотели задушить ее. — Отрава... наркотик... черный лотос...

Она поднялась и легким толчком открытой ладонью в грудь заставила его опуститься на диван. Китаец неуклюже раскинулся на сиденье. Тело его было совершенно безвольным, широко распахнутые глаза остекленели и были бессмысленно уставлены в никуда. Дрожа от возбуждения, она склонилась над ним.

— Ты — мой раб, — прошептала она, словно гипнотизер, покоряющий волю своего пациента, — у тебя нет собственной воли, только моя. Твой разум спит, но язык говорит правду. Только правда живет в твоём одурманенном мозгу. Зачем к тебе приходил полицейский Харрисон?

— Он хотел разузнать о друге по имени Али ибн-Сулейман, — лишенным жизни, протяжным голосом пролепетал китаец.

— Ты пообещал сдать ему друга?

— Да, но я его обманул, — отозвался бесцветный голос. — В полночь детектив будет в Переулке Тишины, откуда идет дорога к Повелителю. Многие прошли по ней вперед ногами. Там легче всего избавиться от трупа. Я скажу Повелителю, что он пришел присмотреть за ним. Я заслужу его благодарность и одновременно избавлюсь от всех врагов. Этот белый громила будет стоять в углублении между стен, поджидая друга, как я ему посоветовал. Он не знает, что там есть потайная дверь. Именно из нее высунется рука, которая ударит его кинжалом. Моя тайна умрет вместе с ним.

Джоэн определенно не интересовало, о какой тайне шла речь, поскольку она прекратила допрос одурманенного китайца. Однако выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

— Нет, мой желтый приятель, — прошипела она. — Пусть белый громила идет в Переулок Тишины, только встретится он там не с каким-нибудь желтобрюхим. Его желание исполнится. Он увидит Али ибн-Сулеймана, а затем и червей, которыми кишит темнота!

Вынув из-за пазухи крохотный агатовый флакончик, она высыпала его содержимое в янтарный кубок

и плеснула туда вина из фарфорового кувшина. Затем вложила кубок в безжизненные пальцы Уун Сана и резким тоном приказала выпить, помогая ему поднести ободок к губам. Он подчинился, словно автомат, и тотчас же, повалившись на бок, застыл в неуклюжей позе на диване.

— Ночью тебе будет не до кинжала, — тихо промолвила она. — Когда ты очухаешься, мое желание уже будет исполнено. И тебе больше не придется опасаться Харрисона — на каком бы крючке ты у него ни сидел.

Внезапно ее осенила какая-то мысль. Уже по пути к выходу в коридор она остановилась.

— «Не так прочно, как тебе кажется...» — едва слышно повторила она. — Что он хотел этим сказать? — На лицо девушки набежала тень, словно она о чем-то догадалась. Затем она пожала плечами. — Сейчас бессмысленно выколачивать из него ответ. Неважно. Повелителю ничего не известно — а если даже он и знает, то я — не его человек. Впрочем, я теряю здесь слишком много времени...

Она вышла в коридор, закрыла за собой дверь и только тогда заметила три зловещие фигуры — высокие, поджарые, в черных рубашках. Наголо обритые головы делали их похожими на хищных птиц.

В этот миг, скованная ледяным предчувствием неотвратимого конца, она забыла о своем пистолете. Ее губы раскрылись, но прежде, чем с них слетел крик, рот зажала костлявая рука, и истошный вопль страха захлебнулся в глухом мычании.

* * *

Переулок, безымянный для белых, но среди многочисленных уголовников с Ривер-стрит известный как переулок Тишины, был извилистым и таинственным, под стать характерам, присущим расе, к которой принадлежали его постоянные обитатели. Отходя от Ривер-стрит, он петлял между высокими мрачными

постройками, которые поверхностному наблюдателю могли бы показаться жилыми домами, складскими помещениями или же заброшенными развалами, предоставленными на откуп крысам.

На первый взгляд Переулок Тишины казался заброшенным и пустынным, но на самом деле здесь билось сердце Ривер-стрит, которая, в свою очередь, являлась сердцем всего Восточного квартала. По крайней мере, так считал Стив Харрисон, хотя и не располагал ни одним веским доводом, оправдывавшим то значение, которое он придавал темному, грязному, виляющему между стенами проходу, заканчивавшемуся, казалось бы, тупиком. В отделении посмеивались над Харрисоном, полагая, что, проработав так долго в трущобных лабиринтах одолеваемой крысами Ривер-стрит, он попросту рехнулся на этих китайских кварталах.

Он размышлял на эту тему, в нетерпеливом ожидании притаившись за последним поворотом отвратительного переулка. Светящиеся стрелки его наручных часов уже перевалили за полночь. Стояла тишина, нарушаемая только возней крыс. Треугольная ниша, образованная двумя покосившимися стенами, служила надежным укрытием. Архитектура сооружений по сторонам переулка была столь же дикой, как и некоторые истории, имевшие отношение к его промозглому, смрадному мраку. В нескольких шагах от укрытия переулок заканчивался, упираясь в черную громаду глухой стены, в которой была лишь одна заколоченная досками дверь.

Харрисон разглядел ее в тусклых отсветах, слабые блики которых проникали в переулок откуда-то сверху. За выступами стен царил непролазная тьма, а заколоченная дверь казалась единственным грязным пятном, едва выделявшимся на отвесной плоскости стены. Харрисону подумалось, что это заброшенный склад, который уже много лет находится в запустении. Вероятно, фасад здания выходил к реке, вдоль берега которой тянулись обветшавшие, много лет назад заброшен-

ные причалы — торговый порт давно сместился поближе к новым городским кварталам.

Видел ли кто-нибудь, как он нырнул в переулок? Он попал в него не прямо от Ривер-стрит с ее таинственными пешеходами, неприметные тени которых продолжали снова по ней в течение всей ночи, а из бокового прохода, пробравшись в петляющий переулок сквозь щели между покосившимися стенами и выступающими углами ветхих построек. Имея дело с Восточным кварталом, он поневоле позаимствовал скрытность и осторожность, присущую его обитателям.

Полночь миновала, однако нужный ему человек так и не появился. Вдруг в темном переулке послышался звук приближающихся шагов. Шаркающая походка незнакомца никак не вязалась в голове полицейского с образом Али ибн-Сулеймана. Высокая сутулая фигура, еле различимая в царившей вокруг темноте, прошлепала мимо укрытия, в котором притаился Харрисон. Наметанный глаз полицейского даже в столь густых сумерках определил, что прохожий вовсе не был тем, кого он поджидал.

Неизвестный направился прямо к заколоченной двери и три раза постучал, выдерживая долгую паузу между ударами. Внезапно на двери появилось красноватое пятно. Раздалась негромкая китайская фраза. Пришедший также ответил по-китайски, и напряженно прислушивавшийся полицейский явственно разобрал слова: «Эрлик-хан!» Неожиданно дверь отошла внутрь, и незнакомец проник в дом. Его силуэт хорошо просматривался в красноватом свете, исходившем из глубины помещения. Затем, когда дверь встала на свое место, над переулком вновь сомкнулась крошечная мгла и нависла гробовая тишина, так соответствовавшая его названию.

Но у скрючившегося в своем укрытии Харрисона бешено заколотилось сердце. Он узнал того, кто вошел в дом. Китаец, находящийся в розыске убийца, за поимку которого была обещана награда. Однако не это

усилило пульсацию крови в его жилах. Дело было в пароле, названном зловещим посетителем — «Эрлик-хан». Казалось, сбывается какой-то нелепый кошмарный сон, становится явью пугающая легенда.

Уже более года из мрачных закоулков, из-за дверей обетшавших лачуг, населенных таинственными и непостижимыми, словно призраки, представителями желтой расы, просачивались кое-какие слухи. Впрочем, слухи — вещь вполне определенная и конкретная, не подходящая в качестве определения для бессвязного бормотания наркоманов, нечленораздельных завываний сумасшедших, стонов умирающих, отрывочных, еле слышных шепотов, разносимых полночным ветром. Однако во всем этом разноголосом, нестройном и отрывистом лепете то и дело проскальзывало наводящее ужас сочетание слов, произносимое с бесконечным страхом, с внутренней дрожью: «Эрлик-хан!»

Это выражение неизменно всплывало в связи с самыми жуткими преступлениями, черным вихрем стеноло в кронах ночных деревьев — призрак, миф, которого нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть. Никто не знал, что кроется за этими словами: были ли они именем человека, девизом, жизненным кредо, проклятием, наваждением. Связанные с ним кошмарные ассоциации превратили его в синоним чего-то ужасного: тихого плеска темной воды у прогнивших свай, крови, по каплям сочащейся на осклизлые камни, предсмертных воплей в темных закоулках, тихих, шаркающих шагов, бредущих в зловещей ночи навстречу неизвестной судьбе.

В отделении смеялись, когда Харрисон начинал клясться, что чувствует, будто между разрозненными преступлениями существует некая связь. Как всегда в таких случаях, ему говорили, что он слишком долго работает в извилистых лабиринтах Восточного квартала. Однако именно это обстоятельство и заставляло его чувствовать те тонкие, скрытые нюансы, которые

ускользали от внимания его коллег. А временами он чуть ли не физически ощущал присутствие некоей неясной, расплывчато зловещей фигуры, возникавшей из хитроspлетения миражей.

И теперь во мраке, словно свист бича, прозвучало сказанное шепотом: «Эрлик-хан!»

Выбравшись из своего укрытия, Харрисон быстро направился к заколоченной двери. Выяснение отношений с Али ибн-Сулейманом отошло на второй план. По складу характера великий сыщик был склонен к импровизациям: он никогда не отказывался от подвернувшегося случая, даже если ради этого приходилось переключивать намеченные дела на более поздний срок. А инстинкт подсказывал ему, что он стоит на пороге больших событий.

Начал накрапывать дождь. Над головой, в разрывах между высокими черными стенами он увидел густые темные тучи. Они висели так низко, что, казалось, цепляются за устремленные в небо крыши, тускло отражая сияние мириад городских огней. Откуда-то издалека доносился звук проезжающих по улицам автомобилей. Все вокруг него казалось до странности незнакомым, чужим и враждебным. Словно он пробирался по мрачным трущобам Кантона, по Запретному городу в Пекине или же очутился в Вавилоне или египетском Мемфисе.

Подойдя к двери, он осторожно ощупал ее и доски, которыми, как казалось, она была заколочена. И обнаружил, что многие вбитые в них гвозди были фальшивыми. Гениальная мысль — сделать так, чтобы снаружи дверь казалась наглухо заколоченной!

Стиснув зубы и чувствуя себя так, словно он ныряет в неведомую тьму, Харрисон трижды постучал в дверь, подражая манере убийцы, Фэнг Йима. Почти в тот же миг в двери открылось круглое отверстие, и в нем, еле различимое в скупом красноватом свете, появилось желтое монголоидное лицо. Резко прозвучала сказанная по-китайски фраза.

Шляпа Харрисона была нахлобучена на лоб, а поднятый для защиты от измороси воротник скрывал нижнюю часть лица. Но маскировка не понадобилась. Харрисон никогда прежде не встречался с человеком, который сейчас стоял по ту сторону двери.

— Эрлик-хан! — тихим, невнятным голосом произнес детектив. В раскосых глазах не промелькнуло ни тени подозрения. Ясно, что ранее через эту дверь проходили и белые. Дверь отворилась, и Харрисон, ссутулившись и засунув руки в карманы — ни дать ни взять — хулиган с набережной, — протиснулся сквозь образовавшийся проем. Он слышал, как закрылась за ним дверь, и, миновав узкий коридор, оказался в маленькой квадратной комнате. Про себя он отметил, что дверь запиралась огромным железным ломом, который китаец засовывал теперь в могучие железные проушины, торчавшие по обеим ее сторонам, а круглый глазок в ней закрывался поворотной заслонкой из куска листовой стали. У входа лежала подушка, на которой сидел привратник. Никакой мебели в помещении не было.

Проводя эти попутные наблюдения, он чувствовал, что привычному посетителю не пристало задерживаться в комнатухе. Она освещалась подвешенным к потолку маленьким красным светильником, но отходивший от нее коридор был совершенно темным, и ориентироваться в нем можно было только в чахлых отсветах этого единственного фонаря.

Харрисон шагал по коридору, ничем не выдавая невероятного напряжения нервов. Боковым зрением он отметил, что стены здесь новые и прочные. Тут явно совсем недавно закончились большие ремонтные работы, хотя внешне здание выглядело совершенно заброшенным.

Как и ведущий к дому переулок, коридор оказался коленчатым. Из-за поворота падал мягкий поток света, и за углом раздались приближающиеся шаркающие шаги. Харрисон толкнул ближайшую дверь, ко-

торая беззвучно отошла и так же беззвучно закрылась за ним. В крошечной тьме он остушился и чуть не скатился с оказавшейся под его ногами лестницы. Мысленно он проклинал себя за произведенный шум. Он слышал, как шарканье ног приблизилось к двери. Невидимая рука толкнула ее. Но Харрисон изо всех сил налег на дверь плечом. Пальцы нашарили засов и плавно задвинули его, заставив детектива болезненно поморщиться от еле слышного скрежета. Послышалась свистящая китайская фраза, но Харрисон не ответил. Отойдя от двери, он начал ощупью спускаться по лестнице.

Наконец, он поставил ногу на ровную поверхность и в тот же миг врезался в дверь. У него в кармане лежал фонарь, но воспользоваться им он не рискнул. Потянув за ручку, Харрисон понял, что дверь не заперта. Вся она, даже ее порог и косяки, была обита чем-то мягким. Ощупав стены чуткими пальцами, Харрисон понял, что и они обиты все тем же мягким материалом, и с внутренней дрожью подумал, какие крики и шумы пытались заглушить с помощью подобной звукоизоляции.

Распахнув дверь, он зажмурился от мягкого красноватого света и в испуге схватился за пистолет. Однако все было по-прежнему тихо — ни криков, ни выстрелов, и по мере того как глаза его привыкали к свету, он увидел, что находится в большом подвальном помещении, совершенно пустом, если не считать трех огромных упаковочных ящиков. В дальнем и ближнем концах помещения, а также вдоль его стен находились двери, но все они были закрыты. Харрисон явно пребывал где-то под землей.

Он приблизился к ящикам, которые, по всей видимости, недавно подверглись вскрытию, но еще не были разобраны. На полу рядом с ними лежали оторванные крышки, охапки тонких стружек и веревки.

— Спиртное? — пробормотал он себе под нос. — Наркота? Контрабанда?

Он бросил хмурый взгляд на ближайший ящик. Его содержимое было прикрыто лишь одним слоем мешковины, и он озадаченно уставился на очертания того, что скрывалось под ней. Затем, чувствуя, как у него по телу забегали мурашки, он сорвал тканевый покров и отшатнулся. От ужаса у него перехватило дыхание. Из ящика на слегка покачивающуюся лампу невидящими взорами уставились три застывших, неподвижных желтых лица. Под ними, кажется, был еще ряд...

Зажимая себе рот и покрываясь испариной, Харрисон продолжал свое ужасное занятие, чтобы удостовериться в том, во что едва мог поверить. А затем стер капли пота.

— Три ящика, набитые мертвыми китайцами! — с содроганием прошептал он. — Восемнадцать трупов! Черт подери! Прямо оптовое убийство! Чего только я в жизни ни повидал, думал, уже ничто не сможет выбить меня из колеи. Но это уже слишком!

Еле уловимый шорох открываемой двери заставил его отвлечься от своих неприятных размышлений. Охваченный страшным напряжением, он повернулся на шум. Перед ним рабелепно склонилась отвратительная, зловещая фигура, словно воскресшая из ночного кошмара. Полицейский отметил массивный полуобнаженный торс, гладкую, как пушечное ядро, бритую голову, лицо, искаженное ухмылкой, обнажавшей зубы, слюну, стекавшую из уголков рта, — и вот это чудовище набросилось на него.

Харрисон не принадлежал к тем, кто сразу хватается за оружие. Прежде всего, повинуясь инстинкту, он пускал в дело могучие кулаки. Вместо того чтобы выхватить пистолет, он правой рукой нанес сокрушительный удар прямо по этой оскаленной физиономии и удовлетворенно отметил, как по ней побежали струйки крови. Голова гиганта откинулась назад, но жилистые пальцы продолжали цепко держаться за лацканы куртки детектива.

Левый кулак Харрисона с размаху врезался в солнечное сплетение противника, от чего бронзовое лицо нападавшего приобрело зеленоватый оттенок. Однако он не ослабил хватку и упрямо пытался стянуть куртку с плеч полицейского. Харрисон догадался, что этим приемом бандит пытается обездвижить ему руки, и, притворяясь, будто уступает его намерениям, изо всех сил ударил желтолицего в грудь пригнутой головой, одновременно освобождаясь от сковывавшей его движения одежды.

Гигант, пошатываясь, попятился назад, судорожно пытаясь глотнуть воздуха и держа бесполезную теперь куртку Харрисона перед собой наподобие щита, а неумолимый в атаке полицейский прижал его к стене и обеими руками поочередно нанес зубдробительные удары под челюсть противника. Глаза желтокожего великана подернулись пеленой, и он начал медленно оседать. Ударившись головой о стену, он рухнул наземь, заливая пол вокруг себя алой кровью и содрогаясь в предсмертных конвульсиях.

— Душегуб монгольский! — выдохнул запыхавшийся Харрисон, свирепо оглядывая свою жертву. — Что за ужасы здесь творятся, хотел бы я знать?

В этот миг сзади на его голову обрушился удар дубинки. Свет померк в глазах Харрисона.

* * *

Его нынешнее положение породило в мозгу детектива какие-то туманные ассоциации с испанской инквизицией. Он, наконец, пришел в сознание. Возможно, эти ассоциации были порождены звяканьем стальных цепей. Выплывая из бездны галлюцинаций, он первым делом почувствовал, как болит у него голова, бережно дотронулся до нее и разразился яростными проклятиями.

Он валялся на бетонном полу. На поясе у него был стальной обруч, замкнутый за спиной на замок и при-

крепленный к цепи, приковывавшей его к вмурованному в стену кольцу. Помещение, в котором не было ни одного окна и всего одна дверь, освещалось висевшим под потолком тусклым фонарем. Дверь была заперта.

В комнате находились какие-то предметы, и по мере того как глаза Харрисона привыкали к чахлому свету, предметы эти приобретали все более конкретные очертания, а его охватывало ледящее душу предчувствие, казавшееся слишком фантастическим и жутким, чтобы довериться ему. И все же то, что предстало перед ним, было поистине невероятным. Тут находился какой-то механизм, оснащенный рычагами, воротами и цепями. С потолка свисала цепь. Были здесь и еще какие-то железные штуковины, напоминавшие по форме языки пламени. В одном из углов стояла массивная, избороденная зарубинами плаха, а к ней был прислонен тяжелый широколезвенный топор. Детектив невольно содрогнулся, спрашивая себя, уж не снится ли ему все это средневековое в каком-то кошмарном сне. Он не сомневался в предназначении этих предметов, потому что видел точно такие же в музеех...

Почувствовав, что дверь отворилась, он изогнулся и увидел в проеме неясный силуэт — это была высокий, похожий на призрака человек, одетый во все черное. Человек вошел в комнату, словно сама Смерть, и приотворил за собой дверь. Из-под капюшона на желтом лице ледяным блеском сверкнули глаза, выражение которых вселяло ужас.

Несколько мгновений царило молчание, но его нарушил сердитый окрик сыщика:

— Где я, черт побери, нахожусь? Кто вы? Снимите с меня цепь!

Ответом ему было лишь презрительное молчание, и под немигающим, пронзительным взглядом этих призрачных глаз Харрисон почувствовал, как лоб и тыльные стороны ладоней у него покрываются холодным потом.

— Болван! — Харрисон нервно содрогнулся при звуке этого ледяного, бесстрастного голоса. — Ты нашел свой конец!

— Кто вы? — продолжал вопрошать полицейский.

— Люди зовут меня Эрлик-хан, что означает Повелитель мертвых, — ответил человек в черном. По спине Харрисона пробежали ледяные мурашки, не столько от испуга, сколько от неприятного волнения при мысли о том, что он наконец-то видит перед собой того человека, о существовании которого подозревал.

— Итак, Эрлик-хан — всего лишь человек, — хмыкнул детектив. — Я уж начинал думать, что это понятие именуется целую банду китайцев.

— Я не китаец, а монгол, — ответил Эрлик-хан, — прямой потомок Чингиз-хана, великого завоевателя, перед которым склонялась вся Азия.

— А мне что за дело? — проворчал Харрисон, стараясь скрыть желание узнать больше.

— Затем, что скоро ты умрешь, — последовал спокойный ответ, — и мне хочется, чтобы ты понял, что попался ты не в лапы какой-нибудь обыкновенной бандитской шайки.

Я был настоятелем монастыря ламаитов в горах Внутренней Монголии и, если бы мне удалось осуществить свои намерения, возродил бы утраченную империю, да-да, древнюю империю Чингиз-хана, но разные кретины мешали мне и чуть не лишили меня жизни.

Я прибыл в Америку и здесь поставил перед собой новую цель — сплотить все тайные восточные общества в единую могучую организацию, чтобы иметь возможность осуществлять через нее все свои желания и опутать невидимыми щупальцами весь мир. Здесь, в месте, не вызывающем подозрения у таких недоумков, как ты, я построил свой замок. Я уже многого добился. Те, кто препятствует мне, внезапно погибают, или с ними происходит кое-что еще худшее — ты же видел болванов в упаковочных ящиках, стоящих в подвалах.

Это члены банды «Ят-Сой», пытавшиеся пренебречь мною.

— Душегуб! — пробормотал Харрисон. — Целый тонг отправленных на тот свет!

— Они живы, — поправил его Эрлик-хан. — Просто находятся в состоянии каталепсии, вызванном неким веществом, которое надежные слуги подсыпали им в питье. Их доставили сюда, чтобы я имел возможность убедить их в бессмысленности сопротивляться мне. Я располагаю несколькими подобными подземными склепами, где есть устройства, способные переубедить даже самых упрямых.

— Камеры пыток под Ривер-стрит! — прошептал детектив. — Черт меня побери, если этот кошмар мне не снится!

— Ты так долго разгадывал секреты кварталов Ривер-стрит. Неужто тебя поражают тайны, господствующие над их тайнами? — тихо промолвил Эрлик-хан. — По правде говоря, ты лишь слегка прикоснулся к их тайнам. Многие подчиняются моим приказам — китайцы, сирийцы, монголы, индийцы, арабы, турки, египтяне.

— Почему? — спросил Харрисон. — Почему столько людей, принадлежащих к разным, зачастую враждебным, религиям служат вам?..

— За всеми расхождениями в вопросах вероисповедания, — сказал Эрлик-хан, — стоит вечное Единство, главная сущность Востока. До того как появились Мухаммед, Конфуций или Гаутама, существовали общице для всех сынов Востока знаки и символы, такие древние, что их история теряется в веках. Есть культы, которые важнее и старше ислама или буддизма, — древнейшие культы, возникшие до того, как был построен Вавилон или затонула Атлантида. Для посвященного все эти религии и верования — только новые одеяния, за которыми скрывается единая внутренняя сущность. Даже мертвому я не могу сказать больше. Достаточно знать, что я, которого называют Эрлик-

ханом, имею власть над миром ислама и буддизма, но она простирается и за его пределы.

Лежа на полу, Харрисон молча размышлял над словами монгола, который через некоторое время нарушил молчание:

— Ты один виноват в том, что с тобой случилось. Я убежден, сегодня ты явился сюда не для того, чтобы шпионить за мной, — глупый, слепой кретин, даже не подозревавший о моем существовании. Я думал, что ты опрометчиво решил арестовать моего слугу, друга Али ибн-Сулеймана.

— Вы подослали его, чтобы убить меня, — прорычал Харрисон.

Презрительный смех заставил его стиснуть зубы.

— Неужто ты мнишь себя такой важной персоной? Я бы не стал сворачивать со своего пути, чтобы раздавить слепого червя. Тебя подставили иначе — нашлось ничтожное, самонадеянное, глупое существо, ставшее жертвой собственных заблуждений и ныне расплачивающееся за свое безумие. Подобно многим моим слугам, Али ибн-Сулейман — отщепенец, отверженный своим народом, и жизнь его поставлена на карту. Из всех добродетелей самой ценной друзья почитают простейшую — физическое мужество. Если друг проявляет трусость, никто не насмехается над ним, но когда воины собираются за чашкой кофе, кто-нибудь проливает содержимое чашки на его одежду. Для него это равносильно смертному приговору. При первой возможности он обязан идти в бой и как можно дороже продать свою жизнь. — Эрлик-хан помолчал. — Али ибн-Сулейман не смог выполнить задание, которое было неосуществимым. Он был молод и не понимал, что фанатичные соплеменники заклеят его как труса, и поэтому, потерпев неудачу, не покончил с собой. Однако чаша позора пролилась на его рубаху. Али был молод и не хотел умирать. Он нарушил обычай, соблюдавшийся тысячелетиями, бежал из родных мест и стал скитальцем на этой земле. В про-

шлом году он примкнул к моим людям, и я был доволен его отчаянной храбростью и исключительными бойцовскими качествами. Однако не так давно то безмозглае существо, о котором я уже говорил, решило использовать его для разрешения одной старинной междоусобицы, никоим образом не связанной с моими делами. Это было неблагоприятно. Мои люди живут только для того, чтобы служить мне, независимо от того, осознают они это или нет. Али часто ходит курить опиум в некий дом, и там эта безмозглая дрянь одурманила его порошком черного лотоса, погружающим человека в транс и делающим его внушаемым. Если повторять эти внушения многократно, то они удерживаются в мозгу жертвы даже тогда, когда он освобождается от действия наркотика.

Эрлик-хан снова умолк. Так это было или нет, но Харрисону показалось, что он к чему-то прислушивается. Потом Эрлик-хан спокойно продолжил.

— Друзья верят, что после смерти их душа тотчас же переселяется в тело младенца из их племени. Их национальный герой Амир Амин Изедин был убит арабским шейхом Ахмед-пашой в ночь, когда родился Али ибн-Сулейман. Али всегда считал, что в нем живет душа Амира Амина, и страшно печалился, что не может отомстить за свою прошлую жизнь Ахмед-паше, который погиб через несколько дней после того, как убил вождя друзов. Узнав обо всем, это самонадеянное ничтожество с помощью черного лотоса, известного так же как Дым Шайтана, убедила друга, что ты, детектив Харрисон, являешься реинкарнацией его старого врага, шейха Ахмед-паши. Понадобилось немало времени и хитрости, чтобы внушить ему, даже под воздействием наркотика, что душа арабского шейха могла переселиться в американского полицейского, но дрянь действовала очень настойчиво, и в конце концов Али поддался внушению и послушался моих приказаний — я всегда запрещал досаждать полицейским, если они не лезли в мои дела, а уж когда требовалось

принимать какие-то меры, то все делалось исключительно под моим руководством. Ибо я не стремлюсь к известности. Друза следует проучить. Теперь мне пора уходить. Я и так провел с тобой слишком много времени. Скоро сюда придет тот, кто избавит тебя от земных забот. Утешься мыслью, что по соседству с тобой виновная в твоей гибели дура искупит свой грех ценой собственной жизни. Фактически ее отделяет от нас только одна звукопоглощающая переборка. Прислушайся!

Где-то рядом раздался женский голос. Нельзя было разобрать, что именно он говорил, но звучал он настойчиво.

— Дура сознается в своей ошибке, — благодушно улыбнулся Эрлик-хан. — Звуки ее раскаяния долетают сюда даже сквозь эти стены. Что ж, не она первая сожалеет о совершенных ранее глупостях. А теперь я ухожу. Эти кретины из «Ят-Сой» скоро очухаются.

— Подождите вы, сатана! — рявкнул Харрисон, борясь со своей цепью. — Что вы собираетесь...

— Довольно, довольно! — В голосе монгола слышалась нетерпеливая нотка. — Ты меня утомил. Соберись с мыслями, времени у тебя мало. Прощайте, мистер Харрисон, но не до свиданья!

Дверь беззвучно затворилась, и детектив остался один на один со своими невеселыми мыслями. Он проклинал себя за то, что попался в эту ловушку, за то, что старался всегда работать в одиночку. Никто не знал, куда он направился; он никому не сообщил о своих намерениях.

Из-за переборки по-прежнему доносились приглушенные рыдания. У Харрисона по лбу заструились капельки пота. Нервы, не дрогнувшие перед лицом постигшей его беды, затрепетали от сострадания к чужому, заходящемуся от страха голосу.

Затем дверь вновь распахнулась, и, изогнувшись, Харрисон с парализующим чувством обреченности понял, что видит перед собой палача. Это был высо-

кий, мрачного вида монгол, облаченный в сандалии и доходящую до колен накидку из желтого шелка. Она была подвязана поясом, с которого свисала связка ключей. С собой он принес большой бронзовый сосуд и какие-то предметы, похожие на ароматические палочки. Он поставил свою ношу на пол неподалеку от Харрисона и, присев на корточки на недоступном для пленника расстоянии, стал возводить внутри сосуда своего рода пирамиду из источающих отвратительный запах палочек. А Харрисон, наблюдая за его действиями, припомнил полустершуюся в памяти страшную историю, один из многих тысяч жутких рассказов о Ривер-стрит: когда-то в какой-то наглухо закупоренной комнате, где над бронзовым котлом с головнями еще курился едкий дым, он обнаружил ссохшийся, сморщенный, как старый лоскут кожи, труп индийца, мумифицированный смертоносным дымом, убившим и иссушившим свою жертву, словно отравленную крысу.

Из соседней камеры раздался вопль, такой пронзительный и страдальческий, что Харрисон подскочил на месте и выругался. Монгол застыл, держа наготове спичку. Его пергаментное лицо расплылось в понимающей ухмылке, обнажившей сморщенный обрубок языка. Этот человек был нем.

Крики становились все громче и отчаяннее, казалось, в них было больше страха, чем боли, но вместе с тем звенела и боль. Охваченный пугающим весельем немой поднялся и подошел поближе к стене, весь обратившись в слух, словно боясь пропустить хотя бы единый стон, долетавший из соседней камеры пыток. Из уголков его безязыкого рта капала слюна. Он жадно задерживал дыхание, помимо воли все ближе и ближе подходя к стене, — и в этот момент Харрисон, исхитрившись описать ногой немислимую кривую, изо всех сил ударил его под обнаженные колени. Монгол неуклюже повалился назад и рухнул прямо в объятия полицейского.

Захват, благодаря которому Харрисон сломал палачу шею, не был описан ни в одном руководстве по единоборству. Долго сдерживаемая ярость уничтожила в детективе все, кроме нечеловеческого желания душиТЬ, терзать и рвать в клочья, повинуюсь голосу необузданной страсти. Словно гризли, он душил и ломал тело врага, чувствуя, что под его напором позвонки монгола хрустят, как подгнившие сучья.

Испытывая головокружение от переполнявшей его ярости, он с трудом поднялся на ноги, по-прежнему сжимая, как тисками, безвольное тело и изрыгая бессвязные проклятия. Его пальцы сомкнулись на связке ключей, болтавшейся на поясе убитого. Завладев ею, Харрисон в припадке все еще бушевавшей в нем ярости зло пнул ногой труп, повалившийся на пол с глухим стуком. Застывшее лицо с невидящими глазами зловеще скалилось из-за желтого плеча.

Харрисон методично подобрал ключ к замку на своем поясе. Мгновение спустя, освободившийся от оков, он уже стоял посреди камеры, обуреваемый захлестнувшими его неистовыми чувствами — надеждой, ликованием, ощущением свободы. Он подхватил топор, прислоненный к покрытой темными пятнами плахе, и с трудом сдержал кровожадный радостный вопль, ощутив успокаивающую тяжесть этого массивного оружия и видя, как тусклый свет играет на его блестящем и остром как бритва лезвии.

Секунду повозившись, подбирая ключи к замку, он отворил дверь и оказался в тускло освещенном узком коридоре, по обеим сторонам которого тянулись запертые двери. Из-за той, что находилась рядом, доносились душераздирающие крики, приглушенные звукопоглощающей обивкой двери и стен.

Клокоча от ярости, он не стал терять времени на подбор ключа. Стиснув топорнице обеими руками, Харрисон что есть силы рубанул по двери. Он не думал о произведенном им грохоте, повинуюсь лишь безумной потребности творить насилие. Под градом ударов дверь

расколосась и вдавилась внутрь, и через образовавшуюся рваную щель он влетел в камеру. Глаза его яростно сверкали, рот раздвинулся в рычащем оскале.

Он оказался в камере, как две капли воды похожей на ту, в которой держали его самого. Здесь тоже была дыба — надежное средневековое дьявольское приспособление, — и на ней жалобно белела женская фигурка. Это была девушка, тело которой прикрывала лишь коротенькая сорочка. Мрачного вида монгол склонился над рукоятками воротов, медленно приводя их в движение. Другой тем временем раскалял на маленькой жаровне заостренный железный прут.

Все это мгновенно отпечаталось в его мозгу. Завидев Харрисона, девушка повернула голову в его сторону и издала отчаянный крик. Затем монгол с железным прутком безмолвно ринулся на него, выставив раскаленное добела железо перед собой наподобие копья. Даже в обуревавшем его нечеловеческом приступе ярости Харрисон не потерял головы. Ощерив тонкие губы в зверином оскале, он рванулся в сторону и со всего маху опустил топор на голову нападавшего, расколотившуюся под ударом, словно спелый арбуз. Бездыханное тело рухнуло в лужу крови и выбитых мозгов, а Харрисон упругой кошачьей походкой двинулся навстречу второму монголу.

Тот действовал так же беззвучно, как и его напарник. Оба они тоже были немymi. Второй палач оказался не столь безрассудным, как первый, однако осмотрительность не уберегла его от разящего удара. Монгол выставил для защиты левую руку, и кривое лезвие рассекло мускулы и кости. Отрубленная плоть повисла на клочке мяса. В неистовой ярости заплечных дел мастер, словно умирающая пантера, рванулся вперед, норовя пырнуть Харрисона ножом. И тут же окровавленный топор вновь обрушился на него. Лезвие ножа вспорол рубашку Харрисона и полоснуло его самого вдоль ребер, и поскольку при этом он невольно отшатнулся, топор в его руках повернулся и ударом

обуха сокрушил череп монгола, словно яичную скорлупу.

Матерясь, как последний извозчик, детектив озирался по сторонам, ожидая новых нападений. Затем вспомнил о девушке на дыбе.

Он наконец узнал ее.

— Джоэн Ла Тур! Что вы здесь...

— Освободите меня! — прорыдала она. — Ради всего святого, освободите!

Справиться с дьявольским приспособлением было для Харрисона делом одной минуты. Но лодыжки и запястья девушки были прикручены крепкими веревками. Разрубив их, полицейский подхватил пленницу на руки и стиснул зубы при мысли о возможных переломах, вывихнутых суставах и разорванных сухожилиях, о перенесенных ею страданиях, но пытка, видимо, только началась и не успела нанести девушке непоправимого ущерба. Учитывая выпавшие на ее долю испытания, физическое состояние Джоэн могло бы оказаться намного хуже, однако она была охвачена безраздельной истерикой. Глядя на съежившуюся от страха, сотрясающуюся от рыданий и дрожащую в своей жалкой одежонке фигуру, он припомнил вызывающе гордую, самоуверенную и независимую красавицу, какой знал ее, и в изумлении покачал головой. Разумеется, Эрлик-хан умел заставить повиноваться своей деспотической воле.

— Бежим, — умоляла Джоэн в промежутках между бурными всхлипываниями. — Они вернутся — они же слышали шум...

— Бежим, — буркнул он, — только хотел бы я знать, где, черт подери, мы находимся?

— Не знаю, — прохныкала она. — Где-то в доме Эрлик-хана. Его немые монголы притащили меня сюда сегодня вечером по подземным ходам и тоннелям, соединяющим это место с разными частями города.

— Вот и славно, — откликнулся он, — значит, и мы могли бы убежать по ним куда-нибудь.

Схватив девушку за руку, он вывел ее в коридор и, неуверенно озираясь по сторонам, заметил ведущую вверх винтовую лестницу. Они бросились по ней, но вскоре оказались перед обитой незапертой дверью. Пройдя через нее, он попробовал закрыть ее на ключ, но попытка оказалась безуспешной. Ни один из ключей в связке не подходил к этому замку.

— Не знаю, слышали они нашу потасовку или нет, — пробормотал он, — разве что кто-то из них находился поблизости. Думаю, мы где-то в подвале.

— Нам никогда не выбраться отсюда живыми, — всхлипнула девушка. — Вы ранены, у вас на руках кровь...

— Подумаешь, царапина, — хмыкнул атлетически сложенный сыщик, украдкой ощупывая пальцами отвратительную рваную рану, сочившуюся кровью, пропитавшей насквозь и разодранную рубаху, и пояс брюк. Теперь, когда ярость его поостыла, он почувствовал боль.

Прекратив возиться с дверью, он ощупью побрел в крошечной тьме, ведя за собой девушку, присутствие которой ощущалось только по трепету нежной руки, вложенной в его ладонь. Затем он услышал ее судорожные всхлипывания.

— Это все я виновата! Я вас в это втравила! Друз, Али ибн-Сулейман...

— Знаю, — буркнул он, — Эрлик-хан рассказал. Но я никогда не подозревал, что именно вы напустили на меня этого безумного язычника с кинжалом. Или Эрлик-хан солгал?

— Нет, — простонала она. — Жозеф — мой брат. До сегодняшнего вечера я считала, что его убийца — вы.

Он сильно вздрогнул.

— Я? Я не убивал! И не знаю, кто его убил. Кто-то застрелил его — пуля, предназначавшаяся мне, пролетела у меня над плечом и попала в него. Это было во время облавы на банду Осман-паши.

— Теперь я знаю, — пролепетала она. — Но раньше все время считала, что вы говорите неправду. Ду-

мала, вы убили его, лично вы. Многие так говорили, понимаете. Я хотела отомстить. Выбрала способ, казавшийся абсолютно надежным. Друз меня не знает. Он ни разу меня не видел — когда был в сознании. Я подкупила содержателя притона наркоманов, где часто бывает Али ибн-Сулейман, чтобы тот окурил его черным лотосом. Затем за дело взялась я. Это очень похоже на гипноз. Должно быть, хозяин притона проболтался. Во всяком случае, Эрлик-хан узнал, как я использовала Али ибн-Сулеймана, и решил наказать меня. Возможно, он боялся, что друз наговорил много лишнего, пока был в утаре. Я тоже знаю слишком много для человека, не примкнувшего к организации Эрлик-хана. Я — мелкая рыбешка из Восточного квартала и крутилась подальше от сетей Ривер-стрит, пока сама не запуталась в них. Жозеф тоже играл с огнем и заплатился за это жизнью. Сегодня вечером Эрлик-хан назвал мне имя его настоящего убийцы. Это Осман-паша. И целился он тогда не в вас, а в Жозефа. Я вела себя, как последняя дура, и жизнь моя теперь не стоит ни цента. Эрлик-хан — властелин Ривер-стрит.

— Недолго он им останется, — прорычал детектив. — Мы уж как-нибудь отсюда выберемся, а потом я вернусь с ребятами из нашего отделения и очищу эту проклятую крысиную нору. Я покажу Эрлик-хану, что здесь Америка, а не Монголия. Когда я с ним разделюсь...

Он остановился на полуслове, потому что пальцы Джоэн судорожно впились в его руку. Откуда-то снизу доносился неясный гул. Харрисон не знал, что находится под их ногами, но от одной мысли оказаться в западне на этой темной виляющей лестнице у него по коже побежали мурашки. Он зашагал быстрее, почти волоча за собой девушку, и, наконец, добрался до двери, оказавшейся также незапертой.

Именно в этот момент внизу зажегся свет, и он весь напрягся от долетевших до них пронзительных воплей. Далеко внизу виднелась толпа неясных теней, мета-

вшихся в красноватых отсветах фонаря или факела. Можно было различить, как сверкали их белки, как поблескивала сталь.

Пулей влетев в дверь и с грохотом захлопнув ее за собой и Джоэн, он лихорадочно попытался подобрать ключ, чтобы запереть ее на замок, но, отказавшись от этой попытки, схватил девушку за руку и помчался по извилистому коридору, стены которого покрывали черные бархатные драпировки. Он не представлял, куда приведет их этот коридор. Он уже окончательно потерял ориентацию. Знал только, что на пятки им наступает смерть, страшная, неумолимая смерть.

Оглянувшись, он увидел, как озверевшая толпа заполняет коридор: это были желтолицые в шелковых куртках и мешковатых штанах, с обнаженными кинжалами наготове. Вдали перед ним маячила занавешенная портьерами дверь. Разметав тяжелые шелковые полотнища и волоча за собой девушку, он влетел в дверь, захлопнул ее и замер, охваченный леденящим душу отчаянием.

* * *

Они оказались в просторном зале, о возможности существования которого под заурядными крышами любого западного города Харрисон и подумать не мог. С резного потолка свисали позолоченные светильники, украшенные фантастическими фигурами драконов. Они отбрасывали золотистый свет на бархатные полотнища, которыми были завешены стены. По черному бархату повсюду змеились другие драконы, вышитые золотом, серебром и пурпурным шелком.

В нише подле двери располагался громоздкий, выше человеческого роста идол. Ноги изваяния были подогнуты по-турецки. Статую наполовину скрывала тяжелая лаковая ширма. Изваяние казалось самой непристойной, вульгарной пародией на человека, которую только могла породить человеческая фантазия.

Перед идолом находился низкий алтарь, над которым курилась спиральная струйка благовоний.

Однако Харрисону было не до идола. Его глаза были прикованы к фигуре, облаченной в длинное черное одеяние с капюшоном и восседавшей по-турецки на бархатном диване в противоположном конце зала. Они влетели напрямик в осиное гнездо. Вокруг Эрлик-хана в подобострастных позах сидели азиаты — китайцы, сирийцы и турки.

На мгновение находившиеся в зале тоже опешили, но их вывел из остоленения злобный окрик Эрлик-хана, который вскочил со своего места и схватился за пояс. Другие, поднимаясь и крича, также хватались за оружие. За дверью, прямо у себя за спиной, Харрисон услышал шум погони. В этот миг он осознал и принял единственную отчаянную альтернативу немедленному плену. Метнувшись к идолу, он втокнул Джоэн в пространство за ним, а потом и сам протиснулся в нишу. Теперь он оказался припертым к стенке. Отступить было некуда — оставалось ждать, держа наготове страшный топор. Он не надеялся, что ему удастся спастись, но, как загнанный охотниками в угол раненый волк, решил мужественно принять последний бой. Зеленая каменная глыба идола почти полностью блокировала проход в нишу. Лишь с одной стороны оставался узкий просвет между стеной и его уродливыми бедром и плечом. С другого бока щель была настолько маленькой, что в нее не прошла бы и кошка. Через щели в стоявшей перед идолом лаковой ширме Харрисону была видна вся комната, куда уже ворвалась толпа их преследователей. Ими руководил вооруженный топором Фэнг Йим — полицейский сразу узнал его.

Поднявшийся неистовый гвалт перекрыл властный голос Эрлик-хана, который говорил по-английски, на единственном общем для всей этой пестрой смеси народов языке:

— Они прячутся за богом; заставьте их выйти.

— Надо дать по ним очередь, — предложил смуглый, могучего телосложения громила. Харрисон узнал в нем турка Ак-Богу, феска которого никак не вязалась с остальным его одеянием. — Если мы останемся стоять здесь, то рискуем отправиться на тот свет. Он может перестрелять всех нас из-за ширмы.

— Болван! — Монгол чуть не задохнулся от ярости. — Он давно бы сделал это, будь у него оружие. Я запрещаю стрелять. Они могут спрятаться за изваянием, и понадобится слишком много выстрелов, чтобы выкурить их оттуда. Здесь вам не Камеры Тишины. Пальба произведет слишком много шума, одного выстрела на улице могут и не услышать, но одним здесь не обойтись. Он вооружен только топором; набросьтесь на него и изрубите на куски!

Ак-Бога, не раздумывая, бросился вперед. Остальные устремились за ним. Харрисон перехватил топором поудобнее. Нападающие могли добраться до них только поодиночке.

Турок находился в узкой щели между идолом и стеной, когда Харрисон бросился к нему из-за огромной зеленой глыбы. Ак-Бога завизжал в предвкушении победы и занес для удара нож. Он закрывал собой весь проход, и из-за его плеча стоявшие за ним могли разглядеть только мрачное лицо Харрисона с бешено сверкающими глазами.

Харрисон ударил обухом прямо в лицо Ак-Боги, круша ему нос, зубы и подбородок. Турок пошатнулся, захлебываясь собственной кровью, и, полуослепленный ею, все же попытался ударить полицейского ножом, точно смертельно раненная пантера. Острое лезвие раскроило лицо Харрисона от виска до челюсти, но в то же мгновение опустившийся топор сокрушил грудную клетку турка. Отшатнувшись назад, умирающий повалился на спину.

Стоявшие за ним попятнулись от неожиданности. Харрисон, окровавленный, словно заколотый боров, снова спрятался за идола. Они не видели белого вели-

кана, притаившегося наготове под сенью божества, но видели Ак-Богу, испускающего последнее дыхание в луже крови по их сторону ширмы. Турок казался принесенной идолу кровавой жертвой, и зрелище это отрезвило даже самых неумолимых.

И теперь, когда дело зашло в тупик и сам Повелитель мертвых, казалось, пребывал в нерешительности, на сцену разыгравшейся трагедии выступил еще один персонаж. Открылась дверь, и в зал ворвалась экзотическая фигура. Харрисон услышал, как за его спиной испуганно охнула Джоэн.

Это был Али ибн-Сулейман. Он прошествовал по залу так, словно находился в собственном замке в загадочных окрестностях Джебель-Друза. Он сменил свой западный наряд. Теперь виски его опоясывала шелковая повязка с широкой золотой полосой. Его торс прикрывала просторная рубаша с поясом, из-под которой виднелись расшитые узорами туфли на серебряных каблуках. Его веки были накрашены сурьмой, отчего блеск глаз казался еще более жестоким, чем обычно. В руке друз сжимал длинную кривую саблю.

Харрисон отер кровь с лица и пожал плечами. Ничто больше не могло удивить его в доме Эрлик-хана, даже эта живописная фигура, которая, казалось, только что выплыла из восточного сна, навеянного опиумным дурманом.

Внимание всех было приковано к друзу, который шел по залу и казался еще более высоким и грозным в своем национальном костюме, чем в западном платье. Он не испытывал ни малейшего страха перед Повелителем мертвых, точно так же, как ранее — перед Харрисоном.

— Почему мне не сказали, что мой враг — узник в этом доме? — остановившись перед Эрлик-ханом, дерзко спросил он по-английски, на том единственном общем наречии, которым владели и он, и монгол.

— Тебя здесь не было, — грубо оборвал его Эрлик-хан, которому явно не нравилось поведение друза.

— Да, не было, но я недавно вернулся и узнал, что собака, которая прежде была Ахмед-пашой, сидит в западне в этой комнате. Ради такого случая я облачился в подобающее мне платье. — Повернувшись к Повелителю мертвых спиной, Али ибн-Сулейман подошел к идолу.

— Эй, несервный! — крикнул он, — выходи и прими удар моей стали! Вместо ожидающей тебя собачьей смерти, которую ты заслужил, я предлагаю тебе благородный поединок — твой топор против моего меча. Выходи, или я выведу тебя оттуда за бороду!

— У меня нет бороды, — насмешливо отозвался детектив. — Подходи и попробуй достать меня!

— Даже тогда, когда ты был Ахмед-пашой, ты был мужчиной, — нахмурился Али ибн-Сулейман. — Выходи сюда, где мы можем как следует воспользоваться оружием. Если ты убьешь меня, то уйдешь отсюда живым. Клянусь Золотым Тельцом!

— Могу ли я довериться ему? — пробормотал Харрисон.

— Друзы держат свое слово, — прошептала Джоэн, — но есть еще Эрлик-хан...

— Кто ты такой, чтобы раздавать обещания? — крикнул Харрисон. — Здесь распоряжается Эрлик-хан.

— Только не в вопросах моей личной мести! — последовал высокомерный ответ. — Клянусь честью, ни одна рука, кроме моей, не коснется тебя, а если погибну я, то тебя отпустят на свободу. Так я говорю, Эрлик-хан?

— Пусть будет, как ты желаешь, — ответил монгол, разводя руками в знак отказа влиять на развитие событий.

Джоэн судорожно стиснула руку Харрисона и горячо зашептала:

— Не верьте ему! Он не сдержит своего слова! Он предаст и вас, и Али, обоих! Он никогда не стремился к тому, чтобы друз вас убил, — и теперь он хочет нака-

зять Али, сделав так, чтобы вас убил кто-то другой! Не надо, не надо...

— В любом случае нам крышка, — тихо сказал Харрисон, стирая пот и кровь, заливавшие ему глаза. — Пожалуй, стоит попытаться. Если я откажусь, они скоро опять полезут на нас, а из меня кровь хлещет так, что скоро я ослабею и не смогу драться. Воспользуйся случаем, девочка, и попытайся удрать, пока все наблюдают за мной и Али. — И он громко крикнул: — Со мной здесь женщина, Али. Отпусти ее, прежде чем мы начнем сражаться.

— Чтобы она привела тебе на выручку полицейских? — спросил Али. — Нет. Она умрет с тобой или останется жить, если ты победишь. Ты идешь?

— Иду, — ответил, скрежеща зубами, Харрисон. Перехватив поудобнее топор, он выскользнул из ниши, мрачный, мертвенно-бледный, с залитым кровью лицом и одеждой, мокрой от бурых кровавых пятен.

Али ибн-Сулейман пружинистой, упругой походкой начал приближаться к противнику. В его руке голубым огнем сверкало широкое лезвие кривой сабли. Борясь с внезапно навалившейся на него слабостью, Харрисон занес топор — но в этот момент раздался негромкий хлопок и что-то ударило его по голове, разом отняв у него способность двигаться. Он не заметил, как упал, но почувствовал, что лежит на полу. Сознание продолжало работать, но язык и тело отказывались повиноваться ему.

Словно через пелену до него долетел отчаянный вопль, и стрелой подлетевшая к нему фигурка в белом — Джоэн Ла Тур — упала на колени подле него и принялась судорожно ощупывать его тело.

— Собаки, собаки! — рыдала она. — Вы его убили! — Голос ее сорвался на крик: — Где же твое слово, Али ибн-Сулейман?

Со своего места на полу Харрисон видел над собой Али. Его кривая сабля все еще была занесена для удара, глаза метали искры, рот был широко раскрыт. Вся его

фигура выражала одновременно удивление и ужас. А позади друга стояла безмолвная толпа, сбившаяся в кучу вокруг Эрлик-хана. В руках Фэнг Йима еще дымился уродливый пистолет с засаженным на ствол глушителем. На улице никто не услышал бы одиночного приглушенного выстрела. Из груди Али ибн-Сулеймана вырвался неистовый крик ярости.

— Мое слово! Моя честь! Клятва именем Золотого Тельца! Из-за тебя я ее нарушил! Ты опозорил меня перед неверным! Украд у меня и отмщение, и честь! Разве я пес, чтобы так обращаться со мной? Айя-Маруф!

Его вопли сменились кошачьим визгом, и он вихрем налетел на Фэнг Йима, сверкнула голубая сталь, и предсмертный вопль китайца захлебнулся в ужасном бульканье. Голова убитого скатилась с плеч и, фонтанируя струйками крови, глухо шмякнулась об пол и застыла в отвратительной ухмылке, казавшейся особенно зловещей в заливавшем помещение золотистом свете. С победным боевым кличем Али ибн-Сулейман рванулся к фигуре в длинном одеянии, сидевшей на диване. Люди в фесках и тюрбанах бросились врассыпную, освобождая другу дорогу. Вновь полыхала голубая сталь, лилась кровь, раздавались отчаянные вопли.

Харрисон видел, как сабля друга, ярко блеснув отсветами золотых огней, обрушилась на прикрытую капюшоном голову Эрлик-хана. Повелитель мертвых скатился на пол. Пальцы его конвульсивно сжимались и разжимались.

Остальные обступили обезумевшего друга, нанося ему колющие и рубящие удары. Кольцо вокруг него становилось все более плотным, но, несмотря ни на что, в гуще этой тяжело пыхтящей, ревущей, матерящейся толпы продолжали метаться всполохи голубого огня, а окровавленная голубая сабля упорно продолжала рубить плоть, сухожилия, кости, и под топочущие ноги валились все новые изувеченные тела. Под напо-

ром сражающихся алтарь был опрокинут, и тлеющие благовония попали на ковры. Через мгновение пламя уже лизало настенные драпировки. Набирая силу и гудя, огонь охватил целую стену комнаты, но в пылу битвы никто не обращал на это внимания.

Харрисон почувствовал, как чьи-то тонкие руки тащат его по полу. Всклипывая, судорожно переводя дыхание, но ни на минуту не ослабляя усилий, Джоэн упорно волокла неподвижное тело могучего полицейского в клубах удушающего, разъедающего глаза дыма. Вдруг детектив ощутил дуновение свежего ветра и почувствовал под собой не устланный коврами деревянный пол, а асфальт.

Он лежал в переулке, сверху на него лениво моросил дождь, а впереди поднималась стена, ставшая багровой в свете разбушевавшегося пожара. Сбоку от него тянулись развалины старых причалов, а на речной глади разгоралось алое зарево. До него донесся вой пожарных сирен, и он понял, что вокруг собирается возбужденная, шумящая толпа.

Жизнь, способность к движению медленно возвращались к его оцепеневшим членам. Он приподнял голову и увидел склоненную над ним Джоэн Ла Тур, не обращающую внимания ни на капли дождя, ни на то, что тело ее было едва прикрыто полупрозрачной одеждой. По лицу девушки струились слезы. Увидев, что он пошевелился, она вскрикнула.

— Живой! Я чувствовала, что вы все-таки живы, но боялась, что они догадаются...

— Это контузия, — глухо отозвался он, — меня просто долбануло по голове. Пуля прошла по касательной. Вырубило меня на несколько минут — я прежде видел, как такое бывает... А вы меня вытащили...

— Пока они дрались между собой. Думала, что никогда не смогу отыскать выход... А вот и пожарные!

— Ят-Соиты! — с трудом проговорил он, сиюсь подняться. — В подвале восемнадцать китайцев. Господи, они же сгорят!

— Ничего не поделаешь! — печально откликнулась Джозн Ла Тур. — Хорошо, что хоть мы сами спаслись. Ой! — Толпа отпрянула, поскольку крыша начала оседать внутрь строения, вздымая при этом снопы искр. И тут из охваченных пламенем стен показалась ужасающая пошатывающаяся фигура. Это был Али ибн-Сулейман. Одежда свисала с него дымящимися, окровавленными лентами, не скрывая чудовищных ран. Он был буквально изрублен в куски. Его головная повязка куда-то исчезла, волосы вились тугими, влажными кольцами, а кожа, в тех местах, где ее не заливала кровь, была опалена или покрыта копотью. Он потерял свою кривую саблю, но рука его все еще сжимала кинжал, и стекавшая по нему кровь капала на землю.

— Эй! — преодолевая себя, хрипло крикнул он. — Ахмед-паша, я вижу тебя через огонь и дым! Несмотря на предательство монгола, ты жив! Это хорошо! Ты умрешь лишь от руки Али ибн-Сулеймана, который прежде был Амир Амином Иззедином! Я пролил свою кровь во имя чести, но она ничем не запятнана! Я — сын Маруфа, живущего на священной горе. Когда мой меч ржавеет, я заставляю его сверкать вновь, погружая его в кровь моих врагов!

Еле держась на ногах, он двинулся вперед, но у самых ног Харрисона рухнул лицом вниз, напорвшись при этом на собственный кинжал. Последним усилием перевернувшись на спину, он затих, устремив невидящий взор к небесам, обгаренным заревом пожара.

ЧЕРНАЯ КНИГА

Три нераскрытых убийства за неделю — самое обычное дело на Ривер-стрит, — мрачно произнес Стив Харрисон, беспокойно переместившись в кресле.

Собеседница детектива молча зажгла сигарету. Харрисон заметил, что тонкие пальцы девушки дрожат. Джоэн была экзотически красива — брюнетка с гибкой фигурой, черными ресницами и яркими губами, напоминающими темные ночи и багровые восходы востока. Но сейчас в прекрасных карих глазах застыл страх. Только раз Харрисон видел Джоэн такой, и воспоминание об этом неприятно кольнуло его.

— Раскрывать убийства — твоя работа, — сказала Джоэн.

— Дай мне немного времени. В делах, касающихся Восточного квартала, нельзя торопиться.

— У тебя меньше времени, чем ты думаешь, — нервно ответила девушка. — Если не будешь слушать, что я тебе говорю, ты никогда не распутаеть эти убийства.

— Я тебя слушаю.

— Но не веришь. Ты решил, что я истеричка, общаюсь с призраками и бегаю от собственной тени.

— Послушай, Джоэн, — нетерпеливо воскликнул Харрисон. — Объясни, наконец, что происходит. Ты позвала меня к себе домой, потому что, по твоим словам, тебе грозит смертельная опасность. Я примчался, а ты говоришь загадками, рассказываешь о каких-то убитых на прошлой недели троих мужчинах... Я не вижу никакой связи между тобой и ними.

— Ты помнишь Эрлик-хана? — резко произнесла Джоэн.

— Мне кажется, я никогда его не забуду, — ответил Харрисон, непроизвольно прикоснувшись пальцами к тонкому шраму на лице, идущему от виска до низа подбородка. — Монгол, объявивший себя Повелителем мертвых. У него была идея фикс — объединить все восточные преступные сообщества Америки в одну огромную организацию, во главе которой встанет он сам. Возможно, он сделал бы это, если б его собственные люди не обратились против него.

— Эрлик-хан вернулся, — сказала Джоэн.

— Что?! — Харрисон изумленно посмотрел на нее. — Что ты такое говоришь? Я сам видел его мертвым, и ты — тоже!

— Я видела, как капюшон Эрлик-хана распался на две части, когда Али ибн-Сулейман ударил монгола мечом. Я видела, как Эрлик-хан повалился на пол и лежал неподвижно. Потом дом загорелся, крыша рухнула, и посреди пепла позже мы нашли лишь обгорелые кости. Тем не менее, Эрлик-хан вернулся.

Харрисон молчал, понимая, что Джоэн медленно подводит свою историю к разгадке: кровь Джоэн Ла Тур наполовину была восточной, а люди востока часто подходят к главному окольными путями.

— Как умерли эти трое? — спросила она, зная об этом не хуже его самого.

— Ли-крин, китайский купец, упал с крыши собственного дома, — неохотно ответил Харрисон. — На улице слышали, как он кричал, а потом видели, как он со свистом рухнул на землю. Возможно, несчастный

случай... Но пожилые китайские торговцы не лазают по крышам среди ночи. Ибрагима ибн Ахмета, сирийского антиквара, укусила кобра. Это тоже мог быть несчастный случай, но я уверен, что змею кто-то подбросил в дом сирийца через световой люк. Джекоба Коссову, левантийского торговца, зарезали в темном переулке. Грязные преступления, и ни в одном из них нет очевидных мотивов. Но на самом деле мотивы просто глубоко спрятаны — в трущобах Ривер-стрит. Когда я найду виновных в преступлениях, я открою и мотивы.

— И это все, что ты можешь сказать об этих убийствах? — воскликнула Джоэн нетерпеливо. — Неужели ты не видишь соединяющего их в одно целое звена? Все эти люди в прошлом так или иначе были связаны с Эрлик-ханом!

— Ну и что? — возразил Харрисон. — По-твоему, их убил призрак Эрлик-хана? Мы нашли кучу костей в пепле сгоревшего дома. В городе осталось много людей из банды Эрлик-хана, и, хотя гигантская организация распалась на части за неимением руководителя, оставшиеся в живых члены банды могли расплатиться со своими старыми должниками.

— Тогда почему они так долго ждали, чтобы отомстить? Прошел год с тех пор, как мы в последний раз видели Эрлик-хана. Говорю тебе, Повелитель мертвых сам, живой или мертвый, вернулся и наказал этих людей по каким-то причинам. Возможно, на этот раз они отказались выполнять его приказы. Пятеро приговорены к смерти. Трое уже мертвы.

— О каких пятерых ты говоришь? — удивился Харрисон.

— Смотри! — Джоэн вытащила из-под диванных подушек какой-то предмет и протянула его Харрисону.

Это был похожий на пергамент квадратный кусок черной глянцевиной бумаги. На листке четким уверенным почерком были написаны кровью пять имен, одно под другим. Под тремя верхними именами была подведена красная черта. Харрисон прочел вслух: «Ли-крин,

Ибрагим ибн Ахмет, Джекоб Коссова». Два последних имени, еще не отмеченных, Харрисон не стал произносить: это были Джоэн Ла Тур и Стив Харрисон.

— Откуда у тебя это? — спросил детектив.

— Кто-то просунул под дверь сегодня ночью. Если бы двери и окна не были заперты, то утром полиция нашла бы эту бумажку приколотой к моему труп.

— Но все равно не понимаю, что за связь между...

— Это страница из Черной Книги Эрлик-хана! — воскликнула Джоэн. — Книга мертвых! Я видела ее много лет назад, когда была под его властью. Он записывал в ней имена своих врагов — еще живых и уже убитых. Я открывала книгу накануне той ночи, когда Али ибн-Сулейман убил Эрлик-хана, — огромная книга в обложке из эбенового дерева, с черными блестящими страницами, скрепленными петлями из жадеита. Тогда этих имен в ней еще не было — новые пять имен вписаны после смерти Эрлик-хана... и это почерк его самого!

Как ни был удивлен Харрисон, внешне он этого не показал:

— А разве Эрлик-хан вел свои книги на английском?

— Нет, он писал по-монгольски. Эта страница написана на английском специально для нас. Я знаю — мы обречены. Эрлик-хан никогда не предупреждал свои жертвы, если не был абсолютно уверен, что им не избежать гибели.

— Может быть, это подделка, — предположил детектив.

— Нет! Почерк Эрлик-хана подделать невозможно. Он сам написал эти имена. Он вернулся из мира мертвых! Ад не стерпел столь черной души, как у этого дьявола! — Обычное самообладание покинуло Джоэн, страх и тревога завладели ею целиком. Она нервно загасила наполовину выкуренную сигарету и сорвала целлофановую обертку с новой пачки, лежащей на столе. Достав тонкую белую сигарету, Джоэн бросила

пачку на стол. Харрисон рассеянно подобрал ее и тоже взял сигарету.

— Наши имена в Черной Книге! Это смертный приговор, который обжалованию не подлежит! — она чиркнула спичкой, чтобы закурить, но Харрисон, громко выругавшись, выбил сигарету у нее из рук. Джоэн упала на диван, непонимающе уставившись на Харрисона, а тот схватил пачку и вытряхнул ее содержимое на стол.

— Где ты взяла это?

— А что? Я купила их на углу в аптеке, — пробормотала Джоэн, — я всегда покупаю там сигареты...

— Только не эти, — проговорил Харрисон. — Эти сигареты изготовлены специальным образом. Не знаю, как это делается, только я видел человека, свалившегося замертво от одной затяжки. Какая-то особая дьявольская смесь добавляется в табак и... Ты выходила из дома, чтобы позвонить мне...

— Я боялась, что телефон прослушивается, — сказала Джоэн. — Я спускалась на улицу, чтобы позвонить из будки.

— Думаю, пока ты звонила, кто-то побывал у тебя и подменил пачку. Я уловил странный запах, когда взял сигарету в рот. Я безошибочно узнал его. Понюхай сама, не бойся, яд опасен, только когда его зажигаешь.

Джоэн вдохнула запах сигареты и побледнела.

— Я говорила тебе! Ведь мы — непосредственная причина падения Эрлик-хана! Если бы ты не почувствовал запах яда, мы оба были бы сейчас мертвы, как Эрлик-хан и задумал!

— Да-а, — протянул Харрисон, — за тобой явно следят. Но я все равно не могу согласиться с тем, что это Эрлик-хан, потому что никто не выжил бы после такого удара по голове, который нанес Али ибн-Сулейман монголу, а в привидения я не верю. Но ты должна быть под защитой от того, кто так ловко управляет с отравленными сигаретами, пока я ненадолго отлучусь.

— А как же ты? Ведь твое имя тоже занесено в книгу.

— За меня не волнуйся, — заявил Харрисон. — Я сумею за себя постоять. — Он в самом деле выглядел неуязвимым: холодные голубые глаза, широкие, как у быка, плечи, мощная мускулатура, заметная даже под плащом.

— Это крыло здания практически изолировано от остальной части дома, — сказал детектив, — и третий этаж принадлежит только тебе?

— В этом крыле весь третий этаж мой, — ответила Джоэн. — Но сейчас во всем здании на третьем этаже, кроме меня, никто не живет.

— Великолепно! — с горькой усмешкой воскликнул Харрисон. — Можно спокойно прокрасться в дом и перерезать тебе горло, никого не побеспокоив. Это они и попытаются сделать, когда поймут, что сигареты не сработали. Тебе лучше переехать в отель.

— Это не поможет, — дрожа, произнесла Джоэн. Харрисон видел, что нервы у нее на пределе. — Эрлик-хан везде до меня доберется. В отеле, куда постоянно приходят и уходят люди, где на дверях плохие замки, ненадежные окна, бывают утечки газа и все такое, для него это будет гораздо удобнее.

— Ладно, тогда я приведу сюда отряд полицейских.

— Это тоже бесполезно. Эрлик-хан убил многих, и никакие полицейские не могли ему помешать. Полиции не понять, как он действует.

— Ты права, — прошептал Харрисон, с неприятным ощущением бессилия понимая, что присылка сюда людей из управления равнозначна подписанию смертного приговора. Конечно, абсурдом будет считать, что за всеми этими убийствами стоит проклятый мертвый монгол, однако... после того, что рассказала Джоэн, он не решился бы сообщить об этом в полицейском рапорте, чтобы не показаться сумасшедшим или лгуном. Мертвые не возвращаются — но то, что кажется абсурдным на Тридцать девятом бульваре, приобретает совсем другое звучание в зловещих лабиринтах Восточного квартала.

— Не оставляй меня! — глаза Джоэн расширились; лихорадочно дрожа, она схватила Харрисона за руку. — Мы можем держать оборону в доме! Пока один спит, другой будет следить! Не вызывай полицейских! Их тупость нас погубит. Ты много лет проработал в полиции и стоишь больше, чем все управление вместе взятое. Мой инстинкт, доставшийся по наследству от восточных предков, говорит мне, что мы в смертельной опасности. Смерть рядом с нами, вокруг нас, подкрадывается все ближе, словно змея в темноте!

— Но я должен уйти, — нахмурился Харрисон. — Мы не можем забаррикадироваться и ждать, пока они заморят нас голодом. Я должен нанести ответный удар, выяснив, кто стоит за всем этим. Лучшая защита — нападение. Но и оставить тебя здесь без защиты я не могу. Черт! — Он сжал кулаки и повертел головой, словно разъяренный бык, не знающий, на кого броситься.

— Есть еще один человек в городе, которому я, кроме тебя, могу доверять, — внезапно проговорила Джоэн. — С ним я буду чувствовать себя надежнее, чем под охраной всей полиции города.

— Кто это?

— Хода-хан.

— Тот самый? Я думал он скрылся из города пару месяцев назад.

— Нет, он прятался на Левантийской улице.

— Но ведь он сам отъявленный головорез.

— Нет, по понятиям людей из его мира он не головорез, а такой же достойный уважения человек, как ты или я. Просто он афганец, воспитанный на законах кровной мести. Он мой друг, и он умрет за меня.

— Я полагаю, это означает, что ты помогала ему скрываться от закона, — сказал Харрисон, пристально взглянув на Джоэн. Та и не пыталась отвести глаза. Харрисон понимающе хмыкнул: что ж, Ривер-стрит — не Южный парк-авеню. Методы работы самого Харрисона не всегда соответствовали букве закона — зато почти всегда приносили результаты.

— Ты можешь связаться с ним? — коротко спросил он. Девушка кивнула.

— Отлично. Позвони ему и скажи, чтобы приехал как можно скорее. Скажи, что полиция его не тронет и когда опасность будет позади, он беспрепятственно сможет вернуться в свое укрытие. Но после этого я вновь начну на него охоту. Звони по своему телефону. Он наверняка прослушивается, но надо попытаться. Я спущусь вниз и позвоню с почты. Запри дверь и не открывай никому до моего возвращения.

* * *

Дверь закрылась. Харрисон спускался по лестнице, напряженно всматриваясь в окружающий полумрак. Лифта в доме не было. Квартира Джоэн действительно находилась в изолированном от остального здания крыле. Напротив ее двери была глухая стена, и подняться к другим квартирам на этом этаже можно было только через вход с другой стороны здания.

Внезапно Харрисон тихо выругался: на первой же ступеньке под каблуком что-то захрустело. Это оказался маленький пузырек с какой-то жидкостью. Подозревая ядовитую ловушку, Харрисон осторожно осмотрел осколки и бесцветную лужицу, издающую острый мускусный аромат, но ничего опасного для жизни не обнаружил.

— Наверное, Джоэн обронила какое-то восточное благовоние, — решил он. Спустившись дальше без всяких помех, он быстро оказался в телефонной будке на почте, расположенной на первом этаже здания. Сонный клерк клевал носом за перегородкой.

Харрисон набрал номер начальника полиции:

— Хулихэн, ты помнишь того афганца, Хода-хапа, который месяца три назад зарезал китайца? Да, тот самый. Слушай, я тут пригласил его для одного важного дела, так что скажи своим людям, чтобы не трогали его, если увидят. Быстро передай это всем как

приказ. Да, я знаю, что незаконно, но дело того стоит. В данном случае нужно выбирать между тем, чтобы воспользоваться услугами скрывающегося от правосудия преступника или допустить, чтобы убивали законопослушных граждан. Сейчас я не могу сказать тебе, что происходит. Это дело касается только меня, и я завершу его своими методами. Хорошо, спасибо тебе.

Харрисон повесил трубку, несколько минут напряженно подумал о чем-то, затем набрал другой номер, совершенно не связанный с полицейским участком. На другом конце провода раздался скрипучий писклявый голос, приправленный жаргоном городских трущоб.

— Слушай, Джонни, — с обычной резкостью произнес Харрисон, — ты говорил, что у тебя есть догадки по поводу убийства Коссовы. Что-то серьезное?

— Да, босс! — голос в трубке захлебывался от волнения. — Я унюхал след, я не шучу! Не могу рассказать вам по телефону, какой он, и на улицу я не могу выйти. Но если вы подъедете ко мне в подвальчик Шан Янга, то услышите то, что отправит вас в полный нокаут!

— Буду у Шан Янга через час, — пообещал детектив. Выйдя из будки, он бегом осмотрел улицу: стоял обычный для Ривер-стрит туманный вечер. Звуки уличного движения доносились откуда-то издалека, из деловой части города сквозь туман тускло проглядывали фонари, изредка из сумрака возникали одинокие фигуры прохожих. «Сцена для убийства идеальная, — подумал Харрисон, — не хватает только актеров кровавой драмы».

Он вновь поднялся по лестнице. Лестница вела из почтовой конторы прямо на третий этаж этого крыла здания, минуя второй. Архитектура большинства зданий в Восточном квартале отличалась своеобразием. Люди здесь были одержимы идеей уединенности, и даже квартирные дома строились по этому принципу. Харрисон бесшумно ступал по толстому ковру, застиланному ступени. Только на верхней ступеньке под ногой вновь хрустнули осколки стекла.

Харрисон постучал в дверь, ответил на напряженный вопрос Джозн и вошел в квартиру. Джозн выглядела все-таки немного успокоившейся.

— Я говорила с Хода-ханом. Он на пути сюда. Я предупредила его о том, что телефон может прослушиваться и что наши враги могут помешать ему досюда добраться.

— Отлично, — произнес детектив. — Пока ждем его, я осмотрю квартиру.

Квартира состояла из четырех комнат: гостиной, большой спальни и двух маленьких комнат — ванной и спальни для прислуги. Служанку Джозн отпустила домой, когда поняла, что им грозит опасность. Параллельно всем комнатам шел коридор, и двери гостиной, большой спальни и ванной открывались в коридор. Таким образом, в коридоре было три двери. В гостиной было большое окно видом на восток, из которого просматривалась улица, и одно окно, ориентированное на юг. В спальне хозяйки окна выходили на юг, а в спальне прислуги — на юг и на запад. В ванной единственное окошко смотрело на запад и на маленький двор, окруженный лабиринтом темных улочек и заборов.

— Три внешние двери и шесть окон, за которыми придется следить, и все это на верхнем этаже, — пробормотал детектив. — Все-таки, я думаю, придется прислать сюда несколько копов, — добавил он, — однако прозвучало это не слишком уверенно. Он исследовал ванную, когда Джозн окликнула его из гостиной: ей показалось, что кто-то скребется в наружную дверь. С пистолетом в руке Харрисон вышел в коридор. В коридоре не было ничего подозрительного. Детектив постарался успокоить девушку. Джозн Ла Тур понимала, что в Восточном квартале необходимо заботиться о своей безопасности, и еще много лет назад приняла меры предосторожности против тайных врагов — если можно считать мерами предосторожности специальные замки и засовы на дверях. Окна были укреплены тяжелыми обитыми железом ставнями, в целях безо-

пасности в квартире не было ни опускных дверей, ни световых люков, ни кухонного лифта.

— Ты выглядишь готовой к осаде, — заметил Харрисон.

— Так и есть. У меня припасено консервов на несколько недель. Я уверена, что вместе с Хода-ханом мы сможем держать оборону. Возвращайся сюда, если сможешь. Здесь безопаснее, чем в полицейском участке, — если, конечно, они не подожгут дом.

Тихое поскребывание в дверь заставило обоих обернуться.

— Кто здесь? — настороженно спросила Джоэн.

— Я, Хода-хан, открой, сагиба, — прозвучал низкий глубокий голос. Джоэн облегченно вздохнула и отперла дверь: высокая фигура на пороге величаво поклонилась и вошла внутрь.

Хода-хан был выше Харрисона и, хотя уступал американцу в массивности телосложения, был так же широк в плечах. Одежда подчеркивала жесткие линии его тела и тигриную гибкость движений. Его наряд представлял собой странное сочетание, которым, однако, никого нельзя было удивить на Ривер-стрит: тюрбан, возвышающийся над орлиным носом и черной бородой, шелковый халат до колен, обычные брюки и шелковый пояс на тонкой талии, а на ногах — турецкие туфли.

Однако никакой самый мирный костюм не мог скрыть необузданность и дикость природы афганца. Глаза его горели непривычным для цивилизованного человека огнем, мускулы выделялись под шелком халата, словно сжатые пружины. Харрисон чувствовал себя рядом с ним так, как будто в комнату прокралась пантера, тихая и спокойная с виду, но в любую секунду готовая к кровавой беспощадной битве.

— Мне казалось, ты покинул страну, — произнес Харрисон.

Афганец улыбнулся, белоснежные зубы блеснули сквозь черную бороду.

— Нет, сагиб. Сын собаки, которого я ударил ножом, еще жив.

— Тебе повезло, — заметил Харрисон. — Если бы ты убил его, то оказался бы на виселице.

— Иншаллах, — добродушно согласился Ходахан. — Но это было дело чести — иззат. Этот пес накормил меня свиным мясом. Но сейчас это не важно. Мемсагиба позвала меня, и я пришел.

— Хорошо. До тех пор, пока ей нужна твоя защита, полиция не тронет тебя. Но когда все закончится, дела пойдут обычным порядком. Я дам тебе время снова спрятаться, если захочешь, и буду ловить тебя, как всегда. Если же ты захочешь сдаться и предстать перед судом, я обещаю тебе максимальную снисходительность приговора.

— Ты говоришь честно, — произнес Ходахан. — Я буду защищать мемсагибу и, когда наши враги умрут, ты и я возобновим вражду.

— Ты что-нибудь знаешь об этих убийствах?

— Нет, сагиб. Мемсагиба позвала меня и сказала, что ей угрожают монгольские собаки. Я быстро пришел сюда по крышам, чтобы не попасть в засаду. Никто мне не помешал. Но вот что я нашел под дверью.

Ходахан открыл ладонь и показал кусочек шелка, вероятно, оторванный от пояса, на котором лежало нечто странное, раздавленное. Харрисон не понял, что это, а Джоэн вскрикнула с отвращением.

— Боже! Черный скорпион Ассама!

— Да. Его жало смертельно. Он бегал вверх и вниз по двери, стремясь попасть внутрь. Другой бы не заметил его, но я был настороже, так как сразу почувствовал на лестнице запах Цветка смерти. Я увидел эту тварь и раздавил его прежде, чем он успел ужалить меня.

— О каком Цветке смерти ты говоришь? — спросил Харрисон.

— О том, что растет в джунглях, где обитают эти паразиты. Цветок смерти привлекает скорпионов так же, как запах вина впечатляет пьяницу. К дверям тянулись

следы, издающие аромат Цветка смерти. Если бы дверь открылась до того, как я убил скорпиона, он бросился бы на первого попавшегося на пути человека и укусил бы его.

Харрисон тихо выругался: он понял, что за бутылочка валялась у дверей Джоэн.

— Все ясно! Они подложили на ступеньку пузырек с соком цветка так, чтобы выходящий обязательно наступил на него. Я действительно раздавил пузырек и запачкал соком ботинки. Затем я спустился в почтовую контору, повсюду оставляя за собой следы с запахом. Я снова поднялся наверх, опять наступил на осколки и прошел в квартиру. Какой-то негодяй внизу выпустил скорпиона — это значит, что пока меня не было, кто-то заходил в дом! И возможно, сейчас прячется где-то поблизости! Кто-то побывал на почте и пустил там скорпиона по следу... Я спрошу клерка...

— Он спит как убитый, — сказал Хоуда-хан. — Он не проснулся, когда я вошел и стал подниматься наверх. Что из того, что дом полон монголами? Двери крепкие, а я настороже! — Из-под халата он вытащил огромный кинжал — ярдом длиной, острый как бритва. — Я убивал им людей, — заявил он, кровожадно оскалившись. — Китайцев, индусов, одного русского и других. Эти монголы — собаки, недостойные хорошего клинка.

— Что ж, мне пора, — сказал Харрисон. — У меня назначена встреча, на которую я опаздываю. Я боюсь оставлять вас одних здесь, но мы не окажемся в безопасности до тех пор, пока я не уничтожу ядро банды — именно это я и собираюсь сделать.

— Они убьют тебя сразу, как только ты выйдешь на улицу, — убежденно проговорила Джоэн.

— Что ж, придется рискнуть. Если на квартиру нападут, позвоните, все-таки, в полицию, а также мне в подвальчик Шан Янга. Я вернусь сюда еще до рассвета. Я надеюсь получить информацию, которая даст возможность ударить прямо по тем, кто преследует нас.

Харрисон спускался по лестнице, испытывая неприятное чувство, что за ним наблюдают, и, тщатель-

но осматривая ступени, словно они кишели черными скорпионами, прошел как можно дальше от разбитого стекла. Его мучило ощущение, что он не исполнил свой долг полицейского, хотя знал, что друзья сами не захотели обращаться к полиции за помощью.

Клерк по-прежнему дремал за перегородкой. Харрисон потряс его за плечо, но тщетно: клерк не спал, а был накачан наркотиками. Однако, сердце его билось ровно — он был вне опасности. Времени оставалось слишком мало: если Джонни Клик прождет еще немного, то может запаниковать, ударить и забиться в какую-нибудь крысиную нору на несколько недель.

Поднимающийся от реки туман и бледный свет фонарей на улице производили зловещее впечатление, и детективу казалось, что в спину его в любую секунду может вонзиться нож или что его ожидает свернувшаяся змея на сиденье автомобиля. Но предчувствия не оправдались, несмотря на то, что в поисках бомбы Харрисон поднял сиденье и капот автомобиля. Успокоившись, наконец, он сел за руль и уехал, а Джоэн, смотревшая на него сквозь щель в ставнях, облегченно вздохнула.

* * *

Хода-хан, что-то одобрительно бормоча в бороду, прошелся по всем комнатам, погасил везде свет и вернулся в гостиную, где оставил гореть лишь маленькую настольную лампу, отбрасывающую круг света в центре комнаты.

— Темнота мешает бандитам так же, как честным людям, — глубокомысленно произнес он, — а я вижу в темноте как кошка.

Он сидел, скрестив по-турецки ноги, возле двери в спальню, оставленной наполовину открытой. Его фигура сливалась с темнотой, Джоэн с трудом могла различить лишь тюрбан и горящие глаза, когда он поворачивал голову.

— Мы останемся в этой комнате, сагиба, — сказал он. — Потерпев неудачу с ядом и скорпионом, они, конечно, пришлют других людей. Приляг на диван и поспи, если можешь. Я буду настороже.

Джоэн повиновалась, но сон не шел. Ей казалось, что ее нервы взорвутся от напряжения. Тишина дома давила на нее, малейший шум на улице заставлял вздрагивать.

Хода-хан сидел на полу, похожий на статую, полный терпения и неподвижный как горы, среди которых он родился. Он вырос в грубом, далеком от цивилизации мире, где выживание зависит только от тебя самого, поэтому все пять чувств афганца были необыкновенно тонко развиты. Даже специально тренированные способности Харрисона меркли в сравнении с чувствительностью Хода-хана. Афганец все еще ощущал слабый аромат Цветка смерти, смешанный с едким запахом раздавленного скорпиона, слышал и различал каждый звук внутри и снаружи дома, знал, какой из них естественный, а какой — нет.

Хода-хан услышал шорох на крыше задолго до того, как предостерегающе приложил палец к губам, что заставило Джоэн выпрямиться на диване. Глаза афганца блестели, как две фосфорические точки в темноте, зубы белели в диком оскале. Джоэн вопросительно посмотрела на него. Ее уши цивилизованной женщины ничего не воспринимали, но утонченный слух Хода-хана внимательно следил за крадущимися по крыше шагами. Наконец и Джоэн уловила какой-то шорох, но не могла точно, как Хода-хан, определить, откуда исходит звук. Хода-хан слышал, что кто-то пытается открыть ставни в окне ванной комнаты.

Ободряюще похлопав Джоэн по плечу, Хода-хан взметнулся с места, как леопард, и исчез в темноте коридора. Джоэн проверила свой маленький пистолет, слабо надеясь, что он ей поможет, и нащупала на столе бутылку вина, ощущая потребность подкрепить силы. Она дрожала всем телом, обливаясь холодным

потом. Помня об отравленных сигаретах, она заколебалась, но то, что бутылка запечатана, почему-то успокоило Джозн. Как только она откупорила бутылку и пригубила вино, знакомый особенный запах навел ее на мысль, что человек, поменявший сигареты, с таким же успехом мог подменить и нераспечатанную бутылку. Джозн рухнула на диван, хватаясь за горло в приступе жестокого удушья.

Хода-хан не терял зря времени. Подкравшись к ванной, он понял, что там взламывают ломом окно — бесшумная работа, которую белый человек сделал бы не тише взрыва на металлической фабрике. Затем кто-то тяжело прыгнул из окна внутрь ванной комнаты. Хода-хан влетел в ванную, как тайфун, выхватив кинжал.

Желтолицый враг не успел сделать и шага, как афганец вспорол ему живот.

Из окна ванной свисала веревка. Афганец рванул ее, и еще один монгол свалился в ванную вместе с веревкой в руках. Значит, если у них нет запасной веревки, больше с крыши через это окно пока никто не залезет. Нож афганца вновь достиг цели: монгол скорчился на полу, и Хода-хан выхватил у него из-за пояса пистолет.

Со свирепым криком афганец распахнул дверь в коридор и пригнулся. В косяк вонзился топорик, отколов огромную щепку от дверей. Человек с топориком стоял у дверей спальни, и еще один в шелковой одежде мандарина ковырялся в замке гостиной. Афганец выстрелил в живот монгола с топориком. Мандарин пальнул из своего пистолета в афганца, но пуля просвистела мимо. Хода-хан не промахнулся и во второй раз, и пистолет выскочил из руки мандарина, превратившейся внезапно в кровоточащий обрубок. Монгол выхватил левой рукой из-за пояса длинный нож и двинулся на афганца.

Хода-хан попал ему в голову, монгол рухнул у самых его ног, а огромный нож вонзился в пол в дюйме от туфли афганца. Хода-хану понадобилась еще секунда, чтобы прикончить кинжалом раненого в живот

монгола, — действиями афганца руководила беспощадная этика гор — и он вернулся в ванную и, не целясь, выстрелил в окно, хотя никто больше не пытался проникнуть внутрь. Пробежав через спальню, он зажег везде свет.

— Я убил собак, сагиба! — крикнул он. — Клянусь Аллахом, они попробовали свинца и стали! Остальные на крыше, им сюда пока не добраться. Но скоро на выстрелы сбегутся люди, как всегда поступают сагибы, и нам нужно подумать, что делать дальше и какую ложь сказать полиции. Помогите нам Аллах!

Джозн Ла Тур стояла неподвижно, вцепившись в спинку дивана. Лицо ее побелело, как мрамор, и застыло с выражением ужаса, словно вырезанная из камня маска, расширенные глаза горели странным огнем.

— Аллах защитил нас от поганого шайтана! — воскликнул Хода-хан. — Что с тобой, сагиба?

Он бросился к ней, но дикий крик Джозн заставил его остановиться и похолодеть.

— Не приближайся! — кричала она изменившимся голосом. — Ты дьявол! Вы все дьяволы! Я вижу тебя! Я слышу, как стучат твои копыта! Я вижу, как горят из темноты твои глаза! Убери от меня свои когтистые руки! — на губах ее показалась пена, она осыпала его проклятиями на английском и арабском языках так, что у Хода-хана волосы зашевелились на голове.

— Сагиба! — умолял он. — Я не дьявол! Я — Хода-хан! Я... — он протянул к ней руки, но девушка с диким визгом бросилась к дверям, срывая засовы. Хода-хан подлетел к ней, чтобы остановить, однако обезумевшая Джозн действовала быстрее, чем он: выскочив из квартиры, она помчалась вниз по лестнице, не слыша его отчаянных криков.

* * *

Харрисон поехал прямо в подвальчик Шан Янга, находящийся в самом сердце Ривер-стрит и замаски-

рованный под второсортную пивную. Было поздно. Лишь несколько бродяг слонялось у стойки бара. На месте бармена стоял незнакомый Харрисону китаец. Бармен равнодушно посмотрел на Харрисона и указал пальцем на заднюю дверь, прикрытую грязной занавеской, когда тот коротко спросил:

— Джонни Клик здесь?

Харрисон прошел по узкому плохо освещенному коридору и уверенно постучал в железную дверь, находящуюся на другом конце коридора. В тишине глухо скреблись под полом крысы. Стальной диск в центре двери повернулся, и в отверстии показался черный раскосый глаз.

— Открой, Шан Янг, — нетерпеливо произнес Харрисон, глаз исчез, и раздался скрип отодвигаемых застав и цепочек.

Харрисон толкнул дверь и оказался в большой полутемной комнате, с грязным полом, серыми обоями, заставленной скамьями вдоль стен. В жаровне горел огонь. Шан Янг отвернулся и пошел к своему обычному месту за стойкой у стены — Харрисон едва бросил взгляд на знакомую фигуру, одетую в потертый шелковый пиджак, вышитый золотыми драконами. Детектив прекрасно знал, что находится в опиумном притоне и что лежащие на скамьях китайцы накурились опиума, но почему он еще не разогнал этот подвальчик, как другие притоны, мог бы ответить только сам Харрисон. Дело в том, что законы на Ривер-стрит не так ортодоксально рутинны, как, скажем, на Баскервиль-авеню. Иногда приходится жертвовать установленными правилами ради более значимых целей — особенно когда отвечаешь за соблюдение законов в целом районе (в который входит весь Восточный квартал) и когда весь груз лежит на одних плечах.

Душную комнату пронизывал характерный запах, который не могла заглушить даже вонь грязных тел, — влажный запах реки, проникающий во все притоны Ривер-стрит, поднимающийся от заплесанных полов,

словно темный непостижимый дух самого квартала. Притон Шан Янга, как и многие другие, был построен возле реки, и задняя комната нависала на прогнивших сваях над самой водой. Харрисон вошел в соседнюю комнатку и закрыл за собой дверь. Но приветствие детектива оборвалось на полуслове, он ошарашенно уставился на странное зрелище.

Комнатка была грязная, почти голая, если не считать грубого стола, пары стульев и тусклой керосиновой лампы на столе. В желтоватом свете лампы Харрисон увидел Джонни Клика, стоящего неподвижно у противоположной стены. Руки Джонни были раскинуты в стороны, как на распятии, широко раскрытые глаза остекленели, а крысиное личико застыло в странном оскале. Ошеломленный взгляд Харрисона бродил по безмолвной фигуре, пока не замер от ужаса: ноги Джонни на несколько дюймов не доставали до пола... Детектив выхватил свой пистолет.

Джонни Клик был мертв, и лицо его так и застывало искаженным от ужаса и боли. Джонни распяли, пригвоздив к стене железными клиньями за запястья и лодыжки, уши несчастного тоже были прибиты к стене, чтобы голова держалась прямо. Но не это убило Джонни Клика: обгоревшая ткань рубашки окружала черную дыру на том месте, где должно было биться сердце.

Почувствовав внезапный приступ тошноты, детектив выскочил в другую комнату. В ней, казалось, стало еще темнее и почти нечем дышать. Люди на скамьях лежали неподвижно и бесшумно, огонь в жаровне разгорался все ярче. Шан Янг склонился над стойкой так, словно перебирал костяшки счетов.

— Шан Янг! — резко прозвенел в тишине голос детектива. — Кто был в той комнате с Джонни Кликом?

Человек за стойкой поднял голову и посмотрел на Харрисона. Харрисон похолодел: это был не Шан Янг, а незнакомый монгол в пиджаке Шан Янга. Люди, лежавшие на скамьях, вскочили на ноги с неожиданной

ловкостью — тоже не китайцы, а монголы, и их раскосые черные глаза не были одурманены наркотиками.

Выкрикнув проклятие, Харрисон прыгнул к двери, ведущей в коридор, но монголы бросились к нему. Харрисон выстрелил — ближайший монгол закачался и упал. Через секунду свет погас, жаровня была опрокинута, и в кромешной темноте куча тел навалилась на детектива. Ногти царапали его горло, озверелые руки рвали тело, и чей-то свистящий голос отдавал приказания.

Левая рука Харрисона работала как поршень, круша плоть и кости, правая рука с пистолетом действовала как дубинка. Он силился добраться до двери в темноте, таща на себе массу обвинивших его тел. Он пробирался к выходу, а невидимые враги держали его, словно сама тьма обросла вдруг костями и мускулами. К горлу Харрисона подобрался нож, ужалив кожу, затем шелковый шнур затянулся на шее, впиваясь все глубже в тело. Наконец Харрисону удалось нажать на курок, одно из тел упало, и хватка врагов чуть ослабла. Глубоко вздохнув, Харрисон с усилием разорвал шнурок — но груда тел опрокинула его на пол, и что-то тяжелое опустилось на его голову. Харрисону показалось, что из глаз у него брызнул сноп искр, и он потерял сознание.

Придя в себя, Харрисон почувствовал запах реки, смешанный с запахом запекшейся крови. Кровь, как оказалось, была его собственная: на голове было несколько глубоких ссадин. Он попытался поднять руку и обнаружил, что крепко связан. Свеча на полу слепила глаза и мешала разглядеть, где он находится, но постепенно окружающее предстало перед ним в правильных пропорциях и предметы выступили из небытия.

Он лежал в большой комнате с каменными небелеными стенами и новым деревянным некрашеным полом. Потолок был тоже каменный с голыми массивными балками и с открытым люком в центре, сквозь который Харрисон заметил несколько звезд. Из люка

веяло свежим речным воздухом. Комната была абсолютно пустой: ни мебели, никаких предметов, кроме свечи. Харрисон выругался, подозревая, что бредит, потому что все вокруг казалось каким-то нереальным.

Он попытался сесть, но голова его закружилась, и он откинулся назад, снова свирепо выругавшись. Из люка выглянуло квадратное желтое лицо с раскосыми глазами, подразнило его, соорудив гримасу, и исчезло. Внезапно скрипнула дверь. Харрисон повернулся к вошедшему.

Стив Харрисон содрогнулся: однажды он уже лежал вот так на полу, связанный и беспомощный, глядя на одетую в черное высокую фигуру с блестящими из-под капюшона раскосыми глазами... Но этот человек мертв, Харрисон видел, как на него обрушился меч сумасшедшего Друза.

— Эрлик-хан! — прошептали пересохшие губы Харрисона.

— Да! — ответил знакомый низкий голос, заставлявший когда-то холодеть Харрисона. — Эрлик-хан, Повелитель мертвых.

— Ты человек или призрак? — спросил Харрисон.

— Я жив.

— Но Али ибн-Сулейман убил тебя! — воскликнул детектив. — Он ударил тебя по голове острым, как лезвие, мечом. Али ибн-Сулейман был сильнее, чем я. Он нанес удар в полную силу. Твой капюшон разлетелся пополам...

— И я упал замертво весь в крови, — закончил Эрлик-хан. — Но стальной шлем, который я всегда ношу под капюшоном, спас мне жизнь, как и много раз до этого. Ужасный удар расколол шлем сверху и повредил мне череп, я был контужен, но остался жив. Несколько верных мне людей, спасшихся от Друза, пронесли меня через подземный ход под домом, поэтому я не погиб в огне. Много недель я лежал без сознания, как мертвый, пока из Монголии не приехал один мудрый человек, поставивший меня на ноги. Те-

перь я возобновлю свой незаконченный труд. Многое придется восстанавливать. Многие из моих подданных забыли, кто стоял над ними. Некоторым придется напомнить, кто их хозяин.

— Ты уже напомнил нескольким,— произнес Харрисон саркастически.

— Да. Надо было с кого-то начать. Один упал с крыши, другого укусила змея, третий напоролся на нож в темном переулке. Потом пошли вещи посерьезнее. Джозн Ла Тур предала меня в былые времена. Она знает слишком много секретов. Ей суждено умереть. Для того чтобы она могла вкусить ужас предчувствия смерти, я послал ей страницу из моей Книги мертвых.

— Твои подонки убили Клика,— с ненавистью произнес Харрисон.

— Конечно. Телефон девчонки прослушивался. Я сам слышал твой разговор с Кликом, поэтому тебя не тронули, когда ты вышел из дома. Я знал, что ты в моих руках. Мои люди заняли подвал Шан Янга. Больше ему не понадобится пиджак. В него оделся мой человек, и ты не узнал его. Клик прознал о моем возвращении — все осведомители чертовски умны. Но у него было достаточно времени для сожалений. Смерть тяжела, когда раскаленный добела железный прут проходит сквозь грудь.— Харрисон молчал. Монгол продолжал:

— Я написал твое имя в книге потому, что ты — мой самый опасный противник. Это из-за тебя Али ибн-Судейман поднял против меня бунт. Я восстанавливаю свою империю и хочу сделать ее еще более могучей. Центр управления будет на Ривер-стрит. Я создам политический аппарат, чтобы править городом. Люди, стоящие у власти, пока не подозревают о моем существовании. Если всех их убрать, то нетрудно будет найти новых людей — тех, кто неравнодушен к шуршанию купюр.

— Ты сумасшедший,— произнес Харрисон.— Контролировать все городское правительство из подвального на Ривер-стрит?

— Так будет, — спокойно произнес монгол. — Я ударю, как кобра из темноты. Жить будут только те, кто подчинится моему доверенному лицу. Это будет белый человек, его будут считать персоной, обладающей властью, в то время как я останусь невидимым за его спиной. Это мог бы быть ты, если б был чуть умнее.

Монгол вытащил из-под плаща толстую с черной глянцево́й обложкой книгу и пролистал страницы, соединенные зелеными петлями из жадеита. Все страницы покрывали багровые буквы.

— Моя Книга мертвых, — сказал Эрлик-хан. — Многие имена уже вычеркнуты, многие добавлены с тех пор, как я пришел в себя. Некоторые тебя заинтересуют: это имена мэра, начальника полиции, прокурора округа и многих членов городского управления.

— Удар по башке повредил твои мозги, — рявкнул Харрисон. — Ты думаешь, что способен заменить все правительство города и запросто избавиться от стольких людей?

— Конечно. Все эти люди умрут по-разному и постепенно, а их места займут мои ставленники. Через год весь город будет в моих руках, и никто не сможет мне помешать,

Глядя на странную фигуру, скрывающую лицо под капюшоном, Харрисон с содроганием понял, что монгол действительно сумасшедший. Здоровому человеку подобные планы просто не могли прийти в голову. И монгол был опасен, как обезумевшая кобра. Его план, конечно же, обречен, но в руках у него жизни очень многих людей. Долг Харрисона — защищать город от любой угрозы, порожденной Восточным кварталом, а он лежит здесь связанный и беспомощный перед этим убийцей. Харрисон выругался в бессильной ярости.

— Ну что, человек насилия, — презрительно проговорил Эрлик-хан. — Варвар! Ты полагаешься на силу оружия и хочешь уничтожить власть тайной империи

силой своих кулаков! Рука, не направляемая смыслом, наносит слепые удары! Что ж, ты ударил в последний раз. Чувствуешь, как пахнет рекой? Скоро ее воды сольются с твоим дыханием.

— Где мы? — спросил Харрисон.

— На окраине города, на острове, где начинаются болота. Когда-то здесь были склады и фабрика, но город стал расти в другом направлении, и это место забросили. За двадцать лет оно превратилось в развалины. Через доверенное лицо я купил остров и теперь восстанавливаю для себя старый каменный дом, который стоял здесь еще до постройки фабрики. Никто ничего не знает, потому что все делают мои люди и никто никогда не приедет на заболоченный остров. Дом не виден с реки, заслоняемый руинами складов. Тебя привезли сюда на моторной лодке прямо от притона Шан Янга. Вторая лодка доставит сюда Джоэн Ла Тур.

— До нее не так-то легко добраться, — проговорил детектив.

— Доберемся. Правда, она позвала на помощь этого волка, Хода-хана, и моим людям действительно не удалось убить его по дороге к ней. Полагаю, ложное чувство доверия к афганцу подвигло тебя на встречу с Кликом. Я думал, что ты останешься в доме, чтобы защищать девчонку.

Где-то вдали прозвучал гонг. Эрлик-хан удивленно поднял голову и закрыл Черную Книгу.

— Я потратил на тебя много времени, — сказал Эрлик-хан. — Когда-то я уже попрощался с тобой в одной из моих тюрем, но фанатик Друз спас тебя. На этот раз никто не помешает моим планам. Здесь нет никого, кроме монголов, для которых единственный закон — моя воля. Я уйду, но ты недолго будешь один. Скоро ты кое с кем встретишься.

Похожая на призрак фигура удалилась с леденящим душу хохотом. Щелкнул замок, и воцарилась тишина.

Внезапно раздался сдавленный крик. Он доносился откуда-то снизу и повторился несколько раз. Харрисон вздрогнул: тот, кто хоть раз побывал в больнице для душевнобольных, не мог не узнать этих звуков. Так визжат сумасшедшие женщины. После этого крика тишина стала давящей и зловещей.

Харрисон старался успокоить себя, и в этот момент из люка снова выглянула голова оскалившегося монгола.

— Скалься, желтая обезьяна! — рявкнул Харрисон, сиюсь разорвать веревки так, что вены выступили у него на висках. — Если б у меня были свободны хотя бы руки, я задвинул бы твою улыбку туда, откуда у тебя должен расти свиной хвост, ты... — и Харрисон подробно прошелся по всей родословной монгола, останавливаясь на наиболее интересных деталях его происхождения; в середине этой тирады ухмылка монгола внезапно изменилась на рычание, и голова исчезла, а через секунду сверху раздался звук, похожий на удар топора.

В люке показалось другое лицо — дикое, чернородое, с горящими налитыми кровью глазами, увенчанное растрепанным тюрбаном.

— Сагиб! — прошипело лицо.

— Хода-хан! — вскричал детектив, пораженный. — Какого дьявола ты тут делаешь?

— Тихо! — прошептал афганец. — Проклятые шайтаны услышат!

Он сбросил вниз конец веревочной лестницы и быстро спустился, бесшумно приземлившись на пол босыми ногами. В зубах он держал окровавленный кинжал.

Хода-хан мгновенно перерезал тутие веревки на теле детектива. Афганец слегка дрожал от возбуждения, зубы его сверкали сквозь черную бороду, как волчьи клыки.

Харрисон сел, потирая опухшие запястья.

— Где Джозн? Говори, где она?

— Здесь! В этом проклятом логове!

— Но...

— Это она кричала несколько минут назад, — перебил афганец. Харрисон содрогнулся от ужасного предчувствия.

— Но кричала сумасшедшая! — прошептал он.

— Сагиба сошла с ума, — мрачно проговорил Ходахан. — Выслушай, сагиб, и потом рассуди, кто во всем этом виноват. Когда ты ушел, проклятые спустили на веревке человека с крыши. Я его убил и убил еще троих, которые ломились в двери. Но когда я вернулся к сагибе, она меня не узнала. Она убежала от меня на улицу, где, наверное, в засаде сидели еще дьяволы, потому что как только сагиба крича выскочила на тротуар, из тумана выехал большой автомобиль, из него высунулась рука и затащила сагибу внутрь так, что я не успел ее схватить. Я видел проклятое желтое лицо в свете фонаря.

Зная, что сагиба предпочла бы умереть от пули, чем оказаться в их руках, я стрелял в машину из пистолета, но они неслись, как шайтан от лица Аллаха, и я не знаю, попал ли в кого-нибудь или нет. Потом я разорвал на себе одежду и проклял день моего рождения, ибо не мог преследовать их бегом. Но Аллах послал мне автомобиль — какой-то юноша в вечернем наряде, должно быть, возвращающийся с вечеринки, по воле Аллаха был охвачен любопытством: увидев меня в горе на обочине дороги, он остановился.

Поблагодарив Аллаха, я прыгнул в автомобиль и, приставив нож к ребрам юноши, попросил его ехать очень быстро, и он повиновался в большом страхе. Машина нечестивцев уже исчезла из виду, но наконец я снова заметил ее и заклинал юношу ехать быстрее, так что машина неслась, как колесница Пророка. Потом я увидел, что машина язычников остановилась на берегу. Я заставил юношу тоже остановиться, и он выпрыгнул из машины и в ужасе убежал прочь.

Я бежал в темноте, желая пролить кровь неверных, но прежде чем я добрался до берега, монголы вышли из автомобиля, неся связанную и с кляпом во рту са-

гибу, сели в моторную лодку и понеслись по реке в сторону острова.

Я метался по берегу, как безумный, и готов был броситься до острова вплавь, несмотря на дальнейшее расстояние, но неожиданно заметил прикованную к свае лодку с веслами. Воздав хвалу Аллаху, я перерубил цепь ножом — видишь эти зазубрины на лезвии? — и поплыл за проклятыми с большой скоростью.

Они были намного впереди меня, но по воле Аллаха мотор лодки заглох почти у самого берега. Я слышал, как они ругаются на своем поганом языке, и хотел тихо подойти к ним, чтобы незаметно напасть и убить. В темноте меня не было видно, а из-за собственного шума они не могли услышать плеск весел, но когда я уже почти приблизился к ним, мотор снова заработал. Неверные опять обогнали меня, и я видел издали, что они понесли сагибу в развалины.

Я сошел на берег и хотел броситься на них, но язычники быстро скрылись за дверью каменного дома, в котором мы сейчас находимся. Его окружает стальной забор с острыми как бритва пиками по краям, но тому, кого ведет Аллах, нельзя помешать. Я перелез через забор, всего лишь порвав одежду. Внутри была вторая стена, каменная, но полуразрушенная.

В темноте я незаметно подкрался к дому и увидел, что на окнах решетки, а двери железные и, кроме того, на первом этаже полно вооруженных людей. Я забрался сюда по угловой стене, это было трудно, но я сумел залезть на крышу — в том месте она плоская, с парапетом. Наблюдатель на крыше был слишком занят тем, что дразнил своего пленника, поэтому он не замечал меня до тех пор, пока мой нож не отослал его в ад. Вот его кинжал — у него не было пистолета.

Харрисон взял протянутый ему изогнутый узкий клинок.

— Но в чем причина сумасшествия Джоэн?

— Сагиб, на полу валялись откупоренная бутылка вина и рюмка. У меня не было времени проверить

вино, но я уверен, что оно было отравлено соком черного граната. Она не могла выпить много, потому что тогда сразу бы умерла с пеной на губах, как бешеная собака. Но если выпить чуть-чуть, то человек лишается рассудка. Черный гранат растет в джунглях Индокитая, белые люди не верят в это, но это правда. Три раза я видел, как мужчины и женщины сходили с ума от одного глотка сока черного граната. Я бывал в той проклятой стране, где растет черный гранат.

— Господи! — сжав железные кулаки, воскликнул Харрисон, глаза его загорелись яростью. — Наверное, она уже мертва. Но мертва она или жива, я отправлю Эрлик-хана в ад! Попробуй открыть дверь.

Дверь была сделана из тяжелого тика, обитого бронзой.

— Заперта, — прошептал афганец. — Придется выламывать.

Он уже приготовился ударить дверь плечом, как внезапно замер, выхватив свой кинжал.

— Кто-то идет сюда! — сказал Хода-хан, и Харрисон, спустя несколько секунд, тоже услышал чью-то кошачью поступь.

Харрисону пришла в голову неожиданная идея. Он толкнул Хода-хана за дверь, а сам улегся на полу, набросив кусок веревки на лодыжки и сложив руки за спину так, словно он по-прежнему связан по рукам и ногам. Бросив на него беглый взгляд, нельзя было сразу заметить обман. Хода-хан все понял и довольно улыбнулся.

Харрисон действовал с быстротой натренированного полицейского и проделал все за несколько секунд совершенно бесшумно. Через мгновение в замке повернулся ключ, и дверь распахнулась. На пороге стоял монгол огромного роста с наголо обритой головой и бесстрастным лицом, похожий на медного идола. В одной руке он держал какой-то странный чурбан из эбенового дерева, а в другой — булаву, как у всадников Чингисхана, прямую железную дубинку с шаром

на конце, утыканным шипами, и с набалдашником на другом конце, чтобы не соскальзывала рука.

Монгол не заметил Хода-хана, потому что тот притаился за широко открытой дверью. Афганец не бросился сразу на монгола, так как не видел, один он или за ним войдет еще несколько человек. Но монгол был один и на свою беду не побеспокоился закрыть дверь. Он шагнул к лежащему на полу детективу и слегка нахмурился, когда увидел свисающую из люка лестницу — однако и это не вызвало в нем подозрений и не заставило хотя бы окликнуть человека на крыше.

Он не проверил веревки Харрисона. По-видимому, он был так уверен в неприступности острова, что бдительность его притупилась. Он сел рядом с Харрисоном. В этот момент Хода-хан сделал шаг из-за двери, бесшумно, как пантера.

Прислонив булаву к ноге, монгол схватил детектива за рубашку на груди, приподнял и положил его голову на эбеновый чурбан. В эту секунду железные пальцы Харрисона обхватили бычью шею монгола.

Монгол даже не вскрикнул: лицо его побагровело от удушья, он рванулся назад, таща за собой Харрисона, но не в силах расцепить его мощную хватку. Нож Хода-хана вонзился в спину монгола, и кончик ножа показался из груди убитого.

Харрисон схватил булаву, довольно усмехнувшись: это оружие больше соответствовало его темпераменту, чем кинжал, который дал ему Хода-хан. Назначение ее не вызывало сомнения: если бы не Хода-хан, мозги Харрисона были бы перемолоты ударами утыканного шипами набалдашника и заполнили бы углубление в эбеновой плахе, так удобно приспособленной под размеры человеческой головы. Эрлик-хан за свою жизнь изобрел много разнообразных способов убийства — от простых и несложных до изощренно жестоких и утонченных.

— Дверь открыта, — сказал Харрисон. — Бежим!

Ключей на теле монгола не было. Харрисон сомневался, подойдет ли ключ, торчащий в двери, к другим

замкам в доме, но захватил его на всякий случай и запер дверь, чтобы тело монгола не обнаружили сразу.

Они выбежали в темный коридор, такой же голый и недостроенный, как все в этом доме. Спустившись по лестнице, они побежали по другому, еще более узкому коридору. Хода-хан видел в темноте как кошка, и они двигались бесшумно и уверенно. Неожиданно Харрисон нашел дверь: его рука случайно натолкнулась на углубление в стене. Она была маленькой, узкой — человек едва мог проскользнуть в нее. По-видимому, по окончании строительства потайная дверца была бы замаскирована каким-нибудь гобеленом.

Хода-хан нетерпеливо подталкивал Харрисона вперед, когда откуда-то снизу донесся шум. Возможно, кто-то шел по коридору в их сторону. Харрисон надавил на дверцу — она даже не скрипнула — и нащупал за ней ступеньки. Оба проскользнули внутрь и закрыли за собой дверь. Вокруг было темно, как в гробу. Харрисон чиркнул спичкой — ступеньки вели вниз.

— Должно быть, дом строится наподобие замка, — прошептал Харрисон, спускаясь все ниже и прикидывая, насколько толстыми могут быть стены. Спичка потухла. Даже афганец не мог уже ничего разглядеть в такой темноте. Внезапно оба остановились. Они находились приблизительно на уровне второго этажа, и из-за внутренней стены доносились голоса. Харрисон шарил по стене в поисках второй дверцы или отверстия для подглядывания и подслушивания, но тщетно. Припав к стене ухом, он, как и афганец, начал разбирать, что говорилось внутри.

Первый низкий и гулкий голос принадлежал, без сомнения, Эрлик-хану. Второй, жалобный, что-то бессвязно бормочущий, бросил в пот Харрисона.

— Нет, — сказал монгол. — Я вернулся не из ада, как представляется твоему варварскому сознанию, а из тайного убежища, куда не добраться вашей тупой полиции. Я избежал смерти благодаря шлему, который никогда не снимаю. Ты не понимаешь, как попала сюда?

— Да, я не понимаю! — голос Джоэн Ла Тур прозвучал истерично, но, без сомнения, в нем больше не было ноток безумия. — Я помню, как открыла бутылку вина и, сделав из нее один глоток, догадалась, что вино отравлено. Потом все исчезло, я не помню ничего, кроме огромных черных стен и каких-то уродливых скачущих в темноте силуэтов. Целую вечность я бежала по темным коридорам...

— Это галлюцинации безумия, вызванного соком черного граната, — сказал Эрлик-хан. Хода-хан шепотом призывал проклятия на голову монгола, а Харрисон свирепо толкал афганца в бок локтем, приказывая замолчать. — Если б ты выпила чуть больше, то сдохла бы, как бешеная собака. Но ты лишь потеряла рассудок. Я знаю противоядие, я вернул тебе разум.

— Зачем? — непонимающе простонала девушка.

— Затем, что я не желаю, что бы ты угасла, как свеча во тьме, моя прекрасная орхидея. Я хочу, чтобы ты была в здравом уме и твердой памяти, чтобы ты испила до дна чашу страданий и предсмертной агонии. Твоя смерть будет долгой и такой же изысканной, какую я изобрел для этого быка — твоего друга Харрисона. Его смертный приговор подписан.

— Подписать легче, чем привести в исполнение, — ответила Джоэн, внезапно ощутив прилив силы духа.

— Казнь уже свершилась, — невозмутимо заявил монгол. — К Харрисону приходил палач, и в эту минуту голова твоего друга напоминает раздавленное яйцо.

— О Господи! — полный горя стон вырвался из груди Джоэн, и Харрисон едва сдержался, чтобы не выкрикнуть, что все это ложь.

Внезапно Джоэн вспомнила еще что-то, мучающее ее:

— Хода-хан! Что ты сделал с Хода-ханом? — Афганец сжал железными пальцами плечо Харрисона, услышав свое имя.

— Когда мои люди увозили тебя, им было некогда записываться афганцем, — ответил монгол. — Они не ожидали взять тебя живой, и когда судьба распоряди-

лась иначе, они слишком спешили. Он ничего не значит. Правда, он убил четырех моих лучших людей, но это же сделал бы и дикий волк. Он туп. Что он, что детектив — просто безмозглая груда мускулов, беспомощная перед таким мощным интеллектом, как мой. Я позабочусь об афганце. Его труп бросят в выгребную яму.

— Аллах!— Хода-хан дрожал от ярости.— Лжец! Я скормлю твои желтые кишки крысам.— Казалось, взбешенный мусульманин готов проломить стену, чтобы броситься на монгола.

Детектив продолжал ощупывать поверхность стены в поисках двери, но тщетно. Эрлик-хан еще не успел повсюду снабдить свой недостроенный дом потайными ходами наподобие крысиных лазов, как он всегда делал.

Монгол хлопнул в ладоши, и за стеной послышался стук шагов нескольких человек, вошедших в комнату. Раздался какой-то приказ на монгольском, затем резкий испуганный крик боли и звук захлопнувшейся двери. Детектив и афганец поняли, что комната за стеной оглустела. Харрисон бился в бессильной ярости: они замурованы в этой проклятой стене, а Джозн Ла Тур увел, чтобы подвергнуть мучительной смерти.

— Валлах!— стонал афганец.— Они ее сейчас убьют! Клянусь бородой Пророка! Я сожгу этот проклятый Аллахом дом! Я залью огонь монгольской кровью! Во имя Аллаха, сагиб, есть же какой-то выход!

— Бежим! — крикнул Харрисон.— Где-нибудь должна быть еще дверь!

Они снова бросились вниз по лестнице, и примерно на уровне первого этажа рука Харрисона наткнулась на дверь. Как только пальцы его коснулись двери, она сразу подалась внутрь и отворилась: это на шум высунулась бритая монгольская голова. Харрисон обрушил на голову булаву, монгол упал замертво. Детектив бросился в комнату, не размышляя, сколько человек в ней может оказаться. Но в комнате было пусто.

На полу лежал толстый ковер, на стенах висели черные бархатные гобелены, дверь из тика была обита бронзой и украшена золотой аркой. Босой, в растрепанном тюрбане, с испачканным кровью кинжалом, Хода-хан представлял странный контраст на фоне этой роскоши.

Не зная дома, Харрисон толкнул наугад первую попавшуюся дверь и увидел широкий коридор, застеленный коврами, с такими же гобеленами на стенах, как в комнате. На другом конце коридора, где висел занавес от потолка до самого пола, исчезала толпа монголов — они скрылись за занавесом, все в черном, со зловеще склоненными головами, словно свита привидений. Никто из них не обернулся.

— За ними! — бросил Харрисон. — Наверное, они идут поучаствовать в казни...

Хода-хан уже мчался по коридору, как ураган смерти. Ковер заглушал их шаги так, что даже толстые ботинки Харрисона не производили ни звука. Происходящее несло на себе какой-то странный отпечаток нереальности — словно в кошмарном сне, где действуют сверхъестественные законы и силы. У Харрисона промелькнула мимолетная мысль, что подобное возможно лишь в Восточном квартале, где насилие и смерть — в порядке вещей. Эрлик-хан выпустил на свободу силы хаоса и безумия, водоворот убийства и мести охватил умы людей, лишив их всех остальных желаний.

Хода-хан готов был броситься на врагов за занавес — он занес нож и набрал в легкие воздуха для оглушительного крика, но Харрисон схватил его, приказывая не двигаться. Мускулы афганца под рукой детектива были словно скрученные железные прутья. Афганец внял голосу разума и остановился.

Оттолкнув его, Харрисон осторожно заглянул за занавес. За ним была полуоткрытая двустворчатая дверь, из которой видна была комната. Жесткая борода Хода-хана воткнулась в шею детектива сзади — афганец выглядывал у него из-за плеча.

В комнате стены закрывали черные бархатные гобелены, вышитые золотыми драконами, на полу лежали ворсистые коврики, с отделанного слоновой костью потолка свисали красные лампы. Люди в черном, стоящие в ряд у стены, могли бы показаться тенями, если б не горящие в красноватом свете глаза.

На стуле из эбенового дерева, похожем на трон, сидела мрачная неподвижная, как изваяние, фигура, при виде которой Хода-хан процедил сквозь зубы проклятие.

В центре комнаты стоял странный предмет, отдаленно напоминающий жертвенный алтарь, — большой камень, воплутый сверху, привезенный, должно быть, из самого сердца Гоби. На камне лежала Джозн Ла Тур. Руки ее были распростерты, как на распятии, ноги свисали с камня на пол. Широко раскрытые глаза девушки выражали полную безнадежность, сознание неизбежной гибели и лишь одно желание — быстрее умереть, чтобы освободиться от мук. Физические страдания еще не начались: тощее злобное создание, палач, сидел рядом на корточках и нагревал бронзовый прут в глубоком железном блюде, наполненном раскаленными углями.

— Боже! — слетело с губ Харрисона. Хода-хан отбросил Харрисона в сторону и влетел в комнату, потрясая кинжалом, похожий на ураган, сносящий все на своем пути. Эрлик-хан в изумлении вскочил с трона. Палач получил удар кинжалом, расколовший его череп пополам. Монголы разом, как один, вскрикнули от удивления.

— Аллахо якабар! — завопил Хода-хан, свирепо взмахнув кинжалом. Он бросился на алтарь и стал перерезать веревки Джозн с неистовством, грозящим девушке расчленением.

Со всех сторон на афганца бросились монголы, которые были столь поражены его появлением, что даже не заметили Харрисона, стоящего на пороге комнаты.

Харрисон кинулся в толпу, круша головы булавой направо и налево булавой. Монголы падали как кегли,

освобождая Харрисону путь к алтарю. Хода-хан заслонял собой Джоэн, тоже не переставая рубить врагов.

— Аллах! — выкрикивал он, плюя в лица монголов. Внезапно он подскочил к трону.

Эрлик-хан от неожиданности секунду пребывал в замешательстве. Это позволило афганцу занять более выгодную позицию и с такой силой воткнуть кинжал в грудь монгола, что конец его вышел из спины на несколько дюймов.

Хода-хан неистово отбросил тело монгола на трон, так, что трон раскололся на две части. Афганец вытащил из трупа окровавленный кинжал и завыл по-волчьему в свирепой радости.

— Аллах! Шлем не помог тебе, собака! Почувствуй мой нож в своих кишках по дороге в ад!

Широко открытые глаза монгола остекленели. В эту минуту Харрисон схватил Джоэн и выскочил из комнаты в ближайшую дверь:

— Хода-хан! Сюда! Скорее!

Клинок монголов за спиной Харрисона заставили его нестись быстрее ветра, Хода-хан догонял его.

— Беги, сагиб! Вниз по коридору! Я вас прикрою!

— Нет! Ты бери Джоэн и беги! — Харрисон бросил Джоэн на руки афганцу, а сам загородил проход, работая булавой, словно поршнем. Харрисона охватило безумие берсеркера, которое удесятеряет силы в урагане боя.

Монголы ломались вперед, но Харрисону неведомым ему самому образом удавалось сдерживать неистовый натиск. Он утратил в эти минуты ощущение себя как личности. Все перед ним слилось в одну кровавую массу, которую он продолжал крушить с налитыми кровью глазами, словно превратился в того примитивного, покрытого шерстью дикаря с дубинкой, который ломал врагов своего племени пятьдесят тысяч лет назад.

Он даже не чувствовал ран, наносимых ему. Он просто поднимал и опускал свою дубинку до тех пор, пока проход не был завален грудой искалеченных тел.

Тогда Харрисон обнаружил, что бежит, задыхаясь, по коридору. Им двигал смутный инстинкт самосохранения, который куда-то исчез в бою: до этой минуты он мог только бить, бить, бить, охваченный жадной убийства. В такие минуты у человека стремление умереть — умереть сражаясь — становится почти равно воле к жизни.

Пошатываясь и хватаясь за стену, Харрисон добежал до конца коридора, где Хода-хан возился с замком. Джоэн стояла рядом, но качалась из стороны в сторону, готовая упасть каждую минуту. Толпа монголов неслась к ним с противоположного конца коридора. Харрисон отпихнул Хода-хана в сторону и взмахнул булавой. Одним ударом он выбил замок из дверной панели, словно тот был из дерева, а не из железа. В следующее мгновение все трое оказались за дверью и задвинули засов. Дверь держалась на петлях не очень надежно, но какое-то время могла выдержать натиск толпы.

Монголы бесновались за дверью, рубя ее кинжалами и воя, как шакалы. Харрисон окинул себя взглядом: руки, плечи, ноги — все было в крови, в лохмотьях одежды. Кровь ручьями стекала по всему телу.

Отверстие в двери расширялось под ударами монголов. Через щели Харрисон увидел еще несколько человек, бегущих по коридору с ружьями. Он удивился, почему монголы не стреляют в дверь, но сразу нашел ответ. Комната, в которой они закрылись, была складом боеприпасов. Вдоль стен стояли пачки с патронами, порохом и по меньшей мере с одной коробкой динамита. К несчастью, в комнате хранились только боеприпасы — ни ружей, ни пистолетов в ней не было.

Хода-хан дергал замок противоположной двери. Внезапно с криком «Аллах!» он схватил из открытой коробки какой-то предмет и взмахнул рукой, чтобы метнуть предмет в дверь, Харрисон едва успел схватить его за запястье.

— Не бросай это, идиот! Ты взорвешь нас к чертовой матери? Они боятся стрелять в комнату, но че-

рез секунду вышибут дверь и прирежут нас. Помогите Джозн!

В руках у Хо́да-хана была ручная граната — единственная из пустой коробки, как заметил Харрисон. Выбив, наконец, вторую дверь, Харрисон, Хо́да-хан и Джозн, поддерживаемая им, выбежали на улицу. Небо было усыпано звездами. Друзья быстро пересекли открытое пространство и укрылись за полуразрушенной каменной стеной, высотой по грудь человеку. Бежать было больше некуда: за стеной они увидели стальной забор, о котором говорил Хо́да-хан, высотой в десять футов, с копьями наверху. Сзади раздались выстрелы: монголы приближались. Выхода не было: пытаться залезть на забор бессмысленно, их всех перестреляют.

— Ложитесь за стену! — приказал Харрисон. — Прежде чем взять нас, они дорого заплатят!

Пули засвистели и стали отскакивать от стены. Хо́да-хан с диким криком вскочил на верхушку стены и оторвал зубами чеку от гранаты.

— Ла иллзха иллаулах, Мухаммед рассула улах! — прокричал Хо́да-хан на родном языке и метнул гранату — только не в толпу, а дальше, в склад боеприпасов!

В следующее мгновение ввысь взметнулось море огня и гром разверз ночь. Мельком Харрисон увидел Хо́да-хана на фоне пламени падающим вниз с распростертыми руками, затем все померкло — остались лишь грохот рушащегося каменного дома и водопад из камня.

Харрисон не знал, как долго он пролежал — оглохший, ослепший, обездвиженный, под развалинами дома. Он почувствовал что-то мягкое, шевелящееся под ним. У него было смутное ощущение, что это стоящее существо надо оберегать, и он инстинктивно начал выгребать его из-под обломков. Тело едва повиновалось ему, но постепенно ему удалось выбраться самому и вытащить из-под груды бульжников Джозн.

— Джозн! — собственный голос он услышал словно издали, пришлось кричать, чтобы девушка услышала его. Перепонки были повреждены контузией.

— Ты ранена?

— Кажется, нет, — с трудом проговорила она. — Что... что произошло?

— Граната Хода-хана взорвала динамит. Дом похоронил под собой монголов. Нас защитила стена, только это спасло нас.

Стена превратилась в груды щебня и булыжников. Харрисон ощупывал сломанную руку.

— Где Хода-хан? — закричала Джоэн, начиная приходить в себя.

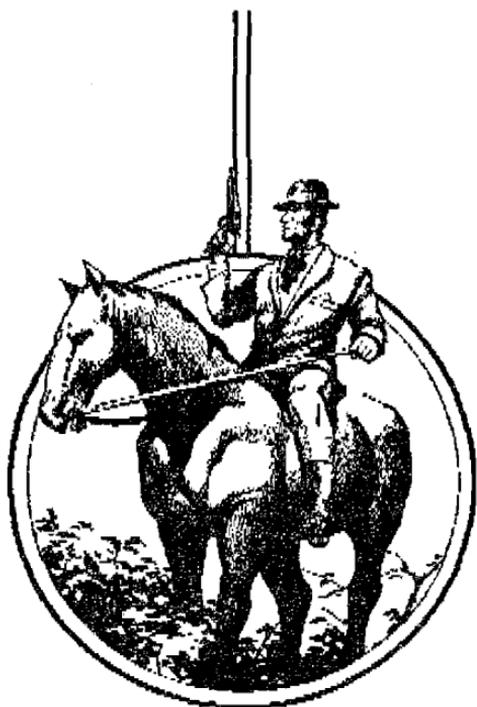
— Я поищу его. — Харрисон боялся найти не Хода-хана, а то, что от него осталось. — Его сдуло со стены, как соломинку ветром.

Он обнаружил афганца у стального забора. Хода-хан стоял, неестественно приплюснутый к стальной поверхности. Харрисон ощупал его переломанные кости — Хода-хан еще дышал. Джоэн, спотыкаясь, добрела до них, упала перед Хода-ханом на колени и зарыдала.

— Он — не такой, как мы, люди цивилизации! — Слезы струились по ее измученному лицу. — Афганца убить невозможно! Если доставить его сейчас в больницу, он будет жить! Слышишь? — она схватила Харрисона за руку. Где-то вдалеке гудела моторная лодка. Наверняка, это был полицейский катер, приплывший на грохот взрыва.

Джоэн разорвала на себе остатки одежды, чтобы остановить кровь из ран Хода-хана. Внезапно произошло чудо: опухшие губы афганца зашевелились. Харрисон нагнулся к нему и уловил обрывки слов: «Проклятие Аллаха... монгольская собака... свиное мясо — мой иззат».

— Не беспокойся больше за свой иззат, — с усмешкой оглянувшись на груды развалин, под которыми остались навсегда монгольские преступники, сказал детектив. — После сегодняшней ночи тебе не надо идти в суд — несмотря на всех монголов на свете.

ЧЕРНЫЙ
КАНААН

ЧЕРНЫЙ КАНААН

ГЛАВА 1

ПОСЛАНИЕ ИЗ КАНААНА

Неприятности на ручье Туларуса!
От такого предупреждения любого человека, выросшего в затерянной стране чернокожих — Канаане, — лежащей между Туларусом и Черной рекой, прошиб бы от страха холодный пот... И этот человек, где бы он ни был, со всех ног помчался бы назад в окруженный болотами Канаан.

Предупреждение — всего лишь шепот обветренных губ едва волочащей ноги старой карги, которая исчезла в толпе раньше, чем я мог бы схватить ее. Но и его было достаточно. Не нужно подтверждений. Не нужно искать, каким таинственным путем темного народа весть с берегов Туларуса дошла до негритянки. Не нужно спрашивать, какие неведомые силы Черной реки распечатали морщинистые губы старухи. Достаточно того, что предупреждение прозвучало... и я понял его.

Понял? Как же человек с Черной реки мог истолковать такое предупреждение? Только так: старая не-

ненависть снова вскипела в глубинах джунглей, среди болот, темные тени заскользили среди кипарисов, и смерть начала свое гордое шествие по таинственным деревьям ниггеров на заросших мхом берегах унылого Туларуса.

Через час Новый Орлеан остался у меня за спиной, продолжая удаляться с каждым поворотом хорошо смазанного колеса парохода. Любой человек, рожденный в Канаане, был привязан к тем местам невидимой нити, которая тянула назад, когда его родине угрожали темные тени, затаившиеся в заросших джунглями тайных уголках более чем полстолетия назад.

Самые быстрые суда, на которых я плыл, казались безумно медленными, для путешествия вверх по большой реке и по маленькой быстрой речушке. Перегорев, я равнодушным ступил на Шарпсвилльскую землю, чтобы проделать последние пятнадцать миль. Была полночь, но я поторопился к платной конюшне, где по традициям, заведенным полстолетия назад, всегда, днем и ночью, стоял под седлом конь Бакнера.

Когда сонный чернокожий мальчик подтягивал подпруги, я повернулся к хозяину стойла, Джо Лаферти, зевавшему и державшему лампу высоко над головой.

— Идут слухи о неприятностях на берегах Туларуса? — Даже в тусклом свете лампы было видно, как он побледнел,

— Не знаю. Я слышал разговоры... Но ваши в Канаане всегда держат рты на замке. У нас никто не знает, что там творится...

Ночь поглотила и его фонарь, и дрожащий голос, когда я поскакал на запад.

Красная луна стояла над темными соснами. В лесу ухали совы, и где-то выла собака, рассказывая ночи о своей грусти. В темноте перед самой зарей я пересек Голову Ниггера — черный сверкающий ручей, окаймленный стенами непроницаемых теней. Копыта моего коня прошлепали по мелководью и — слишком громко в ночной тишине — зазвенели о мокрые кам-

ни. За Головой Ниггера начиналась местность, которую называли Канаан.

Беря начало на севере среди тех же болот, что и Туларус, ручей Голова Ниггера тек на юг, впадая в Черную реку в нескольких милях к западу от Шарпсвилля, в то время как Туларус протекает западнее и встречается с той же рекой много выше по течению. Сама же Черная река протянулась с северо-запада на юго-восток. Эта река и два ручья образовывали огромный треугольник, известный как Канаан.

В Канаане жили сыны и дочери белых переселенцев, которые первыми поселились в этой местности, а также сыны и дочери их рабов. Джо Лаферти был прав: мы — изолированы, держим рты на замке, не ищем ни с кем общения, ревниво относимся к неприкосновенности своих владений и независимости.

За Головой Ниггера лес стал гуще, дорога сузилась, петляя среди земель, заросших соснами, кое-где перемежающимися с дубами и кипарисами. Вокруг не было слышно никаких звуков, кроме мягкого цоканья копыт моего коня по пыльной дороге и скрипа моего седла. И вдруг кто-то хрипло засмеялся.

Я остановился и стал вглядываться в заросли. Луна села, заря еще не разгорелась, но слабое мерцание уже дрожало над деревьями, и в его свете я разглядел неясную фигуру под обросшими мхом ветвями. Моя рука инстинктивно легла на рукоять одного из дуэльных пистолетов,¹ которые я прихватил с собой. Это вызвало низкий соблазнительно насмешливый, музыкальный смешок. Наконец я разглядел коричневое лицо, пару сверкающих глаз, белые зубы, обнажившиеся в наглой улыбке.

— Кто ты, черт тебя поберет? — спросил я.

— Почему, Кирби Бакнер, ты приехал так поздно? — насмешливый смех звучал в этом голосе. Акцент

¹ Имеются в виду однозарядные пистолеты, заряжающиеся с дула (прим. перев.).

казался забытым и непривычным — едва различимая гнусавость негров, — но голос был густым и чувственным, как и округлое тело его обладательницы. В тусклом свете ее темные волосы огромным цветком едва различимо мерцали во тьме.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я. — Отсюда далеко до деревни твоего народа. К тому же я тебя не знаю.

— Я пришла в Канаан вскоре после того, как ты уехал, — ответила она. — Моя хижина на берегу Туларуса. Но сейчас я сбилась с пути, а мой бедный брат повредил ногу и не может идти.

— Где твой брат? — встревожившись, спросил я. Ее превосходный английский беспокоил меня, привыкшего к диалекту черного народа.

— Там, в лесу... далеко! — Она показала в черные глубины леса, не просто махнув рукой, а изогнувшись всем телом и по-прежнему дерзко улыбаясь.

Я понял, что в чаще нет никакого повредившего ногу брата. И девушка знала, что я понимаю это, и смеялась надо мной. Но странная смесь противоречивых эмоций подтолкнула меня. Никогда раньше я не обращал внимания на черных или коричневых женщин. Но эта квартиронка отличалась от всех, кого я видел раньше. У нее были правильные, как у белой женщины, черты лица. Однако выглядела она варваркой — открыто соблазнительная улыбка, блеск глаз, бесстыдные движения всем телом. Каждый жест, каждое движение отличали ее от обычных женщин. Ее красота казалась дикой и непокорной, скорее сводящей с ума, чем успокаивающей. Такая красота ослепляет мужчину, от нее кружится голова, пробуждая неуправляемые чувства, которые достались людям в наследство от предков-обезьян.

Я отлично помню, как спешился и привязал своего коня. Кровь оглушающе пульсировала у меня в висках, и я, нахмурившись, посмотрел на девушку, совершенно очарованный:

— Откуда ты знаешь мое имя? Кто ты? Со смехом она схватила меня за руку и потянула в глубь теней. Околдованный огоньками, мерцавшими в глубине ее темных глаз, я пошел следом за ней.

— Кто не знает Кирби Бакнера? — засмеялась она. — Все люди в Канаане только и говорят о вас — и белые, и черные. Пойдем! Мой бедный брат давно хотел взглянуть на тебя! — И она засмеялась со злобным триумфом.

Такое открытое бесстыдство привело меня в чувство. Циничная насмешка разрушила почти гипнотические чары, жертвой которых я пал.

Я остановился, отбросил ее руку и зарычал:

— В какую дьявольскую игру ты играешь, сука! Неожиданно улыбающаяся сирена превратилась в дикую кошку джунглей. Ее глаза вспыхнули со смертоносной яростью. Ее красные губы скривились, когда она отпрыгнула назад, что-то громко крикнув. В ответ раздался топот голых ног. Первый бледный луч зари пробился сквозь покров ветвей, открыв нападавших — троих огромных черномазых. Я увидел блеск белков их глаз, белых зубов и широких стальных клинков в их руках.

Моя первая пуля пробила голову самому высокому, отбросив его мертвое тело. Мой второй пистолет бессильно щелкнул — капсуль соскользнул с бойка. Я метнул его в черное лицо, и, когда негр упал, наполовину оглушенный, я выхватил свой охотничий нож и схватился с третьим. Парировав удар его кинжала, я прочертил острием своего клинка по мускулам его живота. Он закричал, словно болотная пантера, и схватил мою руку с ножом, но я ударил его в челюсть кулаком левой, почувствовав, как плющатся его губы и крошатся зубы. Негр отшатнулся, и его кинжал описал широкую дугу. Прежде чем он восстановил равновесие, я метнулся за ним и нанес удар ему под ребра. Застопав, он соскользнул на землю в лужу собственной крови.

Я обернулся, высматривая того, кто еще остался в живых. Он только поднимался. Кровь стекала у него по лицу и шее. Когда я посмотрел на него, он неожиданно испуганно закричал и нырнул в подлесок. Отзвуки его бегства донеслись до меня, постепенно затихая. Девушки тоже нигде не было видно.

ГЛАВА 2 ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Немного придя в себя, я обнаружил, что девушка исчезла. Во время схватки я забыл о ней. Но я не тратил времени на тщетные предположения, откуда она взялась, пока ощупью пробирался назад к дороге. Тайна пришла в леса.

Мой конь фыркал и дергал привязанные поводья, испуганный запахом крови, пропитавшим тяжелый, сырой воздух. По дороге заклацали копыта, кто-то приближался в разгорающемся свете зари. Зазвучали голоса.

— Кто это? Выйди и назови себя, иначе мы будем стрелять.

— Остынь, Есаи! — воскликнул я. — Это — Кирби Бакнер!

— Кирби Бакнер, да поразит меня гром! — воскликнул Есаи Макбрайд, опуская пистолет. Несколько всадников маячило у него за спиной.

— Мы услышали выстрел, — объяснил Макбрайд. — Мы патрулируем дороги вокруг Гримсвилля, как делаем каждую ночь уже с неделю... С тех пор, как они убили Ридли Джексона.

— Кто убил Ридли Джексона?

— Нигтеры с болот. Это все, что мы знаем. Как-то, с месяц назад, утром, Ридли вышел из леса и постучал в дверь капитана Сорлея. Кэп сказал, что у Ридли лицо было серое, как пепел. Он выд, умоляя Кэпа дать ему, ради Бога, войти. Видно, он хотел рассказать что-то

ужасное. Так вот, Кэп отправился открывать дверь, но раньше, чем он спустился вниз, он услышал, как ужасно взвыли его собаки, и еще он услышал дикий человеческий крик. Вопил Ридли. А когда Кэп открыл дверь, там уже никого не было, только мертвая собака с разбитой головой лежала во дворе, а все другие псы словно с ума посходили. Они-то и нашли Ридли среди сосен в нескольких-сотнях ярдов за домом Кэпа. От дверей Кэпа до того места вся земля была взрыта и кусты переломаны, словно Ридли тащили четыре или пять человек. Может, они даже связали и протащили его волоком. Так или иначе, они всмятку разбили Ридли голову и оставили его там лежать.

— Будь я проклят! — пробормотал я. — Вон там, у дороги, лежат трупы еще двух ниггеров. Мне интересно, знаете ли вы их? Я не знаю.

Через мгновение мы стояли на прогалине. Уже достаточно рассвело. Лишь одно темное тело покоилось на ковре сосновых иголок. Голова мертвеца покоилась в луже крови. Большое пятно на земле и кровь на переломанных кустах была и по другую сторону маленькой полянки, но второй черномазый, видимо, был всего лишь ранен и сбежал.

Макбрайд перевернул тело носком сапога.

— Один из ниггеров, что прибыл с Саулом Старком, — прошептал он.

— Кто это, черт возьми? — потребовал я объяснений.

— Странный ниггер, который переехал в эти края после того, как ты отправился вниз по реке. Прибыл он, по его словам, из Южной Каролины. Живет в старой хижине Нека... Ты знаешь, лачуга, где ютились ниггеры полковника Рейнольдса.

— А ты, Есаи, не прокатаешься со мной до Гримсвилля? По дороге ты бы рассказал мне о том, что здесь творится, — предложил я. — Остальные пусть пошарят вокруг, может, и найдут раненого ниггера где-нибудь неподалеку в кустах.

Есаи согласился проводить меня. Бакьеры всегда по молчаливому согласию считались в Канаане предводителями, и для меня было естественным, что остальные согласились с моим предложением. Никто не может приказывать белому человеку в Канаане.

— Полагаю, ты и сам скоро все увидишь, — заметил Макбрайд, когда мы поскакали по белеющей среди деревьев дороге. — Надеюсь, тебе удастся разобраться в том, что происходит в Канаане.

— Так что же случилось? — спросил я. — Я ничего не знаю. Я был в Новом Орлеане, когда старая негритянка прошептала мне, что тут у вас неприятности. Естественно, я со всех ног помчался домой. Три странных ниггера поджидали меня... — Любопытно, но мне почему-то не захотелось упоминать женщину, заманившую меня в ловушку. — Потом ты мне сказал, что кто-то убил Ридли Джексона. Что все это значит?

— Ниггеры с болот убили Ридли, чтобы заткнуть ему рот, — объяснил Макбрайд. — Это был единственный способ сделать так, чтобы он замолчал. Должно быть, они были рядом, когда он постучал в дверь капитана Сорлея. Ридли ведь проработал на Кэпа большую часть жизни. Кэп заботился о старике. Какая-то дьявольщина творится на болотах, и Ридли хотел предупредить об этом белых. Я это так понимаю.

— Предупредить о чем?

— Мы не знаем, — признался Макбрайд. — Вот почему мы настороже. Должно быть, ниггеры собираются подняться.

Этого слова было достаточно, чтобы вызвать дрожь в сердце любого жителя Канаана. Черные поднялись в 1845-м, и кровавый ужас этого восстания не был забыт. Рабы взбунтовались, жгли все подряд и убивали всех белых вдоль Черной реки, от Туларуса до Головы Ниггера. Страх перед восстанием черных затаился в Канаане, каждый ребенок здесь впитал его с молоком матери.

— С чего это ты решил, что черные поднимутся? — спросил я.

— Все ниггеры ушли с полей, это — раз. У них всех появились дела в Гошене. В Гримсвилле уже с неделю ни одного ниггера не видать. Их городок тоже заброшен.

В Канаане мы до сих пор придерживаемся порядков, существовавших еще до гражданской войны. «Городок ниггеров» — перестроенные дома на окраине Гримсвилля, в старые дни служившие неграм-слугам. Многие черномазые и до сих пор живут там или поблизости от Гримсвилля. Но их было не много по сравнению с «болотными ниггерами», живущими на крошечных фермах, расположившихся вдоль ручейков по краю болот, или в деревне черных — Гошене, что на берегу Туларуса. Они берут свои корни от тех, кто раньше работал на полях, и нетронуты цивилизацией, очистившей души слуг в доме. Эти чернокожие примитивны, как их африканские предки.

— Куда же подевались жители города ниггеров? — спросил я.

— Никто не знает. Они испарились неделю назад. Может, попрятались вдоль берега Черной реки. Если мы выиграем, они вернутся. Если нет, то станут искать убежища в Шарпсвилле.

Я решил, что Есай немного сгущает краски, словно восстание ниггеров уже было непреложным фактом.

— И что вы сделали? — требовательно спросил я.

— Да немного, — признался он. — Ниггеры открыто не выступили. Убит лишь Ридди Джексон. А мы точно и не знаем, кто это сделал и почему... Они ведь пока только исчезли. Но это очень подозрительно. И мы не можем забыть о Сауле Старке.

— Кто этот парень? — спросил я.

— Я уже рассказал тебе все, что знал. Он получил разрешение поселиться в старой пустующей хижине Нека. Большой такой черный дьявол. Никогда не слышал, чтобы хоть один ниггер говорил на английском так хорошо, как он. С ним были три или четыре здоровяка из Южной Каролины и коричневая сучка, которая ему

то ли дочь, то ли жена, то ли сестра. В Гримсвилле он ни разу не был, но через несколько недель после того, как он прибыл в Канаан, ниггеры стали вести себя странно. Некоторые из парней хотели поехать тогда в Гошен и поговорить с черномазыми по душам, но решили повременить, чтобы не попасть впросак.

Я знал, что мой спутник имел в виду ужасную историю, которую рассказывали нам наши деды; историю о том, как карательная экспедиция из Гримсвилля однажды попала в засаду и была перерезана в густых зарослях кустов, окружавших Гошен, беглыми рабами, в то время как другая банда ниггеров опустошала Гримсвилль, оказавшийся беззащитным перед их вторжением.

— Может, всем нам стоит отправиться на поиски этого Саула Старка? — предложил Макбрайд. — Но мы не смеем оставить город без защиты. Но скоро мы... эй, а что это там?

Мы неожиданно выехали из лесу в деревню Гримсвилль — центр жизни белого населения Канаана. Она не была какой-то особенной. Но чистых и побеленных деревянных домов было тут достаточно. Маленькие домики лепились вокруг больших домов в старинном стиле, приютивших грубую аристократию лесной глуши. Все семьи «плантаторов» жили «в городе». «В сельской местности» жили их арендаторы и мелкие независимые фермеры, как белые, так и черные.

Маленький деревянный сруб стоял там, где дорога сворачивала в лес. Голоса, доносившиеся оттуда, звучали угрожающе, а на пороге замерла высокая тощая фигура — человек с ружьем в руках.

— Кто с тобой, Есаи? — окликнул нас этот человек. — Ей-богу, это Кирби Бакнер! Рад тебя видеть, Кирби.

— Что случилось, Дик? — спросил Макбрайд.

— Там, в хижине, ниггер. Пытаемся разговорить его. Бил Рейнольдс заметил, как он крался по окраине города на заре, и поймал его.

— Что за негр? — спросил я.

— Топ Сорлей. Джон Виллоуби отправился за болотной гадюкой.

Поддавив проклятие, я спрыгнул с лошади и вошел а хижину следом за Макбрайдом. Полдюжины мужчин в сапогах и с пистолетными ремнями¹ сгрудились над фигурой, съезжившейся на старой сломанной койке. Топ Сорлей (его предки приняли фамилию семьи, которая владела ими в дни рабства) выглядел жалко. Кожа его была пепельного цвета, зубы спазматически щелкали, а глаза закатились, сверкая белками.

— Здесь Кирби! — воскликнул один из мужчин, когда я стал протискиваться к негру. — Держу пари, он заставит эту скотину заговорить!

— Пришел Джон с гадюкой! — закричал кто-то — и дрожь прошла по телу Топа Сорлея.

Я легонько толкнул черномазого в бок рукоятью хлыста.

— Топ, — обратился я к ниггеру. — Ты много лет работал на ферме моего отца. Скажи, кто-нибудь из Бакнеров когда-нибудь угрожал тебе просто так?

— Не-е-ет, — едва слышно ответил он.

— Тогда чего ты боишься? Почему бы тебе не рассказать все как есть? Что-то происходит на болотах. Ты знаешь что, и я хочу, чтобы ты нам рассказал, почему все городские ниггеры разбежались. Почему убит Ридли Джексон? Что же такое таинственное закупают ниггеры с болот?

— И что за дьявольщину устроил Саул Старк на берегу Туларуса? — воскликнул один из собравшихся.

Когда произнесли имя Старка, Топ еще больше сжался.

— Я боюсь, — задрожал ниггер. — Он утопит меня в болоте!

— Кто? — требовательно спросил я. — Старк? Разве Старк теперь правит в этих краях?

¹ Ремни-патронташи, на которых «стрелки» на Западе носили кобуры с пистолетами (прим. перев.).

Топ закрыл лицо руками и не ответил. Я положил руку ему на плечо.

— Топ, — сказал я. — Знаешь, если ты все расскажешь, мы защитим тебя. Если же не расскажешь, не думаю, чтобы Старк смог придумать тебе что-то похуже того, на что способны эти парни. Теперь говори... что все это значит?

Он, отчаявшись, посмотрел на меня.

— Тогда вы должны оставить меня здесь, — дрожа, пробормотал он. — Охранять меня, дать мне денег, чтоб я мог уехать, когда начнутся неприятности.

— Мы все так и сделаем, — тотчас пообещал я. — Ты можешь оставаться в этой хижине, пока не решишь отправиться в Новый Орлеан, или куда ты там хочешь.

Топ сдался, отступил, и слова полились с его мертвенно-серых губ:

— Саул Старк — всему виной. Он приехал сюда, потому что здесь страна черных. Он попытается убить всех белых в Канаане...

Мои приятели зарычали. Так рычат волки, учуяв дичь.

— Он хочет провозгласить себя королем Канаана. Он послал меня шпионить за вами этим утром, посмотреть, что станет делать мистер Кирби. Еще он послал людей на дорогу, зная, что мистер Кирби вернется в Канаан. Уже с неделю нигеры на Туларусе занимаются вуду. Ридли Джексон хотел обо всем рассказать капитану Сорлею, но нигеры Старка догнали и прикончили его. Это просто свело Старка с ума. Он-то не хотел убивать Ридли. Он хотел его бросить в болото вместе с Танком Биксби и остальными.

— О чем ты говоришь? — спросил я.

Далеко в лесу раздался странный пронзительный крик, словно птица какая-то закричала. Но такой птицы раньше никогда в Канаане не водилось. Топ тоже закричал, словно ей в ответ, и весь задрожал. Он вжался в койку, парализованный страхом.

— Это — сигнал! — воскликнул я. — Кто-нибудь должен выйти и посмотреть, что там такое.

Полдюжины мужчин двинулись выполнять мой приказ, а я вернулся, чтобы снова разговорить Топа. Но это оказалось бесполезным занятием. Сильный страх запечатал его уста. Он лежал, дрожа, словно побитое животное, и даже не слышал моих вопросов. Никто и не предлагал напугать его гадюкой, потому что никто из нас раньше не видел негра, парализованного страхом.

Но вот те, кто отправился на поиски, вернулись с пустыми руками. Они никого не видели, и на толстом ковре сосновых игл не было никаких следов. Все смотрели на меня в ожидании.

— Так что, Кирби? — спросил Макбрайд. — Брекингидж и остальные только что вернулись. Они так и не нашли нигтера, которого ты подранил.

— Был еще третий нигтер, которого я лишь ударил пистолетом, — сказал я. — Может, он вернулся и помог раненому. — До сих пор я не мог прийти в себя, вспоминая ту коричневую девушку. — Оставьте Топа. Может, через какое-то время он отойдет. И пусть все время кто-нибудь охраняет эту хижину. Нигтеры с болот могут попытаться прикончить его, как прикончили Ридди Джексона. Есаи, пошли людей, пусть патрулируют на дорогах вокруг города. Кто-то из нигтеров может прятаться в лесу неподалеку.

— Хорошо. Я думаю, ты захочешь зайти к себе домой и встретиться со своими.

— Да. И я хочу поменять эти игрушки на парочку стволов сорок четвертого калибра. Потом я отправлюсь на прогулку — поговорить с белыми арендаторами, чтобы те ехали в Гримсвилль. Но если и будет восстановление, мы пока не знаем, когда оно начнется.

— Ты не поедешь один! — запротестовал Макбрайд.

— Со мной будет все в порядке, — равнодушно ответил я. — Все это может так ничем и не кончиться,

но лучше подготовиться. Вот поэтому-то я и хочу отправиться к арендаторам. Нет, я не хочу, чтобы кто-то ехал со мной. Если ниггеры сойдут с ума настолько, что попытаются атаковать город, у вас на счету будет каждый человек. Но если я смогу встретиться с кем-нибудь из болотных ниггеров, я поговорю с ними, и тогда, надеюсь, никто не станет нападать на город.

— Ты не сможешь увидеть черных даже мельком, — заявил мне Макбрайд.

ГЛАВА 3

ТЕНИ НАД КАНААНОМ

Еще до полудня я выехал из деревни, направляясь на запад по старой дороге.

Густой лес сразу проглотил меня. Стены сосен встали слева и справа, изредка уступая место полям, окруженным шаткими изгородями. Возле таких полей частенько стояли бревенчатые срубы домов арендаторов или фермеров, вокруг которых носились растрепанные детишки и тощие псы.

Теперь же срубы оказались пусты. Их обитатели, если они были белыми, уже перебрались в Гримсвилль; если черными — ушли в болота или попрятались в тайные убежища городских ниггеров, как те того хотели. В любом случае, пустующие срубы заставляли строить самые зловещие предположения.

Напряженная тишина царила в сосновых лесах. Ее нарушал только редкий завывающий крик пахаря. Я не спешил, время от времени сворачивал с главной дороги, чтобы предупредить обитателей какой-нибудь одинокой хижины, спрятавшейся на берегу очередного ручья, густо заросшего кустами. Большинство из срубов находилось в стороне от дороги. Белые почти не селились так далеко на севере, потому что в той стороне находился ручей Туларус и заросшие джунглями болота, вытянувшиеся к югу бухточками, словно указующие пальцы.

Мое предупреждение было кратким. Не нужно спорить или что-то объяснять. Не вылезая из седла, я кричал:

— Уходите в город! Неприятности на Туларусе.

Лица бледнели, и люди бросали свою работу, что бы ни делали. Мужчины брали ружья и стогняли мулов, чтобы запрячь их в фургоны. Женщины связывали в узлы самое необходимое и созывали детей. Пока я ехал, я слышал, как поселенцы трубили в бычьи рога, собирая тех, кто ушел вверх или вниз по ручьям, призывая людей с отдаленных полей... трубили так, как никогда не трубили для моего поколения. И я знал, так они предупреждали каждого белого в Канаане. Сельская местность у меня за спиной пустела. Тонкими, но непрерывающимися потоками стекались люди в Гримвилль.

Солнце низко висело над верхушками ветвей сосен, когда я добрался до сруба Ричардсона — самого западного «белого» жилища в Канаане. Позади этого сруба лежал Нек — треугольный островок суши между Туларусом и Черной рекой, заросший джунглями участок, где были лишь негритянские хижины.

Миссис Ричардсон озабоченно позвала меня с крыльца своего жилища:

— Привет, Кирби. Рада видеть, что вы вернулись в Канаан. Мы весь вечер слышим, как трубят в рога. Что это значит? Это... это не...

— Вам и Джо лучше бы собрать ребятешек и до темноты перебраться в Гримсвилль, — ответил я. — Ничего пока не случилось, а может, и не случится, но лучше быть в безопасности. Все белые уже или на пути в Гримсвилль, или собираются туда отправиться.

— Мы поедем прямо сейчас! — воскликнула она, побледнев, и сорвала передник. — Боже! Мистер Кирби, вы считаете, что они могут прирезать нас раньше, чем мы доберемся до города?

Я покачал головой:

— Если черные вообще нападут, то сделают это ночью. Мы на всякий случай принимаем меры безопасности. Возможно, ничего и не случится.

— Могу поспорить, что тут-то вы ошибаетесь, — заметила она, торопливо собираясь. — Я слышала, как бьют в барабаны у сруба Саула Старка. Снова и снова бьют, вот уже неделю. Они призывают к Большому Восстанию. Мой отец много раз рассказывал мне о нем. Ниггеры тогда содрали кожу с его еще живого брата. Рога трубят вверх и вниз по ручью, а барабаны бьют еще громче... Вы поедете с нами, мистер Кирби?

— Нет. Я отправлюсь на разведку, проеду по тропинке чуть дальше.

— Не заезжайте слишком далеко. Вы можете попасть прямо в лапы Саула Старка и его дьяволов. Боже! Где этот человек? Джо! Джо!

Когда я поехал дальше по дорожке, ее пронзительные крики еще долго раздавались у меня за спиной.

За фермой Ричардсона сосны уступили место дубам. Подлесок стал гуще. Порывистый ветерок принес запах гниющих растений. Случайно заметил я негритянскую хижину, наполовину спрятавшуюся под деревьями. Но вокруг стояла тишина и было пустынно. Брошенный негритянский сруб означал только одно: черные собрались в Гошене, в нескольких милях к востоку от Туларуса. И это тоже что-то да значило.

Моей целью была хижина Саула Старка. Я решил добраться туда, когда услышал бессвязный рассказ Топа Сорлея. Без сомнения, Саул Старк являлся ключевой фигурой в паутине тайны. С ним-то мне и нужно было иметь дело. Я рисковал жизнью, но какой-то человек все равно должен был взять на себя лидерство.

Солнце светило сквозь нижние ветви кипарисов, когда я добрался до жилища Старка — низкого сруба среди сумрачных тропических джунглей. В нескольких шагах позади него начинались необитаемые болота, среди которых темный поток Туларуса впадал в Черную рску. В воздухе повис тяжелый, гнилостный запах. Деревья здесь обросли серым мхом, а ядовитый плющ разросся буйными зарослями.

Я позвал:

— Старк! Саул Старк! Выходи!

Никто мне не ответил. Первобытная тишина застыла над крошечной полянкой. Я спешился, привязал коня и подошел к грубой, тяжелой двери. Возможно, в этом срубе был ключ к тайне Саула Старка. По меньшей мере, в ней, без сомнения, содержались орудия и принадлежности его вредоносного колдовского искусства. Слабый ветерок неожиданно стих. Тишина стала такой напряженной, словно вот-вот должно было что-то произойти. Я остановился. Словно какой-то внутренний инстинкт предупредил меня о надвигающейся опасности.

Все мое тело задрожало, откликнувшись на предупреждение подсознания — мрачное, глубокое ощущение опасности. Точно так человек в темноте чувствует присутствие гремучей змеи или болотной пантеры, спрятавшейся в кустах. Я вытаскил пистолет, оглядел деревья и кусты, но не заметил ни тени, ни подозрительного движения засевших в засаде врагов. Но мои инстинкты были безошибочны. Опасность, которую я почувствовал, не скрывалась в лесу. Она таилась внутри хижины — поджидая. Пытаясь отогнать это чувство и неопределенные подозрения, которые спрятались в дальних уголках моего разума, я заставил себя идти вперед. И снова остановился, ступив на крошечное крылечко и вытянув руку, чтобы открыть дверь. Холодная дрожь прошла по всему моему телу — ощущение, какое охватывает человека, который во вспышках молний видит черную бездну, куда угодил бы, если бы сделал еще один шаг. Впервые в жизни я почувствовал, что боюсь. Я знал, что черный ужас затаился в этом утробном срубе, спрятавшемся под кипарисами, обросшими мхом. Этот ужас пробудил во мне примитивные инстинкты, доставшиеся в наследство от предков. Я едва ли не кричал в панике.

И тут неожиданно во мне проснулись полузабытые воспоминания. Я вспомнил историю про то, как люди, поклонявшиеся вуду, оставляли свои хижины

под охраной могущественного духа джи-джи, который мог свести с ума или убить любого незваного гостя. Белый человек приписывал такие смерти суеверным страхам и гипнотическому внушению. Но в этот миг я понял, откуда взялось ощущение затаившейся опасности. Я понял, что ужас, которым я дышал, словно невидимым туманом, исходил из отвратительного сруба. Я почувствовал, насколько реален джи-джи — гротескный лесной образ, который поклонники вуду символически помещали в своих хижинах.

Саула Старка здесь не было. Но он оставил злого духа охранять хижину.

Я отступил. Мои руки покрылись бусинками пота. Но не шкатулку золота высматривал я через закрытые окна, и не прикоснулся я к запертой двери. Пистолет, который сжимал я в руке, был бесполезным против твари, которая скрывалась в хижине. Что там на самом деле, я не знал, но был уверен: в срубе скрывалось что-то жестокое, бездушное, вызванное из черных болот магией вуду. Люди и животные — не единственные существа, обитающие на этой планете. Существуют и невидимые твари — черные, духи из глубин болот и с топкого речного дна. Негры знают о них...

Мой конь дрожал, словно лист, и жался ко мне. Я вскочил в седло, отвязал поводья, борясь с паникой и желанием ударить шпорами и сломя голову помчаться по тропинке.

Непроизвольно я вздохнул с облегчением, когда утрямая полянка осталась позади и исчезла из виду. Но только сруб исчез из поля зрения, я не почувствовал себя круглым дураком. Однако воспоминания слишком ярко отпечатались в моей памяти. И дело не в страхе, который внушил мне пустой сруб. Я отступил из-за природного инстинкта самосохранения, такого же, как тот, что не даст белке забежать в логово гремучей змеи.

Мой конь зафыркал и резко метнулся в сторону. Пистолет оказался в моей руке прежде, чем я разгля-

дел, что испугало моего скакуна. Снова я услышал низкий издевательский смешок.

Девушка прислонилась к наклоненному стволу дерева. Руки она заложила за голову, нагло выставляя напоказ свою стройную фигуру. Дневной свет ничуть не рассеял ее варварские чары. Наоборот, свет заходящего солнца сделал их сильнее.

— Почему ты, Кирби Бакнер, не зашел в хижину джи-джи? — усмехнулась она, опустив руки и шагнув вперед.

Она была одета так, как никогда, насколько я знаю, не одевались женщины с болот. Сандалии из змеиной кожи на ее ножках были расшиты морскими ракушками, которых в этих краях никто не собирал. Короткая темно-красная шелковая юбка, закрывавшая ее полные бедра, держалась на широком поясе из бусинок. Варварские браслеты на запястьях и лодыжках позвякивали при каждом движении — тяжелые украшения из грубо выкованного золота, выглядели такими же африканскими, как ее надменно возвышающаяся прическа. Больше на ней ничего не было. На ее животе и на коричневой коже между возвышающимися грудями я разглядел слабые штрихи татуировки.

Квартеронка, рисуясь, извивалась передо мной, словно насмехаясь. Ее глаза торжествующе и злобно сверкали. Красные губы кривились в жестоком веселье. Глядя на нее, я понял, что легко поверить во все эти истории, которые я слышал о пытках и увечьях, которые женщины-дикари наносили раненым врагам. Эта женщина была чужой даже в нынешнем примитивном окружении. Она бы хорошо смотрелась на фоне диких клубящихся испарениями джунглей или на фоне поросших тростниками черных болот, горящих огней пира каннибалов возле кровавых алтарей языческих богов.

— Кирби Бакнер! — Она, казалось, ласкала язычком каждый слог моего имени, однако интонация ее голоса была непристойно оскорбительной. — Почему ты не вошел в сруб Саула Старка? Дверь же не запер-

та! Ты испугался того, что мог бы увидеть внутри? Ты испугался, что можешь выйти оттуда слабоумно бормочущим и седым, как старик?

— Что спрятано в том срубе? — спросил я. Она засмеялась мне в лицо и щелкнула пальцами на странный манер.

— Один из тех, кто пришел, словно черный туман из ночи, когда Саул Старк сыграл на барабанах джиджи и прокричал черные заклятия, вызывая богов, ползающих в глубине болот.

— Что нужно твоему Саулу Старку? До того, как он появился, черный народ в Канаане жил спокойно. — Ее красные губы презрительно изогнулись.

— Эти черные псы? Они — его рабы. Если они ослушаются, он убьет или бросит их в болото. Долго мы высматривали местечко, где можно устроить свое королевство. Мы выбрали Канаан. Теперь белые должны уйти. Но, как мы знаем, они никогда не уйдут со своих земель. Нам придется убить их.

Такое заявление заставило меня рассмеяться.

— Ниггеры уже пытались сделать это в сорок пятом.

— Но у них не было такого предводителя, как Саул Старк, — печально ответила она.

— Ладно, предположим, они выиграют? Вы думаете, этим все и кончится? После этого в Канаан придут другие белые и убьют всех ниггеров.

— Они не пересекут границы Канаана, — ответила девушка. — Мы сможем защитить берега реки и ручьев. У Саула Старка в болотах много слуг. Он — король черного Канаана. Никто не сможет пересечь водной границы Канаана против его воли. Он станет править своим племенем, так же как его отцы правили Древней землей.

— Безумие какое-то! — пробормотал я. Потом любопытство вынудило меня спросить. — Так кто же этот дурак — Саул Старк? Кем ты ему приходишься?

— Он сын колдуна из Конго и — великий священник вуду из Древней земли, — ответила она, снова рас-

смеявшись. — А я? Ты сможешь узнать, кто я, если придешь в полночь на болото, в Дом Дамбалаха.

— Да? — усмехнулся я. — А что помешает мне прямо сейчас забрать тебя с собой в Гримсвилль? Ты ведь знаешь ответы на накопившиеся у меня вопросы.

Она хохотнула — словно ударил бархатистый хлыст.

— Ты потащишь меня в деревню белых? Но в ночь, когда черные восстанут, все белые умрут. И что бы ни случилось, Ад сохранит меня для Танца Черепа, который мне предстоит исполнить в полночь в Доме Дамбалаха. Это ты — мой пленник. — Она насмешливо рассмеялась, когда я стал озираться, вглядываясь в тени вдоль дороги. — Никого там нет. Я — одна, и ты — самый сильный мужчина в Канаане. Даже Саул Старк боится тебя. Поэтому он и послал меня с тремя мужчинами убить тебя до того, как ты доберешься до деревни белых. Однако ты — мой пленник. Если я позову вот так, — она поманила меня, сгибая указательный палец, — то ты последуешь за мной к кострам Дамбалаха и к его ножам для пыток.

Я рассмеялся над ее словами, но мое веселье было неискренним. Я не мог отрицать невероятного магнетизма этой коричневой волшебницы. Очаровывая и принуждая, она манила меня к себе гораздо сильнее, чем я предполагал. Я ощущал это точно так же, как опасность, скрывавшуюся в хижине, где прятался джиджи.

То, что я заморожен, было для нее очевидно. Ее глаза вспыхнули с нечестивым триумфом.

— Черные люди глупы, — засмеялась она. — Да и белые глупы тоже. Я — дочь белого человека, который жил в хижине черного короля и был женат на его дочери. Я знаю силу и слабости белых людей. Ночью, встретив тебя в лесу, я просчиталась, — дикое ликование звучало в ее голосе. — Но с помощью крови из твоих вен я поймала тебя в ловушку. Нож человека, которого ты убил, поцарапал твою руку — семь капель крови упало на сосновые иглы. А мне, чтобы забрать твою душу,

большого и не надо! Когда белые стрелки уехали, я собрала твою кровь, а Саул Старк отдал мне человека, который убежал. Саул Старк ненавидит трусов. С горячим, трепещущим сердцем труса и семью каплями твоей крови, Кирби Бакнер, там, в глубине болот, я сотворила заклятье, на которое никто не способен, кроме Невесты Дамбалаха. Ты уже чувствуешь его действие! Да, ты сильный! Человек, которого ты ранил ножом, умер меньше получаса назад. Но теперь ты не сможешь сражаться со мной. Твоя же кровь сделала тебя моим рабом. Я наложила на тебя заклятье.

Небеса! То, что она говорила, было безумием! Гипнотизмом, магией — называйте, как хотите, — я чувствовал, что она пытается заморозить мой разум и волю... От нее исходили слепые, бесчувственные импульсы, которые пытались сбросить меня с края в некую безымянную бездну.

— Я сотворила чары, которым ты не сможешь сопротивляться! — воскликнула она. — Когда я позову тебя, ты придешь! Ты последуешь за мной в самые глубины болот. Ты увидишь Танец Черепа и узнаешь, какая судьба уготована дураку, попытавшемуся воспротивиться Саулу Старку... Дураку, возомнившему, что сможет сопротивляться Зову Дамбалаха. В полночь он отправится на болото вместе с Танком Биксби и четырьмя другими дураками, которые попытались противостать Саулу Старку. Ты увидишь это представление. Ты узнаешь и поймешь, какая судьба уготована тебе. И потом ты сам отправишься в глубь болот, в темные и безмолвные глубины, такие же темные, как африканская ночь! Но прежде чем тьма поглотит тебя, будут острые ножи и угли костра... Ты будешь кричать, призывая смерть даже после того, как умрешь.

С криком я выхватил пистолет и нацелил его в грудь четверонки. Боек был взведен, и палец лежал на курке. В этот раз я не должен был промахнуться. Но она смотрела в черное дуло пистолета и смеялась, смеялась... смеялась так дико, что кровь стыла в моих венах.

Я сидел в седле, нацелив на нее пистолет, и не мог выстрелить! Ужасный паралич охватил меня. Совершенно точно я знал, что моя жизнь зависит от того, нажму ли я на курок, но я не мог согнуть палец — не мог, хотя каждый мускул моего тела дрожал от напряжения и пот холодными каплями катился по лицу.

Потом девушка перестала смеяться и встала, вероятно злоеце глядя на меня.

— Ты никогда не сможешь выстрелить в меня, Кирби Бакнер, — спокойно сказала она. — Я поработила твою душу. Ты не сможешь понять моей силы, но ты попался. Это — Соблазнение Невесты Дамбалаха. Кровь, которую я смешала с таинственными водами Африки, раньше текла в твоих венах. В полночь ты придешь ко мне в Дом Дамбалаха.

— Ты лжешь! — Слова, сорвавшиеся с моих губ, прозвучали неестественно хрипло. — Ты загнипнотизировала меня. Ты — дьяволица. Поэтому я не могу нажать на курок. Но ты не сможешь заставить меня отправиться ночью на болота.

— Ты лжешь сам себе, — печально ответила она. — Ты и сам знаешь, что лжешь. Можешь возвращаться в Гримсвилль или отправиться куда пожелаешь, Кирби Бакнер. Но когда солнце сядет и черные тени выползут из болот, я призову тебя, и ты явишься. Я давно спланировала твою судьбу, Кирби Бакнер, с тех пор, как впервые услышала о том, как говорили о тебе белые люди Канаана. Это я послала вниз по реке слово, что привело тебя сюда. Даже Саул Старк не знает, что я придумала для тебя... На заре Гримсвилль погибнет в огне, головы белых людей покатаются по залитым кровью улицам. Эта ночь станет Ночью Дамбалаха, и белые будут принесены в жертву черному богу. Спрятавшись среди деревьев, ты будешь наблюдать Танец Черепа... А потом тебя призовут... И ты умрешь! А теперь поезжай куда хочешь, дурак! Беги так быстро, как сумеешь. Когда сядет солнце, то, где бы ни был, ты повернешь коня и явишься в Дом Дамбалаха!

И прыгнув, словно пантера, она исчезла в густых зарослях кустов. Когда она исчезла, странный паралич, охвативший меня, прошел. Я выдохнул проклятие и вслепую выстрелил ей вслед, но только насмешливый смех был мне ответом.

Потом в панике я прищпорил коня и поскакал по тропинке. Рассудительность и логика моментально испарились, оставив меня в объятиях слепого, примитивного страха. Я столкнулся с колдовством, сопротивляться которому у меня не хватило сил. Я чувствовал, что меня подчинила сила взгляда коричневой женщины. Теперь же быстрая скачка полностью захватила меня. У меня возникло дикое желание ускакать как можно дальше до того, как солнце утонет за горизонтом и черные тени выползут из болот.

Однако я знал, что не смогу ударить от страшного заклятия вуду. Я напоминал человека, бегущего в кошмарном сне, пытающегося спастись от чудовищного призрака, который неизменно оставался за спиной.

Я не достиг сруба Ричардсона, когда услышал топот копыт впереди, и мгновением позже, за поворотом тропинки, едва не сбил высокого, тощего человека на худой лошади.

Он закричал и подался назад, когда я, натянув поводья, нацелил пистолет ему в грудь.

— Посмотри, Кирби! Это я — Джим Бракстон! Мой Бог, ты выглядишь так, словно увидел призрака! Кто гонится за тобой?

— Куда ты едешь? — поинтересовался я, опуская пистолет.

— Присмотреть за тобой. Ты не вернулся вместе с беженцами. Ребята забеспокоились, что тебя нет так долго. Вот я и отправился присмотреть за тобой. Мистер Ричардсон сказал, что ты поехал дальше. Где ты был, черт возьми?

— Возле сруба Саула Старка.

— Ты сильно рисковал. Что ты делал там? — Вид белого человека успокоил меня. Я открыл рот, чтобы

рассказать о приключении, и был поражен тем, что сказал вместо этого:

— Ничего. Его там не было.

— Не так давно я слышал пистолетный выстрел, — заметил он, оглядывая меня со всех сторон.

— Я выстрелил в медянку, — ответил я и содрогнулся. Против своего желания я не стал рассказывать о встрече с коричневой женщиной. Я не мог рассказать о ней, как не мог нажать на курок нацеленного на нее пистолета. Неописуемый ужас охватил меня, когда я все это понял. Заклятия, путавшие черных людей, оказались правдой. Значит, существуют демоны в человеческом облике, которые могут поработить мысли и желания обычного человека.

Бракстон странно посмотрел на меня.

— Нам повезло, что леса еще не кишат черными медянками, — сказал он. — Топ Сорлей бежал.

— Что ты имеешь в виду? — Мне стоило больших усилий взять себя в руки.

— Только то, что я сказал. Том Брекингидж был с ним в срубе. После того как ты поговорил с ним, Топ не сказал ни слова. Только лежал и дрожал. Потом из леса донеслись какие-то завывания. Том подошел к двери, держа ружье наготове, но ничего не увидел. Так вот, стоя у двери, он не заметил того, что происходило у него за спиной. Только повалившись на пол, он понял, что на него сзади прыгнул этот безумный ниггер Топ. А потом ниггер удрал в лес. Том стрелял ему вслед, но промахнулся. Как ты думаешь, отчего Топ удрал?

— Он услышал Зов Дамбалаха! — прошептал я. Меня прошиб холодный пот. — Бог! Жалкий дьявол!

— Как? О чем ты говоришь?

— Ради Бога, не будем здесь оставаться! Солнце скоро зайдет! — В яростном нетерпении я стегнул коня, направив его дальше по тропинке. Бракстон последовал за мной, очевидно, в полном недоумении. Ужасных усилий стоило мне сдерживать себя. Как ни фантастически это было, но Кирби Бакнер дрожал в

объятиях безумного ужаса! Страх казался слишком чуждым всей моей природе, и было неудивительно, что Джим Бракстон не мог понять, что беспокоит меня.

— Топ бежал не по собственной воле, — сказал я. — Он не мог сопротивляться этому зову. Гипноз, черная магия, вуду — называй как хочешь. Но Саул Старк обладает некой проклятой силой, которая порабощает волю людей. Черные собрались где-то на болотах для какой-то дьявольской церемонии вуду, кульминацией которой, насколько я узнал, станет убийство Топа Сорлея. Мы, если сможем, должны добраться до Гримсвилля. Думаю, что на заре черные нападут на деревню.

Даже в полутьме сумерек было видно, как побледнел Бракстон. Он не спросил меня, откуда я все это знаю.

— Мы встретим их. Неужели случится резня? — На его вопрос я не ответил. Мой взгляд неотрывно следил за заходящим солнцем, и, когда оно окончательно скрылось за деревьями, я задрожал ледяной дрожью. Тщетно говорил я себе, что не существует сверхъестественных сил, которые смогут повести меня куда-то против моей воли. Если колдунья могла повелевать мной, почему же она не заставила меня последовать за собой от хижины джиджи? Мне казалось, будто кто-то нашептывает мне ужасные вещи о том, что эта квартиронка играет со мной, как кошка играет с мышью, позволяя той почти убежать — только для того, чтобы снова схватить ее.

— Кирби, что с тобой? — услышал я встревоженный голос Бракстона. — Ты потеешь и трясешься, словно старик. Что... Почему ты остановился?

Я бессознательно натянул поводья, и мой конь встал. Он задрожал и стал фыркать, когда я направил его по узкой тропинке, уходившей от дороги, по которой мы ехали, под острым углом... по тропинке, которая вела на север.

— Послушай! — с трудом прошипел я.

— Что это? — Бракстон потянулся за пистолетом. Короткие сумерки хвойного леса сменились глубокими тенями.

— Разве ты не слышишь? — прошептал я. — Барабаны! Барабаны бьют в Гошене!

— Я ничего не слышу, — тяжело пробормотал он. — Если они бьют в Гошене, то здесь их не услышать.

— Посмотри туда! — Мой резкий крик заставил его повернуться. Я показал на тропинку, скрытую тенями. Там, меньше чем в сотне футах от нас, кто-то стоял. Я разглядел ее в темноте. Ее странные глаза сверкали, насмешливая улыбка кривилась на красных губах. — Коричневая сука Саула Старка! — пробормотал я, потянувшись к кобуре. — Мой бог, ты что, окаменел? Ты видишь ее?

— Я никого не вижу! — прошептал он, мертвенно побледнев. — О чем ты говоришь, Кирби?

Мой взгляд скользнул по тропинке, снова и снова я вглядывался в тени. В этот раз ничто не сдерживало мою руку. Но улыбающееся лицо смотрело на меня из теней. Гибкая, округлая рука поднялась, палец властно позвал, а потом девушка пошла, и я прищпорил коня и направил его по узкой тропинке, едва заметной, пустынной и заброшенной. Слово черный поток подхватил и понес меня вопреки моему желанию.

Смутно услышал я крики Бракстона, а потом он оказался рядом со мной, схватил мои поводья, заставил моего коня повернуть. Помню, совершенно не соображая, что делаю, я ударил его рукоятью пистолета. Все черные реки Африки вздымались и пенились в моей голове, с грохотом сливаясь в единый поток, который нес меня в океан гибели.

— Кирби, ты сошел с ума? Эта дорога ведет в Гошей!

Удивляясь сам себе, я покачал головой. Пена водяного потока бурлила в моей голове. Собственный голос показался мне очень далеким:

— Возвращайся! Скачи в Гримсвилль! Я еду в Гошен!

— Кирби, да ты с ума сошел!

— Безумный или нормальный, но в эту ночь я поеду в Гошен, — вяло ответил я. Я был полностью в со-

знании, понимал, что делаю, сознавал невероятную глупость своего поступка и знал, что ничто мне не поможет. Какие-то обрывки здравомыслия понуждали меня пытаться скрыть страшную правду от моего спутника, предполагавшего, что я просто обезумел. — Саул Старк в Гошене. Он — тот, кто виновен во всем происходящем. Я поеду убить его. Это остановит восстание раньше, чем оно начнется.

Бракстон задрожал, словно человек, у которого началась лихорадка.

— Я поеду с тобой.

— Ты должен поехать в Гримсвилль и предупредить людей, — настаивал я, пытаясь говорить логично, но чувствуя, что меня все настойчивей, непреодолимо тянут куда-то... ужасно настойчиво заставляют ехать дальше.

— Ребята и так выставят охрану, — упрямо возразил Бракстон. — Им не нужно мое предупреждение. Я пойду с тобой. Не знаю, что происходит, но я не должен дать тебе умереть в одиночестве в этих темных лесах.

Я был не согласен. Я не мог взять его с собой. Ослепляющие потоки снова и снова обрушивались на меня. Чуть впереди на тропинке я все время видел стройную фигуру, различал блеск сверхъестественных глаз, согнутый, манящий палец...

Галопом я помчался по тропе и слышал, как копыта лошади Бракстона застучали у меня за спиной.

ГЛАВА 4

ЖИВУЩИЕ НА БОЛОТАХ

Наступила ночь. Сквозь ветви деревьев ярко сверкала кроваво-красная луна. Стало тяжело править конями.

— Они чувствительнее нас, Кирби, — прошептал Бракстон.

— Возможно, — отсутствующим голосом ответил я. В сумрачном свете я с трудом мог отыскать тропинку.

— И я тоже что-то чувствую. Чем ближе мы к Канаану, тем они беспокойней. Каждый раз, как мы подъезжаем к ручьям, кони становятся робкими и фыркают.

Тропинка не раз уже выводила нас к узким грязным ручьям, которых в этом уголке Канаана было полным-полно. Несколько раз мы оказывались так близко к одному из них, что видели в тенях густой растительности черный, тускло мерцающий поток. И каждый раз, как я помню, кони выказывали признаки страха.

Я боролся со страшным принуждением, которое влекло меня. Но ощущение было не то, что в гипнотическом трансе. Я оставался полностью в сознании. Даже безумие, в котором слышался рев черных рек, отступило. Мои мысли прояснились. Я совершенно четко понимал собственную глупость и мучился, но был не способен побороть ее и повернуть коня. Отчетливо сознавал я, что еду принять пытки и смерть и веду верного друга к такому же концу. Но я скакал дальше и дальше. Все мои усилия разрушить чары, сковавшие меня, оказались тщетны. Я не мог объяснить, каким образом заклятие воздействует на меня, так же как не мог объяснить, почему серебристая сталь может превратиться в магнит. Надо мной властвовали черные силы, о которых не знал ни один белый. Такая простая, известная вещь, как гишноз, выглядела убогой частицей, лучинкой, отщепленной наугад от искусства вуду. Сила, которой я не мог сопротивляться, тащила меня в Гошен. Большого я не мог понять, как не может понять кролик, почему глаза раскачивающейся змеи заставляют его идти в разинутую пасть.

Мы были не так далеко от Гошена, когда лошадь Бракстона сбросила седока, а мой конь начал фыркать и брыкаться.

— Кони не пойдут дальше! — выдохнул Бракстон, сражаясь с поводьями.

Я спешился, перебросив поводья через луку седла.

— Во имя Бога, Джим! Возвращайся! Я пойду дальше пешком.

Я слышал, как он шептал проклятия, когда его лошадь умчалась галопом следом за моим конем и ему пришлось последовать за мной пешком. Мысль о том, что он должен разделить мою судьбу, вызывала у меня тошноту, но я его не отговаривал. Впереди в тених танцевал гибкий силуэт, влекущий меня дальше... дальше... и дальше...

Я не тратил больше пуль на эту насмешливую тень. Бракстон не видел ее, и я знал, что она — часть колдовства, не настоящая женщина из плоти и крови, а порожденное адом переплетение теней, насмехающееся надо мной и ведущее меня сквозь ночной лес к ужасной смерти. «Послание» черных людей, которые были мудрее нас и могли призвать такую тень.

Бракстон, нервничая, вглядывался в темный лес, стоявший вокруг стеной, и я знал, что он дрожит от страха, боясь, что негры неожиданно выпалят по нам из темноты. Но вопреки моим опасениям мы не попали в засаду, когда вышли на залитую лунным светом поляну, застроенную срубамии, — вошли в Гошен.

Два ряда бревенчатых срубов, стоящих лицом друг к другу, разделяла пыльная улица. Дворы одного из рядов выходили на берег ручья Туларус. Заднее крыльцо многих домов нависало над черной водой. Ничто не двигалось в лунном свете. В Гошене не горело ни огонька. Из глиняных труб срубов не вился дым. Это был мертвый город, пустынный и заброшенный.

— Ловушка! — прошипел Бракстон. Его глаза превратились в сверкающие щелки. Он крался вперед, как пантера, и пистолеты были у него в руках. — Нигтеры поджидают нас в хижинах!

Ругаясь, последовал он за мной, когда я широким шагом зашагал по улице. Я не обращал внимания на молчаливые хижины. Я знал, что Гошен пуст. Я чувствовал это. Однако меня не покидала уверенность в том, что кто-то следит за нами. Я и не пытался убедить себя в обратном.

— Они ушли, — нервничая, прошептал Бракстон. — Я не чувствую их запаха. Я всегда чую запах ниггеров, если их много и если они поблизости. Ты говорил, что они отправятся в рейд на Гримсвилль?

— Нет, — прошептал я. — Сейчас все они в Доме Дамбалаха.

Он бросил на меня быстрый взгляд:

— Это кусочек земли на берегу Туларуса в трех милях к западу отсюда. Мой дед рассказывал мне об этом месте. В прошлом, во времена рабства, ниггеры держали там своих языческих шаманов. Ты не... Кирби... ты...

— Послушай! — Я стер ледяной пот со своего лица. — Послушай!

Через черный лес едва различимым шепотом на ветру, скользя вдоль затянутых тенями берегов Туларуса, доносился до нас бой барабанов.

Бракстон задрожал.

— Все правильно, это они. Но ради Бога, Кирби... посмотри!

С проклятием метнулся он к дому на берегу ручья. Я был позади него и лишь мельком разглядел черную неуклюжую фигуру, спускающуюся по берегу к воде. Бракстон нацелил длинный пистолет, потом опустил его и разразился проклятиями. Существо со слабым всплеском исчезло. По сверкающей черной поверхности пошла рябь.

— Что это было? — спросил я.

— Ниггер, ползающий на четвереньках! — выругался Бракстон. Его лицо в лунном свете было странно бледным. — Он прятался за хижинами, следил за нами!

— Это, должно быть, аллигатор. — Что за таинственная штука — человеческий разум! Я спорил со здравомыслием и логикой. Я — жертва лежащего за гранью реального и логики. — Ниггер вынырнул бы, чтобы глотнуть воздуха.

— Он проплыл под водой и вынырнул в тени у берега, там, где мы его не заметим, — возразил Брак-

стон.— Теперь он отправится предупредить Саула Старка.

— Недумаю! — Снова задрожала жилка у меня на виске. Рев пенящейся воды неодолимо захлестнул меня.— Я пойду... через болото. Последний раз говорю тебе, возвращайся!

— Нет! В своем ты уме или совсем спятил, но я пойду с тобой!

Ритм барабанов был неровным. Чем ближе мы подходили, тем отчетливей он становился. Мы боролись с густой растительностью джунглей. Запутанные лианы пытались остановить нас. Наши сапоги тонули в пенистой грязи. Мы вышли на окраины болот. Ноги проваливались все глубже, а заросли становились все гуще, пока мы пробирались по необитаемым болотам, в нескольких милях к западу от того места, где Туларус впадал в Черную реку.

Луна еще не села. Черные тени лежали под переплетением ветвей, с которых свисали мшистые бороны. Мы ступили в первый ручей, который должны были пересечь. Это был один из грязевых потоков, впадающих в Туларус. Вода в нем доходила лишь до бедер. Поросшее мхом дно казалось неестественно твердым. Сапогом нащупал я край подводной ямы и предупредил Бракстона:

— Осторожно, здесь глубокая яма. Держись прямо за мной.

Ответ его был неразборчивым. Дышал он тяжело, стараясь держаться прямо за мной. Добравшись до крутого берега, я вскарабкался вверх по грязи, цепляясь за корни. Вода позади меня взволновалась. Бракстон что-то неразборчиво закричал и поспешно вылез на берег, едва не опрокинув меня. Я обернулся. Пистолет сразу оказался у меня в руке.

— Черт возьми, что случилось, Джим?

— Кто-то схватил меня за ногу! — задыхаясь сказал он.— В той глубокой яме. Я вырвался и помчался на берег. Я тебе скажу, Кирби, это — та тварь, что выслеживала нас. Чудовище, плавающее под водой.

— Значит, это ниггер. Они плавают, как рыбы. Может, он подплыл под водой и попытался утопить тебя?

Бракстон покачал головой, глядя в черную воду. В руке его тоже был пистолет.

— Он пах, словно ниггер. Более того, я скажу, он выглядел, словно ниггер. Но мне показалось, что это не человек.

— Ладно. Значит, это был аллигатор, — отсутствующим голосом пробормотал я, отворачиваясь. Как всегда, когда я останавливался, рев властных, не допускающих возражения рск становился столь нестерпимым, что я едва не терял сознание.

Бракстон зашлепал за мной, ничего не сказав. Пеннистая грязь доходила нам до лодыжек. Мы перелезали через обросшие мхом поваленные стволы кипарисов. Впереди неясно замаячил другой ручей, еще шире, и Бракстон взял меня за руку.

— Не ходи дальше, Кирби! — задыхаясь, прошептал он. — Если мы снова войдем в воду, эта тварь наверняка нас утащит.

— Так кто же это?

— Я не знаю. Она нырнула с берега в Гошене. Та же тварь схватила меня в том ручье. Кирби, давай повернем назад.

— Повернем назад? — Я горько рассмеялся. — Хотел бы я, если б мог. Или Саул Старк, или я — кто-то должен умереть до рассвета.

Мой спутник облизал сухие губы и прошептал:

— Тогда пойдем. Я с тобой, и пусть мы попадем в рай или в ад. — Он засунул пистолет обратно в кобуру и вытащил из сапога длинный нож. — Пошли!

Я спустился по скользкому берегу и плюхнулся в воду, которая дошла мне до лодыжек. Неясно вырисовывавшиеся ветви кипарисов образовывали над водой обросшие мхом арки. Вода была черной. Бракстон, казавшийся пятном, шел позади меня. С трудом выбрался я на мель на противоположном берегу и подожд-

дал, стоя по колено в воде, повернувшись и глядя на Джима Бракстона.

Все случилось в один миг. Я увидел, как Бракстон резко остановился, глядя на что-то на берегу у себя за спиной. Он закричал, выхватил пистолет и выстрелил, только когда я повернулся. Во вспышке выстрела я разглядел гибкую тень, мотнувшуюся назад. Коричневое, дьявольски искаженное лицо. Потом, после ослепляющей вспышки выстрела, Джим Бракстон снова закричал.

Зрение и рассудок мой на мгновение прояснились, и я увидел, как вспенилась грязная вода. Что-то округлое, черное вынырнуло из воды рядом с Джимом... а потом Бракстон надрывно завопил и рухнул со всплеском, неистово молотя руками по воде. С бессвязными криками я прыгнул в ручей, споткнулся и упал на колени, едва не окунувшись с головой. Вынырнув, я увидел голову Бракстона, залитую кровью, на мгновение появившуюся над поверхностью. Я рванулся к нему. Но голова Бракстона исчезла, а на ее месте появилась голова кого-то другого — черная голова. Я яростно ударил ее, но мой нож рассек лишь воду, потому что мгновением раньше тварь исчезла.

Я крутанулся, так как удар пришелся на пустое место, а когда восстановил равновесие, никого уже не было. Я позвал Джима, но не получил ответа. Холодная рука страха сжала мою душу. Я выбрался на берег, мокрый и дрожащий. Оказавшись на мелководье, где воды было не выше чем по колено, я подождал, хоть и не знал чего. Но потом, ниже по течению, неподалеку, я заметил какой-то большой предмет, лежащий на мелководье у берега.

Я прошел к нему по липкой грязи, цепляясь за лианы. Это был Джим Бракстон, и он был мертв. На голове у него не было ни одной раны, которая могла бы стать смертельной. Возможно, когда его утащили под воду, он ударился о камень. Но следы пальцев душителя черными пятнами проступили у него на шее. При

виде этих следов ужас охватил меня. Ни одни человеческие руки не могли оставить таких следов.

Я видел голову, поднявшуюся над водой, голову, которая выглядела, как голова негра, хоть черты лица в темноте было не рассмотреть. Но ни один человек, будь он белым или черным, не смог бы вот так убить Джима Бракстона. Мне показалось, что в отдаленном бое барабанов слышится насмешка.

Я вытащил тело на берег и там оставил его. Больше я не мог здесь оставаться, потому что безумие снова вскипело в моей голове, подгоняя меня раскаленными шпорами. Но, выбравшись на берег, я обнаружил, что кусты испачканы кровью, и был потрясен, поняв, что это означает.

Я помнил фигуру, которая качнулась в свете выстрела пистолета Бракстона. Это она ждала меня на берегу, потом... да нет, никакая это не иллюзия, — девушка из плоти и крови! Бракстон выстрелил и ранил ее. Но рана оказалась не смертельной, потому что в кустах я не нашел никакого трупа и мрачные силы гипноза, тащившие меня все дальше и дальше, ничуть не ослабли. У меня голова пошла кругом, когда я понял, что колдунью можно убить, как обычную смертную.

Луна скрылась за горизонтом. Слабый свет едва проникал сквозь тесно переплетенные ветви. Ни один широкий ручей больше не преграждал мне путь, только узкие ручейки, через которые я торопливо перебирался. Правда, я считал, что на меня не нападут. Дважды обитатель ручьев появлялся и, игнорируя меня, нападал на моего спутника. С ледяным отчаянием понял я, что избавлен от такой зловещей участи. В любом ручье, через который я перебирался, могло прятаться чудовище, убившее Джима Бракстона. Все эти ручьи соединялись в единую водяную сеть. Твари легко было бы последовать за мной. Но я боялся твари намного меньше, чем колдовства, рожденного в джунглях и заставившегося в глазах колдуни.

Пробираясь через заросли, я все время слышал впереди ритмичный демонически-насмешливый бой барабанов, который становился все громче и громче. Потом человеческий голос прибавился к его бормотанию. Долгий крик ужаса и агонии проник во все фибры моего тела и заставил меня содрогнуться. Я почувствовал симпатию к несчастному. Пот заструился по моей липкой коже. Вскоре я и сам буду так кричать, когда меня подвергнут неведомым пыткам. Но я по-прежнему шел вперед. Мои ноги двигались автоматически, отдельно от тела, управляемые не мною, а кем-то другим.

Бой барабанов стал громче, и впереди, среди черных деревьев, замерцал огонь. Теперь, согнувшись среди ветвей, я смог разглядеть кошмарную сцену, от которой отделял меня широкий черный ручей. Я остановился, повинувшись тому же принуждению, что привело меня сюда. Смутно я понимал, что это сделано для того, чтобы я вкусил ужаса, а пока время моего выхода еще не настало. Когда оно придет, меня позовут.

Низкий, поросший деревьями полуостров почти разделял черный ручей надвое и был соединен с противоположным берегом узкой полоской земли. На его нижнем конце ручей превращался в сеть протоков, выющихся среди мелких островков, гнилых бревен и поросших мхом, увитых лианами групп деревьев. Прямо напротив моего убежища берег островка чуть отступал, обрываясь над глубокой, черной водой. Обросшие мхом деревья стеной стояли вокруг маленькой прогалины, отчасти скрывая хижину. Между хижинкой и берегом сверхъестественным зеленым пламенем горел костер. Языки огня извивались, словно змеиные языки. Несколько дюжин черных сидело на корточках в тени нависших деревьев. Зеленый свет, высвечивая их лица, делал их похожими на утопленников.

Посреди поляны, словно статуя из черного мрамора, стоял гигантский негр. На нем были оборванные штаны, на голове его сверкала золотая лента с огром-

ной красной драгоценностью. На ногах — сандалии варварского фасона. Черты его лица казались не менее впечатляющими, чем его тело. Он выглядел истинным ниггером: вывернутые ноздри, толстые губы, черная, как эбонит, кожа. Я понял, что передо мной Саул Старк — колдун.

Саул Старк смотрел на что-то, лежавшее перед ним на песке, что-то темное и массивное, что слабо постанывало. Потом, подняв голову, он отвернулся и звонким голосом закричал. От черных, жмущихся под деревьями, раздался ответ — словно ветер с воем пронесся среди ночных деревьев. И призыв, и ответ прозвучали на незнакомом языке — гортанным, примитивном.

Снова Старк позвал, в этот раз странный, высокий вой был ему ответом. Дрожащий вздох сорвался с уст черного народа. Глаза всех ниггеров не отрываясь следили за черной водой. И вот что-то стало медленно подниматься из глубин. Неожиданно меня затрясло. Из воды высунулась голова негра. Потом одна за другой появились остальные — и вот уже пять голов торчало из черной воды в тени кипарисов. Это могли быть обычные негры, сидящие по горло в воде, но я знал, что тут что-то не так. У меня на глазах происходило что-то дьявольское. Молчание высунувшихся из воды черномазых, застывшие позы и все остальное выглядело слишком неестественно. В тени деревьев истерически заплакала женщина.

Тогда Саул Старк поднял руки, и пять голов безмолвно исчезли. Словно шепот призрака, донесся до меня голос африканского колдуна:

— Он бросил их в болото!

Могучий голос Старка разнесся над узкой полосой воды.

— А теперь Танец Черепа усилит нашу молитву! Ведьма мне говорила: «Спрятавшись среди деревьев, ты будешь смотреть Танец Черепа.

Барабаны ударили снова, рычащие и громыхающие. Сидя на коленях, черные раскачивались, распе-

вая песню без слов. Саул Старк стал вышагивать в такт барабанному бою вокруг фигуры, лежащей на песке. Его руки выделяли загадочные пассы. Потом он повернулся и встал лицом к другому концу поляны. Выхватив из темноты усмехающийся человеческий череп, он бросил его на влажный песок рядом с телом.

— Невеста Дамбалаха! — прогремел голос Саула Старка. — Жертва ждет!

Наступила пауза ожидания. Песнопение смолкло. Все устались на дальний конец прогалины. Старк стоял, выжидая. Я видел, как он нахмурился, словно недоумевая. Когда же он повторил зов, квартеронка появилась среди теней.

При взгляде на нее меня охватила холодная дрожь. Мгновение девушка стояла не шевелясь. Отсветы пламени играли на ее золотых украшениях. Но голова ее свесилась на грудь. Стояла напряженная тишина. Я увидел, как Саул Старк внимательно осматривает девушку. Казалось, она была бесстрастной, однако стояла в стороне, в отдалении, странно склонив голову.

Потом, словно проснувшись, она начала раскачиваться в дергающемся ритме, закрутилась в замысловатом танце, который был древнее океанов, утопивших черных королей Атлантиды. Я не могу его описать. Бесовскими и дьявольскими были ее движения — крутящийся, вращающийся вихрь поз и жестов, которые исполняли танцовщицы фараонов. И брошенный Саулом череп танцевал вместе с ней — подпрыгивал и метался по песку. Он подскакивал и крутился, словно живая тварь, одновременно с каждым прыжком и кульбитом танцовщицы.

Но что-то пошло у них не так, как надо. Я это почувствовал. Руки квартеронки вяло висели, ее опущенная голова раскачивалась из стороны в сторону. Ноги ее подгибались и ступали неуверенно, заставляя тело крениться и выпадать из ритма. Черные люди стали перешептываться. Недоумение было написано на лице Саула Старка. Все, казалось, повисло на волоске. Лю-

бое мельчайшее изменение ритуала могло разорвать всю паутину заклятий.

Что до меня, то, пока я наблюдал страшный танец, по мне градом катился холодный пот. Невидимые кандалы, которыми сковала меня эта теперь кружащаяся по спирали женщина-дьявол, душили меня. Я знал, что танец приближается к апогею. Потом колдунья вызовет меня из укрытия, заставит пройти через черную воду в Дом Дамбалаха, к своей смерти.

Потом она повернулась, плавно замедляя движения, и, когда остановилась, удерживая равновесие на носочках, ее лицо оказалось повернутым ко мне. Я понял, что она видит меня так же отчетливо, как если бы я стоял на открытом месте. Понял я также, что лишь она одна знает о моем присутствии. Я почувствовал себя словно на краю бездны. Девушка подняла голову, и я даже на таком расстоянии увидел, как пылают ее глаза. Ее лицо превратилось в маску триумфа. Медленно подняла она руку, и я почувствовал, как, подчиняясь ее животному магнетизму, начали подергиваться мои ноги и руки. Она открыла рот...

Но из ее рта вырвалось лишь сдавленное бульканье, и неожиданно ее губы окрасились красным. Колени ее внезапно подогнулись, и она повалилась ничком на песок.

Когда она упала, я тоже упал, утонув в грязи. Что-то взорвалось у меня в голове, обдав племенем. А потом я сидел среди деревьев, слабый и дрожащий. Я не представлял, что человек может чувствовать такую легкость в конечностях. Черные заклятия, сковывавшие меня, были разорваны. Грязное чародейство отпустило мою душу. Мне показалось, молния разорвала тьму, которая была много чернее африканской ночи.

Когда девушка упала, нигтеры пронзительно закричали и вскочили на ноги, дрожа, словно в лихорадке. Я видел, как сверкали белки их глаз и зубы, ослепленные в улыбках страха. Саул Старк воздействовал на их примитивную природу, доводя их до безумия,

желая повернуть их бешенство против белых во время битвы. Как легко их жажда крови превратилась в ужас. Старк резко закричал на своих ниггеров.

Но девушка в последнем конвульсивном движении перевернулась на влажном песке, и между ее грудями открылось до сих пор сочащееся кровью отверстие от пулевой пули. Оказывается, пуля Джима Бракстона нашла-таки свою цель.

Вот тогда я впервые почувствовал, что эта колдунья не совсем человек. Дух черных джунглей владел ею, придавая невероятную, сверхъестественную живучесть, чтобы она смогла закончить свой танец. Она ведь говорила, что ни смерть, ни ад не помешают ей исполнить Танец Черепа. И после того, как пуля убила ее, пробив сердце, она пробиралась через болота от ручья, где ее смертельно ранили, в Дом Дамбалаха. И Танец Черепа она танцевала уже мертвой.

Ошеломленный, как осужденный, получивший помилование, в первую очередь я пытался понять значение сцены, которая теперь разыгрывалась предо мной.

Черные были в бешенстве. Во внезапной и необъяснимой для них смерти колдуньи они увидели ужасное предзнаменование. Они не знали, что колдунья уже была мертвой, когда вышла на поляну. Они считали, что их вещунья и священница, свалившаяся мертвой у всех на глазах, была поражена невидимой смертью. Такая магия выглядела зловещей, чем колдовство Саула Старка — и, очевидно, была направленной против черного народа.

Ниггеры стали метаться, словно насмерть испуганный скот. Завывая, крича, рыдая, один за другим они продирались сквозь стену деревьев, направляясь к перешейку. Саул Старк стоял пригвожденный к месту, не обращая внимания на своих подданных, но внимательно рассматривая девушку, уже окончательно мертвую. Неожиданно я пришел в себя, и вместе с пробуждением меня охватила холодная ярость и желание убивать. Я вытащил пистолет, прицелился в неровном

свете костра и потянул курок. Раздался щелчок. Порох в моих пистолетах, заряжавшихся со ствола, был мокрым.

Саул Старк поднял голову и облизал губы. Звуки убегающей толпы стихли вдалеке, и теперь он один стоял на поляне. Его взгляд шарил по черным деревьям, среди которых я прятался. Белки глаз колдуна сверкали. Он согнулся, подхватил нечто, напоминавшее человека (то, что лежало на песке), и потащил в хижину. Как только Старк исчез, я направился к острову, переходя вброд протоки в нижней его части. Я почти достиг берега, когда бревно плавуна выскользнуло из-под ноги и я соскользнул в глубокий омут.

Немедленно вода вокруг меня забурлила, и рядом со мной из воды поднялась голова. Едва различимое лицо оказалось неподалеку от моего. Это было лицо негра — лицо Танка Биксби. Но теперь оно стало нечеловеческим — невыразительным и бездушным. Лицо существа, которое больше не было человеком и уже не помнило о своем человеческом происхождении.

Грязные уродливые пальцы сжали мое горло, и я вогнал свой нож в перекошенный рот. Лицо нигтера омыл поток крови. Тварь безмолвно исчезла под водой, а я выкарабкался на берег в густые заросли кустов.

Старк выбежал из хижины с пистолетом в руке. Он дико оглядывался, встревоженный шумом, который услышал, но я знал, что он не видит меня. Его пепельная кожа сверкала от пота. Он, тот, кто правил при помощи страха, теперь сам стал его жертвой и боялся неведомой руки, которая сразила его госпожу; боялся негров, которые убежали от него; боялся бездонных болот, окружавших его со всех сторон, и чудовищ, которых сам же создал. Саул Старк издал нечеловеческий вопль. Голос его дрожал от страха. Он позвал снова, и только четыре головы высунулись из воды. Снова и снова звал он, но тщетно.

Четыре головы заскользили к нему, и четыре фигуры выбрались на берег. Саул Старк застрелил своих

созданий одного за другим. Чудовища даже не пытались увернуться от пуль. Они шли прямо на своего создателя и падали один за другим. Он выстрелил шесть раз, прежде чем упало последнее чудовище. Выстрелы скрыли треск кустов, через которые я продирался. Я был рядом, у него за спиной, когда Саул Старк повернулся.

Я понял — он узнал меня. Это было написано у него на лице. И вместе с осознанием того, что ему придется иметь дело с живым существом, исчез и его страх. С криком швырнул он в меня разряженный пистолет и ринулся вперед, подняв нож.

Нырнув, я парировал его удар и нанес контрудар ему под ребра. Он поймал и сжал мое запястье. Мы сцепились. Его глаза сверкали в звездном свете, как у безумного пса, его мускулы натянулись, словно стальные канаты.

Я обрушил каблук сапога на его босую ногу, дробя кости. Он взвыл и потерял равновесие. Я, выхватив освободившейся рукой свой нож, вонзил его в живот ниггеру. Хлынула кровь, но Саул Старк потащил меня за собой на землю. Рванувшись, я освободился и поднялся, но мой противник, приподнявшись на локте, метнул нож. Стальной клинок просвистел у меня над ухом. И тогда я ударил ниггера ногой в грудь. Опьяненный кровью, я опустился на колени и перерезал ему горло от уха до уха.

У ниггера за поясом я нашел мешочек с порохом. Прежде чем пойти дальше, я перезарядил свои пистолеты. Потом, вооружившись факелом, я зашел в хижину.

И тогда я понял, какую судьбу уготовила мне коричневая колдунья. Постановывая, на койке лежал Топ Сарлей. Колдовство, которое должно было превратить его в бездумное, бездушное существо, обитающее в воде, было не завершено, но бедный Топ уже сошел с ума. Произошли и некоторые физические изменения... Но каким образом это безбожное колдовство выбралось из черных африканских бездн, я и знать не

хотел. Тело нигтера округлилось и вытянулось. Его ноги стали короче, ступни — более плоскими и широкими, пальцы — ужасно длинными. И между ними появились перепонки! Шея его была теперь на несколько дюймов длинней, чем раньше. Черты лица не изменились, но выражение его стало даже более нечеловеческим, чем у рыбы. И тогда, помня о Джиме Бракстоне, отдавшем за меня жизнь, я приложил дуло пистолета к голове Топа и нажал курок, оказав ему эту суровую милость.

Кошмар кончился. Но я не закончил страшный рассказ. Белые люди Канаана не нашли на острове ничего, кроме тел Саула Старка и коричневой девушки. Они решили, что в тот день болотные нигтеры убили Джима Бракстона, после того как он покончил с коричневой ведьмой, а я разобрался с Саулом Старком. Я сделал все, чтобы все белые так думали. Они никогда не узнают о теньях, которые прятали воды Туларуса. Этот секрет я поделил с испуганными черными обитателями Гошена, и ни они, ни я никогда никому не расскажем об этом.

ЛУНА ЗАМБИВВЕ

ГЛАВА 1

УЖАС СРЕДИ СОСЕН

Тишина укутала лес, так же как широкий плащ — плечи Бристола Макграта. Черные тени казались замершими, неподвижными, словно придавленными весом сверхъестественного, обрушившегося на этот отдаленный уголок мира. Детские страхи зашевелились в дальних уголках памяти Макграта, потому что он родился среди этих сосновых лесов. И три года скитаний не развеяли его страхов. Страшные истории, от которых он дрожал, когда был ребенком, снова всплыли из глубин памяти — истории о черных тенях, бродящих по полянам после полуночи...

Проклиная воспоминания детства, Макграт ускорил шаг. Едва различимая тропинка извивалась меж плотных стен деревьев. Не удивительно, что в деревне у реки он не смог никого нанять в проводники до поместья Боллвилл. По такой тропинке повозка не проехала бы из-за гнилых пней и новой поросли. А впереди был поворот.

Макграт резко остановился, замер. Тишину леса нарушил звук, от которого у Макграта побежали мурашки по телу. Ведь звук-то этот был не чем иным, как стоном умирающего человека. Только одно мгновение медлил Макграт. Потом он бесшумно, пригнувшись, словно изготовившаяся к прыжку пантера, приблизилась к повороту.

Словно по мановению волшебной палочки, в руке его появился отливающий синевой курносый револьвер. Другой рукой он непроизвольно сжал в кармане клочок бумаги, по милости которого и очутился в этом сумрачном лесу. Это было таинственное послание — просьба о помощи. И на ней стояла подпись заклятого врага Макграта. А еще там говорилось о давным-давно мертвой женщине.

Макграт проскочил поворот тропинки. Каждый нерв его был натянут. Макграт держался настороже, ожидая чего угодно... кроме того, что увидел на самом деле. Его испуганный взгляд на мгновение замер на страшном зрелище, а потом метнулся вдоль стены леса. Ни одна ветка не шелохнулась. В дюжине футов впереди дорожка исчезала в призрачной полутьме. Там мог затаиться кто угодно. Но Макграт все-таки опустился на колени возле человека, лежащего на тропе.

Человек был распят. Ноги и руки его оказались привязаны к четырем колышкам, глубоко вбитым в твердую землю. Распятый был чернобородым, смуглым человеком с крючковатым носом.

— Ахмед? — пробормотал Макграт. — Слуга-араб Болвилла! Боже!

Глаза араба уже остекленели. Человека послабее Макграта могло бы вытошнить при виде ран на теле слуги. Макграт распознал работу мастера пыток. Однако искра жизни до сих пор трепетала в крепком теле араба. Взгляд серых глаз Макграта стал суровым, когда он понял, как уложили убийцы тело жертвы, и мысленно перенесся в загадочные джунгли, где вот так же на тропинке был привязан к колышкам полуосвеже-

ванный чернокожий как предупреждение белым людям, которые посмели вторгнуться в запретные земли.

Макграт перерезал веревки, уложив умирающего поудобнее. Это было все, что он мог сделать. Макграт увидел, как на мгновение кровавая пелена спала с глаз слуги, понял, что араб узнал его. Ручейки кровавой пены поползли по спутанной бороде. Губы умирающего беззвучно задрожали, и Макграт увидел обрубок вырванного языка.

Пальцы араба стали царапать пыль. Они тряслись, сжимались, но двигались с определенной целью. Макграт пододвинулся ближе, заинтересовавшись, и разглядел неровные линии, которые чертили на земле дрожащие пальцы слуги. Последним усилием железной воли араб начертал послание на своем родном языке. Макграт разобрал имя «Ричард Боллвилл». За этим следовало — «опасность», и тут умирающий махнул рукой вдоль тропинки. Потом штрихи сложились в слово (тут Макграт окаменел, потрясенный): «Констанция». Последним предсмертным усилием пальцы араба написали: «Джон де Ал...» Неожиданно окровавленное тело выпнулось в агонии. Тонкая жилистая рука слуги спазматически согнулась и безвольно упала. Ахмед ибн-Сулейман отправился туда, где его не достанет месть и где ему не понадобится прощение.

Макграт поднялся и отряхнул руки, ощущая напряжение и тишину мрачного леса; зная, что никакого слабого ветерка нет в чаще, откуда порой доносятся слабые шорохи. С невольной жалостью Макграт посмотрел на искалеченного человека, хотя знал, каким бездушным человеком был этот араб. Черное зло царило в сердце его, как и у Ричарда Боллвилла. Однако, кажется, этот человек и его хозяин в своих поисках наконец-то столкнулись с человеческой жестокостью им под стать. Но кто же это мог быть? Сотни лет Боллвиллы правили этой частью страны черных. Раньше они владели плантациями и сотнями рабов, потом рабов сменили их покорные потомки. Ричард — пос-

ледный из Боллвиллов — имел над округой такую же власть, как его предок-рабовладелец. Однако из этой страны, где люди столетиями склонялись перед Боллвиллами, раздался леденящий кровь вопль — телеграмма, ныне лежащая в кармане пальто Макграта.

Безмолвие нарушил шелест листьев, более злоеущий, чем любой другой звук.

Макграт понял, что место, где лежало тело Ахмеда, было невидимой чертой, прочерченной для него. Он был не уверен в том, что ему позволят повернуть и возвратиться в мирную, ставшую теперь далекой деревню. Но он знал, что если отправится дальше, то невидимая смерть может неожиданно настигнуть его. Повернувшись, Макграт быстро пошел обратно, той же дорогой, что и пришел.

Он продолжал идти, пока не миновал другой поворот тропинки. Там он остановился, прислушался. Все было тихо. Быстро вытащил он бумажку из кармана, разгладил ее и прочитал снова кривые каракули человека, которого ненавидел больше всего на свете:

Бристол, если ты до сих пор любишь Констанцию Брэнг, то, ради Бога, забудь свою ненависть и приезжай в поместье Боллвилл как можно быстрее.

Ричард Боллвилл

И это было все. Это послание пришло телеграммой в тот далекий западный город, где поселился Макграт, вернувшись из Африки. Он игнорировал бы это послание, если бы не упоминание Констанции Брэнг. Это имя вызвало у Макграта приступ удушья. Сердце его забилось, словно в агонии, заставив со всех ног помчаться в земли, где он родился и вырос. Вначале он ехал на поезде, потом летел на самолете. Он торопился так, словно сам дьявол гнался за ним. В телеграмме было имя женщины, которую он похоронил три года назад, — имя той единственной, которую он любил.

Убрав телеграмму, Бристол сошел с дороги и направился на запад, пробираясь между деревьями. Его

ноги почти бесшумно ступали по ковру сосновых игл. Тем не менее он шел быстро. Не зря ведь он провел свое детство в стране больших сосен.

Макграт отошел на три сотни ярдов от дороги, пока не обнаружил то, что искал, — старую дорогу, идущую параллельно новой. Задушенная молодой порослью, она петляла среди густо растущих сосен и была чуть шире звериной тропы. Макграт знал, что она выходит на задний двор особняка Болвилла, и не верил в то, что тайные наблюдатели станут здесь следить за ним. Откуда им знать, что он помнит о существовании старой дороги?

Макграт почти бесшумно пробирался по тропинке, вслушиваясь в любой звук. В таком лесу нельзя было полагаться лишь на зрение. Особняк, насколько знал Макграт, был теперь не так далеко. Макграт миновал поляны, что некогда (в дни дедушки Ричарда) были полями, перебежал обширные лужайки, которые опоясывали особняк. Правда, последние полсотни лет поля стояли заброшенными. Их отдали во власть наступающему лесу.

Но вот Макграт увидел особняк — солидное строение среди сосен. Одновременно его сердце ушло в пятки, так как крик человека, явно испытывающего сильную боль, прорезал тишину. Макграт не мог сказать, мужчина кричал или женщина, но мысль о том, что это могла быть женщина, заставила его со всех ног броситься к зданию, вырисовывавшемуся за рощей далеко отстоящих друг от друга деревьев.

Молодые сосны вторглись даже на некогда обширные лужайки вокруг дома. Особняк выглядел запущенным. Сарай и дворовые постройки на заднем дворе, где когда-то жили рабы, давно развалились. Сам же особняк возвышался над прогнившими обломками — скрипучими, огромными, полными крыс, готовыми обрушиться при любом удобном случае. Ступая с осторожностью тигра, Бристола Макграт приблизился к окну особняка. Именно из него доносились крики, звуча-

шие оскорблением отфильтрованному деревьями солнечному свету. Страх выполз из дальних уголков разума Макграта.

Боясь того, что он может там найти, Макграт заглянул в окно.

ГЛАВА 2

ЖЕРТВА

Макграт заглянул в огромную пыльную комнату, которая до гражданской войны могла бы служить танцевальной залой. Ныне ее высокие потолки затянула паутина. Толстые деревянные панели потемнели и покрылись пятнами. Но в огромном камине горел огонь — маленький, но достаточно жаркий, чтобы раскалить добела тонкие стальные прутья, воткнутые в углы.

Лишь мгновение Бристол Макграт смотрел на пламя и прутья, мерцавшие в очаге. Его глаза закрылись, словно он был околдован видом хозяина особняка. Потом он снова взглянул на умирающего человека.

К отделанной панелями стене была приколочена тяжелая балка, а к ней — грубая крестовина. На импровизированном кресте, привязанный за запястья, был подвешен Ричард Боллвилл. Его босые ноги едва касались пола. Измученный, он вытянулся, стоя на носках и пытаясь хоть немного облегчить боль рук. Веревки глубоко врезались в его запястья. Кровавые ручейки протянулись по его рукам. А сами руки почернели и опухли от ожогов. Боллвилл был голым, если не считать штанов, и Макграт увидел, что раскаленное добела железо уже использовали. Это объясняло бледность Боллвилла, капли пота, выступившие на его коже. Только невероятная живучесть позволила ему так долго оставаться в сознании после столь дьявольских ожогов на торсе и руках.

На груди Боллвилла был выжжен любопытный символ. От его вида холодок пробежал вдоль позвоноч-

ника Макграта. Он узнал этот символ, и снова память, пронеся через полмира, вернула его в черные, сумрачные, ужасные джунгли Африки, где у костров били барабаны и обнаженные священники отвратительных культов вычерчивали ужасные символы на трепещущей человеческой плоти.

Между очагом и умирающим человеком сидел на корточках коренастый чернокожий, одетый лишь в изорванные, грязные штаны. Он сидел спиной к окну, и хорошо были видны его могучие плечи. Его вытянутая голова покоилась между этими холмами плоти, словно лягушка, изготовившаяся к прыжку. Негр, казалось, внимательно изучал лицо человека, распятого на кресте.

Налитые кровью глаза Ричарда Боллвилла напоминали глаза измученного животного, но взгляд их был осознанным. Они сверкали, полные жизни. Морщась от боли, Боллвилл поднял голову и обвел взглядом комнату. Макрат инстинктивно отпрянул от окна. Он не знал, увидел его Боллвилл или нет. Но хозяин поместья, даже если и заметил его, ничем не выдал присутствие наблюдателя черномазому чудовищу, которое тщательно изучало свою жертву. Потом черное животное повернуло голову к огню, протянуло длинную, как у обезьяны, лапу к мерцающему железу... Глаза Боллвилла яростно сверкнули. В том, что должно было случиться, невольный свидетель происходящего ничуть не сомневался. Прыжком, словно тигр, взлетел он на подоконник и оказался в комнате. Одновременно негр вскочил, повернувшись с проворством обезьяны.

Макрат не вытаскивал пистолет. Он не хотел рисковать, так как выстрелом мог привлечь внимание других врагов. В руке черномазого оказался нож для разделки мяса, раньше висевший на ремне его изорванных, грязных штанов. Казалось, нож сам, словно живое существо, прыгнул в руку ниггера, когда тот повернулся. В руке Макграта сверкнул изогнутый афганский кинжал, не раз выручавший его во многих битвах.

Зная о преимуществе молниеносной, безжалостной атаки, Макграт не останавливался. Его ноги едва коснулись пола, перед тем как он метнулся на остолбеневшего противника.

Нечленораздельный крик сорвался с толстых красных губ. Зрачки глаз ниггера дико вращались. Нож взлетел, а потом, со свистом разрезая воздух, метнулся вперед с быстротой жалящей кобры. Макграт не ожидал от могучего потрошителя такого проворства.

Но черномазый, нанося удар, непроизвольно отступил назад, и это инстинктивное движение замедлило удар, так что Макграт, изогнувшись, смог избежать его. Длинное лезвие пронеслось под его рукой, разрезав одежду и чуть задев кожу... И одновременно афганский кинжал рассек толстое, бычье горло ниггера.

Крика не последовало, только задыхающееся бульканье. Ниггер упал, обливаясь кровью. Макграт отпрыгнул, словно волк, нанеся врагу смертоносную рану. Равнодушно осмотрел он творение рук своих. Черномазый был мертв. Его голова оказалась наполовину отсечена от туловища. Смертоносный удар, перерезавший горло аж до позвоночника, был излюбленным приемом волосатых жителей холмов, которые охотились среди скал выше Хиберского ущелья. Меньше дюжины бслых людей умело наносить такой удар. Бристал Макграт был одним из них.

Макграт повернулся к Ричарду Боллвилу. Пена капала на обожженную грудь старого недруга Бристола, и кровь струилась с его губ. Макграт испугался, что Боллвил страдает от того же самого увечья, что лишило речи Ахмеда. Но Боллвил молчал, по тому что был не в силах говорить. Макграт перерезал его путы, перенес его на изношенный старый диван. Увитое мускулами тело Боллвила дрожало под руками Макграта словно туго натянутый стальной канат. Освободившись от кляпа, Боллвил заговорил:

— Я знал, что ты придешь! — Он задохнулся, коснувшись дивана обожженной рукой. — Я многие годы ненавидел тебя, но я знал...

Голос Макграта был грубым и резал слух.

— Что ты имел в виду, говоря о Констанции Брэнд? Она же мертва.

Губы Боллвилла скривились в слабой улыбке.

— Нет. Она не мертва! Но вскоре может умереть, если ты не поспешишь. Быстро! Дай мне водки! Она вот там, на столе... этот зверь вроде не все выпил.

Макграт приложил бутылку к его губам. Боллвилл пил жадно. Макграт удивился железным нервам этого человека. Очевидно, ему недолго оставалось жить. Он мог бы кричать от непереносимой боли, но держался и говорил ясно, хотя ему это стоило больших усилий.

— У меня осталось не много времени, — задыхаясь, начал он. — Не перебивай меня. Припаси свои проклятия на потом. Мы оба любили Констанцию Брэнд. Она любила тебя. Три года назад она исчезла. Ее одежду нашли на берегу реки. Ее тело так и не было найдено. Ты отправился в Африку, чтобы заглушить свою печаль. Я вернулся в поместье своих предков и стал вести жизнь затворника... Чего ты не знал... чего никто не знал... что Констанция Брэнд отправилась со мной! Нет, она не утонула... Это я придумал... Три года Констанция Брэнд прожила в этом доме! — Он загадочно усмехнулся. — Ах, ты выглядишь таким ошеломленным, Бристол. Констанция явилась сюда не по своей воле. Она слишком сильно любила тебя. Я украл ее... привез сюда силой, Бристол! — Он повысил голос и почти кричал. — Если ты убьешь меня, то никогда не узнаешь, где она!

Руки взбешенного Бристола Макграта, сжавшиеся на горле Боллвилла, ослабили хватку, во взгляде его налившимся кровью глаз появилось понимание.

— Продолжай, — прошептал он, сам не узнавая собственный голос.

— Тут я не в силах ничего поделать, — выдохнул умирающий. — Она была единственной женщиной, которую я любил... Не смейся, Бристол. Другие не в счет. Я привез ее сюда. Тут я был как король. Девушка не могла убежать, не могла послать весть во внешний мир.

В этих краях живут лишь негры-отщепенцы, потомки рабов моей семьи. Мое слово... было... единственным законом для них... Клянусь, я не причинил девушке никакого вреда, лишь держал ее в заключении, пытаюсь принудить выйти за меня замуж. Я не хотел получить ее ни силой, ни обманом. Я сходил с ума, но ничего с этим поделать не мог. Я ведь из аристократов, которые всегда брали то, что хотели, не признавая ни законов, ни желаний других людей. Ты знаешь. Ты понимаешь меня. Ты и сам такой же... Констанция ненавидела меня, если это как-то утешит тебя... Будь ты проклят! И она была достаточно сильной. Я думал, что в конце концов сломаю ее дух. Но без хлыста я это сделать не мог, а пороть ее не собирался. — Он широко улыбнулся, когда дикое рычание сорвалось с губ Макграта. Глаза гиганта превратились в пылающие угли.

Рассказ утомил Боллвилла. Кровь появилась на его губах. Его улыбка погасла, и он стал поспешно рассказывать дальше.

— Все шло хорошо, пока один дурак не уговорил меня послать за Джоном де Албором. Я познакомился с ним в Вене год назад. Он из Восточной Африки — дьявол в человеческом облики! Он увидел Констанцию... и возжелал ее, как только может возжелать женщину такой мужчина. Когда я наконец понял это, я попытался убить его. Потом я обнаружил, что он сильнее меня. Он стал повелителем моих ниггеров... моих ниггеров, для которых мое слово всегда было законом! Он посвятил их в свой дьявольский культ...

— Буду, — невольно пробормотал Макграт.

— Нет! Буду — лепет младенца рядом с его черной дьявольщиной. Посмотри на символ на моей груди,

который де Албор выжег раскаленным добела железом. Ты был в Африке, ты должен знать клеймо Замбибве... Де Албор повернул моих негров против меня. Вместе с Констанцией и Ахмедом я попытался спастись. Мои черномазые схватили меня. И тогда через человека, сверхъестественно преданного мне, я отправил тебе телеграмму... Но ниггеры заподозрили его и пытали до тех пор, пока он не признался во всем. Джон де Албор принес мне его голову. Перед тем как меня схватили, я спрятал Констанцию там, где никто не сможет найти ее, кроме тебя. Де Албор пытал Ахмеда, пока он не сказал, что я послал за другом девушки, чтобы тот помог нам. Тогда де Албор отправил своих людей на дорогу с тем, чтобы они оставили там Ахмеда как предупреждение тебе, если ты явишься. Я спрятал Констанцию ночью, как раз перед тем, как они схватили меня. Но даже Ахмед не знал где. Де Албор пытал меня, заставляя рассказать.

Рука умирающего сжалась, и глаза его засверкали от неукротимой страсти. Макграт знал, что все попытки ада не смогли бы вырвать секрет с занечатанных губ Боллвилла.

— Это было самое малое, что ты мог сделать, — заметил Макграт. Его голос прозвучал грубо из-за противоречивых чувств. — Из-за тебя я прожил три года в аду... и Констанция тоже. Ты заслуживаешь смерти. И если в этот раз ты не умрешь, то я убью тебя.

— Будь ты проклят! Неужели ты думаешь, что я прошу у тебя прощения? — задыхаясь, пробормотал умирающий. — Я был бы рад, если бы ты страдал. И если бы Констанция не нуждалась в твоей помощи, я бы с удовольствием посмотрел на то, как ты издохнешь... С удовольствием отправил бы тебя в ад. Но достаточно об этом. Де Албор оставил меня на некоторое время, чтобы прогуляться по дороге и убедиться, что Ахмед мертв. А зверь, которого ты убил, напился моего бренди и решил, что будет пытать меня сам... Теперь слушай... Констанция спрятана в Потерянной

Пещере. Ни один человек на Земле не знает о ее существовании, кроме тебя и меня. Давным-давно я установил там железную дверь. Я убил человека, который выполнил эту работу, так что тайна сохранена. Там нет ключа. Ты откроешь ее, нажав определенные заклепки.

Хозяину поместья все труднее и труднее было говорить. Пот струился по его лицу, руки дрожали от напряжения.

— Пошарь пальцами по краю двери, пока не найдешь три заклепки, расположенные треугольником. Увидеть их ты не сможешь. Ты сможешь только нащупать их. Три раза нажми каждую из них, двигаясь по часовой стрелке, описывая круг за кругом. Тогда дверь откроется. Бери Констанцию и беги. Если ты увидишь, что ниггеры настигают вас, пристрели ее! Не дай ей попасть в руки этого черного зверя...

Голос Болвилла поднялся до крика. Пена брызнула с мертвенно-бледных искривленных губ. Ричард Болвилл приподнялся, а потом безжизненно повалился назад. Железная воля, заставлявшая жизнь теплиться в его изуродованном теле, наконец поддалась, лопнула, словно туго натянутая струна.

Макграт посмотрел на неподвижное тело. В голове его бурлил водоворот эмоций. Потом, повернувшись, Макграт внимательно осмотрелся. Каждый нерв его был напряжен. Пистолет будто сам собой оказался в руке.

ГЛАВА 3

ЧЕРНОКОЖИЙ ОБМАНЩИК

В дверях, ведущих в огромный зал, стоял человек — высокий мужчина в странной, восточной одежде. На нем был тюрбан и шелковый халат, подпоясанный пестрым кушаком. На ногах — турецкие шлепанцы. Кожа его казалась не темнее, чем у Макграта, но

черты лица — отчетливо восточные, вопреки очкам, которые он носил.

— Кто ты, дьявол тебя побери? — настороженно спросил Макграт, разглядывая незнакомца.

— Али ибн-Сулейман, эффенди, — ответил тот на безупречном арабском. — Я явился в это дьявольское место по настоянию моего брата — Ахмеда ибн-Сулеймана, чья душа отлетела к пророку. Я был в Новом Орлеане, когда получил письмо. Я поспешил сюда. И, пробираясь через лес, я увидел, как чернокожий тащит труп моего брата к реке. Я пришел сюда в поисках хозяина убийцы моего брата.

Макграт молча указал на мертвеца, как бы спрашивая, его ли имеет в виду араб. Али ибн-Сулейман с почтением кивнул.

— Мой брат любил своего господина, — сказал он. — Я буду мстить за моего брата и его хозяина. Эффенди, я пойду с вами.

— Хорошо, — равнодушно согласился Макграт. Он знал фанатичную преданность арабов; знал, что одной из черт Ахмеда была преданность негодяю, которому он служил. — Следуй за мной!

Последний раз взглянув на хозяина особняка и тело черномазого, вытянувшееся перед ним — словно тело принесенного в жертву, — Макграт оставил зал пыток. «Вот так в таинственном прошлом веке мог умереть один из королей-плантаторов — предков Болвилла, — подумал он. — И так же у его ног лежал бы убитый раб, чей дух станет служить своему господину и на том свете».

Макграт вернулся в заросли, опоясывающие дом. Сосны дремали в полуденной жаре. Араб следовал за ним по пятам. Прислушавшись, Макграт различил отдаленный пульсирующий звук, который неведомо откуда принес слабый ветерок. Словно где-то далеко-далеко били в барабан.

— Пошли! — Макграт широким шагом направился через лабиринт подсобных строений и нырнул в лес,

который поднимался за домом. Тут тоже когда-то были поля, приносившие богатство аристократам Боллвилам. Но уже много лет стояли они заброшенными. Тропинки бесцельно бежали через поднявшуюся на месте полей поросль густо разросшихся деревьев, по которым любому, зашедшему в эти места, сразу становилось ясно, что здешние леса давно забыли о топоре дровосека. Макграт высматривал дорогу. Он хорошо помнил свое детство. Эти воспоминания, хоть и заслоненные другими событиями, хорошо отпечатались в памяти Макграта. Наконец он нашел дорожку, которую искал, — едва различимую тропинку, вьющуюся между деревьев.

Они вынуждены были идти гуськом. Ветки рвали их одежды, ноги тонули в ковре опавшей хвои. Местность постепенно понижалась. Сосны сменили кипарисы, задушенные подлеском. Пенные лужи застоявшейся воды сверкали у подножия деревьев. Квакали лягушки. Над головами путников с безумной настойчивостью пели москиты. Снова отдаленный гул барабанов поплыл над хвойными лесами.

Макграт стер капли пота со лба. Эти удары барабанов пробуждали воспоминания, удачно подходящие к его нынешнему мрачному окружению. Мысли Макграта вернулись к ужасному знаку, выжженному на груди Ричарда Боллвила. Хозяин поместья предполагал, что он, Макграт, знает значение этого символа. Но он не знал, Макграт знал лишь то, что такой знак возвещает о черном ужасе и безумии, но о точном смысле его даже не догадывался. Только один раз раньше видел он этот символ в ужасной стране Замбибве, куда рискнуло пробраться несколько белых людей, но откуда только один из них вернулся живым. Этим человеком и был Бристол Макграт. Он стал единственным белым, проникнувшим в эти бескрайние джунгли и черные болота и вернувшимся обратно. Но даже и он не смог пробраться в затерянное королевство черномазых, чтобы доказать или развеять ужасные истории,

которые шепотом рассказывали местные жители, истории о древнем культе, сохранившемся с доисторических времен, истории о поклонении чудовищам, чье существование нарушало законы природы. Слишком мало увидел Макграт в тех джунглях, но и то, что он увидел, заставляло его дрожать от ужаса. До сих пор воспоминания о том путешествии кровавыми кошмарами возвращались в его сны.

Ни одним словом не обменялись мужчины с тех пор, как оставили особняк. Макграт пробирался по заросшей дорожке. Толстая, не слишком длинная болотная змея выскользнула из-под его ног и исчезла. Где-то неподалеку была вода. Еще несколько шагов — и путники оказались на берегу болота, от которого исходили запахи гниющих растений. Кипарисы затеняли его зеленую гладь. Тропинка заканчивалась на краю болота, которое вытянулось, насколько хватало глаз, теряясь в сумрачной дымке.

— Что дальше, эффенди? — спросил Али. — Мы пойдем через болото?

— Это — бездонная трясица, — ответил Макграт. — Попытаться перейти его — самоубийство. Даже ниггеры сосновых лесов никогда не пробовали перебраться через него. Но есть дорога, по которой можно добраться до холма, возвышающегося в сердце этих топей. Вон этот холм. Видишь, там, за кипарисами? Много лет назад, когда я и Болвилл были мальчиками... и друзьями... мы нашли старую-старую индейскую тропу — тайную, затопленную болотом дорогу, которая вела на этот холм. В этом холме есть пещера, и там томится женщина. Я пойду туда. Ты пойдешь со мной или останешься здесь? Это опасное путешествие.

— Я пойду, эффенди, — ответил араб.

Макграт с уважением кивнул и начал изучать деревья, стоявшие вокруг. Наконец он нашел то, что искал — слабую отметку на огромном кипарисе — едва различимую, почти заросшую зарубку. Он смело шагнул в болото рядом с этим деревом. Давным-давно

Макграт сам оставил эту зарубку. Сапоги Макграта по щиколотку, но не глубже, погрузились в пенную воду. Он стоял на плоской скале или, скорее, на груде огромных камней, спрятанной под застоявшейся водой. Направившись к искривленному кипарису, росшему далеко от берега, Макграт двинулся по болоту. Он осторожно шагал по камням, скрытым под темной водой. Али ибн-Сулейман следовал за ним, повторяя каждое его движение.

Они прошли по болоту, следуя вдоль деревьев с зарубками, которые служили своего рода вехами. Макграт снова удивился древним строителям, проложившим дорогу из огромных валунов так далеко в глубь болота. Такая громадная работа требовала немало инженерного искусства. Почему индейцы построили дорогу к Затерянному острову? Определенно, остров и пещера имели для краснокожих некое религиозное значение. А может, индейцы прятались там, когда на них нападали враги?

Путешествие через болото оказалось долгим. Остутиться значило окунуться в болотную тину, в предательскую грязь, которая могла засосать человека. Впереди поднимался остров, окруженный поясом растительности, — маленький холмик среди бескрайних болот. Сквозь листву проглядывала скала, отвесно вздымавшаяся над берегом на пятьдесят или шестьдесят футов. Цельный кусок гранита возвышался над плоским берегом. На вершине скалы ничего не росло.

Макграт побледнел. Он прерывисто дышал. Когда они добрались до кольца растительности, окружавшего скалу, Али, с сочувствием глядя на своего спутника, вытащил из кармана флягу.

— Эффенди, выпейте немного бренди, — настоятельно предложил он, словно для примера приложившись губами к горлышку фляги. — Это вам поможет.

Макграт знал: Али думает, что такое его состояние — результат усталости. Но на самом деле Макграт ничуть не устал. Внутри него бушевали чувства — он

думал о Констанции Брэнд, чей прекрасный образ преследовал его в беспокойных снах три страшных года. Сделав большой глоток, Макграт даже не почувствовал вкуса бренди. Он вернул фляжку:

— Пойдем?

Сердце его учащенно забилось, вторя гулу далеких барабанов, когда он стал пробираться сквозь заросли к подножию утеса. На серой скале, скрытой зеленой массой, обозначился вход в пещеру. Точно таким же увидел его Макграт много лет назад, когда вместе с Ричардом Боллвиллом впервые пробрался на остров. Макграт стал продираться ко входу в пещеру среди лиан и ветвей деревьев. Дыхание его замерло, когда он разглядел тяжелую металлическую дверь, закрывающую узкий ход в гранитной стене...

Пальцы Макграта задрожали, когда он провел ими по металлу. За спиной у него тяжело дышал Али. Часть возбуждения белого человека передалась арабу. Макграт нащупал три клепки, образовавшие треугольник — небольшие незаметные выпуклости. Пытаясь держать себя в руках, Макграт надавил, как говорил ему Боллвилл, и почувствовал, как слегка подалась дверь при третьем прикосновении. Потом, затаив дыхание, он схватился за ручку, приваренную в центре двери, и потянул. Плавно двигаясь в смазанных петлях, дверь открылась.

Путники заглянули в широкий туннель, заканчивающийся другой дверью — решеткой со стальными прутьями. Туннель не был темным. Он выглядел чистым и уютным. В потолке были проделаны отверстия для освещения. Дыры закрывали специальные экраны, чтобы не допускать в пещеру насекомых и рептилий. Но за решеткой Макграт увидел то, что заставило его рвануться вперед. Сердце его едва не вырвалось из груди. Али последовал за ним.

Дверь-решетка не была заперта. Она распахнулась. Макграт застыл неподвижно, почти парализованный вспышкой чувств.

Его глаза ослепил золотой блеск: солнечный луч, проскользнув вниз под углом через одно из отверстий в каменной крыше, ярко вспыхнул на великолепной копне золотистых волос, ниспадавших на белые руки. Они служили подушкой прекрасной головке, покоящейся на резном дубовом столе.

— Констанция! — Страстный, завывающий крик сорвался с мертвенно-бледных губ Макграта.

Эхо подхватило его крик. Девушка подняла голову. Она выглядела удивленной. Руки ее метнулись к вискам. Сверкающие волосы заструились по плечам. У Макграта закружилась голова. Ему показалось, что девушка плывет в ореоле золотого света.

— Бристол! Бристол Макграт! — эхом ответила она ему страстно и недоверчиво. Потом Констанция оказалась в его объятиях. Она тоже сжала Макграта — так, словно боялась, что он призрак и может исчезнуть.

На мгновение для Бристола Макграта окружающий мир исчез. Он стал слеп, мертв и ничего не чувствовал. Его разум воспринимал лишь женщину, оказавшуюся в его объятиях. Он утонул в ее объятиях, наслаждаясь ее ароматом. Он оцепенел, ошеломленный воплощением в реальность несбыточной мечты, от которой давно отказался.

Снова обретя способность логично мыслить, Макграт встряхнулся, словно человек, вышедший из транса, и огляделся с глупым видом. Он находился в обширном помещении, вырезанном в твердой скале. Как и туннель, оно освещалось через отверстия в потолке. Воздух был свежим и чистым. Тут были стулья, столы и подвесная койка. Пол застилали ковры, а лица хранилась в корзинах и водяном холодильнике. Боллвилл устроил свою пленницу с полным комфортом. Макграт огляделся в поисках араба и увидел, что тот остался стоять за решеткой. Он не решался прервать сцену воссоединения влюбленных.

— Три года! — заплакала девушка. — Три года я ждала. Я знала: ты придешь! Я знала это! Но мы долж-

ны быть осторожны, мой дорогой. Ричард убьет тебя, если найдет... он убьет нас обоих!

— Он уже не сможет никого убить, — ответил Макграт. — Но нам все же стоит выбираться отсюда. Глаза Констанции вспыхнули с новым страхом.

— Да! Джон де Албор! Болвилл боялся его. Именно поэтому он запер меня здесь. Он сказал, что пошлет за тобой. Я боюсь за тебя...

— Али! — позвал Макграт. — Подойди. Мы сейчас уйдем отсюда, и лучше будет, если мы прихватим немного воды и пищи. Мы можем спрятаться в болотах, пока...

Неожиданно Констанция вскрикнула, рванувшись из рук своего возлюбленного. И Макграт, замерев на мгновение, испуганный страхом в ее округлившись глазах, получил страшный удар в основание черепа. Сознание не покинуло его, но странный паралич охватил его тело. Пустым мешком повалился он на каменный пол и замер, словно мертвый, беспомощно глядя на сцену, которая сначала показалась ему безумной: Констанция отчаянно боролась с человеком, которого он знал, как Али ибн-Сулеймана, и который теперь ужасно преобразился.

Али сорвал тюрбан и выбросил очки. В блеске его глаз Макграт прочитал страшную правду: этот человек не араб. Он был негром смешанной крови. Однако какая-то часть его крови все же арабская, есть в нем что-то и от семита. Эта примесь в крови, вместе с азиатской одеждой и потрясающим артистизмом, помогла ему подделаться под араба. Но сейчас маска оказалась сброшена, и принадлежность ибн-Сулеймана к негроидной расе стала несомненной. Даже его голос — звучный арабский — стал гортанным негритянским.

— Ты убил его! — истерически зарыдала девушка, пытаясь вырваться из крепких пальцев, сжавших ее белые запястья.

— Нет, он не мертв, — засмеялся цветной. — Дурак глотнул отравленного бренди... Он попробовал наркотика, который есть только в джунглях Замбии-

ве. Этот яд лишает подвижности, если нанести сильный удар в один из нервных узлов.

— Пожалуйста, сделай что-нибудь для него! — взмолилась девушка.

Ниггер грубо засмеялся:

— Зачем? Он выполнил свое предназначение. Пусть лежит здесь, пока болотные насекомые не обглодают его кости. Я бы с удовольствием понаблюдал за ним... но до наступления ночи мы будем уже далеко. — Его глаза сверкнули от дьявольского предвкушения. Вид белой красавицы, пытающейся вырваться из его объятий, разжег похоть первобытных джунглей в душе этого человека. От гнева и ненависти глаза Макграта налились кровью. Но он не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

— Мое решение — в одиночку вернуться в особняк — оказалось мудрым, — засмеялся ниггер. — Я прокрался к окну, пока этот дурак разговаривал с Ричардом Боллвиллом. Я решил дать ему отвести меня туда, где тебя спрятали. Мне никогда не приходило в голову, что тайное место Боллвилла где-то на болотах. У меня был арабский халат, шлепанцы и тюрбан. Я решил, что смогу ими воспользоваться. И очки тоже помогли. Мне нетрудно оказалось замаскироваться под араба. Ведь твой возлюбленный никогда не видел Джона де Албора. Я родился в Восточной Африке и вырос рабом в доме араба... а потом бежал и скитался в землях Замбиеве... Но достаточно. Мы должны идти. Барабаны бормочут весь день. Черные ведут себя беспокойно. Я обещал им, что принесу жертву Зембе. Я собирался использовать араба, но мне пришлось пытаться его, так что теперь он не годится в жертву. Ладно, пусть они бьют в свои глупые барабаны. Им бы понравилось, если бы ты стала Невестой Зембы, но они не знают, что я тебя нашел. В пяти милях отсюда, на берегу реки, у меня спрятана моторная лодка...

— Ты — дурак! — воскликнула Констанция, страстно борясь с ним. — Ты думаешь, что сможешь отвезти белую девушку вниз по реке, словно рабыню!

— У меня есть лекарство, которое на время сделает тебя словно мертвой,— объяснил он.— Ты будешь лежать на дне моей лодки, прикрытая мешками. Когда я выберусь на широкую реку, она унесет нас из этих мест. Я спрячу тебя в своей каюте в хорошо проветриваемом сундуке. Ты не почувствуешь никаких неудобств путешествия. Ты проснешься уже в Африке...

Он порылся за пазухой, удерживая девушку одной рукой. С яростным криком она отчаянно рванулась, вырвалась и побежала по туннелю. Джон де Албор помчался за ней, завывая. Красный туман поплыл перед глазами обезумевшего Макграта. Констанция может утонуть в болоте, так как наверняка не помнит всех вех... А может, она ищет именно смерти, которая была бы предпочтительнее судьбы, запланированной для нее негром.

Де Албор и девушка выскочили из туннеля. Но неожиданно Констанция закричала с новой силой. До Макграта донеслись возбужденные голоса негров. Де Албор что-то яростно возражал. Констанция истерически рыдала. Сквозь стену растительности Макграт смутно различил несколько фигур, когда те прошли мимо входа в пещеру. Он увидел Констанцию, которую тащило с полдюжины черных гигантов — типичных обитателей сосновых лесов. Следом за ними шел де Албор, и заметно было, что между чернокожими разлад. Все это промелькнуло в один миг, а потом у входа в пещеру стало пусто, и плеск воды — звук шагов ниггеров — постепенно стих.

ГЛАВА 4

ГОЛОД ЧЕРНОГО БОЖЕСТВА

Бристол Макграт лежал в тишине пещеры, отрешенно глядя вверх. Его душа была кипящим адом. Дурак! Попасться так легко! Однако откуда он мог знать? Он никогда не видел де Албора и ожидал встретить

чистокровного негра. Боллвилл называл его черным зверем, но, должно быть, имел в виду его душу. Де Албор, если бы не предательски темный цвет глаз, мог сойти и за белого.

Появление возле пещеры других чернокожих означало только одно: они последовали за ним и де Албором и схватили Констанцию, когда та выскочила из пещеры. Страхи де Албора сбылись. Он говорил, что чернокожие хотели принести Констанцию в жертву. Теперь же она оказалась в их руках.

— Боже! — сорвалось с губ Макграта, испуганного безмолвием. Он был словно назлектризован. Несколько мгновений он еще оставался неподвижным, а потом обнаружил, что может пошевелить губами, языком. Жизнь вползала в его тело через омертвевшие члены. Их покалывало, как бывает, когда восстанавливается циркуляция крови. Как он обрадовался! Настойчиво работал он, пытаясь вернуть подвижность своим пальцам, рукам, запястьям и потом, с большим волнением и радостью, рукам и ногам. Возможно, со временем дьявольское лекарство де Албора потеряло часть своей силы. А может быть, необычная жизненная сила Макграта ослабила эффект воздействия лекарства.

Дверь туннеля не была закрыта, и Макграт знал почему: негры не хотели препятствовать насекомым, которые вскоре сожрали бы его беспомощное тело. Паразиты уже текли в пещеру через дверной проем вредоносной ордой.

Наконец Макграт сумел подняться. С каждой секундой силы все быстрее возвращались к нему. Когда он неверными шагами направился из пещеры, то не встретил на своем пути никакого препятствия. Прошло уже несколько часов с тех пор, как негры увели свою жертву. Макграт прислушался к бою барабанов. Но те молчали. Тишина, словно невидимый черный туман, сгустилась вокруг него. Спотыкаясь, Макграт пошлепал по тропе, ведущей на твердую землю. Повели ли

черные свою пленницу назад в особняк, где поселилась смерть, или в глубины поросших соснами земель?

В грязи было полно следов. Полдюжины пар босых, разбрызгивающих грязь ног оставили тут свои отпечатки. Тут же были изящные следы сапожек Констанции и отпечатки турецких шлепанцев де Албора. Но Макрату все труднее было идти по их следам, так как местность постепенно повышалась и земля стала твердой.

Он пропустил бы то место, где негры свернули на сумрачную тропинку, если бы не кусочек шелка, развевающийся на слабом ветерке. Констанция зацепилась за ствол дерева, и грубая кора вырвала кусочек ткани из ее платья. От болот отряд двигался на восток, к особняку. В том месте, где повис кусочек одежды, негры резко свернули на юг. Ковер хвои скрывал следы, но обломанные лианы и ветви указывали направление, пока Макрат, двигаясь по этим следам, не вышел на другую тропинку, ведущую на юг.

Тут и там темнели лужи грязи, и полно было следов босых ног и отпечатков подошв. С пистолетом в руке Макрат торопливо пошел вдоль дорожки, пытаясь окончательно восстановить свои силы. Его лицо было угрюмым и бледным. После предательского удара де Албор не воспользовался случаем, чтобы разоружить его. Этот цветной и черномазый из сосновых лесов верили, что Макрат беспомощно лежит в пещере. И в этом было его преимущество.

Макрат по-прежнему прислушивался, надеясь услышать слабый бой барабанов, который слышал раньше. Тишина не успокаивала его. При жертвоприношениях вуду били в барабаны, но он знал, что имеет дело с чем-то более древним и отвратительным, чем вуду.

Вуду — сравнительно молодое верование, рожденное среди холмов Гаити. За занавесями вуду скрывались зловещие религии Африки, которые, словно гранитные утесы, неясно проступали сквозь заросли зеленых вай. Вуду могло показаться хныкающим младенцем

рядом с черным древним колоссом, который возвышался ужасной тенью с незапамятных времен в древних землях. Замбибве! Даже одно название вызывало дрожь у Макграта, служило для него синонимом ужаса и страха. Это было не просто название какой-то страны или мистического племени, которое обитало в этой стране. Оно означало нечто ужасное, древнее и злое; нечто выжившее с древних эпох — религия Ночи и божество, чье имя — Смерть и Ужас.

Макграт не увидел хижин негров. Он знал, что те расположены дальше к юго-востоку. Деревня нигеро-вытянулась вдоль берега реки и ручьев-притоков. У черных был некий инстинкт, заставлявший их строить жилища у воды точно так же, как они строили их в Африке вдоль Конго, Нила или Нигера с самой зари времен. Замбибве! Слово ударами тамтама прозвучало в голове Бристола Макграта. Души черных людей не изменились за столетия сна. Изменения происходили среди лязга городских улиц, в грубых ритмах Гарлема; но болота Миссисипи не слишком-то отличаются от болот Конго, и тут не происходили изменения в духе расы, которая задолго до появления первого белого короля плела соломенные крыши над плетеными хижинами.

Следуя по извилистой тропинке среди тускло вырисовывающихся больших сосен, Макграт ничуть не удивлялся тому, что черные скользкие шупальца из глубин Африки протянулись через полмира, породив кошмары в иной стране. Одинаковые природные условия приводили к одинаковому эффекту, порождали одни и те же заболевания тела и разума, в соответствии с географическим положением. Топи среди сосновых лесов были такими же бездонными, как вонючие африканские джунгли.

Но дорога уводила Макграта прочь от воды. Местность постепенно поднималась, и все признаки болота исчезли.

Тропинка стала шире. Появились признаки того, что ею часто пользуются. Макграт стал нервничать.

В любой момент он мог с кем-нибудь столкнуться. Он свернул в густой лес, идущий вдоль дороги, и стал пробираться через чащу. Движения его сопровождалось звуками, похожими на выстрелы орудий для настороженного уха. Обливаясь потом от напряжения, Макграт выбрался на узкую тропинку, которая шла в нужную ему сторону. В сосновых лесах было много таких тропинок.

Макграт следовал по ней с большой осторожностью, крадучись и наконец вышел к повороту, за которым она присоединялась к главной дороге. На месте их слияния стоял маленький бревенчатый сруб, и между Макгратом и срубом сидел на корточках огромный чернокожий. Этот человек прятался за стволом огромной сосны рядом с узкой тропинкой и наблюдал за срубом. Очевидно, он шпионил за кем-то. Скоро стало ясно, что следил он за де Албором. Тот подошел к двери и выглянул наружу. Чернокожий наблюдатель напрягся и поднес пальцы ко рту, словно собираясь свистнуть, но де Албор беспомощно пожал плечами и вернулся в сруб. Негр расслабился, хотя и не утратил бдительности.

Теперь уже Макграт засомневался, а не пропустил ли он чего-то в спектакле ниггеров? При виде де Албора красный туман, плывущий перед глазами Макграта, превратился в блестящую лужу крови, в которой, словно эбонитовый айсберг, плавало тело чернокожего.

Пантера, подкрадывающаяся, чтобы убить, не могла бы двигаться бесшумнее Макграта, скользнувшего по тропинке к присевшему на корточках негру. Бристол не испытывал ненависти конкретно к этому человеку, который был всего лишь препятствием на его пути к отмщению. Наблюдая за срубом, черный человек не услышал, как подкрадывался Макграт. Не обращая внимания на то, что происходит вокруг, он двинулся и не повернулся — до тех пор, пока рукоять пистолета не обрушилась на его череп. Негр остался лежать без сознания на ковре сосновых игл.

Макграт присел над своей неподвижной жертвой, прислушиваясь. Вокруг все было тихо — но неожиданно где-то далеко раздался протяжный крик, от которого дрожь прошла по телу Макграта. Кровь застыла у него в жилах. Он уже слышал этот звук раньше — среди низких, поросших лесом холмов, которые окаймляли забытое Замбибве. Тогда лица его чернокожих носильщиков стали пепельными, и они попадали, пряча лица. Кто издавал этот звук — Макграт не знал. И объяснения, предложенные дрожащими дикарями, показались слишком чудовищными, чтобы здравый рассудок мог принять их. Негры называли этот звук голосом бога Замбибве.

Побуждаемый к действию, Макграт помчался по тропинке и бросился к задней двери хижины. Он не знал, сколько черномазых внутри, но не осторожничал. От горя и ярости он превратился в берсеркера.

Дверь распахнулась от его удара. Он шагнул внутрь, пригнувшись. Пистолет — на уровне бедра.

Но в хижине оказался только один человек — Джон де Албор, который при появлении Бристола, вскрикнув, вскочил на ноги. Пистолет выскользнул из руки Макграта. Ни свинец, ни сталь не могли сдержать его ненависти. Он должен был убить ниггера голыми руками, отбросив цивилизованность и вернувшись к красной заре дней предыстории.

С рычанием, которое походило больше на рычание атакующего льва, чем на крик человека, Макграт руками сжал горло цветного. Де Албор качнулся назад от резкого удара, и они оба полетели на кровать, разломав ее на куски. Они боролись на грязном полу, Макграт пытался убить врага голыми руками.

Де Албор был высоким и сильным. Но против белого берсеркера у него не было шансов. Его сбили с ног, словно мешок с соломой, яростно колотя об пол. Стальные пальцы Макграта все глубже и глубже впились в горло негра, пока язык де Албора не вывалился меж посиневших губ и глаза не полезли на лоб. Ког-

да смерть уже почти забрала цветного, здравомыслие почти вернулось к Макграту.

Белый покачал головой, словно ошеломленный бык, чуть ослабил хватку и прорычал:

— Где девушка? Говори быстро, иначе я тебя убью! Де Албор тужился и пытался восстановить дыхание. Лицо его было пепельного цвета.

— Черные! — выдохнул он. — Они забрали Констанцию, чтобы сделать Невестой Зембы! Я не смог воспрепятствовать им. Они требуют жертвоприношения. Я предложил им тебя, но они сказали, что ты парализован и умрешь в любом случае... Они умнее, чем я думал. Они последовали за мной назад в особняк от того места, где мы оставили араба... а от особняка проследили нас до острова... Они вышли из-под моего контроля... Их опьяняет жажда крови. Но даже я — тот, кто как никто знает черных, — забыл, что священники Замбибве не могут толком контролировать свою паству, когда огонь веры бежит в их венах. Я их священник и повелитель... Однако когда я попытался спасти девушку, они оставили меня в этом срубе и поставили человека наблюдать за мной, пока не свершится жертвоприношение. Ты, должно быть, убил его. Он никогда не дал бы тебе войти сюда.

С мрачным видом Макграт подобрал свой пистолет.

— Ты пришел сюда как друг Ричарда Болвилла, — безразлично заговорил Макграт. — Ты собирался завладеть Констанцией Брэнд и превратил черномазых в дьяволопоклонников. За это ты заслуживаешь смерть. Когда европейские власти, правящие в Африке, ловят священника Замбибве, его вешают. Ты признался, что ты — такой священник. И ты должен заплатить за это своей жизнью. К тому же из-за твоего дьявольского учения должна умереть Констанция Брэнд, и именно по этой причине я вышибу из тебя мозги. — Джон де Албор содрогнулся.

— Она не умрет, — вздохнул он. Огромные капли пота катились по его пепельному лицу. — Она не умрет,

пока луна не встанет высоко над соснами. Это будет полночь Луны Замбибве... Не убивай меня... Только я могу спасти ее. Знаю, я не сумел сделать это раньше. Но если я пойду к ним, появлюсь среди них неожиданно, без предупреждения, они подумают, что сверхъестественные силы помогли мне удраить от своего сторожа. Это восстановит мой престиж... Ты не сможешь спасти ее сам. Ты сможешь пристрелить нескольких черных, но это не остановит остальных, и они убьют тебя... и ее. Но у меня есть план... Да, я — священник Замбибве. Мальчишкой я бежал от своего хозяина-араба и скитался, пока не попал в земли Замбибве. Там я вступил в братство и стал священником. Я жил там, пока малая часть белой крови во мне не привела меня на путь белого человека. Тогда я приехал в Америку и привел с собой Зембу... Не могу сказать тебе как... Дай мне спасти Констанцию Брэнд! — Он сжал руку Макграта, трясаясь, словно в лихорадке. — Я люблю ее так же, как ты любишь ее. Я поступаю по справедливости с вами обоими, клянусь? Мы сможем сразиться за нее позже, и тогда я убью тебя, если смогу.

Искренность этого заявления повлияла на Макграта больше, чем все остальное, сказанное цветным. Началась отчаянная игра... Но даже если все пойдет по-другому, Констанции, окажись она с Джоном де Албором, не будет хуже, чем сейчас. Она может умереть до полуночи, если что-то быстро не предпринять.

— Где место жертвоприношения? — спросил Макграт.

— В трех милях отсюда, на открытой поляне, — ответил де Албор. — К югу по дороге, которая проходит мимо этого сруба. Все черные соберутся там, кроме моего стража и нескольких человек, охраняющих дорогу за срубом. Они рассеяны вдоль нее. Ближайший находится неподалеку от сруба. Эти люди передают друг другу сигналы с помощью криков и громкого, пронзительного свиста... Вот мой план. Ты подождешь в срубе или в лесу, как хочешь. Я проскочу мимо на-

блюдателей на дороге и потом внезапно появлюсь перед черными в Доме Зембы. Неожиданность моего появления потрясет их, как я уже говорил. Я знаю, что не смогу уговорить их отказаться от своих планов, но я заставлю их отложить жертвоприношение до утра. И еще до зари я сумею выкрасть девушку и бежать с ней. Я вернусь туда, где ты будешь прятаться, и мы вместе убежим из этих мест.

Макрат засмеялся:

— Ты думаешь, я — круглый дурак? Ты пошлешь своих черномазых убить меня, а тем временем сам утащишь Констанцию, как и планируешь. Я пойду с тобой. Я спрячусь на краю поляны, чтобы помочь тебе, если понадобится. Но если ты сделаешь хоть один неверный шаг, я тебя достану.

Темные глаза цветного засверкали, но он согласен кивнул.

— Помоги мне занести твоего стража в сруб, — приказал Макрат. — Он скоро очнется. Мы свяжем его и оставим здесь.

Солнце садилось, и сумерки воцарились над поросшими соснами лесами. Макрат и его странный спутник крадучись отправились через лес, затопленный тенью. Они сделали крюк к западу, чтобы избежать наблюдающих за дорогой, а потом отправились через лес по одной из множества узких тропинок, вытоптанных босыми ногами. Вокруг царил тишина.

— Земба — бог тишины, — пробормотал ниггер. — С заката до восхода ночи полной луны барабаны не бьют. Если собака залает, ее убьют. Если заплачет ребенок, его тоже могут убить. Тишина закрывает рты людей, пока ревет Земба. Только его голос звучит в ночь Луны Зембы.

Макрат содрогнулся. Грязное божество, конечно, было неосязаемым духом, существующим лишь в легендах, но де Албор говорил о нем, как о живой твари.

В небе засверкало несколько звезд. Тени поползли через густой лес, пряча во тьме стволы деревьев. Мак-

рат знал, что уже недалеко от Дома Зембы. Он чувствовал присутствие множества людей, хотя ничего не слышал.

Де Албор, шедший впереди, неожиданно остановился, присел. Макграт тоже остановился, пытаясь что-нибудь рассмотреть сквозь занавес переплетенных ветвей.

— Что это? — пробормотал белый человек, потянувшись к пистолету.

Де Албор покачал головой, выпрямившись. Макграт не увидел камня, который цветной поднял с земли.

— Ты что-нибудь слышишь? — требовательно спросил Макграт.

Де Албор сделал движение, словно хотел что-то прошептать на ухо Макграту. Забыв об осторожности, Макграт наклонился к нему... Даже если он и заметил угрозу в движении де Албора, было слишком поздно. Камень в руке нигтера болезненно ударил в висок белого человека. Макграт повалился, как убитый бык, а де Албор поспешил дальше по тропинке, словно призрак, растаяв в полумраке.

ГЛАВА 5

ГОЛОС ЗЕМБЫ

Макграт наконец зашевелился и, пошатываясь, нетвердо встал на ноги. Такой отчаянный удар мог бы раскроить череп человеку, чьи физические силы и сложение были бы слабее, чем у быка. В голове у Макграта стучало. Кровь запеклась у него на виске. Но самым сильным его ощущением стало обжигающее презрение к самому себе — за то, что он позволил Джону де Албору обмануть его. Однако кто мог заподозрить, что дело повернется таким образом? Макграт знал, что де Албор убьет его, если сможет, но он не ожидал атаки до того, как они спасут Констанцию. Этот цветной был опасен и непредсказуем, как кобра. Оправдывало ли его

то, что он хотел попытаться спасти Констанцию и избежать смерти от руки Макграта?

Испытывая головокружение, Макграт взглянул на звезды, мерцавшие сквозь эбонитовые ветви, и с облегчением вздохнул, увидев, что луна еще не поднялась. Было темно так, как только может быть темно в сосновом лесу. Темнота казалась почти осязаемой, словно некое вещество, которое можно разрезать ножом.

Макграт поблагодарил природу за свое могучее телосложение. Дважды за этот день де Албор перехитрил его, и дважды могучий организм белого человека перенес эту атаку. Его пистолет остался в кобуре, нож в ножнах. Де Албор не задерживался, чтобы поискать оружие, не останавливался, чтобы для верности нанести второй удар. Возможно, выходец из Африки просто запаниковал.

Ладно, но ведь условия сделки не изменились. Макграт верил, что де Албор приложит все усилия, чтобы спасти девушку. И собирался быть рядом, играя ли в свою игру или помогая ниггеру. Сейчас не осталось времени ругать себя за доверчивость, потому что жизнь девушки была поставлена на карту. Макграт на ощупь стал пробираться по тропинке, спеша к разгорающемуся мерцанию на востоке.

Он вышел на поляну раньше, чем понял это. Криваво-красная луна висела среди нижних ветвей достаточно высоко, чтобы освещать поляну и толпу чернокожих, сидевших на корточках широким полукругом, повернувшись лицом к луне. Их округлившиеся глаза сверкали белками среди теней; их лица казались гротескными масками. Все молчали. Ни одна голова не повернулась к кустам, за которыми присел Макграт.

Бристол ожидал горящих огней, залитого кровью алтаря и песнопений безумных верующих, как заведено среди приверженцев вуду. Но это было не вуду, и между этими двумя колдовскими культами пролегла глубокая пропасть. Никаких костров, никаких алтарей. Дыхание с присвистом вырывалось сквозь сжатые

зубы Макграта. В далеких землях тщетно искал он места, где проходят ритуалы Замбибве. Теперь же он наблюдал их, находясь в сорока милях от того места, где родился.

Посреди поляны земля поднималась на высоту одноэтажного дома. На возвышении стоял отделанный железом столб, который на самом деле был остро заточенным стволом сосны, глубоко вбитым в землю. И к столбу было приковано что-то живое. То самое существо, из-за которого Макграт затаил дыхание, не веря своим глазам.

Он смотрел на бога Замбибве. Негры рассказывали об этом существе сверхъестественные истории, идущие из-за границ забытых стран. Их повторяли дрожащие носильщики у костров в джунглях, и они дошли даже до ушей белых скептиков торговцев. Макграт никогда по-настоящему не верил в эти рассказы, хотя занимался поисками существ, которых они описывали. В историях говорилось о звере, который богохулен по своей природе... звере, который ищет пищу, странную для своего вида.

Тварь, прикованная к столбу, была обезьяной, но такой обезьяной, какая и в кошмарах никому не могла пригрезиться. Ее густой серый мех был коротким и сверкал серебром в лунном свете. Обезьяна выглядела гигантской, несмотря на то, что она сидела на корточках. Распрямившись на своих кривых ножках, она была бы ростом с человека, но много шире и толще. Ее цепкие пальцы были вооружены когтями, как у тигра... но не тяжелыми тупыми ногтями, присущими антропоидам, а ужасными, изогнутыми, словно ятаганы, когтями огромного плотоядного животного. Мордой чудовище напоминало гориллу: низкие брови, раздутые ноздри, отсутствие подбородка. Когда тварь рычала, ее широкий плоский нос морщился, словно у гигантской кошки, а рот-пещера открывал саблеподобные клыки — клыки хищника. Это был Земба — существо, священное для людей Замбибве, — чудовищное создание,

нарушающее законы природы — хищная обезьяна. Многие люди смеялись над рассказами о ней — охотники, зоологи и торговцы.

Но теперь Макграт точно знал, что такие существа обитали в черном Замбигве и им поклонялись. Ведь примитивные люди склонны поклоняться непристойному или извращенному. А может, выжившему с прошлых геологических эпох. Несомненно, что плотоядные обезьяны из Замбигве были пережитком забытых, доисторических эпох, когда природа проводила эксперименты и жизнь порой принимала самые чудовищные формы.

Вид чудовища изменил намеренья Макграта. Перед ним был ужас — напоминание о животном начале человека и затаившемся в тених страхе, из которого давным-давно выбралось человечество. Эта тварь казалась оскорблением святости. Она должна была исчезнуть вместе с динозаврами, мастодонтами и саблезубыми тиграми.

Чудовище выглядело массивнее современных зверей — выходцем из другого века, когда все существа имели могучие формы. Макграт задумался, сможет ли его револьвер остановить такое чудовище. Удивительно, с какими темными и коварными намерениями Джон де Албор привез чудовище из Замбигве в страну сосен?

Но что-то происходило на поляне. Об этом возвестил звон цепи. Животное дернулось, вытянув свою кошмарную голову.

Из теней деревьев вышла цепочка черных мужчин и женщин — молодых, голых, если не считать накинутых на плечи мантий из обезьяньих шкур и перьев попугаев. Большинство регалий, несомненно, было привезено Джоном де Албором. Разодетые ниггеры образовали полукруг на безопасном расстоянии от прикованного животного и встали на колени, склонив головы к земле. Трижды повторялось это действие. Потом, поднявшись, они выстроились в две линии — мужчины и женщины лицом к друг другу — и начали танцевать. Но

только из вежливости это могло быть названо танцем. Люди едва переставляли ноги, но все остальные части их тел находились в постоянном движении, извивались, вращались, скручивались. Размеренные, ритмические движения ничуть не походили на танцы вуду, которые не раз наблюдал Макграт. Этот танец казался невероятно архаичным, более развращенным и звериным — примитивные цинично-распущенные движения обнаженных тел.

Ни звука не доносилось ни со стороны танцующих, ни от зрителей, сидящих на коленях в тени деревьев. Но обезьяна, явно пришедшая в ярость от непрекращающихся движений негров, подняла голову и издала тот самый ужасный крик, что слышал днем Макграт. Он слышал тот же крик среди холмов на границах черного Замбидве. Когда животное рванулось с тяжелой цепи, исходя пеной и скрежеща клыками, танцевавшие ниггеры разлетелись, словно под порывом ветра. Они бросились в разные стороны.

Из глубокой тени вышел человек с рыжевато-коричневой кожей, являвший контраст с черными фигурами других ниггеров. Это был Джон де Албор, обнаженный, если не считать мантии из ярких перьев. На голове его сверкал золотой обруч, который мог быть выкован еще в Атлантиде. В руке он нес золотой жезл — скипетр высших священников Замбидве.

За ним шла женщина, при виде которой залитый лунным светом лес закружился перед глазами Макграта.

Констанцию опоили каким-то наркотиком. Лицо у нее было словно у лунатика. Казалось, она не сознавала грозящей ей опасности и того, что совершенно обнажена. Она вышагивала, словно робот, механически реагируя на рывки цепи, завязанной вокруг ее белой шеи. Другой конец цепи держал Джон де Албор. Он наполовину вел, наполовину тащил девушку к зверю, который сидел на корточках посреди поляны. Лицо де Албора казалось пепельным в лунном свете, кото-

рый теперь заливал поляну расплавленным серебром. Пот каплями выступил на его коже. Его глаза сверкали от страха и безжалостной решительности. И в какой-то миг Макграт понял, что этот человек так и не сумел сделать то, что задумал. Он не смог спасти Констанцию, и теперь, спасая собственную жизнь, тащил девушку, чтобы принести ее в жертву.

Ни одного звука не доносилось со стороны собравшихся, лишь шипящее дыхание вырывалось сквозь толстые губы ниггеров. В такт ему, как тростник на ветру, раскачивались ряды черных тел. Огромная обезьяна подпрыгнула. Ее лицо превратилось в дьявольскую маску. Она яростно взывала, заскрежетала огромными когтями, пытаясь впиться в мягкое, белое тело девушки и умыться ее горячей кровью. Чудовище бешовалось на цепи, и могучий столб дрожал. Макграт в кустах стоял застыв, парализованный ужасом. И потом Джон де Албор отступил за девушку и изо всех сил толкнул ее в лапы чудовища.

И одновременно Макграт сорвался с места. Его движение было скорее инстинктивным, чем сознательным. Грохнул выстрел. Огромная обезьяна закричала, словно смертельно раненный человек, завертелась, хлопая уродливыми лапами по своей голове.

Толпа негров замерла. Глаза черномазых выкатились, челюсти отвисли. Потом, раньше чем кто-нибудь смог пошевелиться, кровь хлынула из головы обезьяны, она повернулась, сжав цепь обеими руками, и с яростью дернула ее, порвав тяжелые звенья цепи, словно те были из бумаги.

Парализованный страхом, Джон де Албор оказался прямо перед безумным животным. Земба ревел и подпрыгивал. Он подмял под себя африканца, выпотрошил его похожими на бритвы когтями. Голова де Албора под ударом огромной лапы превратилась в кровавое месиво.

В испуге чудовище бросилось на своих почитателей, царапая, разрывая, убивая негров и невыно-

симо крича. Земба заговорил, и смерть слышалась в его реве. Крики, вой, борьба.. Чернокожие карабкались друг по другу. Мужчины и женщины падали под ударами ужасных когтей, расчлененные кривыми клякками. На глазах Макграта разворачивалась кровавая драма — буря ярости и безумия. Кровь и мозги залили землю, черные тела и конечности, куски тел валялись на залитой лунным светом поляне страшными кучами, в то время как последние черные негодяи искали спасения среди деревьев. Наконец шум панического бегства утих.

Выстрелив, Макграт не вернулся в свое укрытие. Не замеченный испуганными неграми и сам едва сознающий, какое ужасное кровопролитие творилось вокруг, он направился прямо через поляну к жалкой белой фигуре, безвольно лежавшей рядом с отделанным железом столбом.

— Констанция! — закричал он, прижав девушку к своей груди.

Вяло приоткрыла она свои затуманенные глаза. Макграт обнял ее. Вокруг кричали нигтеры, шла резня. Постепенно Констанция узнала своего возлюбленного.

— Бристол... — еле слышно пробормотала она. Потом закричала, прижалась к нему, истерически рыдая. — Бристол! Они сказали мне, что ты мертв! Черномазые! Ужасные черномазые! Они собирались убить меня! Они собирались убить и де Албора, но он пообещал провести жертвоприношение...

— Нет, девочка, нет! — Он попытался успокоить ее бешеную дрожь. — Теперь все в порядке... — Резко подняв голову, Макграт взглянул в ухмыляющееся окровавленное лицо кошмара и смерти. Огромная обезьяна прекратила раздирать мертвые жертвы и подкрадывалась к влюбленной паре в центре поляны. Кровь сочилась из раны в грязной шкуре чудовища. Именно эта рана сводила его с ума.

Макграт вскочил навстречу твари, заслонив доведенную до отчаянья девушку. Его пистолет исторг

струю пламени, излив поток свинца в могучую грудь зверя, когда тот бросился в атаку.

При приближении твари уверенность Макграта уменьшалась. Пулю за пулей всаживал он в тело чудовища, но оно не останавливалось. Потом Бристол швырнул полностью разряженный револьвер в уродливое лицо — без какого-либо эффекта. Накренясь и чуть повернувшись, чудовище схватило Макграта. Когда гигантские руки сжались вокруг Макграта, он потерял всякую надежду, но повинувшись инстинкту бойца, изо всех сил, по самую рукоять, вогнал свой афганский кинжал в волосатый живот твари.

Ударив, Макграт почувствовал дрожь, пробежавшую по гигантскому телу. Огромные руки отдернулись... В последнем предсмертном рывке чудовище швырнуло Макграта на землю. Но тварь закачалась. Морда ее стала маской смерти. Мертвое чудовище еще какое-то время стояло, потом ноги его подкосились. Дрожа повалилось оно на землю, а потом затихло. Даже обезьяна-каннибал из Замбибве не могла выжить после того, как в нее в упор разрядили револьвер.

Когда Макграт встал, покачиваясь, Констанция поднялась и подошла к нему, истерически рыдая.

— Теперь, Констанция, все в порядке, — задыхаясь, пробормотал он, прижав ее к себе. — Земба мертв. Де Албор мертв. Боллвилл мертв. Негры разбежались. Никто не помешает нам убраться отсюда. Луна Замбибве стала последней для всех них. Но это лишь начало новой жизни для нас.

ПОГИБЕЛЬ ДЭЙМОДА

Если сердце болит в вашей груди, а глаза прикрыты слепящими черными занавесями печали, так что солнечный свет кажется вам бледным и прокаженным... отправляйтесь в городок Галвей в местность с тем же названием в ирландской провинции Коннаут.

В сером старом Городе Племен (так его называют местные) таятся сонные чары успокоения. Это похоже на кодовство. И если в ваших жилах течет кровь уроженца Галвея, ваше горе медленно растает, словно сон, оставив лишь сладкие воспоминания, похожие на запах увядающих роз. И не важно, как далеко вы от родины. В старом городе исчезают все печали. Он дарует забытью. А еще вы можете побродить по Коннаутским холмам и почувствовать соленый резкий привкус ветра Атлантики, прежняя жизнь покажется тусклым и далеким миражем, и все ваши радости и горькие печали — не более сальными, чем тени облаков, пролетающих мимо.

Я приехал в Галвей, чувствуя себя раненым зверем, приползшим в свое логово среди холмов. Город моего народа на первый взгляд выглядел разоренным, но он не казался мне ни чужим, ни иностранным. Казалось,

он радовался моему возвращению. С каждым днем края, где я родился, отдалялись дальше и дальше, а земля моих предков становилась мне ближе.

В Галвей я приехал с болью в сердце. Моя сестра-близняшка, которую я любил как никого в мире, умерла. Она ушла из жизни быстро и неожиданно. Мне все это казалось ужасным. Вот она смеется рядом со мной. На устах ее играет радостная улыбка, сверкают ее серые ирландские глаза. А вот — ее могила, заросшая горькой травой. О Боже, не оставь своего сына в одиночестве!

Черные облака, словно саван, сомкнулись надо мной, и в тусклой земле, граничащей с королевством безумия, я был один. После смерти сестры я не проорил ни слезинки. Я ни с кем не хотел разговаривать. Наконец ко мне зашла моя бабка — огромная мрачная старуха с суровыми, внимательными глазами, в которых можно было прочесть все горе ирландского народа.

— Отправляйся в Галвей, парень. Съезди на древнюю землю. Быть может, твоя печаль утонет в холодном соленом море. Может, люди Коннауа залечат твои раны...

И я отправился в Галвей.

Люди, жившие здесь, все были из старинных семей — Мартины, Линчи, Дены, Дорсейи, Блэки, Кированы. Семьи четырнадцати великих родов правили Галвеем.

Я бродил по долине и среди холмов, разговаривал с дружелюбными, причудливыми людьми, многие из которых говорили на добром старом ирландском, на котором я сам говорил не очень.

Там же однажды ночью на холме, у пастушьего костра, я вновь услышал легенду о Дэймоде О'Конноре. Пока пастух с колоритным местным акцентом, сплетенным со множеством гальских фраз, пересказывал ужасную историю, я вспомнил, что моя бабка рассказывала мне ее, когда я был ребенком, но я забыла большую ее часть.

Краткая история Дэймода такова: Дэймод был предводителем клана О'Конноров, но люди звали его Волком. В старые дни О'Конноры стальной рукой правили Коннаутом. Они правили Ирландией вместе с О'Бринами, жившими на юге в Манстере, и О'Нейлами — на севере в Юлстере. С О'Рурками они сражались. Макмюррея из Лейнстера (это был Дэймод Макмюррей) выгнали из Ирландии, когда он носил фамилию О'Коннор. Он прибился к Крепкому Луку и его нормандским авантюристам. Когда Эрл Пемброк (люди звали его Крепкий Лук) высадился в Ирландии, Родерик О'Коннор уже стал королем Ирландии. Клан О'Конноров — яростные воины-кельты — отважно боролся за свободу, пока их армия не была разбита ужасными нормандскими захватчиками. Увяла слава О'Конноров. В старые времена мои предки сражались под их знаменами... но каждое дерево имеет хотя бы один гнилой корень. Каждый великий род имеет свою черную овцу. Дэймод О'Коннор был черной овцой своего клана, и чернее не бывает.

Он поднял руку против своего народа, против своего собственного рода. Дэймод не был вождем, не сражался за корону Эрина или за свободу своих людей. Он был грабителем, чьи руки запятнаны кровью. А грабил он как норманнов, так и кельтов. Он совершил рейд на Пале и принес огонь и смерть в Манстер и Лейнстер. О'Брины и О'Кэрролы проклинали Дэймода, а О'Нейл охотился за ним, как за волком.

Дэймод оставлял за собой кровавую дорожку разрушений. Его банда сильно уменьшилась. Многие бежали, многие погибли в сражениях. Оставшись в одиночестве, Дэймод прятался в пещерах среди холмов, резал одиноких путешественников, как овец, чтобы утолить жажду крови, и опустошал дома одиноких фермеров и хижины пастухов, насиловал женщин. Разбойник был огромным человеком, и легенды говорят о нем, как о каком-то невероятном, чудовищном создании. Должно быть, и впрямь он был таинственным и ужасным.

Но в конце концов смерть нашла и его. Он убил юношу из клана Кирована, и Кированы приехали из Галвея, желая отомстить. Сэр Майкл Кирован встретился с разбойником один на один среди холмов... Сэр Майкл был моим предком по прямой линии. Его фамилию я ношу. Они сражались один на один, и дрожали холмы, ставшие свидетелями их ужасной битвы, пока звон стали не долетел до остальных мужчин клана Кирована и те не поскакали в холмы в поисках сражающихся.

Они нашли тяжело раненного сэра Майкла и мертвого Дэймода О'Коннора. У разбойника была отсечена рука, и страшная рана зияла в его груди. Но переполненные яростью и ненавистью, Кированы затянули петлю вокруг шеи бандита и повесили его на огромном дереве на краю утеса на берегу моря.

— И, — продолжал мой друг-пастух, перемешивая угли костра, — крестьяне запомнили это дерево и называли его — на датский манер — Погибелью Дэймода. Люди часто видели там по ночам огромного разбойника. Он скрежетал огромными клыками. Кровь лила из его плеча и груди. Он клялся наслать проклятие на всех Кированов и всех их потомков... Так что, сэр, не ходите ночью к утесу над морем. Ведь именно вас и ваших родственников он ненавидит. Если хотите, можете смеяться, но призрак Дэймода О'Коннора Волка появляется там безлунными, темными ночами. У него огромная черная борода, горящие глаза и здоровые клыки.

Пастухи показали мне дерево — Погибель Дэймода — странное, напоминающее виселицу. Сколько сотен лет простояло оно там, я не знаю, потому что люди в Ирландии живут долго, а деревья еще дольше. Поблизости от Погибели Дэймода не было других деревьев. Утес, на котором оно стояло, вздымался над морем на четыре сотни футов. Под ним были лишь синие волны — морская пучина. Часто ночами, когда над миром царила тьма и тишина, я бродил по холмам. Ни разговоры людей, ни шум не нарушали моего одино-

чества. Черная печаль сжимала мое сердце. Я бродил по холмам, с вершин которых звезды казались теплее и ближе. Часто мои спутанные мысли обращались к звездам. Я думал, какой из звезд стала моя сестра, если, конечно, она стала звездой.

Однажды ночью мне стало просто невыносимо тоскливо. Я поднялся с кровати (время от времени я останавливался в маленьких горных гостиницах), оделся и отправился побродить по холмам. В висках у меня ломило, и словно тиски сжимали мое сердце. Моя душа бессловесно взывала к Богу, но плакать я не мог. Я чувствовал, что должен плакать, иначе сойду с ума, потому что ни одной слезинки не проронил я с тех пор...

В общем, я шел дальше и дальше, и как далеко я забрел, я и сам не знал. В небе горели звезды, но от этого мне было ничуть не лучше. Сначала я хотел кричать, выть, биться о землю, рвать траву зубами. Потом это прошло, и я побрел дальше, впад в транс. На небе не было луны, и в тусклом свете едва различимые деревья и холмы казались странными, темными тенями. С их вершин я увидел огромный Атлантический океан, лежавший словно темно-серебристое чудовище. Я слышал слабый гул прибоя.

Что-то мелькнуло передо мной, и я подумал, что это прошмыгнул волк. Но уже много-много лет в Ирландии нет волков. Снова я увидел это существо — длинную низкую тень. Механически я последовал за ней. Теперь я разглядел впереди утесы, обрывающиеся в море. На краю одного из них стояло огромное одинокое дерево, во тьме напоминающее виселицу. Я подошел к нему.

Когда я приблизился к дереву, над землей поползли клочья тумана. Непонятный страх охватил меня, но я продолжал смотреть. Тень стала четче. Тусклая и бархатистая, словно лоскут подсвеченного лунным светом тумана, без сомнения, по форме она напоминала человеческую фигуру. А лицо... Я закричал!

Смутно различимое лицо любимой сестры плавало предо мной, похожее на клоч тумана... Я разглядел

массу темных волос, огромный чистый лоб, красные, чуть изогнутые губы, серьезные, мягкие серые глаза.

— Мойра! — в исступлении воскликнул я и метнулся вперед. Мои руки вытянулись к ней, сердце ушло в пятки.

Она поплыла прочь от меня, словно клочок тумана, уносимый морским ветерком. Казалось, она плывет в пустоте... В слепом порыве, пошатываясь, помчался я к краю утеса. А потом, словно человек, пробудившийся от сна, я увидел сверкающие сотнях в четырех футов внизу острые скалы. Я услышал, как яростно бьются о них волны. Когда я почувствовал, что теряю равновесие, мне явилось видение. Оно было ужасным. Огромные, похожие на клыки зубы сверкали сквозь спутанную черную бороду. Под нависшими бровями горели ужасные глаза. Кровь текла из плеча и ужасной раны на широкой груди призрака...

— Дэймод О'Коннор! — воскликнула. Волосы мои встали дыбом. — Изыди, исчадие ада...

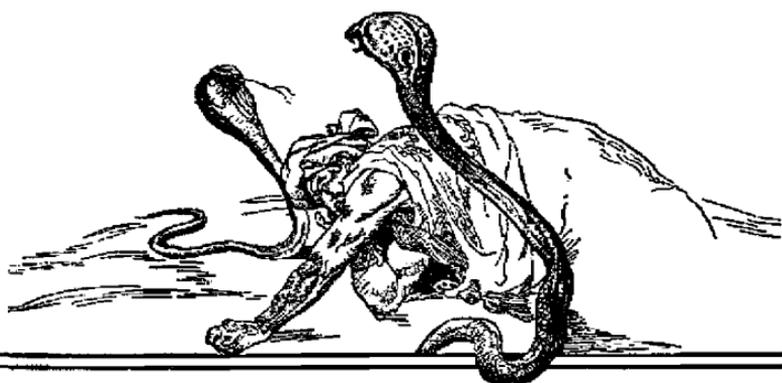
Я откачнулся от края, стараясь избежать падения: ведь смерть ждала меня среди скал четырьмя сотнями футов ниже. И тут мягкая маленькая рука схватила меня за запястье и оттащила назад. Я упал спиной на мягкую зеленую траву на краю утеса, а не на острые скалы среди волн, что ждали меня, свались я вниз. Да, я знаю... я не мог ошибиться. Маленькая рука отпустила мое запястье. Ужасное лицо, висевшее над краем утеса, исчезло... Но именно эта маленькая рука спасла меня от смерти... Как мог я не узнать это прикосновение? Тысячи раз чувствовал я, как моя сестра мягко касается моей руки, сотни раз держал ее руку в своих ладонях. Ах, Мойра, Мойра, и в жизни, и в смерти — ты всегда помогала мне.

И теперь, в первый раз после ее смерти, я заплакал. Я лежал на животе и плакал, утопив лицо в ладонях. Я изливал боль моего израненного, ослепленного и измененного сердца, пока солнце не поднялось над голубы-

ми холмами Галвея и, скрывшись за ветвями Погибели Дэймода, не засияло странно и по-новому для меня.

Все это приснилось мне или я сошел с ума? Правда ли то, что дух давно умершего разбойника провел меня по холмам к утесам под дерево смерти, а потом призрак моей сестры спас меня от смерти? На самом ли деле рука моей мертвой сестры поддержала меня в тот момент, когда мне угрожала смертельная опасность, выдернула меня из объятий смерти?

Верьте или не верьте моему рассказу. Как хотите. Все было так, как я рассказал. В ту ночь я видел Дэймода О'Коннора. Он привел меня на край утеса, а мягкая рука Мойры Кирован оттащила меня назад. Ее прикосновение освободило замороженные каналы моего сердца и принесло мне покой. Стена, отделяющая мир живых от мира мертвых, — тонкая вуаль, я-то это знаю. И я уверен, что любовь мертвой женщины победила ненависть мертвого мужчины. Я уверен, что когда-нибудь, перейдя в иной мир, я снова возьму за руку свою сестру.

КОБРА ИЗ СНА

-Я боюсь уснуть!
С удивлением посмотрел я на человека, сказавшего эти слова. С Джоном Маркиным я знаком был уже несколько лет и знал, что он человек со стальными нервами. Путешественник и авантюрист, он объездил весь мир и встречался лицом к лицу со всевозможными опасностями в различных пустынных уголках земли. И хотя я не мог простить ему многих бесчестных поступков, я всегда восхищался его храбростью.

Но сейчас он стоял в моих апартаментах, и я видел неподдельный ужас в его глазах. Маркин был высоким, стройным, но мускулистым человеком, атлетически сложенным и твердым, как сталь или китовый ус. Теперь же мне казалось, что он дрожал, находясь на грани умственного и физического истощения. Он выглядел опустошенным, а его запавшие глаза сверкали сверхъестественным огнем. Когда он говорил, руки его непрерывно двигались.

— Да, мне угрожает опасность, ужасная опасность! Но не откуда-то извне! Опасность у меня в голове!

— Маркин, что вы имеете в виду? Вы в своем уме? Он резко и почти зло рассмеялся:

— Не знаю. Я и сам хотел бы знать. Я брожу по улицам после двух часов ночи, не давая себе уснуть. Вчера я вколол себе тонизирующего наркотика, чтобы не уснуть, но в полночь все равно свалился. Я в ужасном положении. Если я не лягу спать, я умру, а если усну... — Он содрогнулся.

Я внимательно осмотрел его. Невероятно, быть разбуженным в два часа ночи, чтобы выслушать историю вроде этой! Мой взгляд остановился на дрожащих пальцах Маркина. Они были окровавлены. На подушечках пальцев виднелись мелкие порезы. Маркин проследил мой взгляд:

— Когда я останавливаюсь, чтобы немного передохнуть, я беру в руку перочинный нож, так, чтобы, когда я стану против воли погружаться в пучину сна, мои расслабившиеся пальцы порезались о лезвие и боль разбудила бы меня.

— Во имя небес, Маркин, объясните, что все это значит? — воскликнул я. — Вы начали охоту за каким-нибудь преступником, чтобы предать его суду, и боитесь, что вас убьют, когда вы заснете? Или есть другая причина?

Он рухнул в кресло. Мгновение мне казалось, что он уснул. Отяжелевшие веки опустились на его глаза, как бывает у человека, находящегося на грани нервного истощения.

— Я расскажу всю историю, и, если она прозвучит как бред маньяка, помните, в разуме человека есть много темных уголков, которые до сих пор остаются неисследованными. Там может скрываться что угодно! Темный континент! Так надо было назвать не Африку, а мозг человека! — Он дико засмеялся, а потом продолжал более печально.

— Несколько лет назад я побывал в одной из провинций Индии, где почти не бывало белых людей. Причина моего путешествия в те края не имеет никакого отношения к этой истории. Но в то время я охотился за сокровищами, которые великий бандит Алам Сингх

прятал в пещере среди холмов. Мой проводник-индус клялся, что был одним из разбойников и знает, где пещера, куда лет двадцать назад спрятали сокровища. Как оказалось, он не лгал. Думаю, этот индус собирался добыть сокровища с моей помощью, а потом убить меня и все забрать себе.

В любом случае мы вдвоем отправились к низким, заросшим деревьями холмам, где среди ветвей летали птицы с ярким оперением и обезьяны непрерывно верещали. После долгих поисков мы нашли пещеру, которая, как клялся мой спутник, и была та самая, где зарыты сокровища. Вход в нее был расположен на склоне холма, но отчасти его закрывали лозы винограда. Индус уверял меня, что никто, кроме него, не знал об этой пещере, потому что большинство людей Алама Сингха давным-давно повесили, а сам Алам погиб во время одного из пограничных рейдов. Так что мы смело вошли внутрь.

Только тогда мы обнаружили, что совершили ошибку. Когда мы пробрались сквозь цепляющиеся лозы, с обеих сторон к нам подступили темные фигуры. Сопротивляться было бесполезно. Моего проводника закололи на месте, а мне связали руки и ноги. Меня отвели в пещеру. Пленившие меня люди зажгли лампу. Ее свет стал отбрасывать таинственные тени на стены, пыльный пол пещеры и бородатые лица людей, внимательно изучающих меня.

— Мы — сыновья одного из тех, кто ездил с Аламом Сингхом, — сказал один из них. — Мы двадцать лет охраняем эти сокровища и будем охранять их еще двадцать лет, если понадобится. Мы храним их для сына сестры Алама Сингха, который когда-нибудь займет место своего великого дяди и освободит нас от английских свиней.

— Вас повесят, как и людей Алама Сингха, если вы убьете меня, — сказал я им.

— Никто не узнает, — возразили они мне. — Многие люди исчезли среди этих холмов, и даже их кос-

тей никогда не нашли. Ты явился в подходящее время, сахиб. Мы как раз закончили переносить сокровища в другое место. Теперь эта пещера достанется тебе!

Тут они зловеще засмеялись.

Я понял, что они решили прикончить меня. Но оказалось, что мне уготована более ужасная судьба...

Они привязали мои руки и ноги к кольшкам, вбитым в пол. Я не мог пошевелиться, не мог шелохнуться. Все, что я мог, — крутить головой. Индусы принесли самую большую кобру, которую я только видел в жизни, повесив ее на палку... Вы знаете, змеи любят, когда их носят на палках, и не жалят тех, кто так делает.

Индусы петлей затянули тонкий кожаный ремешок вокруг капюшона твари, а другой конец продели в кольцо в стене. Конечно, рептилия тут же бросилась на меня, но я оказался на несколько дюймов дальше, чем могла она дотянуться. Потом индусы подвесили кувшин с водой над тем местом, где была привязана веревка, удерживающая змею, и наполнили его водой, которая капала через маленькую дырочку в дне кувшина. И капли падали на кожаный ремешок, удерживающий змею. Все знают: когда невыделанная кожа суха, она жесткая и не гнется, но когда влажная — сильно растягивается. Сухим шнурок был слишком короток, чтобы позволить кобре дотянуться до меня, но вода, капающая на него, медленно пропитывала его влагой, и каждый раз, как змея бросалась на меня, шнурок чуть-чуть вытягивался. Так они и оставили меня, унеся с собой тяжелый сундук... без сомнения, полный сокровищ.

Не знаю, сколько времени я пролежал так. Секунды складывались в минуты, минуты в часы, часы — в Вечность. Вся вселенная замерла и сжалась до размеров пещеры, где я лежал. Не отрываясь следил за длинным извивающимся телом, которое бросалось в мою сторону и отступало с методичной регулярностью... злобная голова с горящими глазами и широким раздутым капюшоном. Я дергался, кричал. Но веревки креп-

ко держали меня. Мои крики эхом отдавались в пустой пещере. Было жарко, но холодный пот струился по моему лицу. Тогда-то я и проклял мертвого индуса и моих мучителей. Разойдясь, я проклял все на свете... всех людей.

Потом я лежал, истощенный и безмолвный, глядя на плененную змею, которая все так же не моргая смотрела на меня. Я пытался отвернуться, отказавшись смотреть на свою гибель, но всякий раз что-то заставляло меня снова взглянуть на змею. Я точно определил место, куда она укусит меня, когда дотянется. Ближе всего к змее было мое левое запястье. Так что скорее всего она укусит меня в руку.

Шло время. Огромная змея продолжала бросаться на меня и отступать, удивляя меня своей выносливостью. Она стала бросаться на меня реже, но с той же методичностью. Теперь ее голова была всего в нескольких дюймах от моего запястья. Я сжался. Казалось, кровь замерзла при приближении неотвратимой смерти. Меня стало сильно тошнить. Неожиданно лампа мигнула и потухла.

Новый приступ ужаса охватил меня. Умереть в темноте намного хуже, чем при свете, пусть даже это свет масляной лампы. Я кричал снова и снова, пока у меня не сел голос. Потом я услышал скрип натягиваемых ремней... скрип... Я и теперь чувствую отвратительное дыхание рептилии на моем запястье. Однако она до сих пор не может дотянуться до меня! Еще немного... и неожиданно в пещере вспыхнул свет. Раздались крики людей, прогремел пистолетный выстрел, и я потерял сознание.

После этого я несколько дней пролежал в бреду, снова и снова мысленно возвращаясь в пещеру. Мои волосы поседели на висках. Спасение же мое было столь чудесным, что я едва мог поверить в него. Пока же я лежал в бреду, мне казалось, что у меня галлюцинации, предшествующие приходу смерти.

Оказывается, кто-то из отряда белых охотников на тигров (я не знал, что кто-то из белых, кроме меня,

путешествует в этой области) услышал мои крики, и охотники вовремя подоспели мне на выручку. Они осветили пещеру электрическими фонариками. Один из них застрелил кобру, которая (как я считал) в одном из рывков уже дотянулась до меня.

После этого случая я как можно скорее покинул Индию. Но дело не в этом. Через несколько месяцев я стал видеть сны, после которых просыпался в холодном поту и часто не мог уснуть остаток ночи.

Потом сны стали более отчетливыми. Они были необыкновенно яркими и все чаще стали повторяться. Кошмары испоганили всю мою жизнь.

Сейчас я уже сотню раз видел этот сон. Всегда он один и тот же. Сон начинается с того, что я снова лежу на пыльном полу пещеры Алама Сингха, а надо мной мерцает старая лампа и чешуйчатая тварь снова и снова пытается дотянуться до меня. До недавнего времени сон обрывался незадолго до того момента, когда старая лампа должна была погаснуть. Но я видел, как вытягивается ремешок, и скажу вам, с каждым сном он становится все длиннее! Первые несколько раз я убеждал себя, что мне это кажется. Змея находилась от меня достаточно далеко. Потом она стала подвигаться все ближе и ближе, но ей потребовалось тридцать или сорок снов, чтобы оказаться в дюйме от моей руки. А потом ремешок стал вытягиваться с фантастической скоростью.

В последнюю ночь, когда я спал, я... Не в первый раз я почувствовал, что все это происходит на самом деле. Я чувствовал холодное дыхание твари на своем запястье. Лампа на стене замигала... В ту ночь я проснулся от крика и понял, что обречен. Мне кажется, что, если эта змея ужалит меня во сне, я умру на самом деле.

Тут я и сам вздрогнул:

— Маркин, это — безумие! Вы пытаетесь сбежать в свой сон из реальности... Почему вам не может прийтись ваше спасение?

— Не знаю. Я не психолог. Но я никогда не смогу пережить укус этой твари. Всегда мы одни: я и змея. Я верю, что дело в моем разуме, где есть темные уголки, о которых я вам говорил. Может, все дело в моем под- сознании или в чем-то еще, но я обречен. Они говорят... некоторые из психологов... что центральные ча- сти мозга у человека порой включаются, порождая мысли в подкорке. В голове у меня ничего не осталось, кроме страха и ожидания неотвратимой смерти. Ког- да охотники ворвались в пещеру и спасли меня, я уже бредил. Я не верю, что я подсознательно помню о спа- сении. Поэтому оно и наполнило мою голову мысля- ми о смерти. Не могу объяснить, откуда я знаю, но уве- рен, что снова и снова буду видеть этот сон... Я умру! Темное подсознание, которое срабатывает, только когда разум человека отдыхает, разыгрывает продол- жение той ужасной драмы так, словно все это проис- ходит в реальности и людей, которые спасли меня, на самом деле не было. Кульминацией всего этого будет моя смерть!

— С другой стороны, я верю, что, если вы хоть раз во сне пройдете через это, вы навсегда освободите себя от подобных галлюцинаций,— возразил я.— Охотни- ки рано или поздно появятся. Змея будет убита, и вы снова обретете свободу.

Он покачал головой и беспомощно уронил руки.

— Я отмечен смертью,— сказал он, и я не смог сдвинуть его с этой фаталистической точки зрения.— Теперь, рассказав вам всю историю, я, наверное, сми- рюсь окончательно,— сказал он.— Я усну, и, если вы правы, я проснусь, став самим собой, освободившись от проклятия. Но если я прав, я больше не проснусь.

Маркин попросил меня оставить свет включен- ным, а сам лег на мою кровать. Но он уснул не сразу. Казалось, он еще какое-то время бессознательно бо- ролся со сном. Однако наконец его веки сомкнулись и он замер. Его лицо в свете лампы выглядело ужасно, словно череп: впалые щеки и желтоватая, похожая на

пергамент кожа. Кошмар собрал дань с его разума и его тела. Время шло, я тоже начал дремать. Я чувствовал, что не могу держать глаза открытыми, и удивлялся стойкости Джона Маркина, не спавшего почти три дня и три ночи.

Во сне Маркин бормотал что-то и беспокойно шевелился. Свет бил ему в глаза, и я решил, что он мешает ему спать. Потом я посмотрел на часы на каминной полке. Стрелки стояли на пяти. Я выключил свет и шагнул к кровати.

Было темно. Не знаю, открылись ли глаза у Джона Маркина, но ужасный крик вырвался из его горла:

— О Боже, лампа потухла!

А потом он так страшно закричал, что кровь застыла у меня в жилах.

Обливаясь холодным потом, я снова включил свет. Джон Маркин лежал мертвый, и лицо его ужасно скривилось. На теле не оказалось ран, но правая рука его в агонии сжала запястье левой.

ПРИШЕЛЕЦ ИЗ ТЬМЫ

Бездны неизвестного ужаса лежат, скрытые вуалью тумана, отделяющего повседневную жизнь человека от не отмеченных на картах, неизвестных королевств сверхъестественного. Большая часть людей в жизни и смерти счастливо избегает эти королевства — я говорю «счастливо», потому что разрыв вуали между реальностью и миром оккультизма часто приводит к ужасным последствиям. Однажды я видел такую прореху, и происшедшие тогда события так глубоко отпечатались в моей памяти, что по сей день мне снятся кошмары.

Ужасное происшествие случилось, когда я гостил в поместье сэра Томаса Камерона — известного египтолога. Я благосклонно относился к нему как к человеку, постоянно проводившему какие-то исследования, хотя мне не нравились его грубые манеры и безжалостный характер. Вследствие того что я был знаком с различными научными трудами, мы несколько лет поддерживали отношения, и я сделал вывод, что сэр Томас причислил меня к своим новым друзьям. Во время поездки в усадьбу сэра Томаса меня сопровождал Джон Гордон — богатый спортсмен, также получивший приглашение.

Когда мы подъехали к воротам усадьбы, садилось солнце. Пустынный и мрачный ландшафт вызвал печаль. Он наполнил мою душу неясными предчувствиями. В нескольких милях позади осталась деревня, которую отсюда едва можно было разглядеть. А между ней и усадьбой во все стороны протянулись голые вересковые пустоши — мертвые и утрюмые. Больше же не было видно никаких человеческих жилищ. Болотная птица — единственное живое существо на обозримых просторах, — хлопая крыльями, улетела куда-то в глубь пустоши. Холодный ветер, пропитанный горьким, соленым привкусом моря, что-то шептал, налетая с востока. Я содрогнулся.

— Позвони в дверной колокольчик, — предложил Гордон. Равнодушие в его голосе помогло мне расслабиться. — Мы не можем торчать здесь всю ночь.

Но в это мгновение ворота распахнулись. Особняк был окружен высокой стеной, огораживающей всю территорию поместья. Сам же дом находился возле парадных ворот, неподалеку от нас. Когда ворота раскрылись, мы увидели длинную аллею, ведущую к дому, с обеих сторон густо обсаженную деревьями, но наше внимание приковал к себе эксцентричный слуга, отступивший на обочину, чтобы дать нам пройти. Он был высок и носил восточные одежды. Ожидая, пока мы войдем, он застыл, словно статуя: руки сложил на груди, голову склонил в уважительном, но полном величия поклоне. Кожа его казалась еще темнее из-за блеска его глаз. Наверное, он был когда-то красив, но теперь отвратительное уродство напрочь лишило его лицо миловидности, придав индусу злоеший вид. Этот человек был безносым.

Пока я и Гордон молча стояли, пораженные видом призрачного незнакомца, индийский сикх, судя по его тюрбану, поклонился и сказал на почти совершенном английском:

— Хозяин ожидает вас в своем кабинете, сахибы. Мы отпустили парня из деревни, который проводил

нас сюда, и, когда его телега с грохотом отъехала на достаточное расстояние, ступили на укутанную тенями аллею. Индус, взяв наш багаж, последовал за нами. Пока мы толкались у ворот, солнце село. Наступила ночь. Небо плотно затянули серые тяжелые тучи. Ветер уныло вздыхал среди деревьев по обе стороны от дороги, и огромный дом неясно вырисовывался впереди, молчаливый и темный, если не считать единственного горящего окна. В полутьме я слышал легкое «шлеп-шлеп» — шорох комнатных туфель слуги с Востока, который шел следом за нами. Эти звуки напомнили мне тихое движение пантеры, подкрадывающейся к своей жертве, и вызвали у меня невольную дрожь.

Мы добрались до двери, и нас ввели в широкий, тускло освещенный зал. Сэр Томас вышел, чтобы поприветствовать нас.

— Добрый вечер, друзья.— Его громкий голос грохочущим эхом пронесся по всему дому.— Я ждал вас! Вы обедали? Да? Тогда отправимся в мой кабинет. Я написал трактат о своих последних открытиях и хочу узнать ваше мнение относительно моих тезисов. Ганра Сингх!

Последние слова были адресованы сикху, который застыл в ожидании распоряжений. Сэр Томас сказал ему несколько слов на хинди, и, еще раз поклонившись, безносый взял наши сумки и покинул зал.

— Я выделил вам пару комнат в правом крыле дома,— сказал сэр Томас, направляясь к лестнице.— Мой кабинет в этом крыле, прямо над залом; я часто работаю всю ночь напролет.

Кабинет оказался просторной комнатой, заваленной научными книгами и бумагами, странными трофеями из разных стран. Сэр Томас сел в большое кресло и жестом пригласил нас устраиваться поудобнее. Он был высоким человеком могучего телосложения и неопределенного возраста, с агрессивным подбородком, скрытым густой светлой бородой. Взгляд его был пронизательным, твердым, в нем чувствовалась скрытая сила.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне, — резко начал он. — Но мы не станем обсуждать трактат сегодня ночью. Завтра будет достаточно времени, ведь вы оба, должно быть, утомились в дороге.

— Вы далеко живете, — ответил Гордон. — Что побудило вас купить и восстановить это старое отдаленное поместье. Камерон?

— Я люблю уединение, — ответил сэр Томас. — Здесь мне не докучают бестолковые люди, которые обычно кружат вокруг меня, как москиты вокруг буйвола. Я никого не приглашаю сюда и совершенно не нуждаюсь в общении с внешним миром. Когда я живу в Англии, я хочу, чтобы мне не мешали работать. У меня нет слуг. Ганра Сингх делает все, что необходимо.

— Безносый сикх? Кто он?

— Его зовут Ганра Сингх. Это все, что я о нем знаю. Я встретился с ним в Египте и считаю, что он бежал из Индии, после того как совершил какое-то преступление. Но это не важно. Он предан мне. Он рассказал, что служил в англо-индусской армии и потерял нос при взмахе афганской сабли во время пограничного рейда.

— Мне не понравилось, как он выглядит, — грубо сказал Гордон. — В этом доме собрано много сокровищ. Как вы можете доверять человеку, которого так мало знаете?

— Достаточно об этом, — равнодушно отмахнулся сэр Томас. — С Ганрой Сингхом все в порядке. Я никогда не ошибаюсь в характерах людей. Давайте поговорим о другом. Я еще не рассказал вам о своих последних исследованиях.

Он говорил, и мы слушали. В голосе сэра Томаса, когда он рассказывал нам о лишениях и препятствиях, которые пришлось преодолеть, легко было распознать решительность и безжалостность, превративших его в одного из самых известных в мире исследователей. Он, по его же словам, сделал несколько сенсационных открытий, которые перевернут мир, и, расска-

зывая об этом, прибавил, что самое важное из открытого им заключено в одной необычной мумии.

— Я обнаружил ее в прежде никому не известном храме в отдаленном районе Верхнего Египта. Его точное местоположение вы узнаете завтра, когда мы вместе просмотрим мои записи. Мне представилась возможность произвести революцию в истории. Я понял это, еще даже толком и не осмотрев ее. Тогда мне показалось, что она просто не похожа на другие мумии. Все дело в разнице процесса мумифицирования. Мумия вовсе не была искалечена. Ее тело осталось точно таким же, каким было при жизни. Однако признаюсь, что лицо ее высохло и исказилось от невероятного числа лет. Только вообразите, она выглядит, словно очень старый человек, который только что умер. Веки плотно закрывают глазницы, и я уверен, что, подняв их, я обнаружу глазные яблоки... Говорю вам, наступила эпоха сокрушить все предвзятые идеи и провозгласить новые! Если бы можно было каким-то образом вдохнуть жизнь в эту высохшую мумию, так чтобы она смогла говорить, ходить, дышать, как любой другой человек! Я уже говорил, она выглядит нетронутой, словно человек умер вчера. Как вы знаете, обычно процесс изъятия кишок невероятно портил тело. Но ничего похожего с этой мумией не проделывали. Чего бы мои коллеги ни отдали за такую находку! Все египтологи умрут от чистой зависти! Уже были попытки украсть ее... И скажу я вам, многие из моих коллег вырезали бы мне сердце!

— Думаю, вы переоцениваете ваше открытие и чувства своих коллег, — откровенно сказал Гордон. Сэр Томас рассердился.

— Это толпа стервятников, сэр, — воскликнул он с диким смехом. — Волки! Шакалы! Они подкрадываются и ищут, чтобы украсть у того, кто лучше их! Профаны, они не понимают, что такое настоящее соперничество. Каждый из них старается для себя. Дайте каждому из них пожать собственные лавры, и к дьяволу всех, кто слабее. Но я далеко обогнал их всех.

— Даже допуская, что это правда, никто не давал вам права мерить всех на свой аршин, — возразил Гордон.

Сэр Томас взглянул на своего друга, говорившего искренне, с такой яростью, что мне показалось, он готов вот-вот убить Гордона. Потом настроение сэра Томаса изменилось, и он весело и шумно рассмеялся.

— Без сомнения, вы до сих пор должны помнить дело Гюстава Вон Гонманна. Тогда я сам оказался ложно обвинен, и этот неприятный инцидент продолжается до сих пор. Но уверяю вас, ко мне все это никакого отношения не имеет. Мне не нужны рукоплескания общества, и я игнорирую его обвинения. Вон Гонманн — дурак и заслужил свою судьбу. Как вы знаете, мы оба искали мертвый город Гомар, обнаружить который пытались многие ученые мира. Я устроил так, что в руки моего завистника попала фальшивая карта, и послал простофилю бродить по Центральной Африке.

— Эти поиски привели его к смерти, — напомнил сэру Томасу Гордон. — Я прибавлю, что в Вон Гонманне было что-то звериное, но то, что сделали вы, Камерон, отвратительно. Вы знали, что ничто в мире не может ему избежать смерти от руки племен, обитающих в тех землях, куда вы послали его.

— Вам не удастся разозлить меня, — невозмутимо ответил Камерон. — Это-то и нравится мне в вас, Гордон. Вы не боитесь говорить то, что у вас на уме. Но давайте забудем о Вон Гонманне. Он пошел тем же путем, каким следуют все дураки. Один из тех, кто отправился с ним, спасся во время резни и, вернувшись в форпост цивилизации, рассказал, что Вон Гонманн, увидев, к чему идет дело, разгадал обман и умер, призывая месть на мою голову. Но это никоим образом меня не волнует. Человек жив и опасен — или мертв и безвреден. Вот и все. Но уже поздно, а вы, без сомнения, хотите спать. Я позову Ганру Сингха, чтобы он показал вам ваши комнаты. Что же до меня, я проведу остаток ночи, приводя в порядок свои записи, чтобы завтра продемонстрировать вам результаты своей работы.

Ганра Сингх появился в дверях, словно призрак. Мы пожелали спокойной ночи нашему хозяину и последовали за слугой с Востока. Дом сэра Томаса имел вид буквы «П». Он был двухэтажным, и между крыльями его размещалось нечто вроде двора, на который выходили окна нижних комнат. Меня и Гордона разместили в двух спальнях на первом этаже левого крыла, с окнами во двор. Наши комнаты соединялись, и, когда я уже было приготовился отойти ко сну, ко мне заглянул Гордон.

— Странный малый, не правда ли? — кивнул он в сторону светящегося окна кабинета сэра Томаса на другой стороне двора. — Хорошая скотина, но великий, удивительный ум.

Я открыл дверь, выходящую во двор, чтобы вдохнуть свежего воздуха. В комнатах было свежо, но пахло мускусом, как в помещениях, которые долгое время не использовали.

— Определенно, у него редко бывают гости. Во всем доме огни светились только в наших комнатах и в кабинете сэра Томаса.

— Да. — Наступила тишина. Потом Гордон снова заговорил резким тоном. — Ты знаешь, как умер Вон Гонманн?

— Нет.

— Он попал в руки странного и ужасного племени, которое претендует на происхождение от племен Древнего Египта. Они — последние умельцы адского искусства пыток. Спасшийся археолог рассказал, что Вон Гонманн умирал медленно и мучительно. Его убили, не искалечив, а тело высушили. Потом его прикрепили к кресту и поставили в хижине с фетишами их ужасной религии, рядом с другими трофеями. — Мои плечи непроизвольно вздрогнули.

— Ужасно!

Гордон встал, отбросил сигарету и направился в свою комнату:

— Уже поздно. Спокойной ночи... Что это? — На другой стороне двора раздался грохот, словно опроки-

нулся стул или стол. Пока мы стояли, замороженные неожиданным, неопределенным предчувствием чего-то ужасного, безмолвие ночи прорезал крик:

— Помогите! Помогите! Гордон! Слейд! О Боже!

Мы вместе рванулись во двор. Голос принадлежал сэру Томасу и исходил из его кабинета в левом крыле. Когда мы побежали через двор, то отчетливо услышали звуки страшной борьбы, и снова закричал сэр Томас. Его голос был похож на голос человека в предсмертной агонии:

— Он достал меня. О Боже, он до меня добрался!

— Кто с тобой, Камерон? — отчаянно закричал Гордон.

— Ганра Сингх!.. — Неожиданно сэр Томас замолчал; и, ворвавшись на первый этаж левого крыла и бросившись вверх по лестнице, мы слышали лишь дикое, невнятное бормотание. Казалось, прошла вечность, прежде чем мы оказались у дверей кабинета, из-за которых доносились грубые завывания. Мы бросились открывать дверь и застыли, ошеломленные от ужаса.

Сэр Томас лежал, корчась в растекающейся луже крови, но не кинжал, воткнутый в его грудь, заставил нас застыть, словно пораженных громом, а лицо египтолога, исказившееся от ужаса. Его глаза сверкали, уставившись в пустоту. Это были глаза человека, который заглянул в Чистилище. Его губы что-то шептали, но нам удалось разобрать лишь несколько слов:

— Безносый... безносый...

Тут кровь хлынула с его губ, и он упал лицом вниз. Мы подошли к нему и в страхе переглянулись.

— Мертв, — пробормотал Гордон. — Но кто убил его?

— Ганра Сингх... — начал я, но тут мы оба обернулись. Ганра Сингх молча стоял в дверях. Выражение его лица не давало никаких намеков на то, что он думает. Гордон встал, его рука легко скользнула в карман.

— Ганра Сингх, где ты был?

— Я был внизу, в коридоре, запираю дом на ночь. Я услышал, как позвал хозяин, и вот я здесь.

— Сэр Томас мертв. Ты можешь предположить, кто убил его?

— Нет, сахиб. Я недавно приехал в Англию и не знаю, имел ли мой хозяин врагов.

— Помогите мне перенести его на кушетку. — Индус помог. — Ганра Сингх, ты понимаешь, что мы должны задержать тебя, пока дело не будет раскрыто.

— Пока вы станете заниматься мной, настоящий убийца может скрыться.

На это Гордон ничего не ответил.

— Отдай мне ключи от дома.

Сикх беспрекословно выполнил это распоряжение.

Гордон отвел его в дальний коридор и запер в маленькой комнате, вначале уверившись, что окно комнаты, как и другие окна в доме, крепко заперто. Ганра Сингх не сопротивлялся. Его лицо не выражало никаких эмоций. Запирая дверь, мы оставили его равнодушно стоящим в центре комнаты — руки сложены на груди, непроницаемый взгляд следит за нами.

Мы вернулись в кабинет. Стулья и столы опрокинуты, красное пятно на полу и безмолвная фигура на кушетке...

— До утра мы ничего не сможем сделать, — сказал Гордон. — Мы ни с кем не сможем связаться, а если отправимся в деревню, то, весьма вероятно, потеряем в темноте и заблудимся в тумане. Убийство — скорее всего дело рук сикха.

— Сэр Томас обвинил его в последних своих словах.

— Так-то так. Но я не знаю. Камерон выкрикнул его имя, но он мог просто звать этого парня на помощь... Сомневаюсь, что сэр Томас слышал меня. Конечно, это замечание о безносом может подразумевать кого-то еще, но это не убедительно. Перед смертью сэр Томас обезумел.

Я пожал плечами:

— Это, Гордон, самое ужасное во всем этом деле. Что могло так испугать Камерона и превратить его в вопящего маньяка в последние минуты жизни?

Гордон покачал головой:

— Я этого не понимаю. Смерть сама по себе никогда так не потрясла бы сэра Томаса. Скажу тебе, Слейд, мне кажется, здесь сокрыто нечто важное. Я ощущаю привкус сверхъестественного, хоть никогда не был суеверным человеком. Но давай посмотрим на это логически... Кабинет занимает весь верхний этаж левого крыла и отделен от задних комнат коридором, который проходит вдоль всего дома. Единственная дверь из кабинета выходит в коридор. Мы пересекли двор, вышли в нижнюю комнату левого крыла, вошли в зал, в который нас ввели, когда мы только приехали. Мы поднялись вверх по лестнице в верхний коридор. Дверь кабинета оказалась закрыта, но не заперта. Через эту дверь вышел бы тот, кто перед тем, как убить сэра Томаса, свел его с ума. Человек... или тварь какая... могла уйти только этим путем, потому что в кабинете негде спрятаться и засовы на окнах нетронуты. Если бы мы двигались чуть быстрее и прибежали бы на несколько секунд раньше, мы бы увидели убийцу выходящим из кабинета. Сэр Томас еще боролся со своим противником, когда я закричал, но между этим мгновением и тем, когда мы вошли в верхний коридор, у убийцы, если он двигался быстро, оставалось время выполнить свои намерения и покинуть комнату. Видимо, он скрылся в одной из комнат, расположенных по другую сторону зала, или даже выскользнул наружу, пока мы возились с сэром Томасом и таким образом дали ему сбежать... или, в том случае, если это был Ганра Сингх, у него было достаточно времени прийти в себя и снова смело войти в кабинет.

— Ганра Сингх, по его же словам, вошел следом за нами. Он мог видеть кого-то, пытающегося выбраться из комнат.

— Убийца мог услышать, как приближается Сингх, и подождать, пока он зайдет в кабинет, прежде чем сно-

на выйти в коридор. Понимаешь, я считаю, что убийца — сикх, но мне хочется быть справедливым и взглянуть на случившееся под другим углом... Давай осмотрим кинжал.

Он оказался неприятным на вид тонким египетским клинком, который, насколько я помнил, лежал на столе сэра Томаса.

— Если бы все было именно так, как мы предполагаем, то тогда одежды Ганра Сингха были бы в беспорядке, а руки в крови, — предположил я. — Едва ли у него хватило бы времени вымыться и сменить свои одежды.

— В любом случае отпечатки пальцев убийцы остались на рукояти кинжала, — согласился Гордон. — Я действовал осторожно, стараясь не стереть их. Пока оставим оружие здесь, на кушетке, чтобы показать эксперту в Бертильоне. В таких вещах я несведущ. Я же собираюсь осмотреть комнату, как делают детективы, и попытаться обнаружить ключ к разгадке.

— Я прогуляюсь по дому. Ганра Сингх и в самом деле может оказаться невиновным, а убийца может прятаться где-то в доме.

— Только будь осторожен. Помни, что убийца — отчаянный человек, готовый совершить еще не одно злодеяние.

Я взял тяжелую трость и вышел в коридор. Забыл сказать: все коридоры в доме были тускло освещены, и занавески натянуты так плотно, что, казалось, дом снаружи окружен плотной стеной тьмы. Закрыв за собой дверь, я острее почувствовал давящую тишину, царившую в доме. Тяжелые бархатные драпировки закрывали незаметные дверные проемы, и когда заблудившийся ветерок прошуршал в них, строки Поэмы всплыли в моей голове:

Шелковисто и печально зашуршали занавески,
Вызвав трепет и наполнив сердце ледяным кошмаром.

Я широким шагом вышел на лестничную площадку и, еще раз взглянув на безмолвные коридоры и за-

крытые двери, спустился вниз. Решив, что, если кто-то и прятался на верхнем этаже, он уже спустился вниз или вовсе покинул дом, я зажег свет в нижнем зале и прошел в следующую комнату. Все центральное здание между крыльями, как я обнаружил, занимал личный музей сэра Томаса. Это была по-настоящему огромная комната, наполненная идолами, саркофагами, каменными и глиняными колоннами, свитками папируса и другими вещами в том же роде. Я провел там немного времени. Войдя, я стал высматривать, не лежит ли здесь что-то не на месте. И нашел. Там был один саркофаг, отличавшийся от других. Он оказался открыт! Инстинктивно я догадался, что именно в нем хранилась мумия, которой сэр Томас хвастался этим вечером. Но сейчас саркофаг был пуст. Мумия исчезла.

Подумав о словах сэра Томаса относительно зависти соперников, я быстро повернулся и собирался отправиться в зал и подняться назад по лестнице. По дороге мне показалось, что я услышал какой-то слабый шорох. Однако у меня не было желания дальше исследовать здание в одиночку, вооружившись лишь тростью. Я решил вернуться и рассказать Гордону о том, что нам, возможно, предстоит противостоять банде международных воров. Я уже выходил из музея, когда заметил лестницу, ведущую наверх из музейной комнаты. Поднявшись по ней, я оказался в коридоре, уходящем в правое крыло.

Снова передо мной расстилался тускло освещенный коридор с множеством таинственных дверей и темных драпировок. Я должен был пересечь большую его часть, чтобы оказаться в кабинете сэра Томаса. Дрожь охватила меня, когда я по глупости попытался представить ужасных существ, затаившихся за закрытыми дверьми комнат, выходящих в коридор. Потом я взял себя в руки. Кто бы ни прикончил сэра Томаса Камерона, это был человек. Я крепче сжал трость и шагнул в коридор.

Сделав несколько шагов, я неожиданно остановился. Волосы у меня на затылке встали дыбом, и по телу

поползли мурашки. Я почувствовал чье-то невидимое присутствие. Мой взгляд, словно притягиваемый магнитом, потянулся к тяжелым занавесям, закрывавшим одну из дверей. В коридоре не было сквозняка, но занавеси слегка шевельнулись! Я, вытаращив глаза, уставился на тяжелую темную ткань, словно хотел взглядом прожечь в ней дыру, и инстинктивно почувствовал, что кто-то наблюдает за мной. Потом мой взгляд стал блуждать по стене возле скрытой двери. Какой-то каприз смутного света очертил темную бесформенную тень, и, пока я наблюдал, она медленно обретала форму ужасного, искривленного гоблина — гротескно-человекообразной твари... и безносой!

Неожиданно мои нервы не выдержали. Эта искривленная фигура могла быть не более чем тенью человека, который стоял за занавесками. Но мне казалось, что, кем бы ни было прячущееся существо — человеком, зверем или демоном, — за темными занавесями скрывалась ужасная опасность. Ужас таился в тени. Безмолвный полумрак царил в коридоре, освещенном мерцающими лампами. И эта неопределенная тень... Я, как никогда раньше, был близок к безумию... Всего этого оказалось слишком много для моих глаз и чувств. Призраки словно околдовали мой разум. Ужасные темные образы поднимались из моего подсознания и насмехались надо мной. В этот момент мне показалось, что весь остальной мир далеко-далеко, а я оказался лицом к лицу с пришельцем из другого мира.

Повернувшись, я поспешил по коридору. Бесплезная трость дрожала в моей руке, и капли холодного пота выступили у меня на лбу. Добравшись до кабинета, я вошел и закрыл за собой дверь. Мой взор сразу обратился к кушетке с ее мрачной ношей. Гордон перебирал бумаги на столе и повернулся, когда я вошел. Его глаза горели с едва сдерживаемым восторгом.

— Слейд. Я нашел карту, которую начертил Кэмерон, и, согласно ей, он обнаружил мумию на границе тех земель, где был убит Вон Гонманн...

— Мумия исчезла, — сказал я.

— Исчезла? Боже! Может, это все объясняет! Банда воров-ученых! Похоже, Ганра Сингх заодно с ними... Давай-ка пойдем и поговорим с ним.

Гордон вышел в коридор. Я отправился за ним следом. Мои нервы были напряжены, я даже не пытался обсуждать мои недавние переживания. Перед тем как рассказать о своем страхе, я должен был прийти в себя. Гордон постучал в дверь комнаты, где мы оставили индуса. В доме царила тишина. Он повернул ключ в замке, распахнул дверь и выругался. Комната была пуста! Открытая дверь, ведущая в следующую по коридору комнату, показывала, каким образом индус скрылся. Замок оказался взломан.

— Именно этот шум я и слышал! — воскликнул Гордон. — Каким же дураком я был, так увлекшись записями сэра Томаса. Я не обратил внимания на шум, решив, что это ты открываешь или закрываешь какую-то дверь! Я неудачный детектив. Если бы я был насто-роже, я бы появился на сцене до того, как наш арестант сбежал.

— Удача отвернулась от тебя, — встряхнувшись, ответила. — Гордон, давай уходить отсюда! Ганра Сингх прятался за занавесками, когда я шел по коридору... Я видел тень безносого лица... И скажу тебе, в нем есть что-то нечеловеческое. Он — злой дух! Не человек, а какое-то чудовище! Ты думаешь, человек мог свести сэра Томаса с ума... обычный человек? Нет, нет, нет! Этот индус — демон в человеческом обличье... И даже не совсем в человеческом.

На лицо Гордона напозла тень.

— Чепуха! Ужасное и необъяснимое преступление было совершено здесь ночью. Но я не верю, что его нельзя объяснить естественным образом... послушай!

Где-то дальше по коридору открылась и закрылась дверь. Гордон прыгнул к выходу и помчался по коридору. Вдалеке мелькнуло что-то, похожее на темную тень. Кто-то пролетел в дверь одной из комнат, разметав в

стороны занавески. Гордон вслепую выстрелил (я совсем забыл сказать, что у него был револьвер), а потом побежал дальше. Я последовал за ним, проклиная его безрассудность. Выстрел же был просто глупой бравадой. Я не сомневался, что в конце этой дикой погони нам предстоит вступить в схватку с таинственным индусом. Сломанный дверной засов был достаточным доказательством его сил, даже если не вспоминать окровавленное тело, которое мы оставили в кабинете. Но когда такой человек, как Гордон, мчится вперед, разве можно не последовать за ним?

Мы пробежали по коридору к той двери, за которой, как мы видели, исчезла тварь. Миновали одну темную комнату и ворвались в следующую. Шаги впереди подсказали нам, что мы почти настигли свою жертву. Мои воспоминания о погоне по комнатам больше похожи на смутный, туманный сон — жуткий, хаотический кошмар. Я не помню, сколько комнат мы миновали, помню только, что бежал за Гордоном и остановился, лишь когда он застыл перед завешенной темной тканью дверью, из-под которой вырывалось красное мерцание. Я едва перевел дыхание. Полностью утратив чувство направления, я не знал, в какой части дома мы очутились и почему это красноватое мерцание за занавесями пульсирует.

— Это комната Ганры Сингха, — сказал Гордон. — Сэр Томас упоминал о ней в разговоре. Это самая дальняя комната в правом крыле. Дальше ему бежать некуда, потому что у этой комнаты только одна дверь. Окна ее закрыты. Внутри преступник, оказавшийся в безвыходном положении... Индус или кто-то другой... тот, кто убил сэра Томаса Камерона!

— Тогда, во имя Бога, схватим его и узнаем, кто он! — попытался подтолкнуть я Гордона и, проскользнув мимо него, развел в стороны занавеси.

Наконец мы узнали, откуда взялось красное мерцание. Яркое пламя вспыхивало и мерцало в большом камине, разбрасывая красные отблески по комнате. А

у стены стояла ужасная, адская тварь — исчезнувшая мумия! Мой изумленный взгляд одним разом охватил сморщенную кожу, ввалившиеся щеки, раздувшиеся и высохшие ноздри, которые остались на месте сгнившего носа. Ужасные глаза были широко открыты, и в них горела призрачная, демоническая жизнь. Я разглядел это в одно мгновение, потому что тотчас длинная, тощая тварь, шатаясь, направилась ко мне. В ее тощей, увенчанной когтями руке был зажат подсвечник. Я ударил тварь тростью, почувствовал, что проломил ей череп, но гадина не остановилась (разве можно убить того, кто уже мертв?), и в следующий момент я упал, корчась от боли, ошеломленный, со сломанным предплечьем, отброшенный в сторону сухой рукой чудовища.

Я увидел, как Гордон с близкого расстояния четыре раза выстрелил в ужасную тварь, а потом она схватила его. Пока я тщетно пытался встать на ноги и снова вступить в битву, мой друг-атлет оказался беспомощным в нечеловеческих руках монстра. Мумия начала выгибать его тело о край доски стола. Казалось, вот-вот — и позвоночник Гордона не выдержит.

Спас нас Ганра Сингх. Огромный сикх неожиданно проскочил через занавеси, словно арктический вихрь, и вступил в схватку, будто раненный пулей слон. С силой, равной которой я не видел и которой даже живой мертвец не мог сопротивляться, он оторвал ожившую мумию от ее жертвы. Индус протащил мумию, вцепившуюся в его грудь, назад через всю комнату, пока очаг не оказался у нее за спиной. Потом, последним безумным усилием, сикх отшвырнул чудовище в огонь и стал втоптывать его в пламя, пока держащиеся высохшие конечности не занялись. Тварь развалилась на части, распространяя невыносимую вонь разложения и горящей плоти.

И тут Гордон, точно уснув с открытыми глазами; Гордон, охотник на львов, у которого, как считали, железные нервы; Гордон, храбро встретивший тысячи опасностей, — повалился лицом вперед, словно мертвый!

Позже мы говорили об этом деле, Ганра Сингх перевязывал мою сломанную руку так осторожно и нежно, словно всю жизнь только этим и занимался.

— Я думаю (хотя прибавлю, что точно это не известно), что люди, которые сделали эту мумию столетия назад или, возможно, тысячи лет назад, знали искусство сохранения жизни, — слабым голосом проговорил я. — По каким-то причинам этот человек просто лег спать и спал все эти годы вроде как во сне, как делают индусские йоги, проводя дни и недели в состоянии, похожем на смерть. Когда настало подходящее время, это существо проснулось и выполнило свое... ужасное проклятие.

— А что ты думаешь, Ганра Сингх?

— Сахиб, кто я, чтобы говорить о тайных вещах? — вежливо ответил могучий сикх. — Многие вещи людям неизвестны. После того как сахиб запер меня в комнате, я подумал, что тот, кто убил хозяина, может спрятаться, пока я беспомощен, и сделать еще что-нибудь плохое. Я как можно тише выбил замок и отправился на поиски. Наконец я услышал звуки борьбы в моей собственной спальне и, придя туда, обнаружил сахибов, сражающихся с живым мертвецом. Удачно, что перед тем, как все это произошло, я развел в своей комнате большой огонь, как и во все предыдущие ночи. Мне неуютно в вашей холодной стране. Я знал, что огонь — враг всех злых тварей, Великий Очиститель. Поэтому я втокнул Злую Тварь в огонь. Я был счастлив отомстить за своего хозяина и помочь сахибам.

— Помочь, — прорычал Гордон. — Если бы ты не появился, мы бы погибли. Ганра Сингх, я уже извинился за свою подозрительность. Ты — хороший человек. И, Слейд, — его лицо стало серьезным, — думаю, вы ошибаетесь. Во-первых, эта мумия отнюдь не древняя. Ее сделали лет двадцать назад! Я обнаружил это, прочитав секретные записи. Сэр Томас нашел эту мумию не в заброшенном храме. Он обнаружил ее в хижине для фетишей в Центральной Африке. Он не объяснил,

где раздобыл ее, только сказал, что обнаружил ее в верховьях Нила. Сэр Томас был египтологом и в самом деле считал, что мумия очень древняя, и, как мы знаем, был прав относительно необычного процесса мумифицирования. Племя, которое создало эту мумию, и в самом деле знает о таких вещах больше, чем древние египтяне. Но в любом случае эта мумия сделана совсем недавно... Сэр Томас украл ее у дикарей... у того самого племени, которое убило Вон Гонманна... Нет, я чувствую, что-то здесь не так... Ты слышал оккультную теорию, которая заявляет, что дух, рожденный на земле в ненависти или любви, может стать добрым или злым, когда вселится в материальное тело? Оккультисты говорят (и это звучит достаточно благоразумно), что существует узкий мостик, соединяющий миры живых и мертвых, и призрак или дух может ожить, приобретя тело из плоти... возможно, то самое тело, которым владел раньше. Мумию сделали из трупа, но я верю, что ненависти, которую этот человек чувствовал перед смертью, оказалось достаточно, чтобы победить смерть и заставить высохшее тело двигаться... Если все так и есть, то невозможно описать ужас, который испытал этот человек умирая. Если это правда, люди постоянно балансируют на краю безумных океанов сверхъестественного ужаса, отделенных от нашего мира тонкой занавесью, которая может быть прорвана точно так, как мы только что видели. Я бы хотел поверить в другое... Но, Слейд... Когда Ганра Сингх втоптывал мумию в огонь, я увидел... черты, на мгновение проступившие сквозь пламя, словно улетающий воздушный шар. На одно краткое мгновение они приняли человеческий облик и стали знакомыми. Слейд, это было лицо Гюстава Вон Гонманна!

ДОМ, ОКРУЖЕННЫЙ ДУБАМИ

ГЛАВА 1

Н вы поймете, почему я изучаю случай Джастина Геоффрея, — сказал мой друг Джеймс Конрад. — Я выясню все факты его жизни, составляю его семейное древо и узнаю, почему он отличается от остальных членов семьи. Я пытаюсь понять, что сделало Джастина именно тем, кем он является.

— Ну и как успехи? — спросила я. — Вижу, вы изучили не только его биографию, но и его фамильное древо. Быть может, с вашими глубокими знаниями в биологии и психологии вам, Джеймс, и удастся объяснить характер этого странного поэта.

Конрад, печально взглянув на меня, покачал головой:

— Вполне возможно, мне этого не удастся. Обычный человек не найдет тут никакой тайны... Джастин Геоффрей — просто урод, полугений, полуманьяк. Рядовой человек скажет, что Джастин «таким уж уродился». Попытайтесь объяснить, почему дерево выросло кривым! Но искажение разума имеет свою причину, точно так же как искривление дерева. Все имеет свою причину... и, если исключить один, казалось бы

тривиальный, случай, я не могу найти причину, по которой Джастин вел такую жизнь... Он был поэтом. Задумайте любую рифму, какую хотите, и вы найдете ее среди стихотворений и музыкальных произведений его литературного наследства... Я изучил его фамильное древо на пять сотен лет назад и не нашел ни одного поэта, ни одного певца, ничего, что могло бы связать Джастина с кем-то из семьи Геоффреев. Они — люди добропорядочные, но более степенного и прозаического типа. Обычная старинная английская семья помещиков среднего класса, которые обеднели и приехали в Америку в поисках удачи. Они обосновались в Нью-Йорке в 1860 году, и хотя их потомки рассеялись по стране, все они (кроме Джастина) остались точно такими же — здравомыслящими, трудолюбивыми торговцами. И мать, и отец Джастина из этого класса людей. И такими же стали его братья и сестры. Его брат Джон — преуспевающий банкир в Цинциннати. Старший брат Юстас — партнер адвокатской фирмы в Нью-Йорке, а Вильям, самый младший брат, пока учится в Гарварде, уже выказывая задатки хорошего торговца. Из трех сестер Джастина одна вышла замуж за бизнесмена, наискучнейшего типа, другая — учительница в начальной школе, а третья, самая младшая, еще обучается в пансионе. Ни в одной из них нет даже самого легкого намека на характерные черты Джастина. Он среди своих родных чужой. Все они известны как милые, честные люди. Допустим, но я обнаружил их нестерпимо скучными и начисто лишенными воображения. Однако Джастин, человек одной с ними крови и плоти, жил в собственном мире, столь фантастическом и эксцентричном, что он лежит за пределами моего понимания... И я никак не могу обвинить Джастина в недостатке воображения... Джастин Геоффрей умер в сумасшедшем доме. Перед смертью он бредил. Все точно так, как он сам же предсказывал. Этого уже достаточно для того, чтобы отличать его от среднего человека. Для меня это только начало удивительного.

Что же сделало Джастина Геоффрея безумным? Можно стать помешанным, а можно быть таким от рождения. В случае Джастина это не унаследованная черта характера. Я удостоверился в этом, к полному своему удовлетворению. Насколько я смог проследить записи, не было ни мужчины, ни женщины, ни ребенка в семье Геоффрей, у которых были бы замечены хоть самые легкие следы умопомешательства. Значит, Джастина что-то свело с ума. Но что? И дело здесь не в какой-то болезни. Он был необычайно здоров, как и все в его семье; Его родные говорят, что он никогда не болел. И в детстве с ним не случалось ничего необычного. И вот самое странное. В возрасте десяти лет он ничем не отличался от своих братьев. Когда же ему исполнилось десять лет, с ним произошла перемена... Он начал мучиться от диких, ужасных снов, которые преследовали его каждую ночь до самой смерти. Вместо того чтобы поблекнуть, как происходит с большинством детских снов, эти сны становились все более яркими и ужасными, пока не заслонили от Джастина реальную жизнь. Наконец Джастин решил, что они — реальность. Предсмертные крики и богохульства Джастина потрясли даже выдавших виды санитаров сумасшедшего дома... Из человека, интересующегося только своими личными делами, деградировавшего маленького животного, он превратился почти в отшельника. Он бормотал про себя, как это обычно делают дети, и предпочитал бродить по ночам. Миссис Геоффрей рассказала, как не раз и не два после того, как дети ложились спать, заходила она в комнату, где спали Джастин и Юстас, и находила лишь мирно спящего Юстаса. Открытое окно говорило, каким образом Джастин выбрался из дома. Парень любил бродить при свете звезд, пробираясь среди молчаливых ив вдоль спящей реки, любил ступать по влажной от росы траве и будить коров, дремлющих на какой-нибудь тихой лужайке... Вот строки стихотворения, которое написал Джастин, когда ему было одиннадцать. — Конрад

взял огромную книгу в очень дорогом переплете и прочел:

Лежат ли.
 Вуалью сокрыты, пучины
 Пространства и Времени?
 И что за блестящих скривившихся тварей
 Я видел мельком?
 Дрожу перед
 Ликом огромным неясного племени,
 Рожденным в безумии
 Ночи однажды тайком.

— Что? — воскликнул я. — Вы хотите сказать, что эти строки написал ребенок одиннадцати лет?

— Совершенно верно! Его поэзия в этом возрасте была незрелой и неопределенной, но даже тогда она казалась многообещающей. Позже она сделала из Джастина безумного гения. В другой семье его определенно стали бы поощрять и помогли бы расцвести его безумному чуду. Но неразговорчивая, прозаическая семья Джастина видела в его мазне лишь трату времени и ненормальность, которую, как они думали, надо задавить в зародыше... Бах!.. Пусть повернут вспять все реки с отвратительной черной водой, что текут под покровом африканских джунглей!.. Но родственники мешали Джастину полностью развить свои необычные таланты, и поэтому его стихи увидели свет, только когда ему исполнилось семнадцать, да и то при помощи друга, который нашел Джастина, истощенного и несдавшегося, в деревне Гринвич, после того как тот бежал из удушающего окружения своего дома... Но семья Джастина считала его поэзию ненормальной лишь потому, что никто из них стихи не писал. Они не вдумывались в то, о чем писал Джастин. Для них каждый, кто не посвятил свою жизнь продаже картофеля, — ненормальный. Они пытались дисциплинарными методами отучить Джастина от поэзии. А его братец Джон с тех дней носит шрам — напоминание о дне, когда Джастин попробовал наказать своего младшего брата за пренебрежительное отношение к его мазне.

Характер Джастина был ужасным и непредсказуемым, совершенно иным, чем у его флегматичных, добрых по своей природе родственников. Он отличался от них, как тигр от волов, ничем не походил на них — даже чертами лица. Все Геоффрей были круглолицыми, коренастыми, склонными к полноте. Джастин — тонким, почти истощенным, с узким носом и ликом, напоминавшим ястреба. Его глаза сверкали от внутренней страсти, а его нависающие над бровями взъерошенные волосы были странно жидкими. Лоб — одна из самых неприятных деталей его внешности. Не могу сказать почему, но всякий раз, как я смотрю на его бледный, высокий, узкий лоб, я бессознательно вздрагиваю!.. Как я и говорил, все эти изменения произошли, когда ему исполнилось десять лет. Я видел картинки, которые рисовал он и его братья в возрасте девяти лет, и очень трудно отличить его рисунки от других. Он был таким же, как его братья, — коренастым, кругленьким, приземленным, с приятными чертами лица. Такое впечатление, что в возрасте десяти лет Джастина Геоффрея подменили!

Я лишь покачал головой от удивления, и Конрад продолжал:

— Все дети Геоффреев, кроме Джастина, закончили школу и поступили в колледж. Джастин же учился против своей воли. Он отличался от своих братьев и сестер и во всем остальном. Они усердно занимались в школе, но вне ее стен редко открывали книгу. Джастин без устали искал знаний, но руководствуясь собственным выбором. Он презирал и ненавидел образование, что давала школа, много говорил о его тривиальности и бесполезности... Он отказался подать документы в колледж. Когда же он умер — в возрасте двадцати одного года, — он был образован весьма однобоко. Многое из того, чему его учили, он игнорировал. Например, он не знал ничего из высшей математики и клялся, что все эти знания для него совершенно бесполезны, потому что все это далеко от реального положе-

ния дел во вселенной. Джастин утверждал, что математика очень изменчива и неопределенна. Он ничего не знал о социологии, экономике, философии. Он всегда держался в стороне от текущих политических событий и знал из современной истории не больше того, о чем рассказывали в школе. Но он знал древнюю историю и был великим знатоком древней магии, Кирован... Он интересовался древними языками и упрямо вставлял в свою речь устаревшие слова и архаичные фразы. А теперь, Кирован, скажите, каким образом этот сравнительно некультурный юноша, без знания литературного наследства, ухитрился создавать такие ужасные образы?

— Тут дело скорее в интуиции, чем в знании, — ответил я. — Великий поэт может пойти по иному пути, чем обычные люди, на самом деле полностью не осознавая того, о чем пишет. Поэзия соткана из теней — впечатлений от неосознанного, которое нельзя описать другим способом.

— Точно! — подхватил Конрад. — А откуда пришли эти впечатления к Джастину Геоффрею? Ладно, продолжим. Изменения в Джастине начались, когда ему исполнилось десять лет. Его сны, как мне кажется, начались после того, как он провел ночь поблизости от одного старого заброшенного фермерского дома. Его семья навещала друзей, которые жили в маленькой деревеньке в штате Нью-Йорк... неподалеку от подножия Кетскилла. Джастин, я так думаю, отправился на рыбалку с другими детьми, отбилась от них, потерялся. Его нашли на следующее утро мирно дремлющим в роще, окружающей тот дом. С характерным для Геоффреев флегматизмом, он ничуть не был потрясен приключением, от которого у других маленьких мальчиков случилась бы истерика. Джастин только сказал, что он бродил вокруг, пока не вышел к дому, но не сумел войти и уснул среди деревьев. Был конец лета. С мальчиком не случилось ничего страшного, но, по его словам, с тех пор он стал видеть странные и необыч-

ные сны, которые не мог рассказать и которые со временем становились все ярче. Тут только одно непонятно — никому из Геоффреев никогда не снились кошмары... А Джастину продолжали сниться дикие и странные сны, и, как я уже говорил, стали происходить перемены в его мышлении и поведении. Очевидно, это и был тот случай, после которого Джастин изменился. Я написал мэру той деревни, спросив, есть ли какие-нибудь легенды, связанные с тем домом. Его ответ лишь разжег мой интерес, хотя в письме не было сказано ничего определенного. Мэр написал, что дом этот стоял на холме, сколько он помнит, но пустует по крайней мере лет пятьдесят. Еще он написал, что это — спорная собственность и, насколько он знает, нет никаких историй, связанных с этим местом. И еще он прислал мне снимок.

Тут Конрад показал мне маленькую фотографию. Я подпрыгнул от удивления:

— Что? Джим, я видел этот пейзаж и раньше... Эти высокие мрачные дубы, похожий на замок дом, который почти спрятался среди них... Я знаю его! Это картина Хэмфри Сквилера, висящая в галерее искусства Харлекуинского клуба.

— В самом деле! — В глазах Конрада зажглись огоньки. — Мы оба очень хорошо знаем Сквилера. Давай отправимся к нему в студию и спросим, что он знает об этом доме, если, конечно, он что-то о нем знает.

Мы нашли художника, как обычно, за работой над причудливым полотном. Он был выходцем из очень богатой семьи, поэтому мог позволить себе рисовать ради своего удовольствия... и картины у него порой выходили сверхъестественными и эксцентричными. Он был не из тех людей, что поражают необычными одеждами и манерами, но выглядел темпераментным художником.

Примерно моего роста — около пяти футов десяти дюймов, — он был стройным, как девушка, с длинными, белыми нервными пальцами, острым личиком.

Потрясающе спутанные волосы закрывали его высокий бледный лоб.

— А, дом,— сказал он в своей быстрой, подвижной манере.— Я нарисовал его. Однажды я взглянул на карту, и название Старый Датчтаун заинтриговало меня. Я отправился туда, надеясь найти пейзаж, достойный кисти, но в этом городе ничего подходящего не оказалось. А в нескольких милях от городка я обнаружил этот дом.

— Я удивился, когда увидел это картину,— заговорил я.— Вы ведь нарисовали просто пустой дом, без обычного сопровождения в виде призрачных лиц, выглядывающих из окон верхнего этажа, и едва различимых теней, устраивающихся на фронтонах.

— Нет? — воскликнул он.— А разве в этой картине нет чего-то большего, производящего впечатление?

— Да, пожалуй,— согласился я.— От нее у меня мурашки бегут по коже.

— Точно! — воскликнул художник.— Но фигуры, добавленные моим собственным убогим разумом, испортили бы эффект. Ужасное получается лучше, если ощущение более утонченное. Облечь страх в видимую форму, не важно, реальную или призрачную, значит уменьшить силу воздействия. Я нарисовал обычный полуразрушенный фермерский дом, с намеком на призрачные лица в окнах. Но этот дом... этот дом... не нуждается в таком шарлатанском добавлении. Он сильно выделяется своей аурой ненормальности... В фантазии человека нет такой экспрессии.

Конрад кивнул:

— Я чувствую это, даже глядя на фотографию. Деревья закрывают большую часть здания, но его архитектура кажется мне необычной.

— Я бы тоже так сказал. Хотя я и достаточно знаком с историей архитектуры, я не могу классифицировать стиль этой постройки. Местные говорят, что дом построил датчанин, который первым поселился в этой части местности, но стиль не больше датский, чем, скажем, греческий. В этом строении есть что-то вос-

точное, однако к Востоку отношения оно не имеет. В любом случае дом старый... этого отрицать нельзя.

— Вы заходили в дом?

— Нет. Двери и окна были закрыты, а я не хотел совершать ограбление. Тогда не так уж много времени прошло с тех пор, как меня преследовали по закону за то, что я пробрался на старую ферму в Вермонте. Я не стал вламываться в старый пустой дом для того, чтобы зарисовать его интерьер.

— Вы поедете со мной в Старый Датчтаун? — неожиданно спросил Конрад. Сквилер улыбнулся:

— Вижу, ваш интерес возрос... Да, если вы считаете, что сможете пробраться в дом так, чтобы мы потом все вместе не оказались в суде. У меня и так достаточно сомнительная репутация. Еще одна тяжба вроде той, о которой я упоминал, — и за мной установят надзор, как за сумасшедшим. А как вы, Кирован?

— Конечно, поеду, — ответил я.

— Я так и думал, — сказал Конрад. Вот так мы и очутились в Старом Датчтауне поздним теплым летним утром.

Дремлющий, пыльный от старости дом.
Пусто на улицах. Юность забытая...
Кто же крадется, скользит за окном,
Там, где аллея, тенями увитая?

Конрад процитировал фантазии Джастина Геоффрея, когда мы взглянули с холма на дремлющий Старый Датчтаун. Спускаясь с холма, дорога ныряла в лабиринт пыльных улиц.

— Вы уверены, что поэт имел в виду именно этот городок, когда написал эти строки?

— Он подходит под описание, ведь так?.. Высокие двускатные крыши старинных особняков... Эти дома в старинном датском и колониальном стилях... Теперь я понимаю, почему этот город привлек вас, Сквилер. Он весь пропитан древностью. Некоторым из этих домов три сотни лет. А что за атмосфера разложения царит в этом городе!

Мы встретили мэра. Неряшливая одежда и манеры этого человека являли странный контраст со спящим городом и медленным, непринужденным течением городской жизни. Мэр вспомнил, что Сквилер уже бывал здесь... в самом деле, появление любого чужого в таком маленьком уединенном городке было событием, о котором жители долго помнили. Казалось странным, что всего в сотне миль грохочет и пульсирует величайший мегаполис мира.

Конрад не мог ждать ни минуты, так что мэр отправился проводить нас к дому. При первом же взгляде на это здание дрожь отвращения прошла через мое тело. Дом стоял на небольшой возвышенности, между двумя богатыми фермами. От них его отделяли каменные изгороди, протянувшиеся по обе стороны в сотне ярдов от дома. Искривленные дубы тесным кольцом окружали здание, неясно проступающее сквозь ветви, словно голый, обглоданный временем череп.

— Кто хозяин этой земли? — спросил художник.

— Она — предмет споров, — ответил мэр. — Джедах Алдерс хозяин вот этой фермы, а Скир Абнер — той. Абнер утверждает, что дом — часть фермы Алдерса, а Джедах столь же громко заявляет, что дед Абнера купил ее у семьи датчан, которые тут первоначально поселились.

— Звучит безнадежно, — заметил Конрад, — Каждый отказывается от этой собственности.

— Это не так уж странно, — сказал Сквилер. — Хотели бы вы, чтобы вот такое местечко стало частью вашего поместья?

— Нет, — ответил Конрад, секунду подумав. — Я бы не хотел.

— Между нами, никто из фермеров не хочет платить налоги на собственность за эту землю, так как она абсолютно бесполезна, — встрял мэр. — Пустоши вытянулись во все стороны от дома, а границы полей, на которых можно сеять, четко проходят вдоль линии изгородей. Такое впечатление, что дубы выпивают

жизненную силу из любого растения, появившегося на их земле.

— Почему бы тогда не срубить эти деревья? — спросил Конрад. — Я никогда не сталкивался с подобными сантиментами у фермеров этого штата.

— Потому что этот вопрос, так же как право владения этой землей, последние пятьдесят лет — предмет спора. Никто не хочет отправиться и срубить эти деревья. И потом эти дубы такие старые и имеют такие корни, что выкорчевывать их будет непосильной работой. К тому же относительно этой рощи существует грубое суеверие. Давным-давно человек сильно поранился о собственный топор, когда хотел срубить одно из этих деревьев. Такое может случиться где угодно. Но местные придают этому слишком большое значение.

— Ладно, — сказал Конрад. — Если земля вокруг дома ни на что не годится, почему никто не воспользуется самим зданием или не продаст его?

В первый раз мэр выглядел смущенным.

— Никто из местных не станет жить и не купит его. Нехорошая это земля, и, сказать по правде, невозможно войти в этот дом!

— Невозможно?

— Все дело в том, что двери и окна дома крепко заперты или заколочены, — прибавил мэр. — И у кого-то, кто, видимо, не желает поделиться секретом, есть ключи. А может, они уже давно потеряны. Думаю, кто-то использовал дом как прибежище для бутлегеров¹ и имел причины держаться подальше от любопытных взглядов, но внутри никогда не видели ни огонька, и поблизости никто подозрительный не бродил.

Мы миновали круг утрюмых, мрачных дубов и остановились перед зданием. У нас возникло странное ощущение отдаленности, так, словно, даже когда мы подходили и касались дома, он находился далеко от

¹ Торговцы спиртным во время сухого закона в США (прим. перев.).

нас, в каком-то ином месте, в другом веке, другом времени.

— Я хотел бы войти в дом,— сказал Сквилер.

— Попробуйте,— предложил мэр.

— Что вы имеете в виду?

— Не вижу, почему бы вам не попробовать. На моей памяти никто не входил в этот дом. Никто не платил налоги за владение им так долго, что я предполагаю, дом давно уже принадлежит штату. Его можно было бы выставить на продажу, только вот никто не купит.

Сквилер небрежно потянул дверь. Мэр наблюдал за ним, и улыбка играла на его губах. Потом Сквилер навалился плечом на дверь. Она лишь едва дрогнула.

— Я же говорил вам. Она или заперта, или заколочена. Точно так же, как остальные окна и двери. Можно выбить косяк, но вы ведь не станете делать этого.

— Могу и выбить,— возразил Сквилер.

— Попробуйте,— сказал мэр.

Сквилер подобрал упавшую ветвь дуба впечатляющих размеров.

— Нет,— неожиданно вмешался Конрад. Но Сквилер уже приступил к делу. Он не стал тратить времени на дверь и ударил в ближайшее окно. Промахнувшись по раме, он попал по стеклу и разбил его. Дубовая ветвь уперлась в ставни внутри дома.

— Не делайте этого,— снова сказал Конрад намного серьезнее.

Лицо у него было расстроенным. Сквилер уронил ветвь на землю.

— Ничего не чувствуете? — спросил Конрад. Порыв холодного воздуха ударил из разбитого окна. Запахло пылью и стариной.

— Лучше нам оставить все как есть,— заметил мэр. Сквилер отступил.

— Больше тут нечего делать,— продолжал мэр неубедительно.

Конрад стоял словно в трансе. Потом он шагнул вперед и стал вглядываться сквозь ставни разбитого окна. Он прислушивался. Глаза его были полузакрыты. Он пытался понять, что скрыто в доме. Я видел, как дрожит его рука.

— Великие ветры! — прошептал он. — Мальстрим ветров!

— Джеймс! — резко позвал я.

Он отодвинулся от окна. Выражение лица его было странным. Губы чуть разошлись, словно в экстазе. Глаза сверкали.

— Я что-то слышал, — сказал он.

— Вы не могли слышать ничего, кроме шороха крысы, — ответил мэр. — Они часто сеются в таких местах...

— Великие ветры, — снова повторил Конрад, покачивая головой.

— Пойдем, — предложил Сквилер, словно забыв о том, зачем мы сюда пришли.

Никто из нас не стал задерживаться. Дом производил на нас такое впечатление, что все поиски были забыты.

Но Конрад не забыл о доме. Когда мы вернулись назад, завезли Сквилера в его студию, Конрад сказал мне:

— Кирован... Когда-нибудь я вернусь в тот дом. — Я не возражал, но и одобрения не высказывал, просто на несколько дней выбросил все это из головы. А Конрад больше не говорил со мной ни о Джастине Геоффрее, ни о его странной жизни поэта.

ГЛАВА 2

Прошла неделя, прежде чем я снова увидел Конрада. К тому времени я забыл о доме среди дубов, так же как о Джастине Геоффрее. Но вид искаженного, изможденного лица Конрада и выражение его глаз заставили быстро вспомнить и о Геоффрее, и о доме, по-

тому что я интуитивно понял, что Конрад возвращался туда.

— Да, — согласился он, когда я высказал свое предположение. — Я хотел повторить опыт Геоффрея... провести ночь возле дома в кругу деревьев. Я так и сделал. И с тех пор... мне снятся сны? Ни одной спокойной ночи. Я мало сплю. И я собираюсь еще раз посетить дом.

— Если исследование жизни Джастина Геоффрея привело вас к этому, Джеймс... Забудьте об этом.

Он наградил меня взглядом, исполненным жалости, так что мне стало ясно: он считал, что я ничего не понимаю.

— Слишком поздно, — резко сказал он. — Я пришел попросить вас присмотреть за моими делами... если со мной что-нибудь случится.

— Не говорите так, — воскликнул я, встревожившись.

— Кирован, не надо читать мне лекцию, — сказал он. — В общем-то мои дела в порядке.

— Вы заходили к доктору? — спросил я.

Мой друг покачал головой:

— Доктор тут ничего не сделает, поверьте мне. Так вы присмотрите за моими делами?

— О, конечно... Но надеюсь, мне этого делать не придется.

Он вынул конверт из внутреннего кармана пальто:

— Я принес это вам, Кирован. Прочитайте, когда будет время.

Я взял конверт.

— Вы хотите, чтобы я потом это вернул?

— Нет. Оставьте у себя. Сожгите, когда прочтете. Или сделайте с записками, что захотите. Это неважно.

Так же неожиданно, как и появился, он покинул мои апартаменты. Он явно изменился и был глубоко обеспокоен. Казалось, он не был больше тем Джеймсом Конрадом, которого я знал так много лет. С дурными предчувствиями смотрел я ему вслед, но знал, что его не остановить. Этот необычный заброшенный дом

удивительным образом изменил его личность... если действительно дело тут было в доме. Глубокая депрессия в сочетании с черным отчаянием овладела им.

Я разорвал конверт. Внутри оказалась рукопись, судя по всему написанная в страшной спешке.

«Я хочу, чтобы вы, Кирован, узнали о событиях последней недели. Я уверен в том, что должен рассказать старому другу, столько лет знакомому со мной, что я не потратил зря времени, вернувшись к дому среди дубов. (Приходило ли вам в голову, что дубы и друиды часто упоминаются вместе в народных сказаниях?) Я вернулся с молотом, кувалдой и всем необходимым инструментом, для того чтобы выломать дверь или ставни на окне и войти в дом. Я хотел увидеть, что там внутри... Я понял это, когда в первый раз почувствовал холодный воздух, которым потянуло из дома. День то был теплым, вы же помните... Воздух внутри закрытого дома мог и в самом деле быть холодным, но не могло же от него веять арктическим холодом!

Не стоит пересказывать все детали моих тщетных попыток вломиться в дом. Скажу только, что здание словно сражалось со мной каждым гвоздем и лучинкой! Но я преуспел. Я открыл окно. Как раз то, которое не смог открыть Сквилер. (Он ведь что-то знал... что-то чувствовал... раз отступил так легко.)

Интерьер дома совершенно не соответствовал его атмосфере. Дом был обставлен, и я решил, что эта мебель по крайней мере начала девятнадцатого века. А скорее всего восемнадцатого. Во всем остальном внутри дома не было ничего примечательного... никаких украшений. Но воздух оказался холодным, очень холодным. Я был готов к этому. Вступив в дом, я словно попал на другую широту. Пыль, конечно, паутина по углам и на потолке.

Но даже если оставить в стороне холод и некую таинственность, там было еще кое-что — скелет, сидя-

щий в кресле в комнате, которая, очевидно, использовалась как кабинет, потому что на полках стояло множество книг. Одежды мертвеца истлели, но по их остаткам можно было определить, что скелет принадлежал мужчине. Не могу сказать, как он умер, но, видимо, перед смертью хорошенько запер дом, забаррикадировался в нем. Я считаю, что он сам покончил с жизнью и все приготовил прежде, чем смерть забрала его.

Но это не важно. Присутствие скелета не удивило меня... не так, как атмосфера дома. Я имею в виду сверхъестественный холод. Дом внутри был таким же таинственным, как снаружи. Один раз мне даже почудилось, что я попал в другой мир, другое измерение, отделенное от нашего времени и пространства, однако находящееся совсем рядом. Как двусмысленно, должно быть, это звучит для вас!

Должен сказать, что сначала меня ничто не волновало, кроме холода и чувства отчуждения. Но когда спустилась ночь, это чувство усилилось. Я стал готовиться ко сну. Я принес с собой ручной электрический фонарь, спальный мешок — все, что нужно. Даже захватил поесть и выпить. Я не чувствовал усталости, поэтому первое, что сделал, — осмотрел весь дом. Так привычно было подниматься и спускаться по лестницам... словно вы в каком-то старинном доме где-нибудь в Новой Англии. Однако... однако было одно незначительное отличие... Оно скрывалось не в мебели, не в архитектуре. Нельзя было выявить его и прикоснуться к нему.

И у меня возникло ощущение, что это отличие становится все сильнее...

Я чувствовал, как оно усилилось, когда я остановился взглянуть на книги на полках в кабинете. Старые книги. Некоторые на датском... И имя, от руки написанное на титульном листе (ван Гутстратен), говорило о том, что хозяином их был датчанин. Некоторые книги были на латыни... и на английском. Все книги были старыми, некоторые датированы четырнадца-

тым веком. Книги по алхимии, металлургии, волшебству... Книги по оккультизму, различным религиям, сверхъестественным явлениям, колдовству... Книги о странных случаях, об иных мирах... Книги с названиями: «Некрономикон», «De Vermis Mysteriis», «Liber Ivonie», «Королевство теней», «Миры внутри миров», «Непостижимые культы», «De Lapide Philosophico», «Monas Hieroglyphica», «Кто обитает в потустороннем мире?»... и другие в том же роде. Но мое внимание отвлекло от них сильное неприятное ощущение, чувство, что за мной наблюдают, словно в доме я не один.

Я стоял и прислушивался. Ничего не было слышно, только ветер дул снаружи... Я сначала считал, что это звук ветра. Но конечно, это был тот же самый звук, что мы слышали, когда все вместе побывали возле дома. Я понял это, выглянув наружу. Я взглянул на дубы, хорошо различимые в ярком свете полной луны, и обнаружил, что ни одна веточка на них не шевельнулась. Снаружи воздух был совершенно неподвижен. Итак, этот звук рождался где-то в доме. Вы можете понять, каково это: стоять в совершенно безлюдном месте и прислушиваться к тишине. Такое случалось со мной и раньше, как и с другими людьми. В доме то и дело раздавались различные звуки, и, бесспорно, это был шорох ветра, или ветров, похожих на первые порывы далекой бури, постепенно приближающейся и рокочущей все громче и громче. А других звуков не было... ни треска и поскрипывания досок, столь часто раздающихся в домах при смене температуры... ни попискивания мыши или щелканья сверчка... Ничего.

Я вернулся к книгам, освещая себе дорогу электрическим фонарем. И тут, проходя мимо сидящего у камина скелета, я увидел, что покойный перед смертью сжег что-то... видимо, бумаги... но кусочки их лежали на краю очага, так и не превратившись в пепел. Заинтересовавшись, я подобрал их и просмотрел. Это были фрагменты рукописи на датском, и я с сожалением

нием подумал о том, что знаю этот язык более чем скромно. Вопреки определенно архаическому письму я сумел разобрать несколько строк, которые звучали более чем многозначительно. И конечно же, большую их часть я не смог разобрать.

...что я сделал...
...Вначале была песнь...
...в этот час ветры возвестили о приходе...
...дом — дверь в то место...
...Он, Который Придет...
...брешь в стене... злосчастный мир...
...железные засовы и произнес формулу...

Я решил, что человек, который тут умер, кем бы он ни был, если судить по фрагментам рукописи или тем остаткам одежды, что до сих пор можно идентифицировать (вероятно, хозяин дома), боялся смерти (или намеревался совершить самоубийство) и сжег свою рукопись. Внимательно изучил я камин. Без сомнения, там сожгли еще много бумаг, но ничего не осталось, кроме того кусочка. У меня не было оборудования, чтобы узнать что-то большее, а не просто удовлетворить любопытство. Значит, хозяин дома умер, предварительно подготовившись к смерти. Я могу только предполагать, что он по природе своей был затворником, так что никто не побеспокоился навестить его. А когда кто-то и решил зайти в дом, очевидно, запертые и забаррикадированные окна и двери не дали ему проникнуть внутрь. Более того, если скелет так стар, как я считаю, в те времена в этих краях соседи жили далеко друг от друга.

Закончив изучать обрывок рукописи, я обнаружил, что шорох ветра стал много громче и сильнее... мне показалось, что у меня слуховая галлюцинация, ведь в воздухе не чувствовалось никакого движения, кроме легкого сквозняка от взломанного мною окна. Иллюзия или нет — я безошибочно слышал звук ревущего ветра... Казалось, он несется над бескрайними

равнинами, где нет ни кустов, ни деревьев... Грохот и завывания ветра на бескрайних равнинах, рев ветра, несущегося над огромными пустошами... И одновременно в доме становилось все холоднее. Снова у меня возникло ощущение, что за мной наблюдают, словно сами стены дома затаились, ожидая, что же я сделаю дальше.

Неудивительно, что тревога моя стала перерастать в страх. Я поймал себя на том, что посматриваю через плечо. Время от времени я подходил к окнам и сквозь щели смотрел наружу. Не мог я в этот миг не вспомнить несколько строк из Джастина Геоффрея:

Твари Старых Времен затаились.
 Никуда они не ушли.
 И Врата до сих пор открыты,
 Чтобы тени ада вошли...

Я попытался собраться с мыслями. Сел и сосредоточился, отогнав окружившие меня безымянные страхи. Но успокоиться я не смог. Что-то заставляло меня двигаться. То и дело я подходил к окнам. К тому времени ветер уже ревел, хотя я не чувствовал ничего, кроме холода. Вокруг меня происходили легкие изменения. Весь дом, его стены, комната, скелет на стуле, полки книг — были прочными... но теперь, когда я выглядывал наружу, я видел, как поднимается туман, тускнеет свет луны и звезд. Скоро они, заморгав, потухли, и дом вместе со мной погрузился под вуаль полной тьмы.

Но на этом все не кончилось. Постепенно стало светлеть. Однако ни луны, ни звезд в небе не появилось. Скорее всего у меня случилось что-то вроде галлюцинации. Не могу сказать, что запомнил пейзаж, появившийся снаружи. Я достаточно хорошо знал Старый Датчтаун и окрестности, чтобы понять, что странный пейзаж, увиденный мной в тусклом радужном мерцании, неестествен для Новой Англии. В самом деле, в Новой Англии нет ничего похожего. Как однажды написал Геоффрей:

В пустыни ступить, где сокрыты
 Тайны иных земель,
 И где, пугая, стоят, забыты,
 Башни Минувших Дней.

Я увидел огромные башни. Я разглядел высокие сверкающие шпили, меняющиеся и исчезающие прямо у меня на глазах. Словно какой-то вихрь времени пронес меня сквозь эпохи. Башни вздымались и исчезали в облаках взбаламученного песка... а потом началось самое ужасное.

Как могу я изложить это более образно, чем написал Джастин Геоффрей много лет назад, испуганный тем, что, без сомнения, часто приходило к нему во снах и дало ему нечто вроде другой жизни во сне? Ребенком десяти лет он провел ночь возле дома, внутри круга дубов... И для ребенка все эти видения стали частью реального мира, частью его природы. Став старше, он понял: являющееся к нему во снах не часть реального мира. Это открытие глубоко взволновало его, так как видения преследовали его все эти годы. Что заставило его отправиться в ужасное путешествие в Венгрию в поисках Черного Камня... если не узы, сковавшие его с десятилетнего возраста? Почему еще он писал свои стихи? И разве не пейзажи из снов породили эти странные строки:

Лежат ли.
 Вуалью сокрыты, пучины
 Пространства и Времени?
 И что за блестящих скривившихся тварей
 Я видел мельком?
 Дрожу перед
 Ликом огромным неясного племени,
 Рожденным в безумии
 Ночи однажды тайком.

Это он написал после своих видений. Он видел иной мир, иное измерение. Дом среди дубов — ключ. Сам дом — дверь в другое время и пространство, и, сделано ли это с помощью алхимии или колдовства, теперь

никто уже не скажет. Джастин Геоффрей прикоснулся к Иному еще ребенком и принял видения, пока понимание окружающего мира и знания не подсказали ему, что мир его снов — совершенно чужой и враждебный.

И он всю жизнь стоял как бы в двери, ведущей в мир иной, соединенный с его собственным миром, и через которую в мир людей могли войти ужасные существа. Были ли видения иного мира столь невероятными, что свели его с ума? На самом деле удивительно то, что он так долго продержался и смог отразить свои видения в стихах, чьи вызывающие беспокойство строки — всего лишь отражение его мук, которые и привели его к смерти.

Поэтому, Кирован, я и расскажу о том, что видел. В том сверхъестественном мире за окнами проклятого дома, окруженного дубами, я видел «блестящих скривившихся тварей» — огромные неясные тени, смутно различимые сквозь песчаную поземку. Я слышал их пронзительные крики и вопли, заглушающие вой ветра. И что ужаснее всего, я видел этот колоссальный Лик и его глаза — глаза живого огня. Их взгляд на мгновение замер на мне, пока я смотрел сквозь прутья окна. Я видел его совершенно четко и понял: именно его видел Геоффрей. Как только настало утро, я бежал из дома.

С тех пор каждый раз во сне я вижу это огромное лицо. Взгляд его глаз обжигает меня. Я знаю, что паду его жертвой точно так же, как Джастин Геоффрей. Но я-то не вырос с этим знанием, как он. Я понимаю, какая ужасная катастрофа случится, если тот, чужой мир соприкоснется с нашим, и знаю, что не смогу долго сопротивляться ужасным снам, приходящим ко мне по ночам...»

Так вот резко обрывалась эта рукопись. Кроме того, прослеживалась болезненная перемена в почерке писавшего, если сравнить начало и конец рукописи.

К этому мало что можно добавить. Я потратил много усилий, чтобы обнаружить Джеймса Конрада, но его не было ни в одном из мест, которые ранее он часто посещал.

Через два дня я снова услышал о нем. В газетах напечатали о его самоубийстве. Перед тем как покончить с собой, он снова побывал в Старом Датчтауне и, подпалив дом среди дубов, сжег его дотла.

После того как мы похоронили Конрада, я побывал в тех местах. Ничего там не осталось. На месте дома — странное пепелище. Даже дубы почернели и обгорели. Но, встав на периметр фундамента, я почувствовал сильный, ничуть не изменившийся неземной холод, навсегда оставшийся на том месте, где раньше стоял проклятый дом.

ДОЛИНА СГИНУВШИХ

Словно волк, следящий за охотниками, Джон Рейнольдс наблюдал за своими преследователями. Он лежал неподалеку от них, в зарослях на склоне горы, с бушующим в сердце вулканом ненависти. За ним долго гнались. Позади него, выше по склону, там, где петляла малозаметная тропа из Долины Сгинувших, стоял, опустив голову, дрожа после долгого бега, его мустанг с безумными глазами. А ниже по склону, не более чем в восьмидесяти ярдах от него, остановились враги, совсем недавно перебившие его родственников.

Преследователи, спешившись на поляне перед Пещерой Духов, спорили между собой. Джон Рейнольдс знал их всех и смотрел на них с лютой ненавистью. Между ними и Рейнольдсом давно пролегла черная тень кровной вражды.

Историки, воспевавшие вендетты в горах Кентукки, почему-то пренебрегали вендеттами в Техасе, хотя первые поселенцы юго-запада принадлежали к тому же племени, что и горцы Кентукки. Но между ними существовали различия. В горной местности вендетты тянулись не одно поколение, а на тexasской границе они бывали недолгими, свирепыми и ужасающе кровавыми.

Вражда Рейнольдсов и Мак-Крилов длилась по техасским меркам долго. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как старый Исав Рейнольдс длинным охотничьим ножом заколол юного Бракстона Мак-Крилла в салуне городка Антилоп-Веллс — во время ссоры из-за прав на пастбище. Все эти пятнадцать лет Рейнольдсы и их родичи — Бриллы, Аллисоны и Доннелли — открыто воевали с Мак-Криллами и их родичами — Киллихерами, Флетчерами и Ордами. За эти пятнадцать лет бывало всякое: засады в горах, убийства на открытых пастбищах, перестрелки на улицах городков. Оба клана угоняли друг у друга скот. И та и другая сторона нанимала стрелков и бандитов, сея страх и беззаконие по всей округе. Поселенцы держались подальше от этих истерзанных войной пастбищ. Кровная вражда стала непреодолимым барьером на пути прогресса и развития, деморализуя всю округу.

Джона Рейнольдса все это мало волновало. Он вырос в атмосфере вражды и стал одержим ею. Война взяла свою страшную дань с обоих кланов, но клан Рейнольдсов пострадал больше, и Джон был последним из Рейнольдсов, поскольку Исав, правивший кланом, — мрачный, старый патриарх — больше не мог ни ходить, ни сидеть в седле из-за парализованных ног. Так удачно подстрелили его Мак-Криллы. Джону довелось видеть своих братьев, застреленных из засады и убитых в рукопашных схватках.

А теперь последний удар врагов почти начисто стер с лица земли их тающий клан. Джон Рейнольдс выругался при мысли о ловушке, в которую они угодили, зайдя в салун городка Антилоп-Веллс. Спрятавшиеся враги без предупреждения открыли убийственный огонь. Пали: его кузен Билл Доннелли, сын его сестры юный Джонатон Брилл, его шурин Джоб Аллисон и Стив Керни — наемный стрелок. Джон Рейнольдс плохо понимал, как ему самому удалось расчистить путь выстрелами из револьвера и добраться до коновязи. Но враги гнались за ним, наступая на пятки

и дыша в затылок, так что он не успел вскочить на своего гнедого, а схватил первого попавшегося коня — быстроногого, но задыхающегося при долгих пробегах мустанга с безумными глазами, который раньше принадлежал покойному Джонатону Бриллиу.

На какое-то время Рейнольдс оторвался от своих преследователей и, описав круг, заехал в таинственную Долину Сгинувших, где полно было безмолвных зарослей и крошащихся каменных столпов. Рейнольдс собирался сделать петлю и вернуться по собственному следу через горы, чтобы добраться до владений своей семьи. Но мустанг его подвел. Джон Рейнольдс привязал его выше по склону так, чтобы со дна долины его видно не было, и пополз обратно — посмотреть, как его враги въезжают в долину. Их было пятеро: старый Джонас Мак-Крилл с его вечно оскаленным в рычании волчьим ртом; Сол Флетчер — чернобородый и приволакивающий ногу здоровяк. Он получил травму в юности, упав с дикого мустанга. С ними были братья Билл и Питер Орды и бандит-наемник Джек Соломон.

Сейчас до безмолвного наблюдателя доносился голос Джонаса Мак-Крилла:

— Говорю вам, он прячется где-то в этой долине. Он же скакал на мустанге со слабой дышалкой. Бьюсь об заклад, к тому времени, как он добрался сюда, его конь валялся с ног.

— Ну, так чего же мы стоим тут и болтаем? — раздался голос Сола Флетчера. — Почему бы нам не начать на него охоту?

— Не так быстро, — проворчал старый Джонас. — Не забывай, мы преследуем не кого-нибудь, а Джона Рейнольдса. Времени у нас хоть отбавляй.

Пальцы Джона Рейнольдса окаменели на рукояти кольта сорок пятого калибра с ручным взводом. В барабане осталось всего два патрона. Джон просунул дуло сквозь ветви росших перед ним кустов. Его большой палец взвел зловецкий клыкастый боек, а серые глаза прищурились и стали матовыми, как лед. Джон

навел длинный вороненый ствол. Какое-то мгновение он сдерживал ненависть, рассматривая стоявшего ближе всего к нему Сола Флетчера. Вся злоба в душе Джона сосредоточилась в этот миг на зверском черномородом лице. Именно его шаги слышал Джон в ту ночь, когда раненый лежал в осажденном каррале рядом с изрешеченным пулями трупом брата и отбивался от Сола и его братьев.

Палец Джона Рейнольдса согнулся, и грохот выстрела многократно повторило эхо этих безмолвных гор. Сол Флетчер выгнулся, вскинув к небу черную бороду, а потом как подкошенный свалился лицом вперед. Остальные, с быстротой людей, привыкших к пограничной войне, рухнули на камни, и сразу загремели ответные выстрелы наугад. Пули пронзали заросли, свистя над головой невидимого убийцы. Находившийся выше по склону мустанг, скрытый от взоров людей в долине, но испуганный грохотом выстрелов, пронзительно заржал. Встав на дыбы, он порвал державшие его поводья и ускакал вверх по горной тропе. Цокот его копыт становился все тише, а потом и вовсе смолк.

На мгновение воцарилась тишина, а затем раздался разгневанный голос Джонаса Мак-Крилла:

— Говорил же я вам, что он где-то здесь! А теперь он смылся.

Поджарая фигура старого стрелка поднялась из-за камня, где он прятался. Рейнольдс, свирепо усмехнувшись, тщательно прицелился, а потом... инстинкт самосохранения удержал его от выстрела. Из укрытия вылезли и остальные.

— Так чего же мы ждем? — заорал юный Билл Орд со слезами ярости на глазах. — Этот койот застрелил Сола и ускакал отсюда во всю прыть, а мы стоим разинув рты. Я за ним... — Он направился к своей лошади.

— Ты сначала послушай меня, — прорычал старый Джонас. — Я ведь предупреждал вас не пороть го-

рячку, так нет. Вам нужно было лететь вперед, словно стае слепых канюков, и вот теперь Сол валяется мертвым. Ежели мы не поостережемся, Джон Рейнольдс перестреляет всех нас. Разве я не говорил вам, что он где-то здесь? Вероятно, он останавливался дать роздых коню. Далеко ему не ускакать. Как я вам и говорил, предстоит долгая охота. Пусть себе пока скрывается. Покуда он впереди нас, нам придется остерегаться засад. Он попытается вернуться во владения Рейнольдсов. Вот мы не спеша и отправимся за ним. Погоним его назад. Будем ехать, разойдясь большим полукругом, и он не сможет проскочить мимо нас. Во всяком случае, не на этом дохлом мустанге. Попросту загоним его и возьмем Рейнольдса голыми руками, когда конь его падет. Я знаю, куда мы его, в конце концов, загоним — в каньон Слепой Лошади.

— Тогда нам придется дожидаться, пока он не сдохнет там с голоду, — проворчал Джек Соломон.

— Нет, не придется, — усмехнулся старый Джонас. — Билл, дуй обратно в Антилоп и достань пять-шесть шашек динамита, а потом бери свежего коня и гони по нашему следу. Если мы настигнем его прежде, чем он доберется до каньона, отлично. А если он опередит нас и успеет окопаться, то мы дождемся тебя и разнесем его в клочья.

— А как насчет Сола? — проворчал Питер Орд.

— Он мертв, — сказал Джонас. — Мы сейчас ничего не можем для него сделать. Нет времени везти его обратно в город. — Он глянул на небо, где на голубом фоне уже кружили темные точки. Его взгляд переместился на заложенный камнями вход в пещеру, что был расположен посреди отвесной скалы, поднимавшейся под прямым углом к склону, по которому петляла тропа.

— Вскроем пещеру и положим труп туда, — решил он. — И снова завалим вход камнями. Тогда волки с канюками до него не доберутся. Может, пройдет несколько дней, прежде чем мы за ним вернемся.

— В этой пещере водятся духи, — обеспокоенно пробормотал Билл Орд. — Индейцы всегда говорили, что ежели туда положить мертвеца, то в полночь он оживет и выйдет наружу.

— Заткнись и помоги поднять беднягу Сола, — оборвал его Джонас. — Вот родич твой лежит мертвым, его убийца с каждой секундой уносится все дальше и дальше, а ты тут болтаешь о каких-то духах.

Когда они подняли труп, Джонас вытащил из кобуры мертвеца длинноствольный шестизарядный револьвер и заткнул его себе за пояс.

— Бедняга Сол, — вздохнул он. — Точно, мертвец. Получив порцию свинца прямо в сердце, он умер раньше, чем упал наземь. Ну, мы заставим проклятого Рейнольдса за это поплатиться.

Они отнесли мертвеца к пещере и, положив его наземь, дружно накинулись на загораживающие вход камни. Вскоре вход был расчищен, и Рейнольдс увидел, как четверка стрелков внесла тело в пещеру. Почти сразу же они вышли, но уже без своей ноши, и вскочили на коней. Юный Билл Орд повернул к выходу из долины и исчез среди деревьев. Остальные легким галопом направились по ведущей в горы извилистой тропе. Они проехали в каких-нибудь ста футах от укрытия Джо, и тот прижался к земле, боясь, как бы его не заметили. Но стрелки даже не взглянули в его сторону. Топот копыт их коней постепенно замер в отдалении. После этого в древней долине воцарилась тишина.

Джон Рейнольдс осторожно поднялся, огляделся кругом, словно загнанный волк, а затем быстро спустился по склону. Цель у него была вполне определенная. Все его боеприпасы состояли из одного-единственного патрона, но на трупе Сола Флетчера остался пояс-патронташ, набитый патронами сорок пятого калибра.

Пока он разбрасывал камни, преграждавшие вход в пещеру, в голове у него вертелись странные и неяс-

ные догадки, которые всегда возбуждала в нем эта пещера и долина. Почему индейцы называли ее Долиной Сгинувших? Почему краснокожие избегали ее? Один раз на памяти белых отряд киова, удирая от мести Большенога Уоллеса и его рейнджеров, остановился тут. Уцелевшие из этого племени рассказывали фантастические истории, в которых было полно и убийств, и братоубийств, и безумия, и вампиризма, и резни, и каннибализма... Потом в Долине поселилось шестеро белых — братья Старки. Они вскрыли заложенную киовами пещеру. На них тоже обрушилось проклятье, и за одну ночь пятеро из них погибли от руки друг друга. Уцелевший замуровал пещеру и ускакал неведомо куда. Вскоре по поселениям прошел слух о некоем Старке, который наткнулся на тех, кто остался от племени киова, когда-то живших в Долине. После долгого разговора с ними этот белый перерезал себе горло длинным охотничьим ножом.

В чем же заключалась тайна Долины, если все это — не переплетение лжи и легенд? Что означают крошачьи камни, разбросанные по всей долине и полускрытые ползучими растениями? В лунном свете особенно заметна симметричность их расположения. Некоторые люди верили рассказам индейцев, утверждавших, что это остатки колонн доисторического города, некогда существовавшего в Долине Сгинувших. Рейнольдс сам видел череп, выкопанный у подножия скал бродячим старателем. Останки, казалось, не принадлежали ни европейцу, ни индейцу — странный череп, заострявшийся к макушке. Если бы не форма челюстных костей, он мог бы принадлежать какому-нибудь доисторическому животному. Потом этот череп рассыпался в прах.

Такие мысли смутно и мимолетно проносились в голове у Джона Рейнольдса, пока он растаскивал валуны, которые Мак-Крилла уложили кое-как — ровно настолько, чтобы не дать протиснуться в пещеру волку или канюку. В основном же мысли Джона зани-

мали патроны в поясе мертвого Сола Флетчера. Отличный шанс! Возможность выжить! Джон Рейнольдс еще вырвется из этих гор, приведет новых стрелков и головорезов для ответного удара. Он залет кровью все пастбища, дотла разорит всю округу, если сумеет. Уже не один год он был движущей силой этой кровной вражды. Когда старый Исав ослабел и возжелал мира, Джон Рейнольдс не дал угаснуть пламени ненависти. Кровная вражда стала единственной целью его жизни — единственной вещью, которая по-настоящему интересовала его и давала стимул к существованию...

Последние валуны откатились в сторону.

Джон Рейнольдс шагнул в полумрак пещеры. Она оказалась невелика, но тени внутри сгустились, превратившись в почти осязаемую субстанцию. Постепенно глаза Рейнольдса приспособились к полутьме, и тогда с его губ сорвалось невольное восклицание — пещера была пуста! Он в замешательстве выругался. Ведь он же сам видел, как четверо стрелков внесли в пещеру труп Сола Флетчера и снова вышли с пустыми руками. И все же на пыльном полу пещеры не было никакого трупа. Джон прошел в дальний конец пещеры, глянул на прямую, ровную стену, нагнулся, изучая гладкий каменный пол. Напрягая свое острое зрение, он различил во мраке кровавый след, протянувшийся по камням. Этот след обрывался у противоположной от входа стены. На стене же никаких пятен не было.

Рейнольдс нагнулся поближе, опершись рукой о каменную стену. Вдруг он почувствовал, что стена поддается под нажимом его руки. Неожиданно потайная дверь распахнулась, и Джон полетел во тьму головой вперед.

Падал он недолго. Его выброшенные вперед руки ударились обо что-то, походившее на высеченные в камне ступени, и, спотыкаясь, он стал карабкаться по ним. Затем он выпрямился и повернулся обратно к отверстию, через которое попал сюда. Но потайная дверь закрылась. Рейнольдс нащупал только гладкую

каменную стену. Он боролся с нарастающим страхом. Каким образом Мак-Крилла узнали про потайную комнату, он сказать не мог, но совершенно очевидно, они положили тело Сола Флетчера именно сюда. И вот тут-то они, когда вернутся, и найдут Джона Рейнольдса, попавшего в западню, словно крыса. Тонкие губы Рейнольдса скривились в мрачной улыбке. Когда они откроют потайную дверь, он спрячется в темноте, в то время как они будут хорошо видны на фоне светлого пятна тускло освещенной внешней пещеры. Где еще найдется лучшее место для засады? Но сначала он должен отыскать труп и забрать патроны.

Джон повернулся, на ощупь пробираясь вниз по ступеням. Первый же шаг привел его на ровный пол. «Тут какой-то туннель», — решил Джон, поскольку до потолка дотянуться не смог. Шаг вправо или влево — и его вытянутая рука касалась стены, казавшейся слишком ровной, чтобы быть творением природы. Джон Рейнольдс медленно пошел вперед, нащупывая во тьме дорогу, не отрывая руку от стены и ожидая, что в любую минуту споткнется о тело Сола Флетчера. Но постепенно в душе его начал зарождаться смутный страх. Мак-Крилла пробыли в пещере не так долго, чтобы унести тело так далеко. У Джона Рейнольдса появилось ощущение, что Мак-Крилла вообще не заходили в этот туннель и не знали о его существовании. Тогда где же, во имя всего святого, труп Сола Флетчера?

Джон резко остановился, выхватив свой кольт. По темному туннелю навстречу ему что-то двигалось. К нему, неуклюже шагая, приближалось существо, стоящее на задних лапах.

Джон Рейнольдс решил, что это человек в сапогах для верховой езды с высокими каблуками. Никакая другая обувь не дает такого звука. Еще Джон различил позвякивание шпор. И тут на Рейнольдса накатила волна безымянного ужаса. Прислушиваясь к шагам, он вспомнил ночь, когда лежал, загнанный в старый карраль рядом с умирающим младшим братом, и слы-

шал шаги прихрамывающего, приволакивающего ногу врага, который описывал бесконечные крути возле его укрытия. Тогда Сол Флетчер со своими волками долго пытался найти уязвимое место в обороне Джона.

Может, Флетчер был только ранен? Шаги казались неуверенными. Так мог идти раненый. Нет... Джон Рейнольдс повидал слишком много смертей на своем веку. Он знал: его пуля попала Солу Флетчеру прямо в сердце, возможно, вышла через спину и уж совершенно точно убила его. Кроме того, он слышал, как старый Джонас Мак-Крилл провозгласил Сола мертвым. Нет... Сол Флетчер лежит безжизненной грудой где-то в этой темной пещере. А по туннелю ходит кто-то другой.

Шаги замерли. Незнакомец находился прямо перед Джоном. Их разделяло всего несколько футов беспросветного мрака. Отчего же так бешено бьется пульс Джона Рейнольдса, человека, который не раз смотрел в лицо смерти? Почему его язык примерз к нёбу, а по коже ползут мурашки? Что пробудило в нем до того спящий инстинкт страха, какой возникает у человека, ощущающего присутствие невидимой змеи?

Джон Рейнольдс слышал учащенное биение собственного сердца. Вдруг незнакомец бросился на него. Рейнольдс уловил первое движение невидимого противника и выстрелил в упор. И завопил... страшно закричал, по-звериному. Могучие руки вцепились в него, невидимые зубы впились в его тело. Но страх придавал Рейнольдсу нечеловеческие силы, потому что во вспышке выстрела он увидел бородатое лицо с безвольно разинутым ртом и уставившимися в пустоту мертвыми глазами. Сол Флетчер! Мертвец, вернувшийся из ада!

Словно в кошмаре, Рейнольдс яростно сражался в темноте. Мертвец старался повалить его. Он со страшной силой швырнул Джона на каменную стену. Когда же Рейнольдс упал на пол, оживший мертвец уселся на него верхом, словно вампир, вонзив глубоко ему в горло свои отвратительные пальцы.

У Рейнольдса не осталось времени на раздумья. Он знал, что сражается с мертвецом. Тело его врага отдавало холодной и влажной покойницей. Под разорванной рубашкой Джон почувствовал круглое пулевое отверстие, облепленное запекшейся кровью. С уст его противника не сорвалось ни единого звука.

Задышавшись, хватая воздух широко открытым ртом, Джон Рейнольдс сорвал с горла душасшие его руки и отбросил мертвеца. На миг их снова разделила темнота. Но Флетчер снова обрушился на Джона. Когда мертвец бросился вперед, Джон по счастливой случайности вслепую применил борцовский прием. Он вложил в него все свои силы, швырнув чудовище лицом об пол, навалившись на него всем своим весом. Позвоночник Сола Флетчера сломался, словно гнилая ветвь. И тут же руки его обмякли, неожиданно ослабнув. Что-то вытекло из обмякшего тела и с шипением унеслось во тьму, словно призрачный ветер. Только тут Джон Рейнольдс инстинктивно понял, что теперь-то уж Сол Флетчер мертв окончательно и бесповоротно.

Тяжело дыша и весь трясаясь, Рейнольдс поднялся. В туннеле по-прежнему было совсем темно. Впереди, откуда пришел труп, слышался слабый стук, словно где-то далеко-далеко звучала пульсирующая, странная, мрачная музыка. Рейнольдс содрогнулся и покрылся холодным потом. В темноте у его ног лежал мертвец, и он слышал невыносимо сладострастную, злую мелодию, эхом отдававшуюся в подземелье, словно в пещерах ада приглушенно били дьявольские барабаны.

Разум заставлял его повернуть назад, вернуться к невидимой двери и колотить в нее, пока не разлетится камень (если такое вообще возможно). Но в какое-то мгновение Джон Рейнольдс понял, что и разум, и здравомыслие остались по ту сторону двери. Один-единственный шаг перенес его из нормального, материального мира в царство кошмара и безумия. Джон решил, что сошел с ума или умер и угодил прямиком в ад. Глухое «тум-тум», доносившееся из недр земли, притяги-

вало его, сверхъестественным образом задевая струны его сердца. Эти звуки наполняли его разум темными, чувственными мыслями. И все же от этого зова нельзя было отмахнуться. Джон Рейнольдс боролся с безумным желанием завопить и, размахивая руками, побужать сломя голову по черному туннелю, словно кролик, выгнанный собакой из норы прямо в пасть затаившейся гремучей змее.

Шаря в темноте, Джон нашел свой револьвер и, по-прежнему вслепую, зарядил его патронами с пояса Сола Флетчера. Теперь, прикасаясь к телу, он испытывал не больше отвращения, чем от прикосновения к любой мертвой плоти. Какая бы там нечестивая сила ни оживила этот труп, она покинула его, когда сломавшийся позвоночник разорвал нервные связи, управлявшие движениями мускулатуры.

Затем, с заряженным револьвером в руке, Джон Рейнольдс пошел по туннелю. Неведомая сила влекла его вперед, к судьбе, которую он не мог постичь.

По мере его продвижения вперед «тум-тум» стало чуть громче. Он не знал, насколько глубоко под горы завел его туннель, но ход вел под уклон, а идти пришлось долго. Вытянутая вперед рука, которой Рейнольдс нащупывал дорогу, часто встречала боковые проходы — коридоры, отходящие от главного туннеля. Наконец он понял, что вышел в какую-то огромную пещеру. Джон ничего не видел, но каким-то образом почувствовал, что пещера достаточно велика. В темноте забрезжил слабый свет. Он пульсировал в такт ударам барабанов, но постепенно усиливался — странное сияние света, больше всего похожего на зеленый. Но на самом деле этот свет не был ни зеленым, ни каким-либо еще известным людям.

Рейнольдс приблизился к его источнику. Свет стал ярче. Он мерцал, отражаясь от гладкого каменного пола, высвечивая фантастическую мозаику. Свет таял где-то над головой. Рейнольдс разглядел потолок пещеры — высокий и сводчатый, нависающий, словно тем-

ное полуночное небо. Поблескивающие стены вздымались на громадную высоту, и у их подножия сгрудились приземистые тени. Среди них поблескивали другие маленькие искрящиеся огоньки.

Наконец Джон Рейнольдс увидел источник света — старинный, высеченный из камня алтарь, на котором горело что-то, выглядевшее гигантским драгоценным камнем того же неестественного цвета, что и испускаемый им свет. Зеленоватое пламя исходило от него. Он горел, словно кусок угля, но не сгорал. А прямо за ним поднималась свернувшаяся на алтаре пернатых змей фантастическая фигура, вырезанная из какого-то кристаллического материала, который переливался в свете драгоценности. Пульсации света менялись в ритме ударов барабана, доносившихся теперь, как казалось, со всех сторон.

Неожиданно рядом с алтарем шевельнулось что-то живое, и Джон Рейнольдс отшатнулся, хоть и ожидал всего чего угодно. Вначале он подумал, что это выползла из-за алтаря гигантская змея, но потом увидел, что существо стоит вертикально, как человек. Встретившись взглядом с угрожающе блестящими глазами неведомой твари, Рейнольдс выстрелил в упор, и тварь рухнула, как бык на бойне. Ее череп разлетелся на куски. Услышав зловещее шуршание, Рейнольдс круто обернулся. По крайней мере, этих тварей можно убивать. И тут он замер. Окаймлявшие стены тени придвинулись, стягиваясь вокруг него в широкое кольцо. И хотя на первый взгляд они походили на людей, Рейнольдс понял, что они не принадлежат к роду человеческому.

Странный свет мерцал и плясал над ними, а дальше в глубокой темноте негромкие злые барабаны беспрестанно, нетерпеливо нашептывали что-то. Джон Рейнольдс стоял, парализованный страхом.

Его испугали не карликовые фигуры странных существ, и даже не их руки и ноги неестественного вида, а их головы. Теперь он понял, какой расе принадлежал

череп, что нашел старатель. Как и у того черепа, верхняя часть головы этих существ заострялась. Сама голова имела неправильную форму и казалась сплюсненной с боков. Не было видно никаких признаков ушей, словно органы чувств этих существ находились под кожей, как у змей. Носы походили на носы питонов, рот и челюсти выглядели куда менее человеческими, чем те, что Джон видел раньше. А глаза были маленькие, сверкающие, как у рептилии. Чешуйчатые губы растягивались, открывая заостренные зубы. Джон Рейнольдс решил, что укус этих тварей будет таким же смертоносным, как укус гремучей змеи. Никакой одежды эти существа не имели, и в руках их не было никакого оружия.

Джон Рейнольдс напрягся, готовясь к смертельной схватке, но существа не бросились на него скопом. Люди-змеи расселись вокруг него кольцом, скрестив ноги. Он видел огромную толпу этих существ, собравшуюся за спиной сидевших. Джон почувствовал, как внутри его что-то шевельнулось, и ощутил почти осязаемое давление, словно твари пытались подчинить себе его волю. Он отчетливо сознавал, что эти ужасные существа вторглись в потаенные глубины его разума, и понимал, что они с помощью мысли пытаются донести до него то ли приказы, то ли пожелания. Что общего могло оказаться у него с этими нечеловеческими созданиями? И все же каким-то неясным, странным, телепатическим путем они заставили его понять кое-что. Потрясенный, он осознал, что чем бы там ни были сейчас эти твари, некогда они, по крайней мере частично, относились к роду человеческому или же застряли где-то на полпути между зверем и человеком.

Он понял, что стал первым из белых, вошедшим в тайное подземное царство, первым увидевшим сияющего змея. — Ужасного Безымянного, который был древнее, чем сам мир. Прежде чем умереть, он должен был узнать о таинственной долине все, в чем отказано было сынам человеческим, чтобы он мог забрать это

знание с собой в Вечность и обсудить эти дела с теми из индейцев, кто побывал здесь до него.

Тихо били барабаны, прыгал и мерцал странный свет. К алтарю вышел тот, кто, похоже, пользовался авторитетом — древнее чудовище, кожа которого походила на беловатую шкуру старой змеи. Это существо носило на заостренном черепе золотой обруч, украшенный диковинными самоцветами. Он согнулся и послал мольбу пернатому змею. Затем каким-то острым орудием, оставляющим фосфоресцирующий свет, начертил на полу перед алтарем таинственную треугольную фигуру, а внутрь ее насыпал мерцающей пыли. Из нее поднялась тонкая спираль, превратившаяся в гигантского змея, пернатого и ужасного. Потом змей неуловимо изменился и растаял, превратившись в облачко зеленоватого дыма. Этот дым закрутился перед глазами Джона Рейнольдса, скрыв и змеелюдей, и алтарь, и пещеру. Вся вселенная растворилась в зеленоватом дыму, где возникали и таяли титанические сцены и чуждые человеку ландшафты. Там бродили ужасные существа.

Неожиданно хаос образов обрел четкость. Джон Рейнольдс смотрел на долину, которой не узнавал. Но откуда-то он знал, что это Долина Сгинувших. Посреди нее высился огромный город из тускло сверкающего камня. Джон Рейнольдс всю свою жизнь провел в пустынях и прериях. Он никогда не видел великих городов мира, но понял, что нигде ныне не может существовать столь величественного города.

Башни и зубчатые стены метрополиса принадлежали иному веку. Его очертания сбивали Джона Рейнольдса с толку своими неестественными пропорциями. На взгляд нормального человека этот город был каким-то безумием, кусочком иного измерения, творением ненормальной архитектуры. По городу двигались странные фигуры — люди, но сильно отличавшиеся от рода человеческого, к которому принадлежал Джон Рейнольдс. Руки и ноги этих существ выглядели

неправильно. Их уши и рты больше всего походили на органы обычных людей. И между ними и чудовищами пещеры, несомненно, существовало родство. Оно проявлялось в странном, заостренном строении черепа, хотя вид у жителей города был менее «звериный».

Джон видел, как странные существа ходят по извилистым улицам, видел, как они входят в колоссальные здания, и содрогался от отвращения. Много из того, что делали обитатели странного города, выходило за пределы его понимания. Джон не мог разобраться в том, чем они занимались, точно так же, как зулус не сумел бы понять жизни современного Лондона. Но все же Джон понял, что народ этот очень древний и очень злой. Рейнольдс видел, как люди-змеи совершали ритуалы, от которых у него кровь стыла в жилах от ужаса — непристойные и кощунственные обряды. Рейнольдса тошнило. Он почувствовал себя испачканным. Казалось, кто-то подсказал ему, что этот город существовал много веков назад, а народ его представлял тех, кто правил на Земле много тысячелетий тому назад.

И вот на сцене появились новые действующие лица. Из-за гор пришли дикари, одетые в шкуры и перья, вооруженные луками и кремневым оружием. Это были, как понял Рейнольдс, индейцы... и все же не такие индейцы, как те, кого он знал. Узкоглазые воины с кожей скорее желтоватого, чем медного цвета. Они не знали жалости. Рейнольдс решил, что это — кочевые предки тольтеков, скитавшиеся и воевавшие со всеми племенами, которые попадались им на пути. Тогда тотольтеки еще не жили в горных долинах, далеко на юге; тогда еще их народ не сложился в племя, не возвел пирамиду своей цивилизации. В те времена тотольтеки были первобытным народом, и Рейнольдс задохнулся, поняв, наконец, в какие глубины прошлого ему довелось заглянуть.

Он видел, как воины подступают к высоким стенам города, словно гигантская волна. Видел, как защитни-

ки обороняют башни, обрушив на врагов смерть во всевозможных обличиях. Видел, как предки тотольтеков снова и снова откатываются от стен, а потом опять наступают со слепой яростью первобытных людей. Странный, злой город, полный таинственных существ, встал на пути дикарей, и индейцы не могли идти дальше, не растоптав его.

Рейнольдс подивился свирепости нападавших, проливающих свою кровь почем зря, словно воду, пытаясь победить неведомую и ужасную науку иной цивилизации с помощью смелости и численного превосходства. Тела тотольтеков усеяли все плато, но сдержать их не смогли бы даже все силы ада. Индейцы волной подкатились к подножию башен. Они шли навстречу мечам, стрелам и смерти в самых ее отвратительных формах. Они овладели стенами, сошлись с врагами врукопашную. Дубины и топоры отбивали копья и разящие мечи. Во время поединков высокие фигуры варваров нависали над более мелкими силуэтами защитников.

В городе бушевал кровавый ад. Начались бои на улицах. Постепенно они превратились в погромы, а погромы — в резню. Над городом поплыли клубы дыма.

Сцена изменилась. Теперь Рейнольдс смотрел на обуглившиеся, разрушенные, дымящиеся руины. Победители ушли дальше. Уцелевшие собрались в залистом кровью храме перед своим странным богом — змеем на фантастическом каменном алтаре. Их век кончился. Их мир внезапно рассыпался в прах. Они были остатками исчезнувшей расы. Они не могли отстроить заново свой чудесный город и боялись оставаться в его руинах, чтобы не стать добычей какого-нибудь проходящего мимо племени. Рейнольдс увидел, как они, забрав алтарь, последовали за древним старцем, одетым в мантию из перьев, носившим на голове усыпанный самоцветами золотой обруч. Старец провел их через долину к скрытой пещере. Они вошли, протиснулись через узкую щель в противоположной

от входа стене, вступили в гигантский лабиринт пещер, пронизывавших гору, словно голландский сыр. Рейнольдс увидел, как они работают, исследуя этот лабиринт, копают и увеличивают его площадь, отделяют стены и полы, шлифуя и полируя их. Щель, ведущая в лабиринт, была расширена, и в ней установили хитроумную дверь, казавшуюся частью стены.

Но прошло много веков. Народ жил в пещерах и с течением времени все больше и больше приспособился к окружающей среде. Каждое поколение все реже и реже показывалось на поверхности. Подземный народ научился добывать себе пищу способом, вызывающим содрогание. Люди-змеи выкапывали ее из земли. Уши у них становились все меньше и меньше, как и тела. Глаза стали, как у кошек. Джон Рейнольдс с ужасом наблюдал перемены, происшедшие с этим народом в течение многих веков.

А оставленные в долине руины осыпались, постепенно исчезая, становились добычей лишайников, сорняков и деревьев. Приходили люди и медитировали среди развалин — высокие монголоидные воины и темные, загадочные люди маленького роста, которых называли Строителями Курганов. И по мере того, как шли века, наведывавшиеся время от времени в долину люди все больше и больше соответствовали известному ныне типу индейцев, до тех пор пока туда не стали заходить только раскрашенные краснокожие, чья поступь была бесшумной, а в длинные чубы набритых головах воткнуты перья. Никто из них никогда не задерживался в таинственных развалинах, населенных призраками.

А Древний Народ жил под землей, становясь все более странным и ужасным. Он опускался все ниже и ниже по человеческим меркам, забыв вначале письменность, а постепенно и членораздельную речь. Но в других отношениях обитатели подземелий раздвинули границы жизни. В своем ночном царстве они открыли другие, более древние пещеры, которые привели их

в самые недра земли. Они узнали давно забытые людьми и вообще неизвестные роду человеческому секреты, спящие глубоко под горами. Темнота способствует безмолвию, и поэтому они постепенно утратили способность говорить, развив своего рода телепатию. С каждым страшным приобретением они все больше утрачивали свою человечность. Уши у них полностью исчезли. Ноги стали больше напоминать лапы. Глаза не могли переносить не только солнечного света, но и света звезд. Подземные жители давно перестали пользоваться огнем, и единственный свет, какой они видели под землей, — странные отблески, исходившие от гигантского самоцвета на алтаре. Хотя даже в таком свете они теперь не нуждались. Изменились они и в других отношениях. Тут Джона Рейнольдса прошиб холодный пот. Ибо следить за этим преобразованием Древнего Народа было ужасно. Возникало много странных образов и форм, прежде чем сложилась новая порода людей.

Однако эти существа по-прежнему помнили колдовство предков и даже добавили к нему собственное черное чародейство. Они достигли пика колдовства — некромантии. Джон Рейнольдс уловил ужасающие намеки на это во фрагментах видений древних времен, когда чародеи Древнего Народа отправляли свой дух из спящего тела нашептывать злые слова своим врагам.

В долину пришло племя раскрашенных воинов. Они несли тело своего вождя, погибшего в войне между племенами.

С того времени, как Древний Народ ушел в пещеры, минуло много веков. От города остались только в беспорядке стоящие колонны. Оползень обнажил вход во внешнюю пещеру. Ее заметили индейцы и положили туда тело своего вождя, а рядом с ним — его сломанное оружие. Они заложили камнями вход в пещеру и собирались двигаться дальше, но ночь застала их в долине.

За все минувшие века Древний Народ не нашел никакого другого входа или выхода из подземелий. Эта

маленькая пещера оказалась единственным дверным проемом, соединяющим их мрачное царство и давно покинутый ими мир. Теперь полулюди вышли через потайную дверь во внешнюю пещеру. Там царил полумрак, который они еще могли как-то вынести. У Джона Рейнольдса волосы встали дыбом от того, что он увидел.

Древние взяли труп и положили его перед алтарем пернатого змея, и чародей улегся на него, припав устами ко рту мертвеца. В пещере били барабаны, мерцали сверхъестественные огни, и безголосые жрецы беззвучными песнями зывали к богам, забытым задолго до появления Египта. Но вот взревели нечеловеческие голоса. Жизнь постепенно перетекла из колдуна в труп, и руки мертвого короля вздрогнули. Тело чародея, обмякнув, откатилось в сторону, а труп вождя неуклюже поднялся на ноги и пошел, двигаясь словно марионетка, глядя перед собой остекленевшими глазами. Он прошел по темному туннелю и через потайную дверь пробрался во внешнюю пещеру. Его мертвые руки отвалили в сторону камни, и на землю ступило Чудовище из глубин земли.

Рейнольдс увидел, как зомби деревянной походкой прошагал под содрогнувшимися при его приближении деревьями, в то время как ночные твари, вереща, разбегались кто куда. Труп вошел в лагерь индейцев. Дальше начался сплошной ужас и безумие. Мертвая тварь преследовала своих бывших товарищей и убивала их одного за другим. Долина превратилась в бойню. Наконец один из воинов, переборов страх, повернулся к своему преследователю и перерубил ему хребет каменным топором. Тогда-то и рухнул дважды убитый воин. Рейнольдс увидел, как лежавшая на полу пещеры перед резным змеем фигура колдуна дрогнула и ожила. Его дух вернулся к нему из оживленного им трупа.

Беззвучная песня подземных демонов сотрясала подземелье, и Рейнольдс поежился, глядя на окружающих его отвратительных дьяволов, злорадствующих по

поводу своей новообретенной способности насыщать ужас и смерть на сынов человеческих — своих древних врагов.

Но известие о происшедшем распространялось от клана к клану, и люди перестали заходить в Долину Сгинувших. Много веков проспала она, пустуя. А затем прибыли всадники с перьями в головных уборах, раскрашенные в цвета кюва. Эти воины с севера ничего не подозревали. Они разбили свои вигвамы в тени зловещих монолитов, ставших теперь простыми, бесформенными камнями.

И они уложили своих мертвецов в пещере. Рейнольдс видел, как мертвые выходили по ночам убивать палец, лежащий на спусковом крючке, их фантастический бог разлетится на сияющие обломки.

Немая сцена длилась неведомо сколько времени. Потом Рейнольдс почувствовал безмолвную капитуляцию своих врагов. Свобода в обмен на их бога. Это снова напомнило ему, что Древний Народ — не звери, поскольку настоящие звери не знают никаких богов. И от этого ему стало еще страшней, потому что это означало, что создания, стоявшие перед ним, превратились в новый вид, не относящийся ни к зверям, ни к людям, — в существ, не признающих естественных законов природы.

Змееподобные фигуры расступились. Свет кристалла стал чуть ярче. Когда Рейнольдс направился вверх по туннелю, твари последовали за ним. В неверном, пляшущем свете он не мог точно определить, идут ли они, как люди, или ползут, как змеи. У него сложилось смутное впечатление, что их походка являлась жуткой смесью и того и другого. Джон сделал крюк, обходя тело существа, бывшего некогда Солом Флетчером. Прижимая дуло пистолета к сияющему, крупному божеству, которое держал левой рукой, Джон поднялся по короткой лестнице к потайной двери и тут остановился. Он повернулся лицом к обитателям земных недр. Они стояли тесным полукругом. Рейнольдс

понял, что они боятся открыть потайную дверь, опасаясь, как бы он не убежал вместе с идолом на солнечный свет, куда они не смогли бы последовать за ним. Но и он не выпускал их бога, ожидая, пока ему откроют выход.

Наконец твари отступили на несколько ярдов. Рейнольдс осторожно поставил истукана на пол у своих ног, туда, откуда он смог бы в один миг схватить его. Он так и не узнал, как чудовища открывают дверь, но она распахнулась перед ним, и Рейнольдс, медленно пятясь, стал подниматься по лестнице, направив дуло пистолета на сверкающего идола. Он почти достиг двери (одной рукой взялся за косяк), когда свет померк, и чудовища все-таки бросились на него. Одним прыжком Рейнольдс метнулся наружу через дверь, которая стремительно закрывалась. Прыгая, он разрядил револьвер прямо в дьявольские морды, следом за ним появившиеся в темном отверстии. Твари остались где-то сзади, а Рейнольдс выскочил из пещеры. Он услышал, как тихо закрылась каменная дверь, отгораживая царство ужаса от мира человека.

В пылающем свете заходящего солнца Джон Рейнольдс, пьяно шатаясь, сделал несколько шагов, хватаясь за камни и деревья, как сумасшедший хватается за окружающие его предметы — островки реальности. Острое напряжение, удерживавшее его на ногах, пока он боролся за свою жизнь, покинуло его.казалось, дрожит каждый нерв его тела. Он что-то безумно нашептывал сам себе и раскачивался из стороны в сторону, жутко хохоча и не в силах остановиться.

Потом цоканье копыт заставило его укрыться за грудой валунов. Спрятаться его заставил какой-то скрытый инстинкт. Слишком ошеломлен он был для того, чтобы действовать осознанно.

На поляну выехали Джонас Мак-Крилл и его сподвижники. Из горла Рейнольдса вырвалось рыдание. Сначала он их даже не узнал. Он даже не мог вспомнить, видел ли их раньше когда-нибудь. Их кровная

вражда вместе со всем прочим здоровым и нормальным укладом жизни растаяла где-то в черных глубинах подземного лабиринта.

С другой стороны поляны выехало еще двое — Билл Орд и один из бандитов, что состоял на службе у Мак-Крилла. К седлу Орда было приторочено несколько связанных в компактную пачку палочек динамита.

— Ну и ну, — подивился юный Орд. — Вот уж никак не ожидал встретить вас здесь. Вы догнали его?

— Нет, — отрезал старый Джонас. — Он нас снова одурачил. Мы нагнали его коня, но всадника-то в седле не было. Повод был порван, словно Рейнольдс привязал коня и тот сорвался с привязи. Не знаю, где этот Рейнольдс, но мы его скоро поймаем. Я сгоняю в Антилоп и приведу еще ребят. А вы вытаскивайте тело Сола из пещеры и отправляйтесь побыстрее следом за мной.

Он повернул коня и исчез за деревьями. Рейнольдс с замиранием сердца увидел, как четверо его врагов вошли в пещеру.

— Бога душу мать! — яростно воскликнул Джек Соломон. — Здесь кто-то побывал! Смотрите! Камни выворочены!

Джон Рейнольдс, словно парализованный, следил за происходящим. Если он вскочит на ноги и окликнет их, они застрелят его прежде, чем он успеет их предупредить. Однако сдерживало его не это, а ужас, лишивший храброго стрелка способности думать и действовать, заставивший его язык прилипнуть к небу. Рот Рейнольдса раскрылся, но из него не вырвалось ни звука. Словно в кошмаре увидел он, как его враги исчезают в пещере. Потом до него донеслись их приглашенные голоса.

- Черт возьми, Сол исчез!
- Смотрите-ка, ребята, в той стене дверь!
- Клянусь громом, она открыта!
- Давай-ка заглянем!

Неожиданно в недрах горы затрещали частые выстрелы и раздались страшные вопли. Потом над Долиной Сгинувших, словно сырой туман, повисло безмолвие.

Джон Рейнольдс, собравшийся, наконец, с силами, закричал, как раненый зверь, замолотил себя по вискам, стиснутыми кулаками. Он грозил небесам, выкрикивая бессвязные кощунства.

Потом, шатаясь, он подбежал к коню Билла Орда, мирно пасшемся под деревьями вместе с остальными. Влажными от пота руками он сорвал с седла связку шашек динамита и, не развязывая, проткнул протом дырку в оболочке на конце одной из них. Он вставил короткий фитиль, присоединил капсюль и вставил его в дырку на шашке. В кармане притороченного к седлу плаща он нашел спички и, запалив фитиль, швырнул динамит в пещеру. Едва ударившись о противоположную стену пещеры, связка взорвалась. Грохот стоял, словно случилось землетрясение.

Земля качнулась, едва не сбив Рейнольдса с ног. Вся гора пошатнулась, и потолок пещеры с громовым треском просел. Тонны камня обрушились вниз, похоронив под собой все следы Пещеры Духов и навеки закрыв вход в подземелья.

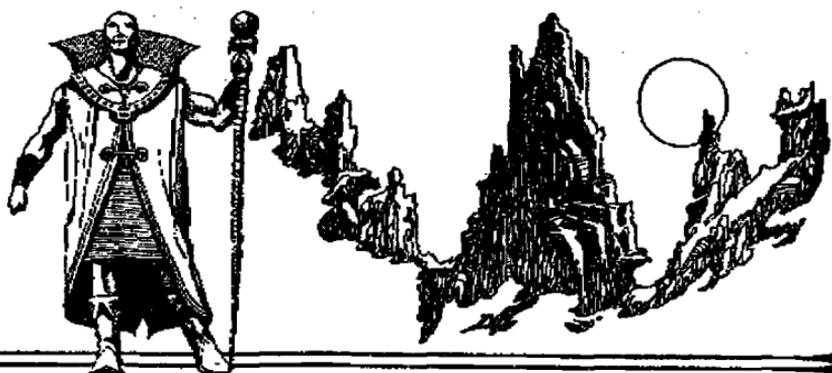
Джон Рейнольдс медленно побрел прочь. Неожиданно весь ужас случившегося разом обрушился на него, словно ледяная волна. Ему показалось, что земля у него под ногами раскачивается. Почти зашедшее солнце выглядело мерзким и кощунственным. Его свет был тошнотворным и злым. Все казалось отравлено нечестивым знанием, что подарили ему твари подземелья.

Он навеки закрыл единственную дверь, ведущую в мир ужасных тварей, но какие другие кошмары могли скрываться в потаенных местах и темных недрах земли, злорадуясь над душами людей? Тайна, которой обладал Рейнольдс, — зловещее кощунство над природой, — как понял Джон, никогда не даст ему по-

коя. Ему всегда будет казаться, что стоит лишь прислушаться, и он снова различит тихий бой барабанов, доносящийся из подземелий, где таятся демоны, некогда бывшие людьми. Рейнольдс возненавидел подземную мерзость, и то, что он узнал в глубинах земли, легко несмываемым пятном на его душу. Воспоминания о том, что он увидел, никогда больше не позволят ему предстать перед другими, «чистыми» людьми или без содрогания прикоснуться к телу любого другого живого существа. Если человек, созданный по образу и подобию Бога, смог опуститься до таких глубин непристойности, то какова же будет его дальнейшая судьба? Если существовали такие твари, как Древний Народ, то какие еще другие ужасы могли таиться под землей? Рейнольдс неожиданно понял, что ему довелось на мгновение увидеть ухмыляющийся череп под маской Жизни и теперь это превратит всю его дальнейшую жизнь в нестерпимую муку. Все понятия об устройстве мира были сметены. Их сменил хаос безумия и ужаса.

Джон Рейнольдс вынул револьвер и взвел боек неловким движением большого пальца. Приставив дуло к виску, он нажал на спусковой крючок. Грохот выстрела эхом прокатился по горам, и последний из Рейнольдсов ничком рухнул на землю.

Прискакавший галопом обратно при звуке взрыва старый Джонас Мак-Крилл нашел его там, где он упал, и подивился тому, что лицо Рейнольдса теперь больше напоминало маску глубокого старца, а волосы были белы, как снег.

ГРОХОТ ТРУБ

Она — огонь у него в крови, и грохот труб. Ее голос для него — лучшая музыка. Она способна заставить затрепетать его душу, которая не дрогнет в присутствии Титанов Света и Тьмы.

Джек Лондон

Удар грома напугал коня Бернис ЭндOVER, и тот бешено понесся, сбросив всадницу. Молнию мог наслать и Аллах, но тигра, появившегося чуть позже, наверняка наслал шайтан. «Никакой настолько старый, дурно пахнувший и порочный зверь не может иметь иных связей, кроме дьявольских» — так сказала себе Бернис, когда села, все еще оглушенная падением, отчасти смягченным кустами. Она заворожено следила за тем, как из подлеска появилась усато-полосатая морда. Девушка не успела даже испугаться. Мысли у нее немного спутались от неожиданного падения в кусты. Ее выбил из седла низко нависший сук. Изнеженный, ультрацивилизованный разум Бернис — существа, никогда раньше не сталкивавшегося с физической опасностью — не спешил признать новую угрозу реальной.

Словно зрительница в театре, девушка наблюдала, как вонючий зверь с подозрительной настороженностью всех кошачьих изучает ее. Тигр не был аристократом своего вида. Выглядел он очень старым, неуклюжим и потасканным. Когда он оскалился и зарычал, открылись прорехи в рядах его желтых клыков. И это, каким-то образом поняла девушка, указывало на то, что ей грозит смертельная опасность. Только больные и дряхлые звери обычно превращались в людоедов. Обычно человек обладал «властью над зверьем полевым». Когда тигр опускался по социальной лестнице собственного вида так низко, что ему грозила голодная смерть, он готов был отведать тех высших существ, которые притязали на родство с Богом.

Сначала из кустов появилась большая шелудивая лапа, а вслед за ней пара поеденных молью плеч, слишком уж громко скрипевших от старости, чтобы их владелец смог причинить вред кому-то, кроме представителя господствующей, человеческой расы. Внутри у Бернис зашевелились дремавшие ранее инстинкты, погребенные под взлелеянным искусственным ощущением собственной безопасности. «Это никак не может происходить со мной на самом деле! — поспешно сказала себе девушка. — Тигры едят людей только в книгах, да и то только толстых священников, жрецов и невежественных крестьян». Просто нелепо предполагать, что она или любая другая прекрасная белая женщина отправится в желудок подобной твари. Так говорил ей ее жизненный опыт, в то время как врожденные первобытные инстинкты (поразительно напоминающие инстинкты пещерной женщины, носившей леопардовую шкуру) заставляли Бернис трепетать от страха, отчаяния и физической боли — всех тех неприятных, низменных реалий вселенной, от которых цивилизованные люди пытаются отгородиться при помощи шелковых платьев, философских теорий и полицейских.

«Со мной такого не могло случиться!» — мысленно закричала она. Верно, вокруг джунгли. Но тут со-

всем недалеко до дворца Джундры Сингха, у которого она и его спутники оказались в гостях. Но простой здравый смысл подсказывал ей, что с таким же успехом Бернис могла находиться и в тысяче лиг от балльных платьев, кранов с горячей и холодной водой, солдат с пулеметами. Джунгли, куда она дерзко вступила, поглотили ее. Когда люди из дворца отправятся искать ее, Бернис Эндовер, то найдут только груды обглоданных костей... И эта мысль показалась девушке такой отгалкивающей, что она пронзительно закричала.

Зверь припал к земле, готовясь к прыжку. Его горящие от голода и страха злобные глаза придавали ему вид старого повесы (все расходы которого контролирует жена), завидевшего хорошенькую дамочку. Тигр знал, что нарушает звериное табу всякий раз, как убивает человека. Он понимал это. Но нужде закон не писан. Для отощавшего тигра голод столь же нестерпим, как для забастовщика вид штрейкбрехера. И как все запретные плоды, человеческое мясо вызывало странные ощущения — экстаз и дикий трепет в темной душе тигра.

От криков Бернис зверь обезумел. Он хлестал хвостом по траве. Его ослабевшие мускулы напряглись. Но когда Бернис вскинула руки к лицу, чтобы не видеть приближающейся гибели, она заметила уголком глаза, как что-то мелькнуло среди зелени. То чувство, которое вежливо называют женской интуицией, подсказало ей, что там какой-то мужчина, даже прежде, чем девушка его хорошенько рассмотрела.

Быстрый, обеспокоенный взгляд бросила Бернис на незнакомца. Тот оказался высоким человеком, явно туземцем, одетым в белое дхоти¹ и тюрбан. Когда Бернис увидела, что он безоружен, сердце ее екнуло, хотя, надо признать, скорее от страха, что незнакомец не сможет ее спасти, чем от осознания опасности, которой тот подвергал свою жизнь.

Но туземец ничуть не беспокоился.

¹ Накидка у индусов (прим. перев.).

Его волевое смуглое лицо оставалось невозмутимым, не отражая ни страха, ни волнения, когда он подошел к готовому прыгнуть хищнику, задержавшему прыжок. Тигр зарычал на человека, подергивая усами от возмущения и негодования. И тут произошло нечто странное. Бернис отчетливо ощутила в воздухе какую-то вибрацию, похожую на слабый удар током. Человек в белом не извлек никакого оружия, не сделал ни одного враждебного движения, но девушка увидела, как изменились глаза припавшего к земле тигра. Они странно засветились, а потом ярко вспыхнули от страха. И зверь отступил, неожиданно, бесшумно, и, словно тень, исчез в высокой траве.

Мужчина повернулся к девушке, которая с трудом поднялась на ноги и стояла теперь лицом к нему, инстинктивно откинув волосы за спину и приведя в порядок свой костюм для верховой езды. Незнакомец увидел перед собой воплощение очарования, настолько близкое к совершенству, насколько может его создать природная красота и все женские ухищрения. Девушка была прекрасна — от рыжевато-золотистых волос до стройных ножек в мягких сапожках. Взгляд мужчины остался непроницаемым, но, когда он задержался на девушке, в темных глубинах его глаз, казалось, замерцали крошечные язычки пламени, слабо, лишь на миг, словно отражения давно сгоревшего костра.

Незнакомец был высоким и гибким. Его кожа казалась не темнее, чем у любого среднего англо-индийца, а черты лица — отчетливо арийские. Лицо его приковало к себе замороженный взгляд девушки. Оно могло быть высеченной из бронзы маской — такой мощью дышали его черты, и лишь яркий блеск глаз не давал усомниться в том, что оно живое. Излучаемая незнакомцем сила, если смотреть прямо на него, действовала словно физический удар молота. Когда взгляды незнакомца и девушки встретились, Бернис почувствовала, как ее сердце неожиданно забилось, но не от страха, а словно из-за какого-то волнительного

предвкушения, подсказанного подсознательным инстинктом. На какой-то мимолетный миг она ощутила себя нагой под его безразличным взглядом, словно этот человек небрежно и равнодушно одним махом раздел ее, обнажив не только тело, но и душу тоже. Затем это ощущение прошло, и так быстро, что Бернис почти забыла про него.

Все эти чувства и ощущения промелькнули в ее голове за те короткие секунды, пока она поднялась с земли и встала лицом к нему. Тут на нее накатила волна слабости. Поляна закружилась у нее перед глазами. Девушка зашаталась. В краткий миг слепоты она почувствовала, как сильная рука обняла ее за талию, поддерживая, и от этого прикосновения в ее тело полился мощный поток жизненных сил. Это походило на прикосновение к живой динамо-машине. Снова полностью восстановив самообладание, хотя и испытывая от прикосновения незнакомца легкое покалывание во всем теле, она подняла голову. Человек в белом сразу отпустил ее и отступил.

— Благодарю вас,— прошептала она.— Со мной все в порядке. Все дело в страхе и волнении. Полагаю, у меня случился обморок.

— Пойдемте,— предложил он. Его голос напоминал малахитовый звон церковного колокола. В его английском не было никаких следов акцента.— Я отведу вас во дворец.

— Но я же не поблагодарила вас...

— И не благодарите, пожалуйста.

Девушка обнаружила, что шагает рядом с незнакомцем, едва понимая, что происходит. Он же двигался с непринужденностью и грацией, напоминая ей бегущего зверя. Некоторое время они шли молча. У Бернис не возникало никакой потребности в словах, в обычных, общепринятых банальностях. Она испытывала блаженное ощущение полной безопасности, которое и не пыталась объяснить. Но вскоре она все же спросила:

— Что вы сделали с тигром?

— Ничего. — Незнакомец посмотрел на нее сверху вниз. — Я лишь позволил ему заглянуть мне в глаза и увидеть себя в зеркале реальности. Это зрелище ужаснуло его, заставило бедолагу позабыть даже про голод! Он убежал, чтобы забыть, как же он выглядит на самом деле.

— Вы потешаетесь надо мной! — смущенно запротестовала она.

Незнакомец серьезно покачал головой:

— Многие ли из животных, именуемых людьми, способны вынести вид самих себя, без покрова иллюзий, в которые мы облачаем свое «я»? С детства окружающие одевают нас в общепринятые иллюзии, чтобы мы выглядели так же, как они, а позже этот процесс продолжаем мы сами... Мы старательно облачаем в сложные регалии притворства, чтобы скрыть неприкрытую наготу наших душ, и не только от других, но и от себя тоже. Больше всего мы ненавидим тех, кто раздевает нас догола, а мотив у большинства таких разоблачителей, как правило, — самозащита, подобно тому, как человек указывает на пороки других людей, чтобы отвлечь внимание от собственных дефектов.

В его голосе не было ничего педантичного или помпезного, ничего самодовольного или риторического. Казалось, он размышляет вслух.

— Не понимаю, какое тигр имеет отношение... — начала было Бернис, но тут незнакомец впервые улыбнулся. На его суровом лице улыбка выглядела чудом мягкости.

— Верно, мы, люди, мним себя единственными и неповторимыми, и не только по части изъянов. Но по моему, нам навстречу идет ваш конь.

Девушка с удивлением взглянула на своего спутника, но в следующий же миг увидела идущего к ним через лес коня, опустившего голову словно в искреннем раскаянии. Он повел глазищами в сторону людей, потом ткнулся мордой в плечо человека в белом и тихо заржал.

Незнакомец улыбнулся, погладил коня по влажной морде, а потом усадил Бернис в седло с такой легкостью, что у нее захватило дух. Она едва осознала, что его руки коснулись ее. Она взлетела в седло, словно подхваченное ветром перышко. Взяв в руки поводья, Бернис посмотрела на незнакомца. На ее долю выпало настоящее приключение, прямо из «Тысячи и одной ночи»: тут и красивый волшебник, от которого бежал тигр и к которому возвращался, повинувшись его безмолвному приказу, убежавший конь. Все случившееся выглядело фантастическим и нелепым, однако это же Индия — древняя и таинственная страна, где могло случиться все, что угодно. Девушка отказывалась поддаваться влиянию западного стоицизма. Это — ее приключение, и она собиралась выжать из него все острые ощущения до последней капли.

— Кто вы? — неожиданно спросила она.

— Зовите меня Ранджит.

— А я — Бернис Эндовер из Нью-Йорка. Я приехала в Саулпор с тетей Сесилией и моим женихом, сэром Хью Бредбери. Мы гости Джундры Сингха. Мне надо сейчас же вернуться во дворец. Сэр Хью и тетя будут тревожиться за меня. Ведь сэр Хью говорил, чтобы я одна не каталась верхом, но я не послушалась.

— Естественно! — усмехнулся ее спутник.

— Конечно! Но оно и к лучшему, не так ли? Ведь если бы я послушалась его, мы бы так никогда и не встретились, и я бы пропустила самое волнующее приключение в своей жизни!

Едва успев произнести это, она тут же пожалела о сказанном. Глупая, избитая, искусственная фраза. Как никчемно она прозвучала! Девушка быстро отвернулась, чтобы скрыть румянец, а потом спросила:

— Разве вы не вернетесь во дворец вместе со мной?

— Я пойду рядом с вами, пока вы не встретитесь со своими друзьями, — ответил он.

— Вы пойдете пешком?

— Какое я имею право взгромоздиться на спину живого существа?

— Человеку было дано владычество над зверьми полевыми... — туманно попыталась было процитировать она.

— Почему вы не сказали об этом тигру? — улыбнулся он.

— Я не умею говорить на его языке, — парировала девушка, и он, рассмеявшись, пошел рядом с ней, шагая широким, скользящим шагом. Каждое движение его было красивым и грациозным.

Прошел короткий ливень, какой обычно бывает в джунглях, — недолгий и бурный, как женский гнев. После него остались только рассыпанные по широким зеленым листьям сверкающие капли. Сквозь дымчатые изумрудные своды просвечивало голубое небо, чистое, ясное и мирное. В Бернис зашевелились какие-то смутные, неукротимые чувства, похожие на воспоминания о бесстыдных языческих культах. В таких вот сумрачных, одетых листвой коридорах, в иссиня-черных тенях и родились первые боги людей. Девушка взглянула на шагавшего рядом с ней человека в белом. Он мог быть верховным жрецом какого-то первозданного лесного бога. Не было ли в нем чего-то необузданно языческого? Да... Но в нем было и что-то еще. Что-то, лежащее вне земных законов, выше их, что-то твердое и непоколебимое, однако не жестокое и не черствое. Бернис вспомнила странные рассказы об индусах-отшельниках — людях, обитающих в джунглях и обладающих странной властью над дикими зверьми. Ей они представлялись какими-то дикими, косматыми пророками с горящими глазами, свалывшимися волосами и без одежды... Не похожими на молодого бога.

— Я не видела вас ни во дворце, ни в деревне, — сказала она. — Вы живете поблизости?

— Неподалеку, — ответил Ранджит. — А вот и сэр Хью. Он ищет вас.

Мгновение спустя девушка увидела группу всадников. Сэр Хью — высокий, длинноногий англичанин, костлявое и вселяющее уверенность лицо, теперь искаженное морщинами беспокойства — ехал в сопровождении нескольких туземных офицеров двора Джундры Сингха. Они заметили девушку, и сэр Хью, закричав, галопом поскакал к ней. У Бернис потеплело на душе, когда она увидела, как свет радости стер беспокойство с лица ее жениха. Но она заранее точно знала, что скажет он и что сделает.

— Боже, как я рад, что ты в безопасности! — воскликнул сэр Хью, точно, как девушка и предвидела. Нетерпеливо, с неловкой нежностью он схватил ее за руку, а потом отпустил, словно боясь причинить ей боль. Девушка медленно вздохнула, желая, чтобы сэр Хью выказал какие-нибудь чувства, которые, как она знала, он испытывал. Он должен был схватить ее, стиснуть в объятиях в спазме облегчения, а потом как следует потрясти, отругав за то, что она поехала гулять одна. Но его упреки оказались исключительно мягкими.

— Ну в самом деле, дорогуша, ты же знаешь, что не следовало тебе выезжать в одиночку на прогулку.

— Если бы не этот джентльмен, у тебя могли бы возникнуть причины для беспокойства, — начала было Бернис, поворачиваясь, а затем застыла: Ранджита и след простыл. — Где же он? — воскликнула она.

— Кто?

— Тот... тот человек! Ранджит! Человек, который спас меня от тигра!

— От тигра? — сэр Хью резким движением растегнул воротник. — Боже мой! Ты хочешь сказать, что...

— Да. От тигра-людоеда... Мой конь понес и сбросил меня. Появился тигр, а потом Ранджит... прогнал его, — запинаясь закончила она, понимая, насколько фантастично звучат ее слова. — Он посмотрел тигру в глаза, и тот убежал.

— Клянусь Богом, со стороны тигра это было верное решение! — проговорил сэр Хью. — Я должен найти героя, который тебя спас, и поблагодарить.

— Да, конечно! Но давай вернемся во дворец, а то тетя Сесилия станет беспокоиться.

Бернис решила, что Ранджита никто не найдет, если он сам не пожелает, чтобы его нашли, и похоже, так оно и было. Кроме того, ей почему-то не хотелось, чтобы он встречался с сэром Хью. Она находила это по-детски эгоистичным, и сама себе казалась ребенком, не желающим, чтобы кто-то еще разделил ее тайну.

Подъехали местные джентльмены, наговорив много поздравительных речей, почтительных и прекрасно сформулированных, а потом все отправились обратно во дворец, где их дожидалась тетя Сесилия. Она тоже не преминет упрекнуть Бернис. Но девушка знала, что все упреки тети будут скучными нравоучениями. Бернис вздохнула, еще раз подумав о том, что сэр Хью никогда не обойдется с ней грубо, даже после того, как они поженятся... если они когда-нибудь поженятся. Она дернулась, поймав себя на этой мысли, и взглянула на великолепных, ехавших по обе стороны от нее холеных туземных офицеров. Они выглядели мужчинами, но для нее были всего лишь нафаршированными мундирами, так как всегда являли ей только официальную, накрахмаленную сторону своего «я». Но во всех них под внешним лоском и золотыми галунами таился дикий огонь и первобытный дух. Вздохнув, Бернис подумала о том, что этого-то ей никогда и не увидеть. Англичане научили туземцев, как вести себя с белыми женщинами... Черт побери! По ее телу пробежала легкая дрожь восторга при мысли о Ранджите. Она поразилась, сообразив, что сэр Хью и тетя Сесилия сочли бы его туземцем. Бернис готова была взбунтоваться против того, что из этого следовало. Ранджита нельзя ни с кем сравнивать. Ранджит — это Ранджит.

Вот так — чинно и респектабельно — вернулись они в большой дворец на холме, казавшийся хаотиче-

ским нагромождением различных строений. Тут было множество башен, поднимающихся среди великолепия цветущих садов. Со всех сторон, кроме одной, дворец окружал зеленоватый океан джунглей. С той единственной стороны, где не было джунглей, раскинулась деревня. Бернис, как никогда раньше, ощутила искусственность своего окружения, приятную ложь, возведенную вокруг садов ее души для того, чтобы джунгли внешнего мира не проникли туда... Или для того, чтобы ей было не вырваться в эти джунгли? Так для чего же именно?

Бернис вдруг захотелось крикнуть сэру Хью: «Бога ради, если ты так сильно хочешь меня, как говоришь, схвати меня, ускочи со мной в зеленую чащу, и к черту все условности!» Но вместо этого она сказала:

— Своей стороны очень мило, что ты отправился искать меня, Хью!

— Да разве я мог бы поступить иначе? — спросил он с таким смирением, что Бернис захотелось пнуть его по голени. А потом они въехали во внутренний двор замка, и там их встретила тетья Сесилия — высокая, величавая женщина с тонкими, аристократическими чертами лица, прекрасными и бесстрастными, как у классической статуи, и осанкой, приобретенной сорока годами подавления и отрицания природных инстинктов, как требовало ее положение в обществе.

Даже сам Джундра Сингх выбрался из своего лабиринта тревог и волнений, дабы выразить туманное удовлетворение по поводу благополучного возвращения Бернис. Джундра Сингх был маленьким толстым человечком с мешками под глазами и нервно подергивающимися руками. Он получил образование в Англии, ненавидел свое княжество и свой народ: браминов, которые попеременно то пили вино, то задирались, простолюдинов, которые сегодня радостно приветствовали его, а завтра проклинали, и правительство, которое гладило его по спинке стальной рукой в бархатной перчатке. Но стоило Джундре Сингху попр-

бовать сделать хоть что-то из того, что хотелось ему, правительство сжимало эту руку и вежливо, но с вполне определенными намерениями помахивало кулаком у него под носом. Как раз сейчас радже хотелось раздобыть денег, чтобы забыть о своих разочарованиях после длительного загула в Париже. Сэр Хью предложил ему деньги в качестве платы за предоставление компании сэра Хью нефтяной концессии. За этим англичанин и приехал в Саулпор. Джундра Сингх страстно желал заполучить деньги сэра Хью. Но правительство не задумавшись тоже одобрило такое решение раджи, чем вызвало у Джундры Сингха сильные подозрения. Тут могла скрываться какая-то ловушка. Существовали и другие факторы, мешающие Сингху согласиться. У правителя уже побывала делегация мусульман, которая выразила протест против вторжения неверных... Как всегда мусульмане протестовали по всякому поводу, особенно если были совершенно ни при чем. И жрецы-индусы тоже старательно лезли не в свое дело. Не видя никаких шансов отломить себе кусок от иностранного пирога, они возражали против концессии на религиозных основаниях.

Когда Бернис заговорила о тигре, Джундра Сингх от всего сердца пожелал, чтобы тот съел верховного жреца. Потом девушка заговорила о своем спасителе:

— Высокий, красивый, хорошо сложенный мужчина в белом европейском костюме и тюрбане... — начала было она.

— Ранджит Бхатарка, — мигом догадался правитель. — Йог! Так его называют люди. В сикхском тюрбане! Он-то носит, что пожелает, и делает все, что хочет. Везет же некоторым! Он стоит над кастами. Индусы считают его святым и боятся. Даже мусульмане допускают, что он свят, а боятся его даже больше, чем индусы. Мне лично он не нравится. Смотрит прямо сквозь тебя...

— Возможно, он мог бы убедить жрецов в том, что в получении мной нефтяной концессии нет ничего плохого, — предположил сэр Хью.

Бернис мысленно двинула сапогом под зад своему жениху. «Йог, достаемый по благу нефтяную концессию! Боже правый! И после этого сэръ Хью еще называет страшными материалистами американцев!»

— Он не станет этого делать, — ответил раджа. — Он никогда ни во что не вмешивается. Я удивлен, что он не позволил тигру съесть мэм-саиб, назвав это кармой. Он из этих треклятых...

— Из кого? — спросил сэръ Хью.

— Да так... — пробормотал Джундра Сингх, настроженно оглядевшись по сторонам. — Этот человек обладает сверхъестественными силами. Звери повинуются ему. Местные говорят, что ему не одна сотня лет. Говорят, он умеет читать мысли людей. Я не хотел бы оскорбить его.

Даже посмеиваясь над суевериями туземцев, Бернис, в своем женском тщеславии, задумалась о том, что Джундра Сингх сказал ей о невмешательстве Ранджита в человеческие дела при обычных обстоятельствах. Глядя той ночью из дворцового окна в сад, превращенный лунным светом в черно-серебряный волшебный лес, она предавалась экзотическим фантазиям, в которых таинственную, но важную роль играл Ранджит. Один раз ей подумалось, что она видит, как он глядит через стену на ее окно, но в следующий миг фигура растворилась в тени, отбрасываемой пальмой сдрожащими на легком ветру вайями.

Потом она погрузилась в сон, и вскоре ей кое-что приснилось. Она увидела себя стоящей на коленях на сверкающем полу, выложенном разноцветной мозаикой. Там из кубиков слоновой кости были построены игрушечные домики, такие, как строят дети. Ранджит стоял, возвышаясь над ней, сложив руки на груди и с улыбкой на смуглом лице. Улыбка его не была ни пренебрежительной, ни циничной, а мягкой, доброй и, наверное, немного печальной. Бернис, глядя на него, опустила на колени, и ее игрушечные домики, опрокинувшись на пол, превратились в руины. Улыбка Ран-

джита заколебалась. С чем-то вроде ужаса девушка увидела, как по лицу индуса, казавшемуся крепким, как резная бронза, прокатилась, словно тень, неуверенность и слабость. Но в тот же миг все поглотила вспышка ослепительного света, так что девушка ничего больше не увидела. Она слышала только звуки, похожие на детский плач. С удивлением Бернис узнала свой же собственный голос. Вот в этот-то миг она и проснулась.

Уже давно рассвело. Мир окутывала сонная неподвижность индийского утра. Бернис еще мгновение не шевелилась, чувствуя себя словно новорожденная. Неопределенные обрывки мыслей и досада на саму себя смились и оформились. Страхи и сомнения покинули Бернис. Теперь она понимала, чего хочет. Не зоя горничную, она встала, оделась и вышла в сад, направившись прямо к тому месту, где, как ей думалось, она видела прошлой ночью Ранджита. Там находились небольшие ворота, закрытые лапой бронзового дракона. Она открыла их и ушла в сияющее от росы великолепие леса. И девушка ничуть не удивилась, когда увидела улыбающегося Ранджита, стоящего там, сложив руки на груди.

— Я надеялся, что ты придешь, — просто сказал он ей.

— А я знала, что ты придешь, — ответила она.

И, не говоря больше ни слова, они повернулись и пошли в лес.

— Сэр Хью желает встретиться с тобой и поблагодарить тебя, — сказала она.

— Он уже поблагодарил, — ответил Ранджит. — Мы встретились вчера вечером неподалеку от деревни. Он разрешил мне показать тебе ближайшие интересные места.

— Боюсь, что дела у него в настоящее время идут неважно, — рассеянно пробормотала Бернис. Сэр Хью казался частью прежней жизни, отделенной от ее новой жизни неизмеримой пропастью единственной

ночи. Этим пламенеющим утром все обрело новые пропорции. Бернис вовсе не казалось странным, что она до завтрака прогуливается по джунглям с человеком, которого туземцы называют йогом.

Тот день был первым из многих. В последующие годы, когда Бернис пыталась вспомнить подробности, детали казались ей смазанными. Со временем воспоминания о тех днях превратились в зыбкое разноцветное марево, где ничего нельзя было различить, кроме лица Ранджита, четко вырисовывающегося в утреннем тумане. Он был словно бог, и подобно рокоту океана звучал его глуховатый голос.

Были долгие прогулки по лесу, когда Бернис и Ранджит шли бок о бок, и девушка никогда не уставала, словно ей передалась какая-то часть его невероятной силы. Прогулки верхом, — по крайней мере, она ехала верхом, в то время как Ранджит шагал рядом с непринужденной легкостью огромной кошки. И все это время малиновые волны его золотого голоса бились о берег ее сознания, спокойные, гигантские, разве что не пылающие, словно волны из моря, находящегося за пределами ее понимания. Образность его речи, странная мудрость его слов, космическое воздействие его изречений — все это растаяло в тот миг, как она покинула его, стало смутным и непостижимым, словно ее сознание было слишком слабым, чтобы надолго запечатлеть мудрость его слов. Но характер его интонаций остался в ее памяти, эхом разносясь в ее снах. Вновь и вновь он звучал в ее ушах, когда она оставалась одна или когда слушала банальную болтовню других людей. Его голос был не столько голосом, сколько эманацией силы — струей, потоком из какого-то источника, совершенно недоступного ее пониманию.

Бернис почти не запомнила, о чем они говорили. Пока она была с Ранджитом, она все понимала. Каждое его слово, каждая фраза, каждое предложение звучало четко и предельно ясно. Его глазами Бернис заново увидела мир, от сверкающей в утренней росе тра-

винки до золотого лика — полной луны, пробивающей-ся сквозь покров серебристого тумана. Глубоко в джунглях, где лианы свисали с изогнутых ветвей, словно зеленые питоны, он показал ей развалины городов, состарившихся во времена молодости Рима. Сквозь расколовшиеся купола проросли деревья. Мостовые наполовину скрыли травы джунглей. Зубчатые стены, некогда охранявшие царские сокровища, вконец обветшали. Под воздействием магии слов Ранджита перед глазами Бернис проходили славные, чарующие, трагические картины минувшего. Девушка чувствовала, как перед ней раскрываются тайны и загадки, смутно понимала, что слышит и видит события, за знание о которых историки всего мира отдали бы немало лет своей жизни. Но когда она оставалась одна, живые цветы слов Ранджита ускользали от нее, сливаясь в смутный, многоцветный туман. Уши ее заполнял только золотистый резонанс его голоса, словно эхо моря, которое слышишь, приложив ухо к раковине.

Как-то раз Бернис увидела, как Ранджит взял голый рукой с разрушенной стены живую кобру и осторожно положил ее среди кустов, и ей показалось естественным то, что рептилия не тронула йога.

Обыкновенные люди, окружавшие Бернис, теперь представлялись ей нереальными. Их речи казались пустыми, а действия — бессмысленными. Они же не замечали происшедших с ней перемен, не видели, что причина этих перемен Ранджит. Борющийся с трудностями в делах, сэр Хью замечал не больше других. Он смутно понимал, что Ранджит довольно долго и часто «показывает достопримечательности» Бернис, что между ними может появиться нечто большее, чем простая вежливость с одной стороны и осторожность — с другой. Тетя Сесилия, по-своему мудрая женщина, так ничего и не заметила. Пойманная, словно зверек, в клетку веры и условностей, она была не в состоянии увидеть что-то находящееся по другую сторону прутьев.

В последующие годы воспоминания о проведенных часах с Ранджитом слились для Бернис в некое единое действо. Но тогда, в Индии, эти часы стали единственной реальностью в мрачном мире повседневности.

Бернис чувствовала, как тускнел мир вокруг нее, когда Ранджита не было рядом. Чувствовала, как в его присутствии перед ней открываются врата в мир, о самом существовании которого она и не догадывалась. Чувствовала, что находившийся рядом с ней человек пребывал на высотах, ей совершенно недоступных. Бернис, слепо нащупывая путь, стремилась встать рядом с ним и ощущала, как его сила поднимает и ведет ее, но каждый раз, стоило ему уйти, она погружалась обратно в обыденность. Эти ощущения порой были не такими и приятными. Иногда Бернис казалось, что ее силком вырывают из жалкого, но безопасного убежища и нагой швыряют в головокружительный космос, где режут и громяют ужасные ураганы.

Стой нагой под ударами этой грозы! Так говорил Ранджит. Откинь назад гриву своих волос и взгляни в лицо молниям и ураганам, что режут меж миров. Посмотри прямо в лицо потоку событий, гигантским истинам, ослепительным реальностям. Воссоединись с бурями, с ревущим океаном и вращающимися созвездиями. Рука Ранджита, державшая ее за запястье, направляла и поддерживала девушку, ведя по тропинкам шатким и ненадежным, как мост, переброшенный от звезды к звезде через ревущие, покрытые тучами бездны.

Это было одной — и притом наиболее тревожащей Бернис — стороной их отношений. Все это она ощущала смутно, скорее чувствовала, чем обдумывала, как чувствуешь грохот прибоя, прежде чем увидишь или услышишь его на самом деле. По большей же части Ранджит представлялся ей мужественной, романтической фигурой, богоподобным по красоте и уверенности. И это возбуждало в ней все ее женские инстинкты.

Отношения их были лишь платоническими. Ранджит ни разу не поцеловал ее. И все же временами у нее возникало такое ощущение, словно он обволакивал все ее существо, входил в ее личность. Бернис чувствовала, что находится на грани полной капитуляции, и это ужасало ее. В такие мгновения она пыталась намеренно ограничить силу его воздействия, как опытный, но благородный боксер придерживает свою силу, чтобы не задавить более слабого противника.

Поглощенная этим, Бернис не обращала особого внимания на происходящее вокруг. Встречаясь с другими людьми, она улыбалась и произносила общепринятые банальности, автоматически играя свою роль. Сэр Хью не чувствовал, что Бернис с каждым днем отдаляется от него. Немного туповатый в делах, не связанных с бизнесом, как, вероятно, все англосаксы, он не замечал увлеченности Бернис. Его волновали иные проблемы. У него, как и у любого англичанина или американца, бизнес главенствовал над любовью. Похоже, теперь сэр Хью уже почти получил концессию. Изворотливость Джундры Сингха сводила англичанина с ума, хоть он и проявлял железное самообладание и терпение истинного британца. Сэр Хью не понимал, что раджа столь же беспомощен, как и он сам. Джундра Сингх мог сам решить любой вопрос не больше, чем птица летать без крыльев. Раджа изворачивался, как флюгер, занимая сегодня одну позицию, а завтра — другую, прямо противоположную, но делал это потому, что вынужден был так поступать. Тысяча поколений изворотливых и хитрых предков держали его в тисках наследственности, столь же жестких, как железная клетка. По необходимости он шел к цели окольным путем, через лабиринт, по обходным маршрутам, петляя и заставляя сэра Хью сжимать кулаки, борясь с желанием на месте прикончить своего предполагаемого партнера.

А у раджи были свои неприятности. Страх и жадность разрывали его пополам. Страх перед тем, что сэр

Хью может потерять терпение и забрать свое предложение; страх перед тем, что он, Джундра Сингх, может уступить слишком рано, прежде, чем сэр Хью дойдет до предела того, что может и способен заплатить.

Брамины выступали против предоставления концессии. Раджа подозревал, что им дали взятку конкуренты сэра Хью. Он даже бросил это обвинение им в лицо, но служители бога, сохраняя достоинство, сделали ему выговор за святотатство, пригрозив гневом богов, и допекали раджу, пока Сингх не пустил слезу, грызя от ярости подушки своего царственного дивана. Джундра Сингх не верил в богов, но боялся их гнева. Брамины горячо и долго могли внушать какую-то мысль простым людям, те-то внимали им без особого понимания, но с большой благочестивой страстью. В храмах трубили в витые морские раковины, и на улицах собирались группы возбужденных туземцев, обсуждая поступки раджи. Индуисты и мусульмане разбивали друг другу головы без устали, рьяно и со страстью.

Именно в тот самый день, когда раджа, жадность которого наконец поборол страх, вызвал сэра Хью на поспешную аудиенцию, Ранджит сказал Бернис:

— Мы больше не сможем так разгуливать.— Они стояли на опушке джунглей. Нежный, бродячий ветерок пах пряностями. После этот запах будет не раз навещать Бернис, принося с собой слепую, саднящую тоску.

— Что ты имеешь в виду? — Она знала, о чем он говорил, а он знал, что она знала.

— Я влюблен в тебя,— сказал он голосом, вибрирующим от странного благоговения.— Это удивительно... непостижимо... но это так.

— Разве так удивительно для кого-то влюбиться в меня? — спросила она.

— Удивительно то, что я в кого-то влюбился. Я думал, что это безумие оставлено мной в низинах развития, много поколений назад.

— Поколений? — Пораженная, Бернис уставилась на него. — Что ты хочешь этим сказать?

Ранджит собирался было объяснить, но смолк, увидев в ее глазах вопросительное, встревоженное выражение. Долгую минуту он изучал лицо девушки, а потом покачал головой:

— Не имеет значения. Поговорим о другом.

— Я хотела бы, чтобы ты не говорил так, — почти капризно заявила Бернис. — Временами то, что ты говоришь, пугает меня... У меня создается впечатление, словно передо мной неожиданно открывается окно и я бросаю краткий взгляд в ужасную бездну, о которой раньше и не подозревала. На какой-то миг ты становишься незнакомцем... ужасным, нечеловеческим созданием. А потом...

— Что потом? — В его прекрасных глазах появилось что-то вроде боли.

Но девушка покачала головой. Ощущение, вызванное ее словами, уже растаяло.

— А потом ты — просто Ранджит, теплый, человечный и сильный... такой сильный!

— Наверное, это карма, — произнес он вскоре, словно высказывая вслух свои мысли. — Или я в своем слепом эгоизме лгу себе, говоря, что это карма... Тогда это всего лишь мое желание. Не знаю. Может, это явление — сигнал, что я не сумел достичь тех высот, к которым так долго и упорно стремился? Может, мне и не суждено их достичь? Смириться ли мне с поражением или сопротивляться ему? Если это — карма, то разве не следует мне признать ее? Но я в полной растерянности. Я не уверен ни в себе, ни в чем ином во вселенной.

— Не понимаю! — Бернис сама себе казалась ребенком, слепо нащупывающим дорогу в темноте. — Я люблю тебя! Я хочу тебя! Ни раса, ни вера не имеют значения! Я хочу уйти с тобой — жить с тобой в пещере на хлебе и воде, если понадобится! Ты нужен мне! Ты стал мне необходим!

— А это что, карма или я сам виноват в том, что вещи сложились таким образом? — Он словно рассу-

дал вслух. — Я возжелал тебя с первой же минуты, как увидел... Я, знавший тысячи прекрасных женщин, в сотне разных стран. Я боролся с этим желанием... противился своему чувству... И все же не устоял перед ним. Я предал свое учение, используя то, что ты могла бы назвать магией, чтобы привязать тебя к себе и отвести глаза твоим соотечественникам, дабы они не почувствовали, что ты отдаляешься от них. Нет, я не должен думать о том, что могло бы быть, а чего могло бы не быть. Я люблю тебя. Ради одного этого я не отрекся бы от избранного мной пути. Но ты говоришь, что тоже любишь меня... что я нужен тебе. Если долг человека — жертвовать своим телом ради помощи более слабому, то насколько больше его долг отречься от нирваны, когда он обязан пойти на такое отречение!

— Ты принял бы меня, потому что считаешь это своей обязанностью? — прошептала она пересохшими губами.

— Нет! Нет!

Она вдруг очутилась в его объятиях. Ее чуть не лишил чувств всплеск его силы.

— Нет! Да помогут мне боги! Я хочу тебя! Это — безумие! Но это правда. Я слишком эгоистичен, чтобы отпустить тебя ради себя или же ради тебя. Ты не можешь идти моим путем — ожидать такого было бы бессмысленной жестокостью, но я пойду твоим. Я отрекись от своих надежд взойти на те высоты, которые мельком видел издали, от всего, о чем мечтал и за что боролся много поколе... много лет. Я опущусь до среднего уровня банальности и обыденности. Но я должен знать, что человек, которого ты любишь, — это я, а не очарование тайны и романтики, которыми меня окружают дураки и которое я — да поможет мне Бог! — намеренно носил ради тебя.

— Я люблю тебя! — прошептала девушка. У нее все пыло перед глазами. — Никого, кроме тебя! Только тебя!

С миг держал он Бернис в своих объятиях, в то время как весь внешний мир для нее исчез. Потом он

выпустил ее, поддерживая одной рукой, так что она покачнулась, а после отступила на шаг.

— Ты говорила об этом сэру Хью?

Девушка покачала головой, так как не могла говорить.

— Мы должны сообщить ему об этом немедленно. Фундаментом наших отношений должна стать абсолютная честность. Моя голова во прахе от вины и позора. Я не придерживался абсолютной правдивости в общении с вами — и с тобой, и с твоими спутниками. Мне следовало бы предупредить обо всем сэра Хью и с самого начала сказать тебе о своем желании, вместо того чтобы пытаться поднять тебя до уровня, на котором, по моему мнению, находился я... Каким же самонадеянным дураком я был! С моей стороны все получилось глупо, высокомерно и жестоко. Столь многому научился я за эти долгие, горькие годы...

Бернис задрожала, не понимая, почему она чувствует себя так, словно на нее из глубин космического пространства подул холодный ветер. Она по-детски на ощупь нашла его руку. Ранджит нежно взял ее за руку, посмотрел на нее со странным сочувствием. Бернис опустила голову, чувствуя себя слабой, никчемной и готовой расслабиться, несмотря на утешающие пожатия его сильных пальцев.

— Идем, — мягко предложил он, поворачиваясь к маленьким воротам.

Они молча вошли в сад и не прошли и дюжины шагов, когда увидели быстро идущего к ним сэра Хью. Он закричал:

— Бернис!

В следующий миг он был рядом. Его лицо сияло.

— Джундра Сингх только что подписал концессию! Успех! Я добился его в первом же своем большом деле!.. Эй, Бернис, что случилось?

При всей его несклонности к анализу, выражение ее лица заставило его заволноваться. Он удивленно уставился на свою невесту.

— Хью, я должна с тобой поговорить, — обратилась к нему Бернис и, поддавшись какому-то импульсу, добавила: — Ранджит, не будешь ли ты так любезен ненадолго оставить нас наедине?

Индус поклонился и отошел, исчез за скопищем кустов. Бернис повернулась к англичанину и глубоко вдохнула, обнаружив, что стоящая перед ней задача в тысячу раз неприятней, чем ей представлялось.

— Хью, я...

— Прислушайся!

Оба повернулись, когда раздались неистовые крики множества обезумевших людей. И крики эти приближались.

Они так и не узнали, кто именно затеял беспорядки — раздосадованные конкуренты, рассерженные браминами, или озлобленные мусульмане. Но в любом случае недовольные пришли из деревни во дворец по пыльной улице. Их было три-четыре сотни — воющая толпа, размахивающая ножами и дубинами, вопящая:

— Смерть иностранцам!

Это был скверный маленький бунт, неудачный, без вождя, без плана. Но при небольшом бунте люди гибнут ничуть не реже, чем на мировой войне. Большинство бунтующих ринулись к главным воротам, ведущим во двор замка, где их быстро перестреляли и перекололи штыками гвардейцы-сикхи. Произошла недолгая, короткая свалка, кровавая и ужасная, в которой потери несла почти исключительно одна сторона. А потом ряды восставших сломались. Крестьяне побежали обратно в деревню, жалобно воя, оставив примерно с дюжину тел в пыли перед воротами. Некоторые из упавших лежали совершенно неподвижно, а некоторые извивались и вопили от боли.

Но еще в самом начале часть толпы свернула в сторону и вбежала в сад через маленькие ворота, прежде чем их успели закрыть. Сэр Хью, загородивший Бер-

нис от толпы, получил удар дубиной и упал без чувств, истекая кровью, на ковер раздавленных цветов. Бернис пронзительно закричала, когда над ней взметнулся сверкающий талвар с острым как бритва клинком... И тут появился Ранджит. Бернис отчетливо увидела, как он схватил голой рукой опускающийся с размаху клинок. Не брызнула кровь, и на коже индуса не оказалось пореза.

Человек, наносивший удар, попятился, выпустив оружие. Ранджит перебросил талвар через стену и, сложив руки на груди, повернулся лицом к толпе. Он ничего не сказал. Взгляд его был угрюмым. Но по толпе прокатился тихий стон, и неплотные ряды заколебались, словно пшеница на ветру. Бернис почувствовала нажим ужасной силы, словно пронесся порыв могучего ветра. Она ощутила, что от Ранджита исходит громадная сила, возможно родственная гипнозу, но куда как более могучая, поражая бунтовщиков психическим ударом непреодолимой силы. Толпа в страхе попятилась... Вдруг бунтовщики повернулись и с воплями убежали. Душу Бернис наполнила тень великого страха, когда она увидела мрачного и отчужденного Ранджита, выглядевшего и вовсе не похожим на мужчину ее мечты. Это был не страх, но какая-то слепящая, парализующая, уничтожающая волна абсолютного понимания, после которой Бернис осознала, что Ранджит настолько вне и выше ее, что они никогда не смогут встретиться на каком-то уровне, кроме физического. Она больше не могла стоять обнаженной, прямой и слепой перед хлещущими ее могучими космическими ветрами. Покров был сорван, открыв ей, что тело, которое она-то считала ступком огня — ее собственное тело, — на самом деле было из плоти. И Бернис поняла, что для нее существуют физические ограничения, которые она никогда не сможет преодолеть.

Лежащий у ее ног сэр Хью неожиданно сделался якорем, способным удержать ее у берегов той части человечества, которую она знала. Бернис упала на ко-

лени, цепляясь за него и рыдая. А подними она взгляд, то увидела бы Ранджита, склонившегося над ней. Тень слабости была на его лице, и выглядела эта слабость ужасней, чем мрачный взгляд, которым он встретил толпу. Потом тень растаяла, и вернулась прежняя, нежная улыбка, в которой, казалось, таилась любовь ко всему хрупкому человечеству.

Девушка почувствовала, как Ранджит отстранил ее. Индус соединил кончиками пальцев края раны Хью. Кровотечение сразу же остановилось, и йог, оторвав от собственной одежды полоску чистой ткани, быстрыми движениями уверенных пальцев перевязал голову англичанина.

Из дворца к ним спешили слуги. Тетя Сесилия, забыв про свою осанку, горбилась всякий раз, как раздавался ужасный треск выстрелов. Были умирающие, пахло свежей кровью. Тетя Сесилия истерически кричала, зовя свою племянницу. Она закричала еще громче, когда увидела слуг, несущих во дворец сэра Хью.

Бернис последовала за ними во дворец, но Ранджит мягко увлек ее назад. Они оказались одни среди кустов.

— Ты любишь его, — мягко сказал индус.

— Я не знаю! — взывала девушка. — Нет! Нет! Я люблю тебя... но...

— Он твой сородич. А я — нет, — медленно произнес Ранджит. — Наша любовь была безумием, порождением эгоистического желания. Я, для которого Истина была всем, предал собственную веру. Я ослепил тебя ложным блеском, который даже сейчас омрачает твой разум и не дает тебе принять какое-то определенное решение... Ты должна увидеть меня таким, каков я есть на самом деле, лишенным покрывала иллюзий. Я видел, как ты содрогнулась, когда я заговорил о своих годах, проведенных в Пути. Ты должна знать правду. Знаю, что ваш западный мир не понимает и не верит в науку, которую он называет философией йогов. Я не могу заставить тебя понять... не могу рассказать тебе в один миг то, для познания чего потре-

бывалась бы тысяча лет... не могу растолковать, чем компенсируется отречение. Но жизнь, тянущаяся почти до бессмертия, — одна из таких компенсаций... Я не молод и не красив. Я стар — настолько стар, что ты б мне не поверила, если бы я тебе сказал. Но это дано лишь Ступившим-на-Путь для сокрытия реальности их внешности, чтобы они не оскорбляли других своим видом. Теперь же я на миг сниму этот покров. Смотри!

Его приказ прозвучал резко и неожиданно, почти как жестокий удар. И Бернис вскрикнула от страха и отвращения. Перед ней стоял не молодой человек, а старое, иссохшее, беззубое, лысое, сутулое существо, которое едва ли было человеком. Лицо Ранджита избороздили морщины, а кожа походила на дубленую шкуру. Когда Бернис съежилась и попятилась, дрожа от отвращения, то увидела, как морщины медленно тают и исчезают. Фигура Ранджита распрямилась, раздалась в плечах. Перед ней, печально улыбаясь, стоял Ранджит, но девушка содрогнулась, когда, пусть нечетко, проследила в его мужественных чертах те морщины, которые увидела на древнем лице.

Бернис ничего не сказала. В этом не было необходимости. Мельком увиденные ею высоты, смутные и сверкающие, исчезли навсегда. Постанывая, она уткнулась лицом в ладони. А когда она подняла голову, Ранджит пропал, и лишь в ветвях деревьев прощуршал странный ветерок.

Тогда Бернис повернулась и пошла во дворец, где ждал ее сэр Хью.

КУДА УШЕЛ СЕДОЙ БОГ

ГЛАВА 1

Среди мрачных гор голосу вторило эхо. Возле самого устья ущелья, расколовшего гигантскую скалу, ходил крутами, рыча, словно волк в западне, раб Конн. Он был высоким, стройным, с огромной волосатой грудью и длинными мускулистыми руками. Черты лица Конна соответствовали его телосложению: твердый, упрямый подбородок, низкий лоб с копной взъерошенных рыжеватых волос. И в довершение варварской внешности холодные, голубые глаза. Драная, грязная повязка болталась на бедрах. Конн, привыкший вести жизнь дикого зверя, ничуть не боялся буйства стихий. В тот тяжелый век даже хозяевам тяжело жилось, так что говорить о рабах...

Неожиданно Конн присел, взяв меч на изготовку. Из глотки вырвался животный, предостерегающий крик. Из ущелья выскользнул высокий человек. Он кутался в плащ, под которым поблескивала кольчуга. Тень низко надвинутой широкополой шляпы незнакомца закрывала его лицо, так что разглядеть можно было только один глаз, сверкавший холодно и мрачно, словно серое море.

— А, это ты, Конн, раб сына Вульфгера Снорри? Куда бежишь, обагривший руки кровью своего хозяина? — спросил незнакомец низким властным голосом.

— Я не знаю тебя, — прорычал Конн. — Не знаю, откуда тебе известно мое имя. Если хочешь схватить меня, свистни собак, и покончим с этим. Но прежде чем я умру, они попробуют крепость стального клинка.

— Дурак! — В зычном голосе незнакомца прозвучало презрение. — Я не охотник за беглыми рабами. Дикие земли велики. Но разве ты ничего не чувствуешь в запахе морского ветра?

Конн повернулся к морю, плескавшемуся далеко у подножия скалы. Он вдохнул морской воздух могучей грудью. Ноздри его раздулись.

— Я чувствую запах соленой пены, — ответил Конн. Голос незнакомца походил на лязг мечей:

— В ветре — аромат крови, мускус страха и предсмертные крики.

Конн в замешательстве покачал головой:

— Обычный ветер...

— На твоей родине идет война, — угрюмо продолжал незнакомец. — Копья Юга поднялись против мечей Севера, и землю вместо солнца теперь освещают огни пожаров.

— Откуда ты это знаешь? — заволновавшись, спросил Конн. — Вот уже несколько недель ни один корабль не приходил в Торку. Кто ты и откуда знаешь о войне?

— Неужели ты не слышишь звук волынки, стук топоров? Неужели не чувствуешь запах войны, который несет ветер? — спросил незнакомец.

— Нет, — ответил Конн. — От Торки до Эрина много лье. Я слышу только завывания ветра в скалах и крики чаек на мысу. Если идет война, я должен быть вместе с воинами моего клана, хотя за мной охотится Меллагин, ведь в ссоре я убил его человека.

Незнакомец, не обращая внимания на Конна, стоял как статуя и смотрел вдаль на бесплодные горы и туманные волны.

— Будет страшная битва, — сказал он так, словно говорил сам с собой. — Смерть в кровавой жатве заберет многих королей и вождей. Огромные кровавые тени напозают на мир. Ночь опускается на Асгард. Я слышу крики давно умерших героев. Они зовут из пустоты, как и голоса забытых богов. Для каждого создания есть свой срок. Даже боги должны умирать.

Внезапно он распрявился и с диким криком вытянул руки в сторону моря. Огромные тучи заволокли небо. Надвигался шторм. Из тумана налетел сильный ветер. Он гнал по небу стаи грозových туч. Неожиданно Конн закричал. Из пролетающих над головой облаков вынырнуло двенадцать фигур, призрачных и ужасных. Как в ночном кошмаре, увидел Конн двенадцать крылатых коней со всадницами — женщинами в сверкающих серебряных кольчугах и крылатых шлемах. Их золотистые волосы развевались на ветру, холодные глаза уставились на что-то, чего Конн не видел.

— Те, Кто Выбирают из Мертвых! — прогремел голос незнакомца. Он широко раскинул руки, словно звал всадниц к себе. — Они скачут на север! Крылатые кони копытами разгоняют надвигающиеся тучи. Паутина Судьбы сплетена. Ткацкий станок и веретено сломаны! Смерть взывает к богам, и ночь падет на Асгард! И в ночи прогремят трубы Раганарока!

Ветер раздувал его плащ, открывая могучую, обласенную в кольчугу фигуру. Шляпа слетела. Спутанные волосы развевались на ветру. Конн отпрянул, когда глаз незнакомца блеснул в свете молнии. Там, где должен был находиться другой глаз, Конн увидел пустую глазницу. Вот тогда-то он и испугался, повернулся и нырнул в ущелье, словно человек, убегающий от демона. Бросив назад осторожный взгляд, Конн увидел фигуру незнакомца в развевающемся плаще с воздетыми к небу руками. Беглому рабу показалось, что человек на краю утеса чудовищно вырос и теперь громадой возвышается среди туч над горами и морем. И еще, что он неожиданно стал седым, словно в один миг постарел.

*О, севера владыки, мы пришли
С толпою умерших,
С разбитыми сердцами...
И дом обрушился, сгорев дотла...
Вот горсть костей,
Метнем их на весы у моря серого:
Что перевесит?
Сто лет неправды, скорби
Иль час кровавого убийства и резни?*

Шторм стих. Небо очистилось до яркой синевы, а море лежало спокойное, словно заводь, и только несколько разбросанных по берегу обломков деревьев молчаливо свидетельствовали о недавнем вероломстве стихий.

По прибрежной полосе скакал всадник. Шафрановый плащ развевался у него за спиной, ветер взъерошил его волосы.

Неожиданно всадник резко осадил своего горячего скакуна, так что тот встал на дыбы и захрапел. Из песчаных дюн поднялся высокий, могучий варвар.

— Кто ты, человек с мечом вождя и с ошейником раба? — спросил Всадник.

— Я — Конн, молодой господин, — ответил варвар. — некогда изгой, потом раб, но всегда и повсюду подданный короля Бриана. Я знаю тебя. Ты — Дунланг О'Хартиган, друг Мурроха, сын Бриана, принц Даль-Каса. Скажи мне, добрый господин, идет ли здесь война?

— По правде говоря, сейчас король Бриан и король Малачи стоят в Киллмэйнхэме возле Дублина. Я выехал из лагеря сегодня утром. Со всех земель викингов король Ситрак собрал рабов, и газлы готовы вступить в бой. Такой битвы сам Эрлик никогда прежде не видывал.

Взгляд Конна затуманился.

— Клянусь Кроном, как раз об этом и говорил мне Седой Человек, — прошептал он как бы про себя. — Но как же он мог это узнать? Конечно, все это мне приснилось!

— Как ты попал сюда? — спросил Дунланг.

— Из Торки в Оркни я приплыл на лодке. Ее, как щепку, разбила волна прибоя. Давным-давно я убил Мета — ратника Мелаглина, и король Бриан рассердился на меня из-за нарушенного перемирия, поэтому я и бежал. Да, жизнь изгоя тяжела. Потом меня поймал Торвальд Ворон из Хибрида, когда я ослаб от голода и ран. Он надел мне этот ошейник. — Конн притронулся к тяжелому, медному кольцу, висевшему на его бычьей шее. — Потом он продал меня сыну Вульфгера Снорри в Торку. Неприятный мне достался хозяин. Я работал за троих, сражался рядом с ним, когда он ссорился с соседями. За это я получал от него лишь корки со стола, вместо постели — голый земляной пол — и глубокие шрамы на спине. Наконец я не вытерпел, набросился на него в его собственном скалли и разбил ему башку поленом. Я забрал его меч и бежал в горы, предпочитая скорее замерзнуть или умереть с голоду, чем сдохнуть под плетью... Там, в горах... — Тут в глазах Конна появилось сомнение. — Думаю, я видел сон... Я встретил высокого седого человека, говорившего о войне в Эрине. Еще я видел... валькирий, скачущих на юг по облакам... Лучше умереть в море, в добрую бурю, чем сдохнуть с голоду в горах Оркни, — продолжал Конн более уверенно. — Случайно нашел я лодку рыбака с запасом пищи и воды. На ней я и вышел в море. Клянусь Кромом! Я и сам удивлен, что все еще жив! Шторм схватил меня в свои лапы прошлой ночью. Я сражался с морем, пока лодка не затонула; потом с волнами, пока не потерял сознание. Придя в себя, я был поражен. Уже рассвело, и я увидел, что лежу на берегу, словно обломок дерева, выброшенный волнами. Так я и лежал на солнце, греясь и выгоняя из костей холод моря, пока ты не подъехал.

— Клянусь всеми святыми, Конн, ты мне нравишься, — сказал Дунланг.

— Надеюсь и королю Бриану я понравлюсь, — проворчал Конн.

— Присоединяйся к моей свите, — предложил Дунланг. — Я замолвлю за тебя словечко перед королем. У Бриана в голове сейчас дела поважней, чем какая-то кровавая распря. Как раз сегодня войска противника закончат подготовку к битве.

— А потом начнут ломать копыя? — поинтересовался Конн.

— Не по воле короля Бриана, — ответил Дунланг. — Он не хочет проливать кровь в Страстную Пятницу. Но кто знает, когда язычники нападут на нас!

Конн положил руку на стремя Дунланга и зашагал рядом с неторопливо идущим конем.

— Собралась ли знать для битвы? — спросил он через некоторое время.

— Больше двадцати тысяч воинов с каждой стороны. Залив Дублина потемнел от кораблей. Из Оркни прибыл Ярл Сигурд со знаменами цвета крыла ворона. С Мэна приплыл викинг Бродир, а с ним двенадцать галер. Из Данелаха, что в Англии, приехал принц Амлафф, сын короля Норвегии с двумя тысячами воинов. Войска собрались со всех земель — из Оркни, Шетланда, Хибрида — Шотландии, Англии, Германии и из скандинавских земель... Наши шпионы донесли, что у Сигурда и Бродира по тысяче человек в стальных кольчугах с головы до пят. Они собираются сражаться, построившись клином... Далкасцам трудно будет разбить эту железную стену. Но ты, по воле бога, все превосходно угадал... А среди воинов и полководцев Анрад Берсерк, Красный Храфн, Платт из Дании, Торстен и его собрат по оружию Асмунд, Торлеф Хорди Сильный, Ателстон Сакс, Торвальд Ворон с Хибрида.

Услышав последнее имя, Конн дико оскалился, прикоснувшись к медному ошейнику.

— Большое собрание, раз прибыли Сигурд и Бродир.

— Их позвала Гормлат, — объяснил Дунланг.

— В Оркни пришла весть, что Бриан развелся с Кормаладой, — сказал Конн, невольно назвав королеву на северный лад.

— Да, и ее сердце черно от ненависти к бывшему мужу. Странно, что у красавицы с такой прекрасной фигурой душа демона.

— Бог справедлив, мой господин. А что ее брат, принц Мэлмор?

— Он и разжег пламя этой войны! — сердито воскликнул Дунланг. — Ненависть, тлевшая так долго между ним и Муррохом, наконец всполыхнула огнем и подпалила оба королевства. Оба зачинщика не правы. Может, даже Муррох больше Мэлмора. А Гормлат еще и подбивала брата. Не думаю, что король Бриан поступал мудро, отдавая почести тем, с кем раньше воевал. Нехорошо, что он женился на Гормлат и отдал свою дочь ее сыну, Ситраку из Дублина. С Гюрмлан он привез в свой дворец семена раздора и ненависти. Она распутница. Когда-то она была женой Амлаффа Горэна, датчанина, потом женой короля Малачи из Мета. Он выгнал ее из-за скверного характера.

— А что с Мелаглином? — спросил Конн.

— Кажется, он забыл про войну, когда Бриан вырвал у него корону Эрина. Два короля вместе выступят против датчан и Мэлмора.

Разговаривая, Конн и Дунланг подошли к гряде редких скал и валунов. Тут они неожиданно остановились. На одном из валунов сидела девушка, облаченная в сверкающую зеленую одежду, покрой которой так напоминала чешую, что Конн в замешательстве сначала принял ее за вышедшую из морских глубин русалку.

— Ивин! — Дунланг спрыгнул с коня, бросив Конну поводья, и поспешил взять девушку за руку. — Ты посылала за мной, и я пришел. Ты плакала!

Конн, объятый суеверным страхом, держал коня. Сейчас он почувствовал, что ему стоит отойти. Ивин, стройная, с пышными, блестящими, золотистыми волосами и глубокими таинственными глазами была непохожа ни на одну из девушек, знакомых Конну. Ее совершенная внешность отличалась по внешности от женщин севера и от газлок, и Конн понял, что она при-

надлежит к тому мистическому народу, что занимал эти земли до прихода его предков. Кое-кто из этого народа до сих пор обитал в пещерах у моря и в глуши девственных лесов. Это были де Данааны, чародеи, как говорили ирландцы, родственники фазров.

— Дунланг! — Девушка судорожно обняла возлюбленного. — Ты не должен уходить! На мне проклятие ясновиденья. Я знаю: если ты пойдешь на войну, ты умрешь! Поехали со мной. Я спрячу тебя. Я покажу тебе скрытые пурпурным туманом пещеры, похожие на замки подводных королей, и тенистые леса, где не бывал никто, кроме моего народа. Пойдем со мной, и забудь войну и ненависть, гордость и честолюбие, которые лишь тени, нереальные и бессмысленные. Пойдем — и ты познаешь сказочное великолепие мест, где нет ни страха, ни ненависти, часы кажутся годами и время тянется бесконечно.

— Ивин, любовь моя! — взволнованно ответил Дунланг. — Ты просишь о том, что не в моей власти. Когда мой клан отправляется на войну, я должен быть рядом с Муррохом, даже если уверен, что меня ждет смерть. Я люблю тебя больше жизни, но клянусь честью своего клана, не могу уйти с тобой.

— Я боюсь. Вы — всего лишь дети, глупые, жестокие, неистовые, — убиваете друг друга в детских ссорах. Это наказание мне. Среди своего народа мне было одиноко, и я полюбила одного из вас. Твои грубые руки невольно причиняли боль моему телу, и твои грубости пусть невольно, но ранят мое сердце...

— Я никогда не обижу тебя, Ивин, — начал было огорченный Дунланг.

— Я знаю, — сказала девушка. — Руки мужчины не созданы для того, чтобы держать нежное тело женщины Темных людей. Это — моя судьба. Я люблю, и я пропала. Мое зрение — зрение смотрящих вдаль, сквозь покров и туманы жизни. Я вижу то, что позади прошлого и впереди будущего. Ты пойдешь на битву, и по тебе вскоре заплачут струны арфы, а Ивин Грэгли останется

ся рыдать, пока не растворится в слезах и соленые слезы не смешаются с холодным, соленым морем.

Дунланг безмолвно опустил голову, а голос молодой девушки дрожал, и в нем звучала извечная печаль всех женщин. Даже грубый варвар Конн смущенно переминался поодаль.

— И все же я принесла тебе подарок, к битве.— Ивин изящно наклонилась и подняла что-то блеснувшее на солнце.— Это не может спасти тебя, прошептали духи моей душе, но я все же надеюсь...

Дунланг нерешительно взглянул на то, что она протянула ему. Конн незаметно придвинулся и выгнул шею. Он увидел кольчугу, сделанную с необычайным мастерством, и шлем, какого он не видывал прежде. Поверхность шлема была покатой, а внизу шел бортик, чтобы задержать удар меча. Шлем был без подвижного забрала. Спереди была просто прорезана щель для глаз. Ни один из живущих ныне не смог бы повторить это чудо. Работа была старинная. Такие вещишки изготавливались в древности, в более цивилизованные времена.

Дунланг с подозрением и недоверием, присущим многим кельтам по отношению к доспехам, посмотрел на кольчугу и шлем. Британцы сражались без доспехов с легионами Цезаря и считали трусом того, кто надевал на себя металл. Позже ирландские кланы с таким же осуждением смотрели на закованных в броню рыцарей Стронгбоу.

— Ивин, братья засмеют меня, если я облачусь в железо, как датчанин,— сказал Дунланг.— Как человек может свободно двигаться в такой одежде? Из всех газлов только Турлоф Даб носит кольчугу.

— А есть ли среди газлов кто-то храбрее его? — пылко возразила Ивин.— Какие же вы все глупые! Веками одетые в железо датчане топчут вас, когда вы могли бы давно смести их, если бы не ваша глупая гордость.

— Гордость еще не все, Ивин,— возразил Дунланг.— Что пользы в кольчуге, когда далкасийский топор разрубает железо, как ткань?

— Кольчуга отразит мечи датчан, и даже топор О'Брайна не пробьет эти доспехи. Они долго пролежали в глубинах пещер моего народа, тщательно защищенные от ржавчины. Когда-то их носил воин Рима, до того как римские легионы ушли из Британии. В какой-то войне на границе попали они в руки моих предков, и те хранили их как сокровище, потому что их носил великий принц. Умоляю тебя, надень их, еслилюбишь меня.

Дунланг нерешительно взял доспехи. Он не мог знать, что это доспехи гладиатора времен конца Римской империи, и не интересовался, каким образом они попали к офицеру британского легиона. Дунланг мало что знал из истории. Подобно большинству своих собратьев военачальников, он не умел ни читать, ни писать. Знания и образование нужны монахам и священникам. Воину некогда заниматься искусствами и науками. Дунланг взял доспехи и, потому что любил эту странную девушку, согласился надеть их, «если подойдут».

— Подойдут, — уверила его Ивин. — Но я все равно больше не увижу тебя живым.

Она протянула бледные руки, и молодой человек жадно обнял ее. Конн отвернулся. Затем Дунланг мягко расцепил объятия и поцеловал девушку еще раз.

Не оборачиваясь, он вскочил на коня и поскакал по берегу. Конн побежал рядом. Оглянувшись в сгущающихся сумерках, варвар увидел Ивин, стоявшую на том же месте.

ГЛАВА 3

Костры лагеря искрились, делая ночь светлой, словно день. Вдали неясно вырисовывались темные и угрожающе тихие стены Дублина. У тех стен тоже мерцали костры, где воины Лэйнета, под руководством короля Мэлмора, точили топоры, готовясь к предстоящей битве. Залив сверкал. В ярком свете звезд блестели паруса, щиты, змеиные носы множества кораблей. Между го-

родом и кострами ирландского войска раскинулась равнина Клонтарф, граничащая с Томарским лесом, темным и что-то шепчущим в ночи, и с водами Лиффи, в тихих водах которой горели искорки звезд.

Великий король Бриан Бору сидел перед палаткой в кругу своих военачальников. Огонь костра играл тенями на его белой бороде и сверкал в чистых, орлиных глазах. Король был стар: семьдесят три зимы прошло над его львиной головой — долгие годы, наполненные яростными битвами и кровавыми интригами. Но спина короля осталась прямой, руки не потеряли силу, низкий голос по-прежнему громко звучал. Вокруг него стояли военачальники — высокие воины с могучими мускулами и зоркими глазами, свирепые и кровожадные, как тигры, и принцы в богатых туниках с зелеными поясами, в кожаных сандалиях и шафрановых накидках, застегнутых огромными золотыми брошками.

Тут собрались одни герои. Рядом с королем стоял Муррох, старший сын Бриана, гордость всего Эрина, высокий, могучий, с широко раскрытыми голубыми глазами, которые никогда не бывали спокойны — или в них плясали искры веселья, или их прикрывала поволока печали, а иногда они горели от ярости. Тут был и молодой сын Мурроха, Турлоф, гибкий паренек пятнадцати лет с золотыми волосами и горящими от нетерпения глазами. Од трепетал в ожидании предстоящей битвы — первой в его жизни. Другой Турлоф, его двоюродный брат, Турлоф Даб, был лишь несколькими годами старше, но слава его уже прокатилась по всей Эрине. Люди считали его неистовым берсерком, ловким в смертоносной игре с топором. Тут же расположились и Мита О'Фэлан, принц Десмонда, и его родственник, Великий Стюарт из Шотландии, и Дональд Мар, переправившийся через Ирландский канал вместе со своими дикими горцами, высокими, мрачными, сухопарыми и молчаливыми. Там же стоял и Дунланг О'Хартиган и О'Хайн. Принц Хай-Мани находился в палатке своего дяди, короля Малачи О'Нейла. Он уст-

роился в лагере метов, вдали от далкасцев, что заставило короля Бриана крепко призадуматься.

О'Кели с захода солнца наедине совещался с королем Мета, и никто не знал, о чем они говорили.

Не было среди военачальников перед королевской палаткой и Донафа, сына Бриана. Он с отрядом отправился опустошать поместье Мэлифа Лэйнета.

Дунланг подвел к королю Конна.

— Мой господин, — начал Дунланг. — Вот человек, в прошлом изгнанный из нашей страны. Он провел не лучшее время среди газлов и рисковал жизнью во время шторма, чтобы вернуться и сражаться под твоим знаменем. Из Оркни он приплыл в открытой лодке, в одиночку и голый. Море выбросило его на песок почти бездыханным.

Бриан поднял голову. Даже в мелочах память его была остра, как отточенный камень.

— Ты! — воскликнул он. — Да, я помню его. Конн, ты вернулся... и руки твои в крови!

— Да, король Бриан, — ответил Конн бесстрашно. — Мои руки в крови, это правда. Я пришел, чтобы отмыть их кровью датчан.

— Ты смеешь стоять предо мной, тем, кому принадлежит твоя жизнь!

— Я знаю только то, король Бриан, что мой отец был с тобою в Сулките и вы вместе грабили Лимерик, а до этого в дни скитаний он следовал за тобой, — храбро сказал Конн. — Он был одним из пятнадцати воинов, которые остались с тобой, когда твой брат, король Магон, искал тебя в лесу. Мой род идет от Муркертафаона из Кожаных Плащей, а мой клан сражался с датчанами со времен Торгила. Тебе ведь нужны сильные люди, и у меня есть право выступить в битве против моих древних врагов, а не постыдно закончить жизнь на конце веревки.

Король Бриан кивнул:

— Хорошо сказано. Воспользуйся удобным случаем. Дни изгнания для тебя закончились. Возможно,

король Малачи посчитал бы иначе, так как ты убил его человека, но... — Тут Бриан остановился. Старые сомнения закрались в его душу при мысли о короле метов. — Да будет так, — продолжал он. — Оставим все так, как есть, до конца битвы. Может ведь случиться, что это будет конец и для всех нас.

Дунланг шагнул к Конну и положил руку на его медный ошейник:

— Давай срежем его. Ты ведь теперь свободный человек.

Но Конн покачал головой:

— Нет, я его не сниму, пока не убью Торвальда Ворона, надевшего его на меня. Он еще узнает, что такое беспощадность.

— У тебя, воин, благородный меч, — неожиданно сказал Муррох.

— Да, мой господин. Муркертафаон из Кожаных Плащей владел этим клинком, пока его не убил Блэкэр Датчанин. Случилось это у Арди. Меч поначалу достался гаалам, пока я не вынул его из тела Вульфгера Снорри.

— Простому воину не подобает носить меч короля, — грубо сказал Муррох. — Пусть один из военачальников возьмет его, а воину пусть дадут топор вместо меча.

Пальцы Конна сомкнулись на рукояти.

— Он возьмет у меня меч, но пусть сначала даст мне топор, — упрямо сказал Конн.

Пылкий Муррох взорвался. Он шагнул к Конну, прохрипев отборное ругательство, и они на мгновение встретились взглядами. Конн не отступил ни на шаг.

— Полегче, сынок, — вмешался король Бриан. — Пусть меч останется у воина.

Муррох пожал плечами. Его настроение снова изменилось.

— Ладно, пусть меч останется у тебя. Следуй в битве за мной. Посмотрим, сможет ли прославленный меч в руках простого воина прорубить столь же широкий коридор, как в руках принца.

— Господа, возможно, воля Бога такова, что я погибну в первой же атаке, но шрамы рабства слишком сильно горят на моей спине, — сказал Конн. — Я не отступаю перед копьями врагов.

ГЛАВА 4

*Вот почему преследует рок
Тебя и твоих королей...*

Честертон

Пока король Бриан совещался со своими воинами на равнинах Клонтарфа, в темном Замке, который был и крепостью, и дворцом одновременно, происходил ужасный ритуал. У христиан имелись веские причины бояться и ненавидеть эти мрачные стены. Дублин считался излюбленным местом язычников, где правили дикие вожди. А внутри Замка и в самом деле вершились темные дела.

В одной из комнат дворца викинг Бродир с мрачным видом наблюдал за страшным жертвоприношением на черном алтаре. На ужасном камне корчилося обнаженное существо, некогда бывшее миловидным юношей. Зверски связанный, с кляпом во рту, он мог лишь содрогаться в конвульсиях под неумолимымкинжалом белобородого жреца бога Одина.

И вот клинок разрубил плоть, мышцы, кости. Кровь полилась потоком. Жрец собрал ее в широкий медный сосуд, который потом высоко поднял, с бешеной песней зывая к Одиному. Тонкие костлявые пальцы вырвали еще трепещущее сердце из вскрытой груди, жрец как безумный уставился на кусок окровавленной плоти.

— Каково же твое предсказание? — нетерпеливо спросил Бродир.

Тени скрывали холодные глаза жреца, его тело содрогалось в религиозном экстазе.

— Пятьдесят лет я служу Одиному, — объявил он. — Пятьдесят лет я произношу пророчества по кровото-

чащему сердцу, но никогда не видел ничего подобного. Слушай же, Бродир! Если ты не сразишься в Страстную Пятницу, как называют этот день христиане, твое войско будет полностью уничтожено и все военачальники убиты. Если ты сразишься в Страстную Пятницу, король Бриан умрет, но все равно победит.

С холодной злобой выругался Бродир. Жрец покачал в ответ седой головой:

— Я не могу понять всего предсказания, а ведь я последний из жрецов Плающего Круга, кто изучал тайны у ног Торгила. Я вижу битву и кровопролитие... Даже больше, гигантские и ужасные фигуры, гордо выступающие сквозь туман.

— Довольно, — прорычал Бродир. — Если я погибну, я прихвачу и Бриана с собой в Хель. Мы выступим против газлов утром и ударим изо всех сил. — С этими словами он повернулся и вышел из комнаты.

Бродир пересек холодный коридор и вошел в другую, более просторную комнату, украшенную, как и весь дворец короля Дублина, добычей со всего света — инкрустированным золотым оружием, редкими гобеленами, богатыми коврами, диванами из Византии и с Востока, награбленными скандинавами у различных народов, ибо Дублин был центром широко раскинувшегося мира викингов, откуда те отправлялись грабить иные земли.

Царственная фигура поднялась поприветствовать Бродира. Кормалада, которую газлы называли Гормлат, действительно была красива, но жестокость читалась на ее лице и в больших, сверкающих глазах. Красно-золотистые волосы и серые глаза. В жилах ее текла смешанная кровь, полуирландская — полудатская, и выглядела она со своими висячими серьгами, золотыми браслетами на руках и лодыжках, с серебряным нагрудником, украшенным драгоценными камнями, словно королева варваров. Единственной ее одеждой, кроме нагрудника, была короткая шелковая юбка, не доходившая до колен и державшаяся на широком по-

ясе; обвивающем гибкую талию. Еще в этот вечер она надела сандалии из мягкой красной кожи. Она считалась королевой Дублина, Мета и Томонда и собиралась и дальше править своими владениями, ибо держала своего сына Ситрака и брата Мэлмора в кулачке своей тонкой белой руки. Украденная в детстве Амлаффом Горэнном, королем Дублина, она рано открыла свою власть над мужчинами. Будучи ребенком-женой грубого датчанина, она правила его королевством как хотела, и вместе с властью росло ее честолюбие.

Гормлат повернулась к Бродиру с манящей, таинственной улыбкой. Но тайное беспокойство грызло ее. Во всем мире боялась она лишь одной женщины и лишь одного мужчины. Этим мужчиной был Бродир. Королева никогда не знала, как следует ей вести себя с ним. Его ведь она тоже обманывала, как и всех остальных мужчин, но с большой опаской, так как чувствовала в нем необузданную, свирепую страсть, которая, вырвавшись наружу один раз, уже навсегда выйдет из-под контроля.

— Что сказал жрец? — спросила она.

— Если мы не выступим утром, мы проиграем, — мрачно ответил викинг. — Если мы станем сражаться завтра, то Бриан выиграет, но погибнет. В любом случае завтра выступим, так как шпионы донесли, что Донаф далеко от вражеского лагеря с большим отрядом разоряет земли Мэлмора. И еще мы послали шпионов к Малачи. У него давно зуб на Бриана. Может, удастся уговорить его оставить Бриана или по крайней мере постоять в стороне и подождать. Мы предложили ему богатое вознаграждение и земли Бриана. Ха! Пусть потом только попробует встать у нас на пути! Ему достанется не золото, а окровавленный меч. Сокрушив Бриана, мы свергнем и Малачи. Обратим его в пыль. Но сначала — Бриан.

Гормлат восторженно вскинула руки:

— Принеси мне его голову! Я повешу ее над нашим брачным ложем.

— Я слышал странные рассказы, — продолжал Бродир. — Сигурд как-то на пьяную голову хвастался...

Королева вздрогнула, вглядываясь в непроницаемое лицо Бродира. Снова почувствовала она дрожь страха, глядя на угрюмого высокого викинга, грозное лицо и гриву его тяжелых черных волос, заплетенных и заткнутых за один из ремней.

— Что говорил Сигурд? — спросила она, стараясь говорить небрежно.

— Когда Ситрак пришел в мой скалли на острове Мэн, он клялся, что если я помогу ему, то буду сидеть на троне Ирландии рядом с тобой, королева, — заявил Бродир. — Теперь этот глупец, Сигурд из Оркни, налившись зля, хвалится, что ему обещали ту же награду.

Гормлат заставила себя рассмеяться:

— Он был пьян.

Бродир разразился проклятиями со всем неистовством неуправляемого викинга.

— Ты лжешь, распутница! — закричал он, железной хваткой сжав ее белое запястье. — Ты рождена, чтобы губить мужчин! Но с Бродиром с Мэна этот номер не пройдет!

— Ты — сумасшедший! — закричала Гормлат, тщетно пытаясь вырваться. — Отпусти, или я позову стражу!

— Зови! — закричал Бродир. — Я им всем головы поотрываю. Поспори со мной — и я затоплю кровью улицы Дублина. Клянусь Тором! В городе не останется ничего, что Бриан сумел бы поджечь! Мэлмор, Ситра, Сигурд, Амлафф... Всех перережу и тебя за твои желтые волосы приволоку на свой корабль. Только крикни!

Гормлат не посмела закричать. Бродир поставил королеву на колени, зверски сжав ее запястье. Ей пришлось прикусить губу, чтобы не закричать от боли.

— Ты обещала Сигурду то же, что и мне, зная, что ни один из нас не станет за меньшее рисковать жизнью, — продолжал он с плохо сдерживаемой яростью.

— Нет! Нет! — застонала Гормлат. — Клянусь молотом Тора. — Но когда боль стала невыносимой, она отбросила притворство. — Да! Да, я обещала это ему. Пусты меня!

— Так! — Викинг с презрением отшвырнул ее, постанывающую, растрепанную, на одну из шелковых подушек. — Ты обещала мне, обещала Сигурду, — говорил он, угрожающе возвышаясь над королевой. — Но ты сдержишь обещание, данное мне, иначе лучше бы тебе не родиться! Трон Ирландии — ерунда по сравнению с моей страстью. Если ты не будешь моей, ты ничьей не станешь.

— А Сигурд?

— Его убьют во время битвы... или после, — отрезал Бродир.

— Хорошо! — Королева в самом деле оказалась в неприятной ситуации и еще не очень-то разобралась, что к чему. — Я люблю тебя, Бродир, а ему я обещала свою руку только потому, что иначе он бы не согласился помочь нам.

— Любишь! — Викинг дико расхохотался. — Ты любишь только себя и больше никого. Но ты исполнишь клятву, данную мне, или расквасишься. — И, повернувшись на каблуках, он вышел из комнаты.

Гормлат поднялась, растирая руку с синими отметинами от пальцев воина.

— Хоть бы его убило в первой же атаке! — пробормотала она сквозь зубы. — Если один из них выживет, то уж лучше, чтоб это был дурень Сигурд. Таким мужем легче управлять, чем этим черноволосым дикарем. За Сигурда я, пожалуй, и впрямь выйду замуж, если его не убьют, но, клянусь Богом, не долго он просидит на троне Ирландии. Я отправлю его вслед за Брианом.

— Ты говоришь так, словно Бриан уже мертв, — раздался спокойный голос за спиной королевы. Она резко обернулась.

Глаза Гормлат расширились, когда она увидела одетую в сверкающий зеленый наряд стройную девушку

с блестящими неземным светом золотистыми волосами. Королева попятилась и вытянула руки, словно хотела отогнать видение:

— Ивин! Ведьма, отойди! Тебе не околдовать меня своим взглядом! Как ты оказалась в моем дворце?

— Как проходит ветер сквозь деревья, — ответила девушка. — О чем с тобой говорил Бродир?

— Если ты колдунья, то должна сама все знать, — ответила королева. Ивин кивнула:

— Да, я знаю. Я прочитала это в твоих мыслях. Он советовался с оракулом из морских людей... Кровь и вырванное сердце. — Ее изящные губы дрогнули от отвращения. — И он сказал тебе, что выступает завтра.

Королева побледнела и ничего не ответила, боясь встретиться с магнетическим взглядом Ивин. Она чувствовала себя обнаженной перед этой таинственной девушкой, умевшей сверхъестественным образом просеивать ее мысли, открывая все секреты.

Ивин постояла, наклонив голову, потом неожиданно подняла ее. Королева вздрогнула, ибо что-то похожее на страх блеснуло в колдовских глазах Ивин.

— Кто-то еще есть в замке? — вскрикнула она.

— Ты знаешь так же, как и я, — пробормотала королева. — Ситра, Сигурд, Бродир.

— Есть еще кто-то! — воскликнула Ивин, бледнея и дрожа. — Ах, я давно его знаю... Я чувствую его... Он приносит с собой холод севера, звон ледяных морей...

Девушка повернулась и быстро проскользнула за занавесь, скрывавшую потайную дверь, о которой знали лишь Гормлат и ее прислуга, оставив королеву в замешательстве.

В жертвенном покое старый жрец все еще бормотал над окровавленным алтарем, на котором лежала изуродованная жертва.

— Пятьдесят лет я служил Одину, и никогда не читал такого прорицания, — пробормотал он. — Один давно отметил меня своей печатью. Года пронеслись, как засохшие листья, и мой век подошел к концу. Я

видел, как один за другим рушились алтари Одина. Если христиане выиграют битву, служение Одину прекратится. Мне открылось, что я принес свою последнюю жертву...

Низкий властный голос прозвучал за спиной у старца:

— И что может быть справедливее, чем самолично сопроводить душу последней жертвы в царство того, кому ты служишь?

Жрец обернулся. Жертвенный кинжал выпал у него из рук. Перед священником стоял высокий человек, завернувшийся в плащ, под которым блестели доспехи. Широкополая шляпа была надвинута на лоб, и, когда он приподнял ее, единственный глаз, сверкающий и мрачный, как бурное море, встретился со взглядом священника.

Старик сдавленно, а потом во всю мочь завопил от ужаса.

Ворвавшиеся в комнату воины нашли жреца лежащим рядом с алтарем, мертвого, без единой раны, но с перекошенным лицом. Тело его изогнулось в предсмертной агонии. Остекленевшие глаза выкатились от страха. Но никого, кроме трупов жреца и несчастной жертвы, в комнате не оказалось. Никого не видели входящим или выходящим из комнаты колдуна, после того как оттуда вышел Бродир.

Король Бриан спал один в своей палатке под охраной вооруженных воинов и видел странный сон.

...Высокий седой богатырь возвышался над ним. Голос незнакомца напоминал раскаты грома:

— Берегись, поборник Белого Христа. Ты бьешь моих детей и ведешь меня в темные пустоты Йотунхейма, но я заставлю тебя пожалеть об этом! Ты убиваешь моих детей, а я поражу твоего сына. Когда же я уйду во мрак, ты отправишься вместе со мной. И тогда Те, Кто Выбирают из Мертвых, спустятся с неба на поле боя!

От громового голоса и ужасающего блеска единственного глаза страшного незнакомца кровь засты-

ла в жилах короля, никогда прежде не знавшего страха. И тогда он со сдавленным криком проснулся. Факелы, горящие снаружи, хорошо освещали внутренности палатки, и король сразу разглядел стройную фигуру.

— Ивин, — воскликнул он. — Боже мой, королям повезло, что твой народ не принимает участия в интригах простых смертных. Ведь вы умеете пробираться в наши палатки под самым носом у стражи. Ты ищешь Дунланга?

Девушка грустно покачала головой:

— Я больше не увижу его живым, великий король. Если я пойду к нему сейчас, моя черная печаль может лишить его мужества. Я отправлюсь искать его завтра среди убитых.

Король Бриан задрожал.

— Но я пришла сюда не для того, чтобы говорить о своей скорби, мой господин, — устало продолжала она. — Не в обычае моего народа принимать участие в спорах людей, но я люблю одного из вас. Этой ночью я говорила с Гормлат.

Бриан вздрогнул, когда девушка произнесла имя его бывшей жены.

— И... что ты узнала? — спросил король.

— Бродир выступает завтра. — Король тяжело вздохнул:

— Не по душе мне проливать кровь в священный день. Но если на то воля Бога, мы не будем ждать их нападения... Мы сами выступим на рассвете, чтобы встретить их. Я пошлю гонца вернуть Донафа.

Ивин опять покачала головой:

— Нет, великий король. Пусть Донаф живет. После битвы королевству нужны будут сильные руки, чтобы удержать скипетр.

Бриан в упор посмотрел на Ивин:

— Я слышу в твоих словах свою смерть. Ты знаешь мою судьбу?

Ивин беспомощно развела руками:

— Мой господин, даже Темные люди не могут по своей воле разорвать завесу. Я не узнавала твою судьбу, не гадала, не прочитала ее по туману или по разлитой крови. Но на мне лежит проклятие. Сквозь пламя вижу я вихрь битвы.

— Я погибну?

Девушка закрыла лицо руками.

— Хорошо, и да свершится воля Бога, — спокойно произнес король Бриан. — Я прожил долгую жизнь. Не плачь. Сквозь самые темные туманы мрака всегда поднимается заря... Мой клан станет чтить тебя в грядущие дни. Теперь иди, ибо ночь отступает. Скоро рассветет, а я хотел бы еще обратиться к Богу...

Ивин, словно тень, выскользнула из палатки короля.

ГЛАВА 5

*Война была как сон. Не знаю
Как много душ послал я в ад.
И Один, яростно зывая,
Всех приглашал в свой райский сад.
Как бьются боги в Рагнроке,
Сквозь гром сраженья слышал я...*

Сага о Конце

Словно призраки двигались люди сквозь туман, поднявшийся на восходе. Их оружие жутко позвякивало.

Конн потянулся, разведя мускулистые руки, широко зевнул и достал из ножен свой огромный меч.

— Вот и настал день, когда серые вороны напьются крови, мой господин, — сказал он.

Дунланг О'Хартиган рассеянно кивнул.

— Иди сюда и помоги мне надеть эту проклятую рубаху, — попросил Дунланг. — Ради Ивин я надену ее, но, клянусь всеми святыми, я предпочел бы сражаться совершенно голым!

Газлы выступили из Киллмэйхэма в боевом порядке. Впереди шли далкасы, крупные мускулистые

воины в шафрановых туниках. Каждый держал в левой руке круглый, укрепленный сталью щит из тисового дерева, а в правой руке — смертоносный далкасский топор. Такой топор сильно отличался от тяжелого топора датчан. Ирландцы управлялись с ним одной рукой. Большой палец они вытягивали вдоль рукоятки, направляя удар. В мастерстве владения боевым топором им не было равных. Кольчуг ирландцы не носили, ни пешие воины, ни всадники, хотя некоторые из военачальников, как, например, Муррох, надели легкие стальные шлемы. Но туники и военачальников, и воинов были сотканы столь искусно и так пропитаны уксусом, что стали на удивление жесткими и в какой-то мере защищали от мечей и стрел.

Во главе далкасцев ехал сам принц Муррох. Он улыбался, словно отправился на пир, а не на кровавую битву. Его сопровождали с одной стороны Дуланг в римских доспехах и Конн со шлемом Дуланга в руках; с другой — два Турлофа — сын Мурроха и Турлоф Даб, единственный из всех далкасцев, всегда сражавшийся в полных доспехах. Выглядел он довольно мрачным, несмотря на молодость: темное лицо, тусклый взгляд голубых глаз, черная кольчуга, черные железные рукавицы, стальной шлем. В руках он сжимал шипастый щит. В отличие от остальных военачальников, предпочитавших в битве пользоваться мечом, Черный Турлоф сражался топором собственнойковки, и его мастерство владения этим оружием казалось почти сверхъестественным.

За далкасцами шли две роты шотландцев. Возглавляли их Великие Стюарты Шотландские. В кольчугах и шлемах с гребнями из лошадиных грив — ветераны долгих войн с саксонцами. С ними пришли воины из Южного Манстра под командованием Мита О'Флана.

Третий отряд состоял из воинов Коннахта, диких людей Запада, заросших, лохматых и голых, если не считать набедренных повязок из волчьих шкур. Их вели О'Кели и О'Хайн. Первый из них ехал в битву с

камнем на душе, ибо встреча с Малачи накануне ночью легла мрачной тенью ему на душу.

Несколько в стороне от трех главных отрядов шли высокие галаглахи и пешие воины Мета. Их король не спеша ехал во главе своего воинства.

А впереди всего войска на белом скакуне гарцевал король Бриан Бору. Его седые волосы развевались на ветру, взгляд был странным и отреченным. Пешие воины взирали на него с суеверным трепетом.

Так гаэлы подошли к Дублину и увидели воинство из Лэйнста и Лохланна, вытянутое в боевом порядке широким полумесяцем от Дабхольского моста до узкой речушки Толки, пересекавшей долину Клонтарфа. Они тоже делились на три главных отряда: чужестранцы-норманы, викинги во главе с Сигурдом и беспощадным Бродиром и расположившиеся на фланге датчане из Дублина под командованием собственного военачальника, мрачного бродяги, имени которого никто не знал, но которого все называли Дабголом Темным Странником. На другом фланге находились ирландцы Лэйнета со своим королем Мэлмором. В датской крепости на холме над рекой Лиффи засели воины короля Ситрака. Они охраняли город.

В город вела только одна дорога с севера — направления, в котором и наступали гаэлы, ведь в то время Дублин лежал лишь на южном берегу Лиффи. К нему дорога вела через мост. Его называли Дабхольским. Датчане стояли спиной к морю: один конец их фронта защищал вход в город. Отряды развернулись лицом к Толке. Гаэлы же наступали по плоской равнине между берегом и Томарским лесом.

Когда расстояние между войсками стало чуть больше длины полета стрелы, гаэлы остановились, и король Бриан выехал чуть вперед, подняв вверх распятие.

— Сыновья Гойдхела! — Голос короля звучал словно рев трубы. — Мне не дано вести вас в атаку, как это бывало в старые времена. Но я поставил свою палатку позади ваших рядов, и, если вы побежите, вам придет-

ся растоптать и меня. Но вы не побежите! Вспомните столетие произвола и бесчестия! Вспомните свои сожженные дома, убитых родственников, изнасилованных женщин, захваченных в рабство детей! В этот день Господь умер за нас! Вот стоят языческие полчища, оскорбляющие Его имя и убивающие Его народ! У меня для вас есть только один приказ: победить или умереть!

Неистовые воины взревели, словно волки, и лес топоров взметнулся вверх. Король Бриан наклонил голову.

— Пусть проводят меня в палатку, — шепнул король Мурроху. — Возраст не позволяет мне драться на топорах. Судьба жестока ко мне. Идите же вперед, и пусть Бог направит ваши удары!

Король медленно ускакал, окруженный телохранителями, а воины стали подтягивать пояса, доставать из ножен мечи, выравнивать строй. Конн водрузил римский шлем на голову Дунлангу и оскалился. Молодой военачальник теперь походил на мифическое железное чудовище из северных легенд. Войска немолимо сближались.

Викинги выстроились, как и обычно, клином, и на острие его были Сигурд и Бродир. Норманы смотрелись ярко и пестро возле растянутых рядами полуголых газлов. Они двигались плотными рядами, защищенные рогатыми шлемами, тяжелыми чешуйчатыми кольчугами, доходившими до колен, рукавицами из дубленой волчьей шкуры, к которым пришиты были железные пластины. В руках сжимали они тяжелые щиты из липы, окаймленные железом, и длинные копья. На тысяче воинов переднего ряда были длинные кольчуги и латные рукавицы, так что с головы до пят они были защищены. Шли они прочной стеной, выставив вперед щиты. Над их рядами реяло зловещее знамя цвета крыла ворона, которое всегда приносило победу Ярлу Сигурду — даже если погибал тот, кто нес его. Сейчас знамя тащил сын старого Рэйна Асгримма, и он чувствовал близость своего смертного часа.

На острие живого клина, словно на оголовке стрелы, шли воины Лохланна: Бродир в тусклой голубой кольчуге, на которой ни один меч не оставил вмятины, Яра Сигурд, высокий, белобородый, в сверкающей золотом кольчуге, Красный Храфн, в душе которого таился демон смеха, вынуждавший его безумно хохотать даже во время битвы, рослые друзья Торстен и Асмунд, принц Амлафф — скитающийся сын короля Норвегии, Платт из Дании, Ателстен Саксонец, Торвальд Ворон из Хабрид, Анрад Берсерк.

Более или менее хаотично быстрым шагом приближались ирландцы к этому построению. Они почти не пытались выстроиться в упорядоченные ряды. Вдруг Малачи со своими воинами развернулся и резко отступил влево, занимая позицию на возвышении у Кабры. Муррох, увидев это, выдохнул проклятье, а Черный Турлоф прорычал:

— Кто сказал, что О'Нейлы забыли старую вражду? Клянусь Кроном! Муррох, возможно, нам придется защищать тыл так же, как и фронт, прежде чем мы победим в этой битве!

Неожиданно из рядов викингов вышел Платт из Дании. Сквозь его редкие рыжие волосы, как через багровую вуаль, просвечивала лысина. Его серебряная кольчуга блестела. Войска с нетерпением наблюдали за происходящим. В те времена редкая битва начиналась без предварительного поединка.

— Дональд! — закричал Платт, взмахнув обнаженным мечом, так что восходящее солнце блеснуло серебром. — Где Дональд Мар? Ты здесь, Дональд, как и при Ру-Стуаре? Или ты опять отлыниваешь от драки?

— Я здесь, негодяй! — ответил шотландец и вышел вперед из рядов своих воинов, обнажив меч.

Шотландец и датчанин встретились посреди узкой полосы земли, разделяющей армии. Дональд вел себя осторожно, как волк на охоте, Платт — безудержно. Он безрассудно прыгал и пританцовывал, сверкал глазами в припадке безумного смеха. Однако нога осмот-

рительного Стюарта внезапно поскользнулась на голыше. Он потерял равновесие, и меч Платта ударил его с такой силой, что острие пронзило доспехи и вошло глубоко под сердце шотландца. Но безумный крик ликующего Платта оборвался. Падая, Дональд Мар нанес смертельный удар, разрубивший голову датчанину. Оба воина бездыханными рухнули на землю.

Вот тогда и раздался низкий рев. Два огромных войска покатались друг другу навстречу, словно волны прилива. Началась битва. Зазвенели мечи. Тут не было никаких стратегических маневров, кавалерийских атак, перестрелки из луков. Сорок тысяч мужчин сражались пешими рука об руку, плечо к плечу, убивая и умирая в кровавом хаосе. Битва взметнулась ревущими волнами. В воздухе сверкали копья и топоры. Столкнувшись и обменявшись первыми ударами, викинги и далкасцы на какое-то время отхлынули друг от друга, словно столкновение разбросало их в разные стороны. Низкий рев норманов смешался с криками газлов. Копья Севера разбивались о топоры Запада. Спешившись и сражаясь в первых рядах, Муррох крушил врагов направо и налево, держа в обеих руках по тяжелому мечу. Он косил врагов как рожь. Ни щит, ни шлем не выдерживали его страшных ударов. За ним следом шли воины, рубившие врагов и завывающие как сами дьяволы. Неистовое племя из Коннахта ринулось на плотные ряды датчан из Дублина, а воины Южного Манстра с союзниками шотландцами ударили по ирландцам Лэйнета.

Железные ряды сломались и перепутались.

Конн, следуя за Дунлангом, дико скалил зубы всякий раз, как удар его окровавленного меча попадал в цель. Его свирепый взгляд искал Торвальда Ворона. Но в безумном море битвы, где обезумевшие люди налетали друг на друга, сшибались, а после вновь расходились, трудно было найти кого-то.

Сначала оба войска держались, не отступая ни на шаг. Грудь к груди, щит против щита. Воины, с хрипом, с боевыми кличами, ожесточенно рубились. Повсюду

сверкали клинки. Они вспыхивали, как морские брызги на солнце. Рев битвы отпугивал кружившихся в вышине, словно валькирии, воронов. Когда человеческая кровь и плоть стали слабеть, сомкнутые ряды заколебались. Лэйнеты дрогнули под беспеной атакой кланов Манстра и шотландских союзников. Они отступали медленно, шаг за шагом, хоть король их и сыпал проклятиями, сражаясь пешим в передних рядах.

Но на другом фланге датчане Дублина во главе с грозным Дабголом выдержали первую сокрушительную атаку племен Запада, хотя и не без потерь, и теперь дикие люди в волчьих шкурах падали под датскими топорами, как зерно, ссыпaeмое в амбар.

В центре битва кипела яростнее всего. Клинообразный заслон викингов стоял несокрушимо, и далкасы тщетно бросали на него свои полуголые тела. Бродир и Сигурд начали медленно, настойчиво теснить врага. Неумолимые викинги все глубже врубались в неплотные ряды газлов.

Со стен дублинского замка король Ситрак с женой и Кормалада наблюдали за полем боя.

— Славно собирают урожай морские короли! — воскликнул Ситрак.

Прекрасные глаза Кормалады блестели. Она ликовала.

— Гибель Бриану! — кричала она неистово. — Гибель Мурроху! Да погибнет Бродир! Дайте воронам пищи!

Но голос ее дрогнул, когда она увидела высокую фигуру в плаще, стоявшую на зубчатой стене вдалеке от остальных зрителей. Мрачный седой великан задумчиво созерцал сражение. Холодный страх подкрался к Гормлат, и слова замерли у нее на устах. Она вцепилась в плащ Ситрака.

— Кто это? — прошептала она, указывая на фигуру. Ситрак взглянул и пожал плечами:

— Не знаю. Не обращай на него внимания. Не подходи к нему. Когда я к нему приблизился... он не стал

со мной говорить... И даже не взглянул на меня... Но надо мной пронесся холодный ветер, и сердце мое затрепетало. Лучше следи за битвой. Газлы отступают.

Однако газлы все еще держались. Линия сражающихся стала походить на изогнутое лезвие топора, и на его выпнутом центре находился Муррох со своими военачальниками. Принц-великан истекал кровью, сочившейся из многочисленных ран, но его тяжелые мечи по-прежнему раздавали удары и собирали урожай смерти. Воины, стоявшие рядом с ним, тоже сметали врагов на своем пути. Муррох искал в толпе врагов Сигурда. Он видел, как высокий ярл маячит среди врагов, нанося страшные удары. Это зрелище приводило газельского принца в бешенство, но добраться до викинга он не мог.

— Воины отступают, — с трудом проговорил Дунланг, пытаясь смахнуть пот, заливавший глаза. Он оставался невредим. Копья и топоры расщеплялись о римский шлем и отскакивали от древнего панциря, но не привыкший к доспехам молодой воин чувствовал себя волком на цепи.

Муррох огляделся. По одну сторону от их группы газлы отступали, медленно, поливая кровью каждый фут земли, но не в силах остановить неукротимую атаку норманов, закованных в кольчуги. Норманы, конечно, тоже гибли, но смыкали ряды и напирали с новой силой, прокладывая себе путь вперед.

— Турлоф! Поспеши! Беги к Малачи! Попроси его, во имя Бога, атаковать! — приказал Муррох на одном дыхании.

Но Турлофа Черного охватило безумство берсеркера. На губах его выступила пена, глаза выкатились.

— Дьявол побери этого Малачи! — закричал он, одним ударом разрубая череп датчанина.

— Конн! — позвал Муррох, схватив бывшего раба и оттолкнув его назад. — Поспеши за Малачи. Нам нужна поддержка.

Конн с неохотой стал выбираться из кипящей сечи, очищая себе дорогу страшными ударами меча. В ко-

леблющемся море клинков и шлемов он заметил огромного Ярла Сигурда и его свиту. Над ними развевалось черное знамя, а их мечи косили людей как пшеницу.

Наконец вырвавшись из свалки, Конн побежал вдоль линии сражающихся к возвышенности Кабра, где столпились меты, напряженные и возбужденные, словно охотничьи псы. Они сжимали оружие и выжидающе смотрели на своего короля. Малачи стоял в стороне, наблюдая за схваткой утрюмым взглядом. Львиная голова его склонилась, пальцы перебирали золотую бороду.

— Король Малачи, — без церемоний обратился к нему Конн. — Принц Муррох просил тебя немедленно атаковать. Враги сильно давят. Предводители газлов почти окружены.

Великий О'Нейл поднял голову и рассеянно взглянул на Конна. Простой воин и не догадывался о борьбе, происходившей в душе Малачи. Кровавые видения теснились перед его глазами — золото, власть над всем Эрликом... и черный позор предательства. Он еще раз взглянул на поле битвы, где среди копий возвышалось знамя его племянника О'Кели. Потом король содрогнулся и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Сейчас не время. Я выступлю, когда придет час.

На мгновение король и воин встретились взглядами, и Малачи опустил глаза. Конн отвернулся, не сказав ни слова, и поспешил вниз по склону холма. Внизу он увидел, что воины Десмонда уже остановлены. Мэлмор, подобно бесноватому, собственноручно разрубил принца Митла О'Фэлана, а случайный удар копья ранил Великого Стюарта, и теперь лэйнеты отражали натиск манстрских и шотландских кланов. Но там, где сражались далкасцы, битва притихла. Принц Томонда остановил норманов; словно о возвышающуюся посреди моря скалу, о него разбивались волны врагов.

Конн добрался до Мурроха, когда в битве уже произошел перелом.

— Малачи говорит, что выступит, когда придет время.

— Будь он проклят! — закричал Черный Турлоф. — Нас предали!

Голубые глаза Мурроха вспыхнули.

— Тогда вперед, во имя Господа! — закричал он. — Давайте ударим и погибнем!

Этот клич подхватили все воины гаэлы. Со слепой яростью отчаянья обрушились они на норманов. Ряды их сомкнулись, и король Ситрак тоже закричал со стен замка, побледнев и схватившись за парапет. Он уже слышал такой крик раньше.

Теперь, когда Муррох рванулся вперед, гаэлов охватила безумная ярость, как людей, у которых не осталось надежды. Угроза смерти подхлестнула их, разожгла в них бешенство. И, воодушевленные своим безумием, они бросились в последнюю атаку, ударили в стену щитов, пошатнувшуюся от такого удара. Никакая человеческая сила не могла удержать такой натиск. Муррох и его свита не надеялись больше победить или даже выжить. Они хотели лишь насытить свою ненависть. В своем отчаянье они сражались, словно раненые тигры, рубили человеческие тела, разрубали черепа, разрывали грудные клетки. Рядом с Муррохом сверкал топор Турлофа Черного, мечи Дуланга и остальных военачальников. Железные ряды норманов сжались, подались. Через бреши в стальном строю устремились обезумевшие гаэлы. Строй щитов распался.

Неистовые воины Коннахта снова ринулись в атаку на дублинских датчан. О'Хайн и Дабгол пали одновременно, и дублинцы отступили. Все поле битвы превратилось в беспорядочную массу сражающихся. Не осталось ни рядов, ни построений. Перепрыгнув через кучу мертвых далкасцев, Муррох наконец добрался до Ярла Сигурда. За Ярлом стоял сын старого Рейна Асгрима с черным стягом в руках. Муррох убил его одним ударом. Сигурд обернулся, и его меч разорвал тунику Мурроха и пронзил его грудь, но ирладский

принц ответил врагу точно таким же ударом по норманскому щиту. Сигурд отлетел назад.

Тролеф Хорди подобрал знамя, но едва лишь поднял его, как Черный Турлоф, подлетев, разрубил пополам его череп. Сигурд видел, как вновь пало его знамя. С яростью напал он на Мурроха. Его меч пробил морион принца и ранил его в голову. Кровь залила лицо Мурроха, но прежде, чем Сигурд вновь нанес удар, топор Черного Турлофа вспышкой света преградил ему путь.

Щит выпал из рук Ярла, и он на мгновение отступил, содрогнувшись от блеска страшного топора. Но тут нахлынула толпа воинов, разъединив сражающихся.

— Торстен! — закричал Сигурд. — Возьми знамя!

— Не бери! — воскликнул Асмунд. — Тот, у кого оно в руках, умирает!

Тут-то меч Дунланга раскроил ему голову.

— Храфи! — отчаянно позвал Сигурд. — Возьми знамя!

— Неси сам свое проклятие! — ответил Храфн. — Всем нам конец!

— Трусы! — взревел Ярл, сам схватив знамя. Он попытался завернуть его в плащ, но тут Муррох с окровавленным лицом и пылающим взглядом прорвался к нему. Сигурд поднял меч, но слишком поздно. Меч в правой руке Мурроха разрубил шлем Сигурда, а меч в левой, просвистев, — череп, и Ярл упал на залитое кровью знамя, черным саваном обернувшееся вокруг него.

Поднялся громовой рев, и газлы бросились вперед с новой силой. Строй щитов распался окончательно. Кольчуги не могли спасти викингов. Далкаские топоры, сверкая на солнце, пробивали кольчуги, нагрудные пластины, крушили липовые щиты и рогатые шлемы. Но датчане все еще сопротивлялись.

На высокой крепостной стене король Ситрак наблюдал за происходящим. Его руки, сжимавшие парапет, дрожали. Он понимал, что теперь неистовых газлов нельзя победить. Они больше не дорожили собственной жизнью, бросаясь вновь и вновь под удары

вражеских копий и топоров. Кормалада молчала, но жена Ситрака — дочь короля Бриана кричала от радости. Ее сердце осталось верно народу.

Теперь Муррох пытался добраться до Бродира. Викинг видел, что Сигурд мертв. Мир Бродира рушился. Даже хваленая кольчуга подвела его. Хотя тело его и не пострадало, вражеские клинки посекали кольчугу в клочья. Прежде викинг никогда не сталкивался с ужасным далкассским топором. Он отступал под натиском Мурроха. В давке какой-то топор опустил на шлем сына Бриана, повергнув его на колени и ослепив. Но упавшего Мурроха защитил меч Дуланга.

Натиск газлов еще более усилился, когда Черный Турлоф, Конн и молодой Турлоф продолжили атаку. Дуланг в пылу битвы сорвал с себя шлем и панцирь.

— Дьявол поberi эти железяки! — закричал он, поднимая с земли израненного принца и поддерживая его. В этот миг Торстен Датчанин метнул в Дуланга копье. Молодой воин зашатался и упал к ногам Мурроха, а Конн подлетел к Торстену и смахнул его голову с плеч так, что та завертелась в воздухе, расплескивая кровь.

Зрение постепенно вернулось к Мурроху.

— Дуланг! — испуганно закричал он, упав на колени рядом с другом и приподняв его голову.

Но глаза Дуланга уже остекленели.

— Муррох! Ивин! — Кровь хлынула изо рта молодого воина, и он безвольно упал на руки Мурроха.

Принц вскочил с криком бешеной ярости. Он кинулся в самую гущу викингов, увлекая за собой газлов.

А на холме Кабры кричал Малачи. Теперь он отбросил все сомнения в сторону и забыл об интригах. Он поступил точно так, как в тайне от всех приказал ему Бродир. Малачи должен был стоять в стороне от обеих сражающихся армий, но в подходящий момент неожиданно осадить город. Кровь короля кипела, восставшая против такого плана. Теперь же он схватился за толстое ожерелье, висевшее у него на шее. Много лет назад он снял его с шеи пленного датского короля.

Старый огонь ненависти с новой силой вспыхнул в жилах Малачи.

— Убить или умереть! — закричал он, выхватив свой меч. Меты за его спиной отозвались свирепым ревом, и еще одна армия присоединилась к битве.

Под ударами метов ослабевшие датчане дрогнули и пустились в бегство. Они распались на одинокие группки, старавшиеся пробиться к заливу, где стояли на якорях их корабли. Но меты отрезали им пути отступления. А корабли из-за прилива оказались далеко от земли. Побоище продолжалось весь день, но Конну, случайно бросившему взгляд на садящееся солнце, казалось, что прошел всего лишь час с того момента, как войска столкнулись впервые.

Бегущие норманы стремились к реке. Газлы вслед за ними вошли в воду. Они топили врагов. Ирландцы разделились: одни преследовали бегущих, другие сражались с норманами, еще оказывающими сопротивление. Юный Турлоф отделился от группы Мурроха и исчез в водах Толки. Он сражался с датчанами клана Лэйнета на побережье, пока Черный Турлоф не бросился в их гущу, словно бешеный зверь, одним ударом сразив Мэлмора.

Муррох, бешенство которого все еще не угасло, шатаясь от усталости и от слабости из-за потери крови, набросился на отряд викингов, вставших спина к спине и яростно отбивающихся от газлов. Их предводителем был Анрад Берсерк. Когда же он столкнулся с Муррохом, принц уже слишком ослабел, чтобы отразить удар датчанина. Он просто отбросил мечи в сторону и схватился с Анрадом врукопашную, пытаясь свалить противника на землю. Когда они оба упали, меч выпал из рук датчанина. Муррох и Анрад схватили его одновременно, но принц за рукоять, а Анрад за клинок. Газл изо всех сил дернул клинок, разрезая мускулы викинга. Потом, поставив колено на грудь Анрада, Муррох трижды воткнул меч в его тело. Умирая, Анрад вытащил кинжал, но силы его таяли так быстро, что рука сама безвольно упала. Тогда чья-то

рука, схватив за запястье Анрада, довела дело до конца. Клинок кинжала пробил сердце принца. Уже падая, Муррох увидел высокого седого гиганта, возвышающегося над ним. За плечами незнакомца развевался плащ, а единственный страшный глаз его равнодушно взирал на принца. Похоже, никто из воинов вокруг не замечал Седого Человека.

Теперь уже побежали все датчане. Король Ситрак со стены взирал на гибель славы и гордости своего народа. Обезумевшая Гормлат созерцала резню, поражение и позор ее воинства.

Конн бежал по полю брани. Он искал Торвальда Ворона. Щит Конна раскрылся под ударами топоров, на широкой груди было с полдюжины мелких ран, меч плашмя ударил его по голове, но копна запутанных волос смягчила удар. На бедре кровоточила рана от копья. Однако в безумии битвы Конн не чувствовал боли.

Чья-то слабеющая рука ухватила Конна за колено, когда он споткнулся о труп человека в волчьей шкуре. Бывший раб наклонился и увидел племянника Малачи — О'Кели. Глаза юноши остекленели. Конн приподнял его голову. Улыбка скользнула по губам умирающего.

— Я слышал боевой клич О'Нейла, — прошептал он. — Ведь Малачи не мог нас предать? Он же не мог не вступить в битву...

Так умер О'Кели. Встав, Конн увидел знакомый силуэт. Торвальд Ворон выбрался из свалки и быстро убегал, но не к морю и не к реке, где его товарищи гибли под газльскими топорами, а к Томарскому лесу. Конн последовал за ним. Ненависть подгоняла его.

Тут Торвальд увидел, что за ним погнались, и, обернувшись, зарычал. Вот так раб встретился с бывшим хозяином. Когда Конн настиг его, норманн сжал свое копье обеими руками и яростно метнул его, но острие отскочило от огромного ошейника на шее Конна. Подбрав его, Конн в свою очередь швырнул копье в противника. Оно прошло сквозь разорванную кольчугу Торвальда, выпустив ему кишки.

Оглядевшись, Конн заметил, что охота за старым врагом завела его почти к палатке короля, установленной на краю поля битвы. Король Бриан стоял перед палаткой. Его седые волосы развевались на ветру, и лишь один человек прислуживал ему. Конн подбежал к палатке.

— Какие вести ты принес, воин? — спросил король.

— Чужеземцы бегут, — ответил Конн. — Но Муррох погиб.

— Ты принес плохие вести, — сказал Бриан. — Никогда больше не увидит Эрлик такого воина.

— Где же ваша охрана, мой господин? — спросил Конн.

— Они присоединились к сражающимся.

— Тогда позвольте мне отвести вас в более безопасное место, — сказал Конн. — Враги бегут прямо сюда. — Король Бриан покачал головой:

— Нет, я знаю, мне не уйти отсюда живым. Ведь Ивин Грэгги сказала мне прошлой ночью, что я погибну сегодня. Что пользы в моей жизни, если погиб Муррох и газльские защитники?

Вдруг слуга закричал:

— Мой король, мы погибли! Голубые люди идут сюда.

— Это — датчане в доспехах! — воскликнул Конн, обернувшись.

Король Бриан обнажил свой тяжелый меч.

Приближалась группа заляпанных кровью викингов. Впереди них шли Бродир и Амлафф. Их кольчуги висели клочьями, мечи были зазубрены и в крови. Бродир издали заметил палатку короля и теперь пришел убить его, потому что в этот день на поле брани он был пристыжен и ярость кипела в его сердце. Его одолевали видения, в которых Бриан, Сигурд и Кормалада кружились в дьявольской пляске. Бродир проиграл битву, Ирландию, Кормаладу, Гормлат. Теперь он жаждал лишь смерти под ударами мечей.

Приблизившись, Бродир и Амлафф одновременно кинулись к королю. Конн преградил им путь, но Бро-

дир свернул в сторону, предоставив бывшего раба своему спутнику, а сам напал на короля. Конн нанес только один удар, разрубив, как бумагу, кольчугу врага, вместе с позвоночником. И тут же он бросился на защиту короля Бриана.

Конн увидел, как Бродир отразил удар короля и пронзил могучую грудь Бриана. Тот упал, но, падая, выставил колено, вырвал из груди меч врага и им же перерубил Бродиру обе ноги. Торжествующий крик викинга превратился в ужасный стон. Бродир рухнул в лужу крови. Какое-то время он бился в конвульсиях, а потом затих.

Конн остановился, огляделся. Остальные викинги убежали. Гаэлы начали потихоньку собираться возле королевской палатки. Звуки волынки, причитающей по героям, сливались с криками тех, кто все еще сражался у реки. Тело Мурроха принесли к палатке короля. Люди шли тяжело, устало, склонив головы. На носилках принесли тело принца и тела Турлофа, сына Мурроха, Дональда Стюарта Мара, О'Кели и О'Хайна; западных военачальников, принца Митла О'Фэлана, Дуланга О'Хартигана. Рядом с носилками, опустив голову на грудь, шла Ивин Грэгли.

Воины поставили носилки. Молча окружили они труп короля Бриана Бору. Безмолвно смотрели они на мертвеца. Ивин опустилась рядом с телом своего возлюбленного. Ни слезинки не уронила она. Ни крика, ни предсмертного стоны не вырвалось из ее груди.

Шум битвы постепенно стихал. Заходящее солнце облило розовым светом истоптанное поле. Беглецы, истерзанные, избитые, ковыляли через дублинские ворота. Воины Ситрака готовились к осаде. Но у ирландцев не было сил осадить город. Четыре тысячи воинов погибли, и большей частью — гаэлы. Но больше семи тысяч датчан и лэйнетов лежали на пропитанной кровью земле. Гаэлы сокрушили викингов. Так закончилось их владычество в этих краях...

Конн же направился к реке. Многочисленные раны его болели. По дороге он столкнулся с Турлофом Дабом. Безумие покинуло Черного Турлофа, и его темное лицо снова стало непроницаемым. Он был измазан кровью с головы до пят.

— Мой господин,— обратился к нему Конн, дойдя до своего ошейника.— Я убил того, кто надел на меня ошейник раба. Теперь я свободен.

Черный Турлоф поднял топор, подцепил кольцо, распиливая мягкий металл. Лезвие топора немного поранило плечо Конна, но воин и не заметил этого.

— Теперь я в самом деле свободен,— объявил Конн, наконец расслабившись.— Мое сердце скорбит о погибших вождях, но слава нашей победе! Когда еще случится подобной битве? Воистину теперь будет пир для воронов.

Его голос стих. Он стоял, как статуя, закинув голову, уставившись в небо. Солнце садилось, и на фоне кровавого заката собирались темные тучи. Пронизывающий ветер согнал их вместе. И тут на их фоне проступила гигантская фигура. Седая борода и лохматые волосы струились по ветру, плащ развевался, как огромные крылья. Фигура неслась на север.

— Посмотрите вверх... в небо! — закричал Конн.— Это он! Ужасный одноглазый Седой. Я видел его в горах в Торке. Я заметил его на стенах Дублина, когда кипела битва. Он стоял над умирающим принцем Муррохом. Смотрите! Он мчится сквозь тучи, оседлав ветер. Он сейчас исчезнет!.. Пропал!..

— Это был Один, бог Морского Народа,— мрачно сказал Турлоф.— Его дети разбиты, алтари разрушены, служители погибли под мечами южан. Он убегает от новых богов и их детей, возвращается на берега голубых северных заливов, породивших его. Больше не будет беспомощных жертв, воющих под кинжалами священников. Больше Один не будет шествовать по черным тучам.— Турлоф мрачно покачал головой.— Седой бог ушел, и нам пора уходить, хоть мы и побе-

дили. Наступают дни сумерек. Странное у меня чувство, будто именно сейчас одна эпоха сменила другую. Но ведь все мы призраки на этой земле, всем нам предстоит уйти!

Турлоф ушел, растворившись в сумерках, предоставив Конна самому себе. Теперь Конн был свободен от рабства, точно так же, как и остальные газлы, которым больше не угрожали ни тень Седого бога, ни его безжалостные слуги.

КОПЬЕ И КЛЫК

Скорчившись у входа в пещеру А-за, с удивлением наблюдала за Га-нором. Ее интересовал Га-нор и то, что он делал. А он, слишком увлекшись своей работой, не замечал девушки. В нише стены горел факел, тускло освещавший всю пещеру. Га-нор трудился при его свете, вычерчивая фигуры на стене. Куском кремня он процарапал контуры, а потом закончил фигуру, подкрасив ее охрой. Кистью ему служила маленькая веточка. Картинка получилась грубой, но в ней был виден гений художника, экспрессия.

Га-нор собирался нарисовать мамонта. Глаза А-за округлились от удивления и восхищения. Потрясающе! Ну и что из того, что у зверя не хватает ноги и нет хвоста? Для дикарки, погруженной в пучину варварства, творчество Га-нора было верхом совершенства.

Однако А-за спряталась среди скудных кустов у входа в пещеру Га-нора не для того, чтобы следить, как он рисует мамонта. Восхищение картинкой было лишь слабым чувством рядом с ее любовью к Га-нору. А первобытный художник был симпатичным: выше шести футов, стройный, с длинными руками и ногами, с могучими плечами и узкими бедрами — телосложением

воина. Черты его лица, резко очерченный в мерцающем свете факела профиль казались утонченными: высокий, широкий лоб, грива светлых волос.

Да и сама А-эа выглядела миленькой. Ее волосы, такие же прекрасные, как ее глаза, были черными и игривыми волнами ниспадали на тонкие плечи. Ее щеки не покрывали татуировки, потому что А-эа еще не вышла замуж.

Оба — и юноша, и девушка, — были совершенными образчиками расы великих кроманьонцев, которая взялась неизвестно откуда, объявила и укрепила силой свою власть над животными.

А-эа, нервничая, огляделась. Обряды, обычаи и табу занимали главенствующее место в жизни дикарей.

И художник, и девушка принадлежали примитивной расе, ревностно чтившей свои обычаи. Порок и распущенность могли быть законом, но внешне их избегали и порицали. Так что если бы А-эу обнаружили спрятавшейся возле пещеры неженатого молодого человека, ее бы публично обвинили в распущенности и выпороли.

А-эа полагалось изображать скромную, сдержанную деву и вызвать у молодого художника интерес к себе, словно невзначай. Потом, если бы молодой человек и впрямь заинтересовался ею, он посватался бы к ней, стал петь грубые песни о любви и наигрывать мелодии на тростниковой дудочке. Потом бы он внес выкуп ее родителям и потом... женился бы на ней. А если влюбленный юноша был богат, то никакого сватовства бы и вовсе не было.

Но маленькая А-эа была себе на уме. Взгляды искоса не привлекли внимание молодого человека, который только и думал, что о своем рисовании, так что девушке пришлось шпионить за ним, в надежде найти какой-нибудь способ завоевать его сердце.

Га-нор отвернулся от своей законченной работы, потянулся и посмотрел на вход в пещеру. Словно испуганный кролик, маленькая А-эа отпрянула и помчалась прочь.

Выйдя из пещеры, Га-нор остановился в замешательстве, разглядывая маленький, изящный след, отпечатавшийся на влажной земле у входа в пещеру.

А-за направилась прямо к своей пещере, которая находилась, как и большинство остальных, вдалеке от пещеры Га-нора. Проходя мимо, она обратила внимание на группу воинов, возбужденно разговаривавших перед пещерой вождя племени.

Простая девушка не заинтересовалась бы собранием мужчин, но А-за была любопытной. Она подобралась поближе. Она услышала слова «след» и «гар-на» — так первобытные люди называли человеко-обезьян.

В лесу, неподалеку от пещер, охотники видели следы гар-на.

«Гар-на»! Это слово вызывало отвращение и ужас у людей пещер, потому что существа, которых называли гар-на, были волосатыми чудовищами, выходцами из другого века, неандертальцами. Страшнее мамонта и тигра, они правили лесами, пока не пришли кроманьонцы — сородичи А-за. Обладая невероятной силой и слабым разумом, яростные гар-на были к тому же каннибалами. Они вселяли в сердца своих врагов ненависть и ужас — ужас, прошедший через века и выродившийся в сказки об орках и гоблинах, волках-оборотнях и диких людях.

Во времена же А-за их осталось немного, но, несмотря на скудость разума, гар-на были хитрыми тварями. Они не бросались с ревом в битву, а действовали хитростью. Человеко-обезьяны крадучись пробирались по лесам, уничтожая всех животных на своем пути. Их примитивный разум мог породить лишь ненависть к людям, которые вытеснили их с лучших охотничьих угодий.

И кроманьонцы выслеживали соплеменников А-за и убивали их, пока люди не загнали их в самые глухие леса. Но люди по-прежнему боялись ужасных тварей, и ни одна женщина не ходила в джунгли в одиночестве.

Дети иногда нарушали этот запрет, и иногда не возвращались. Тогда те, кто отправлялся искать про-

павших, находили следы страшного пира и отпечатки лап — не звериных, но и не человеческих.

А теперь, раз охотники увидели след, нужно было собрать отряд и отправить его на охоту за чудовищем. Иногда ужасные твари бросались в бой и их убивали, иногда они бежали, лишь заслышав приближение охотников, и прятались в отдаленных уголках леса, куда люди не забирались. Однажды охотничий отряд, увлекшись погоней за гар-на, забрался слишком далеко в лес, и там, в глубокой ложбине, где сплетенные ветви закрывают небо, на них напал отряд неандертальцев. В тот раз никто из охотников не вернулся.

А-эа отвернулась и посмотрела на лес. Где-то в ложбине его затаился человеко-зверь. Его свинячьи глазки хитростью сверкали, переполненные ненавистью.

Кто-то заступил путь А-эа. Это оказался Ка-нану — сын советника вождя.

Девушка отвернулась, пожав плечами. Она не любила Ка-нану и боялась его. А юноша, поддразнивая, ухаживал за ней, так, словно он просто забавляется и на самом деле А-эа вовсе ему не интересна. В этот раз Ка-нану, играя, схватил девушку за запястье.

— Не отворачивайся, прекрасная дева, — с усмешкой сказал он. — Это же твой раб — Ка-нану.

— Дай пройти, — ответила она. — Я иду к источнику.

— Тогда я пойду с тобой, моя прекрасная луна, так как по округе рыщет ужасный зверь. Он может напасть на тебя.

И юноша отправится следом за А-эа, несмотря на ее протесты.

— Где-то поблизости бродит гар-на, — серьезно продолжал юноша. — Ты же знаешь закон. Теперь каждую девушку должен сопровождать мужчина для защиты. А я — Ка-нану! — прибавил он совершенно другим тоном. — И не отходи от меня далеко, а то мне придется поучить тебя послушанию.

А-эа кое-что знала о безжалостной натуре этого человека. Многие из девушек племени с интересом по-

глядывали на Ка-нану, потому что он был здоровее и выше Га-нора и более красив. Но А-за любила Га-нора и боялась Ка-нану. Страх перед ним заставлял ее противиться их сближению. Га-нор знал, как обращаться с женщинами, был с ними мягок и заботлив, а Ка-нану гордился своими победами над женскими сердцами и, используя силу, обращался с девушками совершенно невежливо.

Ка-нану казался А-за страшнее, чем зверь, но, пока они шли к источнику, юноша держал ее за руку.

— Моя маленькая антилопа А-за, — шептал он. — Наконец-то я поймал тебя. Теперь ты от меня не сбежишь.

Тщетно она сопротивлялась и умоляла его. Подхватив А-за на руки, юноша быстрым шагом направился в глубь леса.

Девушка начала отчаянно бороться, отговаривая его.

— У меня не хватает сил освободиться, но я опозорю тебя перед всем племенем, — заявила она.

— Тебе меня никогда не опозорить, маленькая антилопа, — возразил юноша, но А-за прочитала другое, более зловещее намерение на его жестоком лице.

Все дальше и дальше в лес уносил он ее. Но вот он остановился посреди полянки, встревоженный чем-то.

Из тени деревьев им навстречу шагнуло огромное чудовище — волосатая, ужасная тварь.

А-за закричала, когда увидела приближающуюся тварь. Ее крик подхватило эхо и разнесло его по лесу. Ка-нану, испугавшись и побледнев, уронил А-за на землю и сказал, чтобы она бежала. А сам, вытащив нож и топор, шагнул вперед.

Неандерталец приблизился, не спеша переставляя свои короткие, кривые ноги. Он весь покрыт был волосами, и черты его лица были более ужасными, чем лик обезьяны, потому что казались гротескной пародией на человека. Плоский нос с вывернутыми ноздрями, скошенный подбородок, клыки, узкий лоб. Огромные длинные руки свисали с покатых, невероят-

ных плеч. Чудовище, словно дьявол, шагнуло к испуганной девушке. Его обезьянья голова едва доставала до плеча Ка-нану, однако он был тяжелее воина по меньшей мере на сотню фунтов.

Он налетел, словно атакующий бык, и Ка-нану смело встретил его. Юноша ударил кремневым топором и обсидиановым кинжалом, но чудовище отмело топор в сторону, словно он был игрушкой. Неандерталец перехватил руку, державшую нож. А-за видела, как чудовище оторвало сына советника от земли и подняло его в воздух. Потом тварь швырнула Ка-нану через поляну, прыгнуло на него и разорвало на части.

Потом неандерталец переключил свое внимание на девушку. Желание зажглось в его ужасных глазах, когда он неуклюже направился к ней. Его огромные, волосатые лапы, потные и окровавленные, потянулись к ней.

Не в силах бежать, девушка лежала на земле, дрожа от ужаса и страха. Чудовище подтащило ее к себе, злобно глядя в глаза А-за. Налюбовавшись, неандерталец перекинул девушку через плечо и переваливаясь пошел к зарослям. Девушка знала, что ужасное создание потащило ее в свое логово, и ни один мужчина не посмеет проникнуть туда, чтобы прийти ей на помощь.

Га-нор спустился к источнику выпить воды. Он видел следы парочки, прошедшей до него этой же тропинкой. Его даже ничуть не взволновало, что не было следов, ведущих обратно, к пещерам.

Для людей того далекого времени следы были все равно, что портреты. Га-нор по следам знал, что мужские следы принадлежали Ка-нану. А другие следы были теми же самыми, что он обнаружил возле своей пещеры. Конечно, Га-нор удивился, но его не слишком-то интересовала жизнь племени. Он жил своими картинами.

Неожиданно женские следы исчезли, а мужчина повернул в сторону джунглей. Теперь его следы были вдавлены намного глубже, чем раньше. Значит, Ка-нану взял девушку на руки.

Га-нор был неглупым человеком. Он знал, что если мужчина уносит девушку в лес — дело нечисто. Если бы она хотела отправиться туда с Ка-нану, она бы пошла сама.

Теперь Га-нор склонен был вмешаться в происходящее. Возможно, другой мужчина, оказавшись он на месте Га-нора, лишь пожал бы плечами и пошел своей дорогой, размышляя о том, что не слишком хорошо ссориться с сыном советника. Но Га-нор имел несколько другие взгляды, ему стало интересно узнать, что же произошло. Более того, хотя он не славился как воин среди своих соплеменников, он никого не боялся.

Проверив топор и нож, заткнутые за пояс, он крепче сжал копье и отправился по следам.

Дальше и дальше, все глубже в лес уносил неандерталец маленькую А-эа.

Лес вокруг стоял безмолвным. Не пели птицы, не жужжали насекомые. Через нависшие над головой деревья не пробивался ни один солнечный луч. Мягкими бесшумными шагами неандерталец несся вперед.

Звери уступали ему дорогу. Огромный питон пересек тропинку, и неандерталец взлетел на дерево со скоростью, удивительной для такого массивного тела. Хотя он не очень-то любил лазить по деревьям, и это не ускользнуло от глаз А-эа.

Раз или два девушка мельком видела других чудовищ, как две капли воды похожих на того, что ее похитил. Очевидно, похититель унес ее далеко от тех мест, где обитало племя А-эа. Другие неандертальцы избегали их. Это еще раз свидетельствовало о том, что живут они, как звери, объединяясь только перед лицом общего врага, что ныне случалось не часто, обычно лишь когда кроманьонцы шли на них войной.

Похититель отнес девушку в свою пещеру — маленькую, плохо освещенную лишь тем светом, что проникал в нее через вход. Неандерталец грубо швырнул ее на пол пещеры. А-эа так и осталась лежать там, слишком испуганная, чтобы встать.

Чудовище наблюдало за ней, напоминая какого-то лесного демона. Оно даже не пыталось объясниться со своей пленницей, как порой делают обезьяны. Неандертальцы не владели членораздельной речью.

Неандерталец предложил девушке мяса, сырого, конечно. Но вместо того чтобы принять приношение, А-эа затрепетала от ужаса. Она увидела, что это рука ребенка. Когда чудовище увидело, что пленница кушать не собирается, оно поело само, разрывая плоть огромными когтями.

Поев, человеко-обезьяна обвила девушку своими огромными лапами, ставя синяки на нежном теле А-эа. Неандерталец запустил пальцы в волосы девушки, и когда он увидел, что причиняет боль своей жертве, глаза его заблестели злодейским весельем. Он вырвал пригоршню волос, казалось, наслаждаясь муками своей пленницы. А-эа крепко сжала зубы и не стала кричать, как вначале, и тогда чудовище прекратило эту забаву.

Потом чудовище заинтересовала одежда А-эа — набдерсиная повязка из шкуры леопарда. Этот зверь был вечным врагом неандертальцев. Сорвав шкуру с бедер девушки, чудовище разорвало ее на части.

А тем временем Га-нор, торопясь, пробирался по лесу. Он почти бежал, и лицо его напоминало лик дьявола, после того как он побывал на залитой кровью поляне и обнаружил следы чудовища, уходящие в глубь джунглей...

Покончив со шкурой, неандерталец снова потянулся к А-эа.

Девушка отскочила. Человеко-обезьяна потянулась за ней. Чудовище загнало А-эа в угол, но девушка поднырнула под руку твари и вывернулась. Но все равно чудовище стояло, отгородив девушку от выхода из пещеры.

Все равно рано или поздно он загонит несчастную в угол, и она не сможет вывернуться от него. Девушка притворилась, что готовится прыгнуть в одну сторону. Неандерталец нагнулся, чтобы броситься в том направ-

лении, и тут девушка быстро, словно кошка, прыгнула в другую сторону, метнулась мимо чудовища и выскочила из пещеры.

Ужасная тварь с ревом метнулась за ней следом. Камень вывернулся из-под ее ноги, и А-за полетела головой вперед, даже не успев выставить вперед руку. Когда чудовище снова потащило ее в пещеру, она закричала яростно, испуганно, без надежды в голосе. Так кричит лишь женщина, попавшая в лапы к зверю.

Га-нор услышал крик, когда начал спускаться в расселину, где пряталась пещера. Он быстро и осторожно двинулся вперед. Заглянув в пещеру, он пришел в бешенство. В тускло освещенной пещере застыл огромный неандерталец. Его свинячьи глазки уставились на жертву. Он был огромным и от него пахло свежей кровью. У ног чудовища лежала молодая девушка, чье белое тело выглядело контрастно на фоне косматого чудовища, сжимавшего в лапе волосы девушки.

Неожиданно неандерталец взвыл, бросил свою жертву и обернулся. И Га-нор не стал состязаться в грубой силе с мощью чудовища, а, отскочив назад, выскользнул из пещеры. Его копые взлетело, и чудовище взвыло, когда копые пронзило его лапу. Еще раз отскочив, воин вырвал копые из тела врага. Снова неандерталец бросился вперед, и снова Га-нор отскочил, поразив копьём могучую, волосатую грудь чудовища. Так они и сражались: скорость и разум против грубой силы и дикой мощи.

Один раз огромная рука чудовища, хлестнув по воздуху, достала Га-нора, задев его за плечо, и отшвырнула его на дюжину футов. Рука отказалась повиноваться юноше. Неандерталец бросился на него, но Га-нор успел откатиться в сторону и снова вскочить на ноги. Снова и снова острие копья окрашивалось кровью чудовища, но это лишь больше и больше раззадоривало ужасную тварь.

Затем, неожиданно для себя, воин уперся спиной в стену расщелины. Он услышал, как вскрикнула А-за,

когда чудовище бросилось вперед. Копье было вырвано из рук юноши, и он оказался в объятиях врага. Огромные лапы сдавили шею и плечи юноши, гигантские клыки потянулись к его горлу. Упершись рукой в подбородок своего противника, юноша свободной рукой стал изо всех сил бить чудовище по морде. Такие удары оглушили бы обычного человека, но неандерталец их даже не замечал.

Га-нор чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Ужасные руки все сильнее сжимали его тело, угрожая сломать ему шею. Через плечо своего противника он увидел, как, сжимая в руках камень, сзади к чудовищу подбирается А-эа.

Прилагая невероятные усилия, юноша дотянулся до своего топора. Но тела противников так тесно прижались друг к другу, что юноша не мог вытащить оружие. Казалось, неандерталец собирается просто-напросто раздавить своего врага. Но локоть Га-нора по-прежнему упирался в шею чудовища, и чем сильнее оно сдавливало юношу, тем глубже впивался в шею твари локоть молодого охотника. И вот, не в силах больше терпеть боль, зверь отшвырнул от себя человека. И тут же одним быстрым движением Га-нор выхватил топор и, ударив изо всех сил, расколол голову чудовищу.

С минуту, пошатываясь, стоял Га-нор над своим врагом, а потом почувствовал мягкие прикосновения и увидел милое личико.

— Га-нор! — прошептала А-эа, и юноша обнял девушку.

— Я сберегу ту, за которую сражался, — прошептал он.

Так все и было. Девушка, унесенная в лес на руках похитителя, вернулась назад рука об руку с любимым.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
к 1-8 ТОМАМ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
РОБЕРТА ГОВАРДА

	Том	стр.
Альмарик	7	228
Боги Севера	6	51
Бой без правил	3	377
Бойцы побережья	3	239
Брат бури	2	6
Брекенридж Экинс и налоги	2	282
Бульдожья порода	3	152
Великодушие настоящего мужчины	3	452
Викинги в боксерских перчатках	3	284
Возвращение чемпиона	3	60
Воин снегов	7	4
Воительница	4	116
Врата империи	6	289
Генерал Стальной Кулак	3	354
Грохот труб	8	352

Двое против Тира	6	61
Десница судьбы	1	39
Дети Ашшур	1	424
Долина сгинувших	8	327
Дом, окруженный дубами	8	305
Дорога Бозмунда	6	334
Дорога в Азраэль	6	163
Дочь Эрлик-хана	5	279
Живущие на черном побережье	7	396
Замок дьявола	1	380
Затерянная Долина Искандера	5	362
Злость моряка	3	175
Змеиная яма	3	131
Знак огня	5	5
Из глубины	7	408
Испанское золото	4	418
Кели-колдун	7	435
Китайские забавы	3	332
Клинки братства	1	213
Клинки для Франции	4	157
Кобра из сна	8	279
Копье и клык	8	417
Кордова ковбоев не жалует	2	252
Королевская служба	4	205
Край, где заходит солнце	4	52
Кровь Богов	5	435
Крылья в ночи	1	302
Куда ушел седой бог	8	378
Кулак и клык	3	197
Кулаки пустыни	3	92
Кулачный боец	3	260
Лев Тивериады	6	209
Лихие дела в Красном Куруаре	2	297
Луна Замбибве	8	235

Луна черепов	1	113
Мертвые помнят	7	425
Мечь черного Вудми	4	335
Мечи красного братства	4	252
Мирный странник	2	363
Моряк Костиган и свами	3	396
Нехт Самерхенд	6	131
Нож, пуля и петля	4	465
Ночь битвы	3	309
Остров смерти	4	382
Отлитые из железа	3	5
Перестук костей	1	100
По правилам Акулы	3	412
Победитель получит все	3	220
Повелитель мертвых	8	109
Повелитель Самарканда	6	245
Погибель Деймода	8	272
Под пологом кровавых теней	1	48
Подруга смерти	4	184
Пока клубится дым	2	389
Появление Аль-Борака	5	190
Пришелец из тьмы	8	287
Проклятие океана	7	417
Разбитые кулаки	3	433
Рождающие гром	6	357
Серенада Жеваного Уха	2	330
Скачущий-с-Громом	6	409
След Гунна	4	228
Страна Кинжалов	5	201
Сын Белого Волка	5	400
Тень Вальгары	6	78
Тигры морей	4	6

Ужас из кургана	7	439
Ужас пирамиды	1	349
Хозяин Судьбы	8	6
Холмы смерти	1	263
Черепя среди звезд	1	21
Черная книга	8	153
Черный Канаан	8	192
Честь корабля	3	470
Шествующий из Вальгаллы	6	436
Элкины не сдаются	2	418
Ястреб Басти	1	399
Ястребы над Египтом	6	5

СОДЕРЖАНИЕ

ХОЗЯИН СУДЬБЫ

Хозяин судьбы
(Перевод с англ. Г. Усовой) 6

Повелитель мертвых
(Перевод с англ. И. Буровой) 109

Черная книга
(Перевод с англ. А. Курич) 153

ЧЕРНЫЙ КАНААН

Черный Канаан
(Перевод с англ. А. Лигина) 192

Луна Замбидве
(Перевод с англ. А. Лигина) 235

Погибель Дэймода
(Перевод с англ. А. Лигина) 272

Кобра из сна
(Перевод с англ. А. Лигина) 279

Пришелец из тьмы
(Перевод с англ. А. Лигина) 287

Дом, окруженный дубами
(Перевод с англ. А. Лигина) 305

Долина сгинувших
(Перевод с англ. В. Федорова) 327

Грохот труб
(Перевод с англ. В. Федорова) 352

Куда ушел седой бог
(Перевод с англ. А. Курич) 378

Копье и клык
(Перевод с англ. А. Лигина) 417

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 427

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД

*Собрание сочинений
в восьми томах*

Том восьмой

●
Ответственный редактор
Е. Артемьева

Художественные редакторы
В. Андреева, И. Марев

Технический редактор
Л. Платонова

Корректор
Л. Быстрова

Компьютерная верстка
М. Кузнецов

●
Изд. № 0204002.

Подписано в печать 04.03.04 г.

Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Балтика». Печать высокая.

Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 20,23.

Заказ № 0410270.

ТЕРРА—Книжный клуб,
115093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

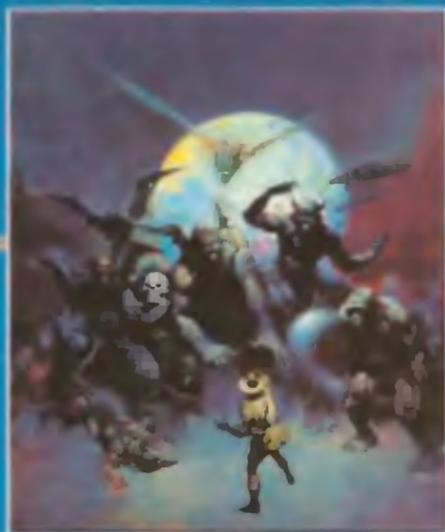

РОБЕРТ ГОВАРД

ТОМ 8

ХОЗЯИН СУДЬБЫ

С незапамятных времен в разных уголках земли затаился древний ужас, и лишь самым отважным под силу противостоять надвигающемуся кошмару — победить китайского колдуна, властителя снов, остановить чернокожих магов, в дебрях Миссисипи поклоняющихся чудовищному зверю, открыть тайну ушедшего под землю племени...

ISBN 5-275-01003-6

9 785275 010039

